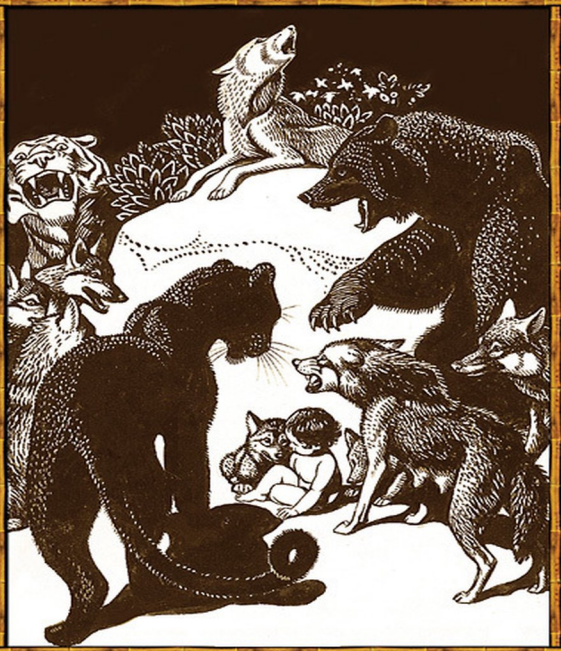
Редьярд Киплинг



Книга Джунглей

Книга Джунглей (сборник)
Редьярд Джозеф Киплинг

Аннотация
Джозеф Редьярд Киплинг. Книга джунглей
Первая Книга
Предисловие автора
Братья Маугли
Охота питона Каа
Тигр! Тигр!
Белый котик
Рикки-Тикки-Тави
Маленький Тумаи
Слуги ее величества
Вторая Книга
Как в джунгли пришел страх
Чудо Пуруна Бхагата
Нашествие джунглей
Могильщики
Королевский анкас
Квикверн
Рыжие собаки
Весна
Стихотворения
Пыль

Томлинсон

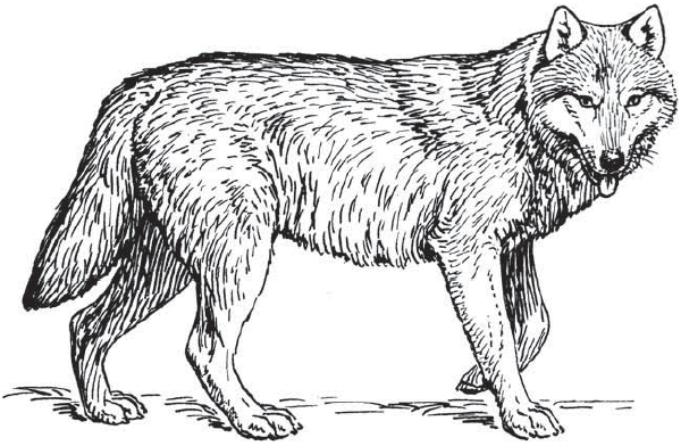
Аннотация

Маленький индийский мальчик был разлучен с родителями во время нападения на их небольшую деревушку. Одинокого, потерянного малыша приютило у себя волчье семейство. Человеческий детеныш, нареченный именем Маугли, проделает длинный путь от неуклюжего «лягушонка» до вожака волчьей стаи. Непросто выжить человеку в непролазных джунглях, даже имея таких учителей, как изящная пантера, мудрый питон и огромный медведь. Малышу предстоит столкнуться с дикими собаками и ловкими обезьянами, спастись от огромной белой кобры, пережить небывалую засуху, а также сразиться в смертельной схватке со своим злейшим врагом – могучим тигром Шер Ханом.

Перевод: Евгения Чистякова-Вэр

Джозеф Редьярд Киплинг
Книга джунглей

Первая Книга



Предисловие автора

Конечно, сочинение такого рода, как это, требует со стороны редактора обращения к любезности многочисленных специалистов. И плохо отплатил бы он за доброе к себе отношение, если бы не признал себя в долгу перед многими лицами.

Прежде всего, он должен поблагодарить высокоученого и талантливого Бахадур Шаха, грузового слона № 174 по списку Индии, который так же, как и его милейшая сестра, Пудмини, в высшей степени любезно сообщили историю Маленького Тумаи и большую часть материала для рассказа «Слуги ее величества». Сведения для приключения Маугли собирались мало-помалу в различные периоды времени, в различных местах и из уст многих лиц, большая часть которых пожелала сохранить полную анонимность. Тем не менее, находясь в такой дали от них, редактор решается выразить свою признательность одному индусскому высокородному джентльмену, обитателю откосов Джакке, за его убедительную, хотя и несколько сатирическую, характеристику его же собственной касты жрецов (служителей

храма). Сахи, ученый, неутомимый ревностный исследователь, входивший в состав недавно рассеявшейся сионийской стаи, и артист, прославившийся на большинстве местных сельских ярмарках Южной Индии, где его танцы в наморднике привлекают к нему всю иную прекрасную и культурную часть населения, доставил ценные данные о многих племенах, их нравах и обычаях. Сведения эти вошли в рассказы: «Тигр! Тигр!», «Охота питона Каа» и «Братья Маугли». За абрис для «Рикки-Тикки-Тави» редактор остается в долгу перед одним из главных герпетологов Верхней Индии, бесстрашным и независимым исследователем, который, приняв девиз: «Лучше не жить, но непременно знать», — недавно лишился жизни, вследствие усердного изучения пород ядовитых змей, водящихся в наших дальневосточных владениях. Счастливая случайность дала редактору возможность во время путешествия на пароходе «Императрица Индии» оказать небольшую услугу одному из своих спутников. Как богато был он вознагражден за эту жалкую услугу, о том прочитавшие рассказ «Белый котик» могут судить сами.

Братья Маугли

В Сионийских горах наступил очень жаркий вечер. Отец Волк проснулся после дневного отдыха, зевнул, почесался и одну за другой вытянул свои передние лапы, чтобы прогнать из них остаток тяжести. Волчица Мать лежала, прикрыв своей большой серой мордой четверых барахтавшихся, повизгивавших волчат, а в отверстие их пещеры светила луна.

— Огур!.. — сказал Отец Волк. — Пора мне идти на охоту.

И он уже готовился пуститься по откосу горы, когда маленькая тень с пушистым хвостом показалась подле входа в пещеру и жалобно провизжала:

— Пусть тебе сопутствует удача, о вождь волков, пусть судьба даст твоим благородным детям сильные, белые зубы; пусть счастье улыбается им. И да не забывают они голодных!

Говорил шакал Табаки, лизоблюд. Волки Индии презирали Табаки за то, что он всем причинял неприятности, сплетничал и поедал тряпье и лоскутья кожи на сельских свалках мусора. Вместе с

тем, в джунглях боялись его, потому что шакалы способны сходить с ума, а в таком состоянии они забывают всякий страх, бегают по лесам и кусают всех, кого встречают. Когда маленький шакал сходит с ума, даже тигр прячется от него. Ведь для дикого создания безумие величайший позор! Мы называем эту болезнь водобоязнью, в джунглях же ее считают дивани — безумием.

— Войди же и посмотри, — сухо сказал ему Отец Волк, — только в пещере нет ничего съедобного.

— Для волка — нет, — ответил Табаки, — но для такого скромного создания, как я, даже обглоданная кость — великолепный пир. Что такое мы, Джидурлог — племя шакалов, — чтобы выбирать и пробовать?

Мелкими шажками он вбежал в самую глубь пещеры, отыскал там оленью кость с остатками мяса, присел и принялся с наслаждением ее грызть.

— Прими великую благодарность за прекрасное угощение, — сказал он, облизываясь. — Какие красавцы, благородные дети! Какие у них большие глаза! А еще такие юные. Впрочем, что я? Мне следовало помнить, что королевские дети с первого дня своей жизни — взрослые.

Табаки, как и все остальные, отлично знал,

что похвалы, сказанные детям в лицо, приносят им несчастье, и ему было приятно видеть, что волки-родители встревожились.

Табаки посидел, молча радуясь, что он сделал им неприятность, потом презрительно сказал:

— Шер Хан переменил место охоты. Он сказал мне, что всю следующую луну будет охотиться в этих горах.

Шер Хан был тигр, живший в двадцати милях от пещеры близ реки Венгунга.

— Он не имеет на это права, — сердито начал Отец Волк. — По Законам Джунглей — он не имеет права без предупреждения менять место охоты. Он распугает всю дичь на десять миль, а мне… мне предстоит охотиться эти два дня.

— Недаром мать Шер Хана назвала его Лунгри, хромым, — спокойно заметила волчица. — Он хромает со дня рождения и потому всегда убивал только домашний скот. В деревне Венгунга сердятся на него, а теперь пришел сюда, чтобы раздражать «наших людей». Они обыщут джунгли, когда он убежит, и нам с детьми придется спасаться от подожженной ими травы. Действительно, мы можем поблагодарить Шер Хана.

— Передать ему вашу благодарность? — спро-

сил Табаки.

— Прочь! — лязгнув зубами, сказал Отец Волк. — Прочь, ступай охотиться со своим господином. Достаточно неприятностей наговорил нам ты.

— Я уйду, — спокойно ответил Табаки. — Слышите, в чащах рычит Шер Хан? Я мог бы даже и не говорить вам о нем.

Отец Волк прислушался; в долине, которая спускалась к ручью, раздалось сухое, злобное, продолжительное ворчание ничего не поймавшего тигра, которому не стыдно, что все в джунглях узнали о его неудаче.

— Глупец, — сказал волк. — Он начинает работу с таким шумом! Неужели он думает, что наши олени похожи на его откормленных быков?

— Тсс! Сегодня он охотится не на оленя и не на быка, — сказала волчица. — Его дичь — человек.

Ворчание превратилось в громкое рычание, которое, казалось, неслось со всех сторон. Именно этот звук заставляет терять рассудок спящих под открытым небом дровосеков и цыган; именно слыша его, они иногда бросаются прямо в пасть тигра.

— Человек, — сказал Отец Волк, оскалив свои белые зубы. — Фу! Неужели в болотах мало водя-

ных жуков и лягушек, чтобы он еще ел человека, да еще в наших местах.

Закон Джунглей, никогда не приказывающий чего-либо беспричинно, позволяет зверям есть человека, только когда зверь убивает его, желая показать своим детям, как это надо делать, но тогда он должен охотиться вне мест охоты своей стаи или племени. Настоящая причина этого состоит в том, что вслед за убийством человека, рано или поздно, являются белые на слонах и с ружьями и сотни коричневых людей с гонгами, ракетами и факелами. И все в джунглях страдают. Однако между собой звери говорят, что Закон запрещает убивать человека, потому что он самое слабое и беззащитное изо всех живых созданий, и, следовательно, трогать его недостойно охотника. Кроме того, они уверяют — и справедливо, — что людоеды страшно худеют и теряют зубы.

Рычание стало громче и вдруг послышалось: «ар-р-р», короткий крик падающего тигра.

— Он промахнулся, — сказала Волчица Мать. — Что там?

Было слышно, что Шер Хан со свирепым ворчанием бросается от одного куста к другому.

— У этого глупца так мало смысла, что он прыгнул на костер дровосека и обжег себе ла-

пы, — сказал Отец Волк. — С ним и Табаки.

— А кто поднимается по откосу? — спросила Волчица Мать и насторожила одно ухо. — Приготовься!

В чаще зашелестели листья. Волк осел на задние лапы, собираясь броситься на добычу. Потом, если бы вы наблюдали за ним, вы увидели бы самую удивительную вещь на свете: волка, остановившегося на половине прыжка. Еще не увидав, на что он кидается, зверь прыгнул и в ту же минуту постарался остановиться. Вследствие этого он поднялся на четыре или пять футов от земли и упал на лапы, почти на то самое место, с которого начал нападение.

— Человек, — коротко сказал он, — детеныш человека! Смотри.

Как раз против волка, держась за одну из низких веток, стоял маленький, совершенно обнаженный, коричневый мальчик, только что научившийся ходить, весь мягонький, весь в ямочках. Он посмотрел прямо в глаза волку и засмеялся.

— Так это человеческий детеныш, — сказала Волчица Мать. — Я никогда не видала их. Дай-ка его сюда.

Волк, привыкший переносить своих волчат, в

случае нужды может взять в рот свежее яйцо, не разбив его, а потому, хотя челюсти зверя схватили ребенка за спинку, ни один его зуб не оцарапал кожи маленького мальчика. Отец Волк осторожно положил его между своими детенышами.

— Какой маленький! Совсем голенький! И какой смелый, — мягко сказала Волчица Мать.

Ребенок расталкивал волчат, чтобы подобраться поближе к ее теплой шкуре.

— Ай, да он кормится вместе с остальными! Вот так человеческий детеныш! Ну, скажи-ка: была ли когда-нибудь в мире волчица, которая могла похвастаться тем, что между ее волчатами живет человеческий детеныш?

— Я слышал, что такие вещи случались, только не в нашей стае и не в наши дни, — ответил Отец Волк. — На нем совсем нет шерсти, и я мог бы убить его одним толчком лапы. Но взгляни: он смотрит и не боится.

Лунный свет перестал проникать в отверстие пещеры; большая четырехугольная голова и плечи Шер Хана заслонили свободное отверстие.

А позади тигра визжал Табаки:

— Мой господин, мой господин, он вошел сюда!

— Шер Хан оказывает нам великую честь, —

сказал Волк Отец, но в его глазах был гнев. — Что угодно Шер Хану?

— Сюда вошел детеныш человека, — ответил тигр. — Его родители убежали. Отдай мне его.

Как и говорил волк, Шер Хан прыгнул в костер дровосека и теперь бесновался от боли в обожженных лапах. Но Волк Отец знал, что тигр не мог войти в слишком узкое для него отверстие пещеры. И так уже края боковых камней сдавливали плечи Шер Хана и его лапы сводила судорога; то же самое чувствовал бы человек, если бы он старался поместиться в бочонок.

— Волки — свободный народ, — сказал глава семьи. — Они слушаются вожака стаи, а не какого-нибудь полосатого поедателя домашнего скота. Человеческий детеныш — наш; мы убьем его, если захотим.

— Вы захотите, вы не пожелаете! Что это за разговоры? Клянусь убитым мной быком, я не буду стоять, нюхая вашу собачью будку и прося того, что мне принадлежит по праву. Это говорю я, Шер Хан.

Рев тигра наполнил всю пещеру, как раскаты грома. Волчица Мать стряхнула с себя своих детенышей и кинулась вперед; ее глаза, блестевшие в темноте, как две зеленые луны, глянули прямо

в пылающие глаза Шер Хана.

— Ты говоришь, а отвечаю я, Ракша. Человеческий детеныш мой, хромуля! Да, мой. Его не убьют! Он будет жить, бегать вместе со стаей, охотиться со стаей и в конце концов убьет тебя, преследователь маленьких голых детенышей, поедатель лягушек и рыб! Да, он убьет тебя! А теперь убирайся или, клянусь убитым мной самбхуром (я не ем палого скота), ты, обожженное животное, отправишься к своей матери, хромая хуже, чем в день твоего рождения! Уходи!

Отец Волк посмотрел на нее с изумлением. Он почти позабыл тот день, в который после честного боя с пятью другими волками увел с собой свою подругу; или время, когда она бегала в стае и ее называли Демоном не из одной любезности. Шер Хан мог встретиться лицом к лицу с Волком Отцом, но биться с Ракшей не хотел, зная, что на ее стороне все выгоды и что она будет бороться насмерть. Поэтому со страшным ворчанием он попятился, освободился из входа в пещеру и наконец крикнул:

— Каждая собака лает у себя во дворе! Увидим, что-то скажет сама стая об этом нежничанье с приемышем из человеческого племени! Он — мой и в конце концов попадется мне в зубы,

говорю вам, о вы, пушистохвостые воры!

Волчица, задыхаясь, бросилась обратно к своим волчатам, и Отец Волк серьезно сказал ей:

— В этом отношении Шер Хан прав. Человеческого детеныша надо показать стае. Скажи, ты все еще хочешь оставить его у себя?

— Хочу ли? — произнесла она. — Он — бесшерстый, голодный, пришел ночью, совсем один, а между тем не боялся. Смотри: он оттолкнул одного из моих детей! Этот хромой злодей убил бы его и убежал в Венгунгу; к нам пришли бы люди и в отместку разрушили бы все наши логовища. Оставляю ли я его у себя? Ну, конечно. Лежи, лежи, лягушечка, о ты, Маугли… Да, да, я назову тебя Маугли — лягушка… и когда-нибудь ты будешь охотиться на Шер Хана, как он охотился на тебя.

— Но что-то скажет наша стая? — протянул Отец Волк.

Закон Джунглей очень ясно говорит, что каждый вновь женившийся волк может отделиться от своей стаи; однако едва его волчата вырастут настолько, чтобы хорошо держаться на ногах, он обязан привести их и представить Совету стаи, который обыкновенно собирается в полнолуние; это делается для того, чтобы остальные волки узнали их. После такого осмотра волчата имеют

право бегать куда им угодно и пока они не поймают первого оленя. Для волка, убившего одного из них, нет оправданий. Убийцу наказывают смертью. Подумав хорошенько, вы увидите, что это справедливо.

Отец Волк выждал, чтобы его волчата научились бегать, наконец, в день собрания стаи, взял с собой их, Маугли, Волчицу Мать и отправился к Скале Совета; так называлась вершина холма, вся покрытая большими валунами и камнями, посреди которых могло спрятаться около сотни волков. Акела, большой серый волк-одиночка, благодаря своей силе и хитрости вожак стаи, во всю свою длину растянулся на камне, ниже сидели сорок или больше волков, всех оттенков шерсти — начиная с ветеранов с окраской барсука, которые могли одни вступать в борьбу с диким буйволом, до юных черных трехгодовиков, воображавших, будто такая борьба им по силам. Вот уже целый год Одинокий Волк водил стаю. В дни своей юности Акела два раза попадался в капканы; раз его избили и бросили, считая мертвым, — поэтому он знал обычаи и уловки людей. Мало было разговоров. Волчата возились и кувыркались в центре кольца, которое составляли их матери и отцы; время от времени один из старших волков

спокойно подходил к какому-нибудь волчонку, внимательно осматривал его и, бесшумно ступая, возвращался на прежнее место. Иногда та или другая волчица выталкивала носом своего детеныша в полосу лунного света, желая, чтобы его непременно заметили. Акела же со своей скалы восклицал:

— Вы знаете Закон, вы знаете Закон! Хорошенько смотрите, о волки!

И протяжный тревожный вой матерей подхватывал:

— Смотрите, хорошенько смотрите, о волки!

Наконец — ив эту минуту на шее Ракши поднялась высокая щетина — Отец Волк вытолкнул Маугли-лягушку, как они назвали мальчика, на самую середину открытого пространства, и он уселся там и стал со смехом играть камешками, блестевшими при лунном свете.

Акела не поднял головы, продолжая монотонно выкрикивать:

— Смотрите хорошенько!

Из-за скалы послышалось глухое рыканье — голос Шер Хана. Тигр кричал:

— Детеныш — мой. Отдайте его мне. Зачем Свободному Народу детеныш человека?

Акела даже ухом не шевельнул. Он только

протянул:

— Смотрите хорошенько, о волки. Разве Свободному Народу есть дело до чьих-либо заявлений, кроме постановлений Свободного Народа? Хорошенько смотрите.

Послышались тихие, недовольные, ворчащие голоса; один молодой волк, которому шел четвертый год, бросил Акеле вопрос тигра:

— Что делать Свободному Народу с детенышем человека?

Надо заметить, что в силу постановлений Закона Джунглей, в случае споров относительно права вступления какого-нибудь детеныша в стаю, за его принятие должны высказаться по крайней мере двое из стаи, но не его отец или мать.

— Кто за этого детеныша? — спросил Акела. — Кто из Свободного Народа высказывается за его вступление в стаю?

Ответа не было, и Волчица Мать приготовилась к бою, который, она знала, будет для нее последним.

Тогда Балу, не принадлежавший к роду волков, но которого допускают в Совет стаи, старый Балу, сонный бурый медведь, преподающий волчатам Закон Джунглей, имеющий право расхаживать повсюду, потому что он ест только орехи, коренья

и мед, поднялся на задние лапы и проревел:

— Человеческий детеныш?.. Человеческий детеныш? Я высказываюсь за него. В нем нет ничего дурного. Я не обладаю даром слова, но говорю правду. Пусть он бегает вместе со стаей; примите его вместе с остальными. Я буду учить его!

— Нам нужен еще голос, — сказал Акела. — Балу высказался, а ведь он учитель наших молодых волков. Кто, кроме Балу, подаст голос за человеческого детеныша?

Стройная тень скользнула в кольцо волков. Это была Багира, черная пантера, вся черная как чернила, но с пятнами, видными как водяные клейма при известном освещении. Все знали Багиру и все боялись становиться ей поперек дороги, потому что она была хитра, как Табаки, мужественна, как дикий буйвол, неудержима, как раненый слон. Тем не менее ее голос звучал мягко, точно звук падающих с дерева капель дикого меда, а ее шерсть была нежнее лебяжьего пуха.

— О Акела, и ты, Свободный Народ, — промурлыкала она, — я не имею права голоса в ваших собраниях, но Закон Джунглей говорит, что в случае сомнений, возникших относительно нового детеныша, сомнений, не касающихся охоты, его жизнь можно купить за известную цену. И

Закон не определяет, кто может и кто не может заплатить за сохранение его жизни. Правильно ли я говорю?

— Правильно, правильно, — ответили вечно голодные молодые волки. — Слушайте Багиру. Детеныша можно купить за известную цену. Так говорит Закон.

— Я знаю, что не имею здесь права голоса, а потому прошу у вас позволения говорить.

— Говори, — послышалось двадцать голосов.

— Позорно убить безволосого детеныша. Кроме того, он может вам пригодиться, когда вырастет. Балу говорил в его пользу, а если вы согласитесь принять человеческого детеныша, я к словам Балу прибавлю только что убитого мной молодого и очень жирного быка, который лежит меньше чем в полумиле отсюда. Трудно ли принять решение?

Поднялся гул голосов, звучало:

— Стоит ли рассуждать? Он умрет от зимних дождей; солнце сожжет его! Какой вред может принести нам безволосая лягушка? Пусть себе бегает со стаей. А где бык, Багира? Примем детеныша!

И все закончил глубокий лающий голос Акелы:

— Смотрите хорошенько, смотрите хорошенько, о волки!

Внимание Маугли по-прежнему привлекали камешки; он даже не замечал, что волки один за другим подходили и осматривали его. Наконец все спустились к убитому быку; на Скале Совета остались только Акела, Багира, Балу, волки-усыновители Маугли, а в темноте все еще раздавалось ворчание Шер Хана, который сердился, что ему не отдали мальчика.

— Да-да, реви хорошенько себе в усы, — сказала Багира, — придет время, когда человеческий детеныш заставит твой голос звучать другим образом. Это будет так, или я ничего не знаю о людях.

— Вы хорошо сделали! — сказал Акела. — Люди и их щенята очень умны. Со временем он сделается нашим помощником.

— Конечно, он сделается твоим помощником в тяжелую минуту; ведь никто не может надеяться вечно водить стаю, — заметила Багира.

Акела ничего не сказал. Он думал о времени, наступающем для каждого вожака, когда его силы уходят и он все слабеет и слабеет, пока наконец стая не убивает его и не является новый вожак, которого в свою очередь тоже убьют.

— Уведи его, — сказал Акела Отцу Волку, — и воспитай его в правилах Свободного Народа.

Таким-то образом Маугли был введен в сионийскую волчью стаю, благодаря внесенной за него плате и доброму слову Балу.

Теперь вам придется перескочить через десять или одиннадцать лет и самим угадать, какую удивительную жизнь Маугли вел среди волков, потому что, если бы описать ее, это наполнило бы множество книг. Он рос вместе с волчатами, хотя, понятно, они сделались взрослыми волками, когда он еще оставался ребенком. Отец Волк учил его ремеслу и говорил обо всем, что находится и что происходит в джунглях; наконец каждый шелест в траве, каждое легкое дыхание жаркого ночного воздуха, каждое гуканье совы над его головой, легчайший скрип когтей летучей мыши, опустившейся на дерево, каждый плеск прыгающей в крошечных озерках рыбы, — все для мальчика стало так же важно и понятно, как конторская работа для дельца. Когда Маугли не учился, он сидел на солнце, спал, ел и опять спал; когда он чувствовал себя грязным или когда ему бывало жарко, он плавал в естественных лесных прудах; когда ему хотелось меду (Балу сказал мальчику, что мед и орехи так же вкусны, как

и сырое мясо), он взбирался за ним на деревья. Подниматься на высокие стволы его научила Багира. Лежа на высокой ветке, пантера кричала: «Сюда, Маленький Братец», — ив первое время Маугли прижимался к сукам, точно ленивец, но со временем стал перекидываться с одной ветки на другую, почти со смелостью серой обезьяны. Во время собраний стаи он занимал указанное ему место на Скале Совета и в это время открыл, что, когда ему случалось пристально смотреть на какого-нибудь волка, тот невольно опускал глаза. Узнав это, Маугли стал в виде забавы впиваться взглядом в глаза волков. Иногда он вынимал длинные шипы, засевшие между пальцами его друзей, потому что волки страшно страдают от шипов и колючек, попавших в их кожу. По ночам мальчик спускался с горного откоса к возделанным полям и с большим любопытством смотрел на поселян в их хижинах, однако не доверял людям, так как Багира однажды показала ему до того хитро спрятанный в заросли ящик с падающей дверцей, что он чуть не попал в него. Тогда пантера сказала ему, что это ловушка. Больше всего Маугли любил вместе с Багирой уходить в темную, теплую гущу леса, спать там целый день, а ночью наблюдать за охотой черной пантеры.

Голодная, она убивала все, что ей попадалось навстречу, так же поступал и Маугли… с одним исключением. Когда он подрос и его ум развился, Багира сказала ему, чтобы он не смел трогать домашнего скота, так как его жизнь купили ценой жизни быка.

— Вся заросль твоя, — сказала Багира, — и ты можешь охотиться на всякую дичь, которую ты в состоянии убить, но в память о быке, заплатившем за тебя, никогда не убивай или не ешь ни молодого, ни старого домашнего скота. Таков Закон Джунглей.

И Маугли свято повиновался. Он вырастал, делался сильным, как это было бы с каждым, не сидящим за уроками мальчиком, которому не о чем думать, кроме еды. Раза два Мать Волчица сказала ему, что Шер Хану нельзя доверять и что он когда-нибудь должен убить Шер Хана. Молодой волк ежечасно вспоминал бы о совете Ракши, но Маугли позабыл ее слова, ведь он был только мальчик, хотя, конечно, назвал бы себя волком, если бы умел говорить на каком-нибудь человеческом наречии.

Шер Хан вечно попадался на его пути, потому что Акела постарел, стал слабее, и теперь хромой тигр подружился с младшими волками стаи, и

те часто бегали за ним; Акела не допустил бы до этого, если бы прежняя сила дала ему возможность как следует проявлять свою власть. Кроме того, Шер Хан льстил молодым волкам и высказывал удивление, что такие прекрасные молодые охотники добровольно покоряются полуживому вожаку и детенышу человека.

— Мне рассказывали, — говаривал Шер Хан, — что на Скале Совета вы не решаетесь смотреть ему в глаза.

И молодые волки ворчали, поднимая щетину.

Багира, у которой повсеместно были уши и глаза, знала кое-что о таких разговорах и раза два прямо и просто сказала Маугли, что когда-нибудь Шер Хан его убьет; но мальчик смеялся и отвечал:

— У меня стая, у меня и ты, и, хотя Балу ленив, он может в мою защиту нанести лапой несколько ударов. Чего мне бояться?

В один очень жаркий день в мозгу Багиры появилась новая мысль, родившаяся вследствие дошедших до нее слухов. Может быть, Икки, дикобраз, предупредил пантеру; во всяком случае, раз, когда Маугли лежал в глубине джунглей, прижимаясь головой к ее красивой черной шкуре, Багира сказала ему:

— Маленький Брат, сколько раз я говорила тебе, что Шер Хан твой враг?

— Столько, сколько орехов на этой пальме, — ответил Маугли, конечно не умевший считать. — Что же из этого? Мне хочется спать, Багира, а у Шер Хана такой же длинный хвост и такой же громкий голос, как у Мао, павлина.

— Теперь не время спать. Это знает Балу, знаю я, знает стая, знают даже глупые-глупые олени. Табаки тоже говорил об этом тебе.

— Хо, хо! — ответил Маугли. — Недавно ко мне пришел Табаки и стал грубо уверять меня, что я бесшерстный человеческий детеныш, неспособный даже вырывать из земли дикие трюфели, а я схватил шакала за хвост, два раза качнул и ударил о пальму, чтобы научить его вежливости.

— И глупо сделал; правда, Табаки любит мутить, однако он мог сказать тебе многое, близко касающееся тебя. Открой глаза. Маленький Брат, Шер Хан не решается убить тебя в джунглях, но помни: Акела очень стар; вскоре наступит день, когда он окажется не в силах убить оленя, и тогда Одинокий Волк перестанет быть вожаком стаи. Многие из волков, которые осматривали тебя, когда ты впервые был приведен в Совет, тоже состарились, а молодежь верит Шер Хану и думает,

что человеческому детенышу не место среди нас. Скоро ты сделаешься взрослым человеком.

— А разве человек не имеет права охотиться со своими братьями? — спросил Маугли. — Я здесь родился. Я повинуюсь Закону Джунглей, и в нашей стае не найдется ни одного волка, из лап которого я не вынимал бы заноз. Они, конечно, мои братья.

Багира вытянулась во всю длину и прищурила глаза.

— Маленький Братец, — сказала она, — пощупай рукой мою шею под нижней челюстью.

Маугли протянул свою сильную темную руку и там, где исполинские мышцы скрывались под блестящей шерстью, как раз под подбородком пантеры, нащупал маленькое бесшерстное пространство.

— Никто в джунглях не знает, что я, Багира, ношу на себе этот след… след ошейника, а между тем, Маленький Брат, я родилась среди людей, среди людей умерла и моя мать, в клетках королевского дворца в Удейпуре. Вот почему я заплатила за тебя Совету, когда ты был маленьким голым детенышем. Да-да, я тоже родилась среди людей, а не в джунглях. Я сидела за железными брусьями и меня кормили, просовывая между

ними железную чашку; наконец раз ночью я почувствовала, что я, Багира, пантера, а не людская игрушка, одним ударом лапы сломала глупый замок и ушла. Благодаря моему знанию людских обычаев я в джунглях стала ужаснее Шер Хана. Правда это?

— Да, — ответил Маугли, — все в джунглях боятся Багиры, все, кроме Маугли.

— О ты, детеныш человека! — очень нежно промурлыкала пантера. — И как я вернулась в мои джунгли, так и ты в конце концов должен вернуться к людям, к людям — твоим братьям… если тебя раньше не убьют в Совете.

— Но за что же, за что могут меня убить? — спросил Маугли.

— Посмотри на меня, — сказала Багира.

И Маугли взглянул ей прямо в глаза; пантера выдержала только половину минуты, потом отвернулась.

— Вот почему, — сказала она, шевеля своей лапой на листьях. — Даже я не могу смотреть тебе в глаза, хотя родилась среди людей и люблю тебя, Маленький Брат. Другие тебя ненавидят, потому что не могут выдержать твоего взгляда, потому что ты разумен, потому что ты вынимал колючки из их лап, потому что ты — человек.

— Я этого не знал, — мрачно проговорил Маугли, и его черные брови сдвинулись.

— Что говорит Закон Джунглей? Прежде ударь, потом говори. Сама твоя беззаботность показывает, что ты человек. Но будь мудр. В сердце я чувствую, что, когда Акела упустит свою добычу (а с каждым днем ему делается все труднее останавливать оленей), стая обратится против него и против тебя. Они соберут Совет на скале, и тогда, тогда… Ага, придумала! — сказала Багира и одним прыжком очутилась на четырех лапах. — Скорей беги в долину к человеческим хижинам и возьми частицу Красного Цветка, который они разводят там; у тебя в свое время будет друг сильнее меня, сильнее Балу, сильнее всех, кто тебя любит. Достань Красный Цветок.

Под Красным Цветком Багира подразумевала огонь; ни одно создание в джунглях не произносит этого слова. Дикие животные смертельно боятся пламени и придумывают для него сотни разных названий.

— Красный Цветок? — спросил Маугли. — Я знаю, в сумраке он вырастает подле их хижин. Я принесу его.

— Это настоящая речь человеческого детеныша, — с гордостью сказала Багира. — Но помни:

он растет в маленьких горшочках. Добудь один из них и всегда храни его на случай нужды.

— Хорошо, — сказал Маугли, — иду. Но уверена ли ты, о моя Багира, — он обнял рукой прекрасную шею пантеры и глубоко заглянул в ее большие глаза, — уверена ли ты, что все это дела Шер Хана?

— Клянусь освободившим меня сломанным замком, — уверена, Маленький Брат!

— В таком случае, клянусь купившим меня быком, что я отплачу за все Шер Хану и, может быть, с избытком! — крикнул Маугли и кинулся вперед.

— Да, он человек. Это совершенно по-человечески, — сказала Багира, снова ложась. — О Шер Хан, в мире никогда не бывало такой неудачной охоты, как твоя охота на эту лягушку десять лет тому назад.

Маугли пересекал лес; он бежал быстро; в его груди горело сердце. Когда поднялся вечерний туман, он подошел к родной пещере, перевел дух и посмотрел вниз на деревню. Молодые волки ушли, но Волчица Мать, лежавшая в глубине логовища, по дыханию мальчика угадала, что ее лягушонок чем-то взволнован.

— Что тебя тревожит, сынок? — спросила она.

— Болтовня о Шер Хане, — ответил он. — Сегодня ночью я иду охотиться среди вспаханных полей.

Маугли нырнул в чащу и побежал к реке, протекавшей в глубине долины. Тут он остановился, услышав охотничий вой своей стаи, крик преследуемого самбхура и его фырканье; очевидно, он остановился, собираясь отбиваться. Тотчас же послышался злобный, полный горечи вой молодых волков:

— Акела! Акела! Одинокий Волк, покажи свою силу! Место вожаку стаи! Бросайся!

Вероятно, Одинокий Волк прыгнул и промахнулся: Маугли услышал лязг его зубов и короткий лай, вырвавшийся у него из горла, когда олень опрокинул его передней ногой. Маугли не стал ждать больше, а побежал; и по мере того, как он углублялся в возделанные поля, где жили люди, позади него вой затихал.

«Багира сказала правду, — задыхаясь, подумал Маугли и угнездился в кормушке для скота близ окна одной хижины. — Завтра наступит важный день для Акелы и для меня».

Прижимаясь лицом к окну и глядя на пламя очага, мальчик увидел, как жена хозяина дома поднялась и стала в темноте бросать в огонь

какие-то черные кусочки; когда же пришло утро и дымка тумана побелела и сделалась холодной, маленький ребенок взял сплетенную из веток чашку, внутри вымазанную глиной, наполнил ее тлеющими угольями, прикрыл своим одеялом и вышел с нею из хижины, направляясь к коровам в загоне.

— И все? — прошептал Маугли. — Если это может сделать детеныш — нечего бояться!

Он обогнул угол дома, встретил мальчика, вырвал у него из рук чашку и скрылся в тумане. А мальчик громко кричал и плакал от ужаса.

— Они очень похожи на меня, — сказал Маугли, раздувая угли, как при нем это делала женщина. — Эта вещь умрет, если я не покормлю ее, — и он подбавил сухих веток и коры в красные угли.

На половине горного склона Маугли встретил Багиру; капли утренней росы сверкали на ее черной шерсти, как лунные камни.

— Акела промахнулся, — сказала пантера, — его убили бы в эту ночь, но им нужен также ты. Тебя искали на горе.

— Я был среди вспаханных земель. Я готов. Смотри!

Маугли поднял чашку.

— Хорошо. Слушай: я видела, что люди опускают в эту красную вещь сухие ветки, и тогда на них расцветает Красный Цветок. Тебе не страшно?

— Нет, чего бояться? Теперь я помню (если это не сон), как раньше, чем я сделался волком, я лежал подле Красного Цветка и мне было так тепло и приятно.

Весь этот день Маугли просидел в пещере, он смотрел за углями, опускал в чашку сухие ветки и наблюдал за ними. Одна ветка особенно понравилась мальчику, и когда вечером в пещеру пришел Табаки и довольно грубо сказал ему, что его требуют на Скалу Совета, он засмеялся и

хохотал так, что Табаки убежал. Все еще смеясь, Маугли пошел к месту собрания стаи.

Акела лежал подле своего бывшего камня в знак того, что место вожака открыто, а Шер Хан со своей свитой волков, питавшихся остатками его пищи, не скрываясь, расхаживал взад и вперед. Ему льстили, и он не боялся. Багира легла подле Маугли, который зажал между своими коленями чашку. Когда все собрались, заговорил Шер Хан; он не осмелился бы сделать этого во времена расцвета силы Акелы.

— Он не имеет права говорить, — прошептала Багира Маугли. — Скажи это. Он собачий сын. Он испугается!

Маугли поднялся на ноги.

— Свободный Народ, — громко прозвучал его голос. — Разве Шер Хан водит стаю? Какое дело тигру до места нашего вожака?

— Ввиду того, что это место еще свободно, а также помня, что меня просили говорить… — начал Шер Хан.

— Кто просил? — сказал Маугли. — Разве мы шакалы и должны прислуживать мяснику, убивающему домашний скот? Вопрос о вожаке стаи касается только стаи.

Раздался визг, вой; голоса кричали:

— Молчи ты, щенок человека!

— Дайте ему говорить. Он хранил наш Закон!

Наконец прорычали старшие волки:

— Пусть говорит Мертвый Волк.

Когда вожак стаи не убивает намеченной добычи, весь остаток жизни (обыкновенно очень короткий) недавнего предводителя зовут Мертвым Волком.

Усталым движением Акела поднял свою старую голову.

— Свободный Народ и вы, шакалы Шер Хана! Двенадцать лет я водил вас на охоту и с охоты, и за все это время никто, ни один волк не попался в ловушку и не был изувечен. Теперь я упустил добычу. Вам известно, как был выполнен заговор. Вы знаете, что меня привели к крепкому самбхуру, чтобы показать всем мою слабость. Задумали умно! Вы вправе убить меня теперь же на Скале Совета. Поэтому я спрашиваю вас: кто выйдет, чтобы покончить с Одиноким Волком? В силу Закона Джунглей вы должны выходить по одному.

Наступило продолжительное молчание; никто из волков не хотел один на один насмерть бороться с Акелой.

Наконец Шер Хан проревел:

— Ба, какое нам дело до этого беззубого глупца?

Он и так скоро умрет. Вот детеныш человека прожил слишком долгое время. Свободный Народ, с первой же минуты его мясо было моим. Отдайте его мне! Мне надоело все это безумие. Десять лет он смущал джунгли. Дайте мне человеческого детеныша. В противном случае я всегда буду охотиться здесь, не оставляя вам ни одной кости. Он человек, человеческое дитя, и я ненавижу его до мозга моих костей.

И более половины стаи завыло:

— Человек! Человек! Человек! Что делать у нас человеку? Пусть уходит откуда пришел.

— И обратит против нас все население окрестных деревень? — прогремел Шер Хан. — Нет, отдайте его мне! Он человек, и никто из нас не может смотреть ему в глаза.

Акела снова поднял голову и сказал:

— Он ел нашу пищу, спал рядом с нами, он загонял для нас дичь. Он не нарушил ни слова из Закона Джунглей.

— И я заплатила за него жизнью быка, когда он был принят. Бык вещь неважная, но честь Багиры нечто иное, за что она, может быть, будет биться, — самым мягким голосом произнесла черная пантера.

— Бык, внесенный в виде платы десять лет

тому назад? — послышались в стае ворчащие голоса. — Какое нам дело до костей, которым минуло десять лет?

— Или до честного слова? — сказала Багира, оскалив белые зубы. — Правильно вас зовут Свободным Народом!

— Человеческий детеныш не имеет права охотиться с жителями джунглей, — провыл Шер Хан. — Дайте его мне!

— Он наш брат по всему, кроме рождения, — продолжал Акела. — А вы хотите его убить! Действительно, я прожил слишком долго. Некоторые из вас поедают домашний скот, другие же, наученные Шер Ханом, пробираются в темные ночи в деревни и уносят детей с порогов хижин. Благодаря этому я знаю, что вы трусы, и с трусами я говорю. Конечно, я должен умереть, и моя жизнь не имеет цены, не то я предложил бы ее за жизнь человеческого детеныша. Но во имя чести стаи (вы забыли об этом маленьком обстоятельстве, так как долго были без вожака) обещаю вам: если вы отпустите человеческого детеныша домой, я умру, не обнажив против вас ни одного зуба. Я умру без борьбы. Благодаря этому в стае сохранится по крайней мере три жизни. Больше я ничего не могу сделать; однако, если

вы согласны, я спасу вас от позорного убийства брата, за которым нет вины, брата, принятого в стаю по Закону Джунглей после подачи за него двух голосов и уплаты за его жизнь.

— Он человек, человек, человек! — выли волки, и большая их часть столпилась около Шер Хана, который начал размахивать хвостом.

— Теперь дело в твоих руках, — сказала Багира Маугли. — Нам остается только биться.

Маугли держал чашку с углями; он вытянул руки и зевнул перед лицом Совета, но его переполняли ярость и печаль, потому что, по своему обыкновению, волки до сих пор не говорили ему, как они его ненавидят.

— Слушайте, вы, — закричал он, — зачем вам тявкать по-собачьи? В эту ночь вы столько раз назвали меня человеком (а я так охотно до конца жизни пробыл бы волком среди волков), что теперь чувствую истину ваших слов. Итак, я больше не называю вас моими братьями; для меня вы собаки, как для человека. Не вам говорить, что вы сделаете, чего не сделаете. За вас буду решать я, и чтобы вы могли видеть это яснее, я, человек, принес сюда частицу Красного Цветка, которого вы, собаки, боитесь!

Он бросил на землю чашку; горящие угли по-

дожгли клочки сухого мха; мох вспыхнул. Весь Совет отступил в ужасе перед запрыгавшим пламенем.

Маугли опустил сухую ветвь в огонь, и ее мелкие веточки с треском загорелись. Стоя посреди дрожавших волков, он крутил над своей головой пылающий сук.

— Ты — господин, — тихим голосом сказала ему Багира. — Спаси Акелу от смерти. Он всегда был твоим другом.

Акела, суровый старый волк, никогда в жизни не просивший пощады, жалобно взглянул на Маугли, который, весь обнаженный, с длинными черными волосами, рассыпавшимися по его плечам, стоял, освещенный горящей ветвью, а повсюду кругом тени трепетали, дрожали и прыгали.

— Хорошо, — сказал Маугли, медленно осматриваясь. — Я вижу, что вы собаки, и ухожу от вас к моим родичам… если они мои родичи. Джунгли для меня закрыты, и я должен забыть вашу речь и ваше общество, но я буду милосерднее вас. Только по крови я не был вашим братом, а потому обещаю вам, что, сделавшись человеком между людьми, я вас не предам, как вы предали меня. — Маугли толкнул ногой горящий мох, и

над ним взвились искры. — Между нами и стаей не будет войны, но перед уходом я должен заплатить один долг.

Маугли подошел к Шер Хану, который сидел, глупо мигая от света, и схватил тигра за пучок шерсти под его подбородком, Багира на всякий случай подкралась к своему любимцу.

— Встань, собака, — приказал Маугли Шер Хану. — Встань, когда с тобой говорит человек, не то я подожгу твою шерсть.

Уши Шер Хана совсем прижались к голове, и он закрыл глаза, потому что пылающая ветка пододвинулась к нему.

— Этот убийца домашнего скота сказал, что он убьет меня на Совете, так как ему не удалось покончить со мной, когда я был маленьким детенышем. Вот же тебе, вот! Так мы, люди, бьем наших собак. Пошевели хоть усом, и Красный Цветок попадет тебе в глотку.

Он бил веткой по голове Шер Хана, и в агонии страха тигр визжал и стонал.

— Фу, уходи теперь прочь, заклейменная кошка джунглей! Только знай: когда я снова приду к Скале Совета, на моей голове будет шкура Шер Хана. Дальше: Акела может жить где и как ему угодно. Вы его не убьете, потому что я не желаю

этого. И думается мне, что недолго будете вы сидеть здесь, болтая языком, точно вы важные особы, а не собаки, которых я гоню. Вот так!

Конец большой ветки ярко горел. Маугли бил ею вправо и влево; когда искры попадали на шерсть волков, сидевших кольцом, они с воплем убегали. Наконец подле Скалы Совета остались Акела, Багира и около десятка волков, которые приняли сторону Маугли. И вот в своей груди Маугли почувствовал такую боль, какой не испытал еще никогда в жизни. У него перехватило дыхание; он всхлипнул, и слезы потекли по его лицу.

— Что это, что это? — спросил он. — Я не хочу уходить из джунглей и не понимаю, что со мной. Я умираю, Багира?

— Нет, Маленький Брат. Это только слезы, такие слезы бывают у людей, — сказала Багира. — Да, теперь я вижу, что ты взрослый человек, а не человеческий детеныш. Отныне джунгли действительно закрыты для тебя. Пусть они льются, Маугли; это только слезы!

Так Маугли сидел и плакал, точно его сердце разбилось. Раньше он не знал слез.

— Теперь, — сказал наконец мальчик, — я уйду к людям, но прежде попрощаюсь с моей матерью.

Он пошел в ту пещеру, в которой жил с семьей Отца Волка, и так плакал, прижимаясь к меху волчицы, что четыре молодых волка жалобно завыли.

— Вы меня не забудете? — спросил их Маугли.

— Не забудем, пока у нас хватит сил бегать по следам. Когда ты сделаешься человеком, приходи к подножию холма, мы будем с тобой разговаривать и по ночам станем выбегать в поля, чтобы играть с тобой.

— Возвращайся скорее, — сказал Волк Отец, — возвращайся скорее, о мудрая лягушечка, потому что мы, твоя мать и я, уже стары.

— Скорее приходи, — повторила Волчица Мать, — мой маленький бесшерстый сынок, потому что знай, дитя людей, я любила тебя больше, чем кого-нибудь из моих волчат.

— Конечно, приду, — ответил Маугли, — и приду для того, чтобы положить на Скалу Совета шкуру Шер Хана. Не забывайте меня. Скажите в джунглях, чтобы меня там не забывали.

Начала загораться заря; Маугли спускался с горного откоса; он, молчаливый и одинокий, шел к таинственным существам, которых зовут людьми.

Охота питона Каа

Все рассказанное здесь случилось задолго до того, как Маугли был изгнан из сионийской волчьей стаи, раньше, чем он отомстил Шер Хану, тигру, словом, и происходило в те дни, когда Балу учил его Закону Джунглей. Большой серьезный бурый медведь радовался понятливости своего ученика, потому что молодые волки стараются узнать только ту часть Закона Джунглей, которая касается их собственной стаи и их племени, и убегают, едва заучив наизусть одну строфу из Стихотворения Охотников: «Ноги, ступающие бесшумно; глаза, видящие в темноте; уши, слышащие ветры в их приютах, и острые белые зубы — вот отличительные черты наших братьев; исключаются только шакал Табаки и гиены, которых мы ненавидим». Маугли же был детенышем человека, и потому ему приходилось узнавать больше. Иногда черная пантера Багира приходила через джунгли посмотреть, как подвигаются дела у ее любимца и, потирая голову о дерево, мурлыкала, пока Маугли отвечал Балу заданный ему на этот день урок. Мальчик взбирался на деревья почти

так же хорошо, как плавал, а плавал почти так же хорошо, как бегал. Поэтому Балу, учитель Закона, преподавал ему Законы Леса и Законы Вод: объяснял, как отличать подгнившую ветвь от здоровой; как вежливо разговаривать с дикими пчелами, проходя под их сотами, висящими на пятьдесят футов выше его головы; как извиниться перед нетопырем Мангом, потревожив его в полдень среди ветвей, или как предупреждать водяных змей в естественных лесных прудах, готовясь кинуться к ним в воду. Никто из населения джунглей не любит, чтобы его тревожили, и все готовы броситься на незваного гостя. Узнал Маугли и Охотничий Крик Пришельцев. В том случае, когда охотник преследует дичь не на своей территории, этот призыв следует громко повторять, пока не услышишь на него ответа. В переводе он значит: «Позвольте мне охотиться здесь, потому что я голоден»; отвечают же на него так: «В таком случае охоться ради пищи, но не для удовольствия».

Все это должно вам показать, до чего многое Маугли приходилось заучивать наизусть, и, повторяя одно и то же больше ста раз, он очень уставал. Однако, как Балу сказал Багире в тот день, когда Маугли был побит и, рассерженный,

убежал от него:

— Человеческий детеныш и есть человеческий детеныш, а потому он должен знать весь Закон Джунглей.

— Но подумай, какой он маленький, — возразила черная пантера, которая, конечно, избаловала бы мальчика, если бы Балу не мешал ей. — Как все эти слова могут умещаться в его маленькой голове?

— Разве в джунглях есть что-нибудь настолько маленькое, чтобы звери его не трогали? Нет. Вот потому-то я и учу детеныша; потому-то я и бью его, правда, очень нежно, когда он забывает мои слова.

— Нежно! Что ты знаешь о нежности, Железные Лапы? — проворчала Багира. — Сегодня у него все лицо разбито из-за твоей… нежности. Гр!

— Пусть лучше я, любящий детеныша, покрою его ссадинами с головы до ног, чем он, по невежеству, попадет в беду, — с жаром ответил бурый медведь. — Теперь я учу его Великим Словам Джунглей, которые послужат для него защитой среди населения — птиц, змей и всех существ, охотящихся на четырех ногах, помимо его собственной стаи. Если только детеныш запомнит слова, он получит возможность требовать по-

кровительства от всех созданий, живущих в джунглях. Разве ради этого не стоило слегка побить его?

— Пожалуй; только смотри, не убей детеныша. Он же не древесный пень для оттачивания твоих тупых когтей. Но что это за Великие Слова? Конечно, гораздо вероятнее, что я окажу кому-нибудь помощь, нежели попрошу ее, — сказала Багира, вытянув одну из своих передних лап и любуясь как бы изваянными резцом когтями синевато-стального цвета, которые украшали ее пальцы. — А все же мне хотелось бы узнать эти слова.

— Я позову Маугли, и он скажет их тебе… если захочет. Иди сюда, Маленький Брат!

— У меня в голове шумит, как в дупле с пчелиным роем, — послышался мрачный голосок над их головами; Маугли скользнул по стволу дерева и, ступив на землю, рассерженный и негодующий, прибавил: — Я пришел для тебя, Багира, а совсем не для тебя, жирный, старый Балу.

— Мне это все равно, — ответил Балу, хотя он был обижен и огорчен. — В таком случае, скажи Багире Великие Слова Джунглей, которым я учил тебя сегодня.

— Великие Слова какого народа? — спросил

Маугли, довольный возможностью показать свою ученость. — В джунглях много наречий, я знаю их все.

— Ты знаешь далеко не все. Видишь, о Багира, они никогда не благодарят своего учителя. Ни один волчонок не возвращался, чтобы поблагодарить старого Балу за его уроки. Ну, ты, великий ученый, скажи Слова Народа Охотников.

— Мы одной крови, вы и я, — сказал Маугли с акцентом медведя, как это делают все Охотники.

— Хорошо. Теперь Великие Слова Птиц.

Маугли повторил ту же фразу, закончив ее свистом коршуна.

— Теперь Слова Змей, — сказала Багира.

В ответ послышалось совершенно неописуемое шипение; потом Маугли брыкнул ногами, захлопал в ладоши, всё в виде одобрения себе, и прыгнул на спину Багиры. Тут он уселся, свесив ноги в одну сторону, барабаня пятками по блестящей шкуре пантеры и строя самые ужасные гримасы бурому медведю:

— Так-так, из-за этого стоило получить несколько синяков, — нежно проговорил медведь. — Когда-нибудь ты вспомнишь меня.

После этого Балу повернулся в сторону и сказал Багире, что он упросил Хати, дикого слона,

который знает все подобные вещи, сказать ему Великие Слова, что Хати отвел Маугли к болоту, чтобы услышать Змеиные Слова от водяной змеи, так как Балу не мог их произнести, и прибавил, что теперь человеческий детеныш защищен от всех случайностей в джунглях, потому что ни змея, ни птица или четвероногое животное не посмеют сделать ему вреда.

— Ему некого бояться, — в заключение сказал Балу, с гордостью похлопывая себя по огромному пушистому брюшку.

— Кроме его собственного племени, — сказала про себя Багира и вслух прибавила, обращаясь к Маугли: — Пожалей мои ребра, Маленький Брат. Что это за танцы взад и вперед?

Маугли старался обратить на себя внимание Багиры, дергая ее за шерсть на плече и колотя ее ногами. Когда пантера и медведь стали его слушать, он закричал во весь голос:

— Таким образом, у меня будет собственная стая, и я стану весь день водить их между ветвями.

— Это еще что за новое безумие, маленький сновидец? — спросила Багира.

— И я буду бросать ветки и грязь в старого Балу, — продолжал Маугли. — Они обещали мне

это. А?

— Вуф, — громадная лапа Балу сбросила Маугли со спины Багиры, и мальчик, лежавший теперь между его огромными передними лапами, понял, что медведь сердится.

— Маугли, — сказал Балу, — ты разговаривал с Бандар-логом, с Обезьяньим Народом?

Маугли посмотрел на Багиру, желая видеть, не сердится ли также и пантера: ее глаза были жестки, как яшмовые камни.

— Ты был с серыми обезьянами, с существами без Закона, с поедателями всякой дряни. Это великий позор.

— Когда Балу ударил меня по голове, — сказал Маугли (он все еще лежал на спине), — я убежал; с деревьев соскочили серые обезьяны и пожалели меня. Никому больше не было до меня дела. — И мальчик слегка втянул ноздрями воздух.

— Жалость Обезьяньего Народа! — Балу фыркнул. — Молчание горного потока! Прохлада летнего солнца! А что дальше, человеческий детеныш?

— Потом… Потом обезьяны дали мне орехов и разных вкусных вещей и… и… отнесли меня на вершины деревьев, а там сказали, что по крови я их брат, что я отличаюсь от обезьян только

отсутствием хвоста и что со временем я сделаюсь их вожаком.

— У них не бывает вожаков, — сказала Багира. — Они лгут и всегда лгали.

— Они обходились со мной очень ласково и звали меня опять к ним. Почему меня никогда не водили к Обезьяньему Народу? Серые обезьяны стоят, как я, на задних лапах, не дерутся жесткими лапами, а играют целый день. Пустите меня на деревья. Злой Балу, пусти меня наверх. Я опять поиграю с ними.

— Послушай, детеныш человека, — сказал медведь, и его голос прогремел, точно раскат грома в знойную ночь. — Я учил тебя Закону Джунглей, касающемуся всего нашего населения за исключением Обезьяньего Народа, живущего среди ветвей. У них нет закона. Обезьяны — отверженные. У них нет собственного наречия; они пользуются украденными словами, которые подслушивают, когда подглядывают за нами, прячась в ветвях. У них не наши обычаи. Они живут без вожаков. У них нет памяти. Они хвастаются, болтают, уверяют, будто они великий народ, готовый совершать великие дела в джунглях, но падает орех, им делается смешно, и они все забывают. Мы, жители джунглей, не имеем

с ними дела; не пьем там, где пьют обезьяны; не двигаемся по их дорогам; не охотимся там, где они охотятся; не умираем, где умирают они. Слыхал ли ты, чтобы я когда-нибудь до сегодняшнего дня говорил о Бандар-логе?

— Нет, — шепотом произнес Маугли, потому что теперь, когда Балу перестал говорить, в лесу стало тихо.

— Народ Джунглей изгнал их из своей памяти и не берет в рот их мяса. Обезьян очень много; они злы, грязны, не имеют стыда, и если у них есть какое-нибудь определенное желание, то именно стремление, чтобы в джунглях заметили их. Но мы не обращаем на них внимания, даже когда они бросают нам на голову грязь и орехи.

Едва медведь договорил, как с деревьев посыпался град орехов и обломков веток; послышался кашель, вой; и там, наверху, между тонкими ветвями почувствовались гневные прыжки.

— Для населения джунглей обезьяны — народ отверженный. Помни это.

— Отверженный, — сказала Багира, — тем не менее мне кажется, ты, Балу, должен был предупредить его.

— Предупредить? Я? Мог ли я угадать, что он станет возиться с такой грязью? Бандар-лог! Фу!

На их головы снова посыпался град из орехов и веток, и медведь с пантерой убежали, взяв с собой Маугли. Балу сказал правду. Обезьяны живут на вершинах деревьев, и, так как обитатели лесов редко смотрят вверх, они редко сталкиваются с Бандар-логом. Зато при виде больного волка, раненого тигра или медведя обезьяны сходят на землю, мучат их ради забавы; в надежде обратить на себя внимание зверей они постоянно кидают в них ветки и орехи. Кроме того, они воют, выкрикивают бессмысленные песни, приглашают Народ Джунглей взобраться к ним и вступить с ними в бой; или без всякого повода затевают между собой ожесточенные драки и бросают мертвых обезьян туда, где население зарослей может увидать эти трупы. Они все собираются избрать себе вожака, составить собственные законы, придумать собственные обычаи, но никогда не выполняют задуманного, потому что их памяти не хватает до следующего дня. В оправдание себе обезьяны сочинили поговорку: «То, о чем Бандар-лог думает теперь, джунгли подумают позже», и это сильно ободряет их. Ни один из зверей не может добраться до Бандар-лога; с другой стороны, никто из зверей не желает замечать этого племени; вот потому-то обезьянам

и было так приятно, когда Маугли пришел играть с ними, а Балу рассердился.

У обезьян не было какого-либо определенного намерения (Бандар-лог вообще никогда не имеет намерений), однако в голове одной из обезьян явилась, как ей показалось, блестящая мысль, и она сказала остальным, что им было бы полезно держать у себя Маугли, потому что он умел свивать ветки для защиты от ветра, и, если бы они поймали его, он, вероятно, научил бы и их своему искусству. Понятно, Маугли, сын дровосека, унаследовал от своего отца множество инстинктов; между прочим, строил хижинки из хвороста, не думая о том, почему он делает это. Наблюдая за ним с деревьев, Бандар-лог находил эту игру удивительной. Теперь, как говорили обезьяны, у них действительно появится вожак, и они сделаются самым мудрым народом в джунглях, таким мудрым, что все остальные будут замечать их и завидовать им. Они побежали вслед за Балу, Багирой и Маугли и держались совершенно тихо до времени полуденного отдыха, когда пристыженный Маугли заснул между пантерой и медведем, решив больше не иметь дела с Обезьяньим Народом.

Следующее, что он впоследствии помнил, было

прикосновение жестких, сильных маленьких рук, схвативших его за плечи и за ноги; потом — удары веток по лицу. Через несколько мгновений мальчик уже смотрел вниз, в просветы между качающимися ветвями. В ту же секунду Балу пробудил джунгли своим громким глубоким голосом, а Багира, показывая все свои зубы, поднялась на дерево. Обезьяны завыли от восторга, взбираясь на верхние ветки, куда пантера не могла кинуться за ними, и закричали:

— Она заметила нас? Багира заметила нас! Все население джунглей восхищается нашей ловкостью и нашей хитростью!

Началось бегство, а бегства Обезьяньего Народа по вершинам деревьев никто не может описать. У них есть определенные дороги, перекрестки, подъемы и спуски, всё на высоте от пятидесяти до семидесяти или ста футов над землей, и они могут двигаться по этим тропам, в случае нужды, даже ночью. Две самые сильные обезьяны схватили Маугли под мышки и вместе с ним понеслись с одного дерева на другое, делая прыжки в двадцать футов. Без него они могли бы бежать вдвое быстрее; тяжесть мальчика замедляла их движение.

Хотя у Маугли кружилась голова, он невольно

наслаждался этой дикой скачкой, однако, видя землю так далеко под собой, он очень боялся, а страшные толчки в конце каждого полета через воздушные бездны заставляли его сердце замирать. Провожатые мальчика иногда поднимались с ним на вершину дерева до того высоко, что он чувствовал, как самые верхние ветви с треском сгибались под ними, потом с криком, похожим на кашель, и с гуканьем снова бросались вниз, хватались передними или задними лапами за более низкие суки следующего дерева и снова двигались вверх. Иногда Маугли видел много миль зеленых зарослей, как человек с вершины мачты осматривает многие мили окружающего его моря; но после этого ветки и листья хлестали Маугли по лицу, и он вместе со своими двумя спутниками снова приближался почти к самой земле. Таким образом, прыгая, ломая ветви, с цоканьем и воем племя Бандар-лог неслось по дорогам, тянувшимся через вершины деревьев, и увлекало с собою своего пленника, Маугли.

Сперва он боялся, что обезьяны кинут его вниз; потом рассердился, однако благоразумно не боролся; наконец, начал рассуждать. Прежде всего ему следовало дать о себе знать Балу и Багире. Он знал, что благодаря быстроте бега обезьян его

друзья останутся далеко позади. Смотреть вниз не стоило, ведь он мог видеть только верхние части ветвей, а потому мальчик поднял взгляд к небу и далеко в лазури разглядел коршуна Ранна, который то неподвижно висел в воздухе, то описывал круги, наблюдая за джунглями в надежде заметить какое-нибудь близкое к смерти создание. Ранн понял, что обезьяны несут что-то и спустился на несколько сотен ярдов, желая узнать, годна ли их ноша для еды. Увидев, что обезьяны тащили Маугли на вершину дерева, он засвистел от изумления и в ту же секунду услышал призыв: «Мы одной крови, ты и я». Волны ветвей сомкнулись над мальчиком, но Ранн повис над следующим деревом как раз вовремя, чтобы увидать вынырнувшее черное личико.

— Заметь мой путь, — закричал Маугли. — Скажи обо мне Балу из сионийской стаи и Багире со Скалы Совета!

— От чьего имени, брат? — Ранн до сих пор никогда не видел Маугли, хотя, конечно, слышал о нем.

— Я Маугли-лягушка. Меня зовут человеческим детенышем… Заметь мой пу-у-уть!

Мальчик выкрикнул последние слова в то мгновение, когда его подбросили в воздух, но

Ранн кивнул головой и стал подниматься вверх, пока не превратился в пылинку. На этой высоте он парил, наблюдая глазами, зоркими, как телескоп, за тем, как качались верхушки деревьев там, где проносился эскорт Маугли.

— Они не уйдут далеко, — посмеиваясь сказал коршун. — Они никогда не делают того, что решили. Бандар-лог вечно бросается на новое. Если только я способен предвидеть события, обезьяны навлекли на себя неприятности, потому что Балу не слабое существо, и, насколько мне известно, Багира умеет убивать не только оленей.

Ранн покачивался на крыльях и ждал.

Между тем Балу и Багира не помнили себя от гнева и печали. Багира взобралась так высоко на дерево, как никогда прежде, но тонкие ветви сломались под ее тяжестью, и она соскользнула на землю с полными коры когтями.

— Почему ты не предостерег человеческого детеныша? — прогремела она бедному Балу, который пустился бежать неуклюжей рысью в надежде догнать обезьян. — Стоило бить его до полусмерти, если ты не предупреждал его!

— Скорее, скорее! Мы… Мы еще можем нагнать их, — задыхаясь проговорил Балу.

— Таким-то шагом? Этот бег не утомил бы даже

раненой коровы. Учитель Закона, избиватель детенышей, если ты прокачаешься так с милю, ты лопнешь. Садись и думай. Придумай план. Незачем гнаться. Если мы слишком близко подойдем к ним, они еще, пожалуй, бросят его.

— Эррула! Ву! Если обезьянам надоело тащить детеныша, они уже бросили его. Кто может верить Бандар-логу? Брось мертвых нетопырей на мою голову! Дай мне глодать почерневшие кости! Катай меня в сотах диких пчел, чтобы они до смерти искусали меня, и похорони мое тело вместе с гиеной, потому что я самый несчастный медведь в мире! Эрорулала! Вахуа! О, Маугли, Маугли! Зачем я ломал тебе голову, а не предостерег тебя от Обезьяньего Народа? Может быть, я выбил из его ума заданный ему на сегодня урок, и он останется в джунглях один, позабыв Великие Слова!

Балу прижал лапы к ушам и со стоном покачивался взад и вперед.

— Во всяком случае, некоторое время тому назад он правильно сказал мне их, — нетерпеливо заметила Багира. — Балу, у тебя нет ни памяти, ни чувства собственного достоинства. Что подумали бы джунгли, если бы я, черная пантера, свернулась, как дикобраз Икки, и принялась выть?

— Какое мне дело до того, что обо мне думают в джунглях? Может быть, он уже умер.

— Если только обезьяны не бросят его ради потехи или не убьют из лености, я не опасаюсь за человеческого детеныша. Он умен, хорошо обучен, главное же, все в джунглях боятся его глаз. Однако (и это очень дурно) он во власти Бандар-лога, а это племя не страшится никого из нас, так как оно живет на деревьях. — Багира задумчиво полизала одну из своих передних лап.

— Как я глуп! О, толстый, бурый, вырывающий корни дурак! — внезапно распрямляясь, сказал Балу. — Правду говорит дикий слон Хати: «На каждого свой страх». Бандар-лог боится питона скал Каа. Он не хуже их поднимается на деревья и ночью крадет молодых обезьян. При звуке его имени, хотя бы произнесенном шепотом, у них холодеют хвосты. Идем к Каа.

— Ну что он сделает для нас? Он безногий, значит, не принадлежит к нашему племени, и у него такие дурные глаза, — сказала Багира.

— Он очень стар и очень хитер, главное же, постоянно голоден, — ответил Балу. — Обещай дать ему несколько коз.

— Насытившийся Каа спит целый месяц. Может быть, питон и теперь спит, но даже если и

не спит, так он, пожалуй, сам захочет убить для себя козу. — Плохо знавшая Каа Багира, понятно, сомневалась.

— В таком случае, мы с тобой, старая охотница, заставим его послушаться нас.

Тут Балу потерся своим побелевшим бурым плечом о пантеру, и они вместе отправились отыскивать Каа, питона скал.

Они застали его на скалистой, нагретой солнцем площадке; растянувшись, он любовался своей прекрасной новой кожей. Последние десять дней питон провел в уединении, так как менял кожу, и теперь был великолепен. Каа вытягивал свою огромную голову с тупым носом, изгибал свое тридцатифутовое тело, свивался в фантастические узлы и кольца, в то же время облизывая губы при мысли о будущем обеде.

— Он еще не ел, — сказал Балу и, увидав красивую, покрытую прекрасными коричневыми пятнами новую желтую одежду змеи, проворчал: — Осторожнее, Багира. После перемены кожи он подслеповат и спешит наносить удары.

Каа не был ядовит; он даже презирал ядовитых змей, считая их трусами; вся сила питона зависела от его величины, и когда он охватывал своими огромными кольцами какое-нибудь создание,

для того наступал конец.

— Хорошей охоты, — закричал Балу, оседая на задние лапы.

Как все змеи этого рода, Каа был глуховат: он не сразу услышал приветствие медведя и на всякий случай свернулся, опустив голову.

— Хорошей охоты всем нам, — ответил питон. — Ого, Балу, что ты здесь делаешь? Хорошей охоты, Багира! По крайней мере одному из нас нужна пища. Слышно ли что-нибудь о дичи поблизости? Нет ли молодого олененка или хотя бы молодого козла? Внутри меня пусто, как в сухом колодце.

— Мы охотимся, — небрежно заметил Балу. Медведь знал, что Каа не следует торопить: он слишком велик.

— Позвольте мне отправиться с вами, — сказал Каа. — Одной добычей больше или меньше, не важно для тебя, Багира, или для тебя, Балу. Мне же приходится несколько дней подряд караулить на лесной тропинке или целую ночь подниматься то на одно, то на другое дерево ради возможности поймать молодую обезьяну. Пшшшшш! Теперь уже не такие ветки, как во времена моей юности. Все погнившие, сухие!

— Может быть, это зависит от твоей тяжести, — сказал Балу.

— Да, я длинен, достаточно длинен, — с оттенком гордости ответил Каа. — Однако молодые деревья действительно хрупки, ломки. Недавно на охоте я чуть не упал; да, чуть не упал, скользя вниз и не обвив достаточно крепко хвостом

дерево; этот шум разбудил обезьян, и они стали бранить меня самыми скверными словами.

— Безногий, желтый дождевой червь, — прошептала Багира, как бы стараясь вспомнить что-то.

— Сссс! Они называли меня так? — спросил Каа.

— Во время прошлой луны обезьяны кричали нам что-то в этом роде, но ведь мы не замечаем их. Пусть они говорят, что им угодно, даже будто ты потерял все зубы и боишься каждого существа крупнее козленка, так как (Бандар-лог совершенно бессовестное племя!) тебя устрашают рога козла, — сладким голосом заметила Багира.

Надо сказать, что змея, в особенности осторожный старый питон, редко выказывает гнев; тем не менее Балу и Багира заметили, что глотательные мышцы по обеим сторонам горла Каа сморщились и вздулись.

— Обезьяны переменили место своей стоянки, — спокойно сказал питон. — Когда сегодня я выполз на солнце, до меня донеслось их гуканье в вершинах деревьев.

— Теперь мы идем вслед за Бандар-логом, — проговорил Балу, но слова застряли у него в горле, ведь он не помнил, чтобы кто-нибудь в джун-

глях сознавался, что его интересуют поступки обезьян.

— Без сомнения, немаловажное обстоятельство заставляет двоих таких охотников — вожаков у себя в джунглях — идти по следу Бандар-лога, — вежливо ответил Каа, весь надуваясь от любопытства.

— В сущности, — начал Балу, — я просто старый, порой очень неумный преподаватель Закона сионийским волчатам, а Багира…

— Багира и есть Багира, — перебила его черная пантера и, щелкнув зубами, закрыла рот; она считала смирение вещью ненужной.

— Вот в чем дело, Каа. Эти воры орехов и подбиратели пальмовых листьев украли нашего человеческого детеныша, о котором ты, вероятно, слышал.

— Икки (длинные иглы на его спине делают это существо самонадеянным) болтал, будто человек был принят в волчью стаю, но я не поверил ему. Икки вечно повторяет то, о чем он слышал вполуха, и повторяет очень плохо.

— Но он сказал правду. Никогда в мире не было такого человеческого детеныша, — проговорил Балу. — Он самый лучший, самый умный, самый смелый из человеческих детенышей; это мой

ученик, который прославит имя Балу во всех джунглях; кроме того, я… мы… любим его, Каа.

— Тсс! Тсс! — сказал Каа, покачивая головой из стороны в сторону. — Я тоже когда-то знал, что значит любовь. Я мог бы рассказать вам историю, которую…

— Которую мы хорошо оценим, только когда, сытые, будем отдыхать в светлую ночь, слушая тебя, — быстро перебила его Багира. — Теперь же наш человеческий детеныш в руках Бандарлога, а мы знаем, что Обезьяний Народ боится одного Каа.

— Они боятся одного меня. И вполне основательно, — произнес Каа. — Глупые, болтающие тщеславные создания, тщеславные, глупые, болтающие — вот каковы эти обезьяны! Но человеческому существу плохо в их руках. Им надоедают подобранные ими орехи, и они швыряют их на землю. Они шесть часов таскают ветку, намереваясь с ее помощью совершить великие дела, потом ломают ее пополам. Нельзя позавидовать этому человеческому существу. И обезьяны назвали меня желтой рыбой? Ведь так?

— Червем, червем, дождевым червяком, — сказала Багира, — и говорили про тебя еще многое, что мне стыдно повторять.

— Следует научить обезьян хорошо отзываться об их господине. Эээээ-ссш! Поможем им собрать их блуждающие воспоминания. Ну а куда убежали они с детенышем?

— Это известно только джунглям. Кажется, в сторону заката солнца, — сказал Балу. — Мы думали, что ты знаешь, Каа.

— Я? Каким образом? Я беру их, когда они попадаются на моей дороге, но не охочусь на Бандар-лога, или на лягушек, или на зеленую пену в водяных ямах.

— Вверх, вверх! Вверх, вверх! Хилло! Илло! Илло! Смотри вверх, Балу из сионийской волчьей стаи!

Балу поднял голову, чтобы посмотреть, откуда звучал голос. В воздухе парил коршун Ранн; он парил, опускаясь вниз, и солнце блестело на его крыльях. Подходило время, в которое Ранн устраивался на ночлег; он осмотрел все джунгли, отыскивая медведя, но не разглядел его в густой листве.

— Что там? — спросил Балу.

— Я видел Маугли среди обезьян. Он просил меня сказать тебе об этом. Я следил. Они увели его за реку, в город обезьян, в Холодные Логовища. Может быть, они останутся там на ночь, пробудут

десять ночей или только часть ночи. Я просил летучих мышей наблюдать за ними в темное время. Я исполнил данное мне поручение. Хорошей охоты всем вам, там внизу!

— Полный зоб и глубокий сон тебе, Ранн! — крикнула Багира. — Во время моей следующей охоты я не забуду о тебе и отложу голову для одного тебя, о лучший из коршунов.

— Полно, полно. Мальчик сказал Великие Слова Птиц, да еще в то время, когда его тащили через деревья.

— Слова были крепко вбиты в его голову, — заметила Багира. — Но я горжусь им. А теперь мы должны отправиться к Холодным Логовищам.

Все они знали, где помещалось это место, но немногие из обитателей джунглей заходили туда, потому что Холодными Логовищами звери называли древний покинутый город, затерянный и погребенный в зарослях, а дикие создания редко селятся там, где прежде жили люди. Это делает кабан, охотничьи же племена — нет. Кроме того, в Холодных Логовищах жили обезьяны (если можно было сказать, что они жили где-нибудь), и потому уважающие себя животные заглядывали в развалины только во время засухи, когда в полуразрушенных водоемах и желобах старинного

города еще сохранялось немного воды.

— Туда придется идти половину ночи, — сказала Багира, и Балу стал очень серьезен.

— Я побегу, как можно быстрее, — тревожно сказал он.

— Мы не можем ждать тебя. Спеши за нами, Балу. Нам с Каа придется спешить.

— Есть у меня ноги или нет их, я не отстану от тебя, Багира, несмотря на все твои четыре лапы, — сухо заметил Каа.

Балу спешил, но задыхался, и ему скоро пришлось сесть на землю; его спутники предоставили ему возможность догонять их, и Багира быстрыми легкими скачками пантеры двинулась вперед. Каа ничего не говорил, но как ни старалась опередить его Багира, огромный питон скал не отставал от нее. Когда перед ними оказался горный поток, Багира выиграла несколько ярдов, так как перескочила через него, питон же поплыл, выставив из воды голову и фута два шеи. Зато на ровной местности он поравнялся с черной пантерой.

— Клянусь сломанным замком, освободившим меня, — сказала Багира, когда на землю спустился полумрак, — ты двигаешься быстро.

— Я голоден, — ответил Каа. — Кроме того, они

назвали меня пятнистой лягушкой.

— Червем, дождевым червем, да еще желтым.

— Это одно и то же. Вперед! — И Каа, казалось, струился по земле; своими неподвижными глазами он отыскивал кратчайший путь и направлялся по нему.

А в Холодных Логовищах обезьяны совсем не думали о друзьях Маугли. Они принесли мальчика в затерянный город и временно были очень довольны собой. Маугли никогда еще не видывал индусских городов, и, хотя перед ним громоздились развалины, Холодные Логовища показались ему изумительными и великолепными. Когда-то, очень давно, король построил город на холме. Можно было видеть остатки каменных дорог, которые вели к разрушенным воротам, где последние обломки дощатых створок еще висели на изношенных, заржавленных петлях. В стены корнями вросли деревья; укрепления расшатались и обвалились; из окон стенных башен косматыми прядями свешивались густые лианы.

Холм увенчивал большой, лишенный крыши дворец; мрамор, выстилавший его дворы и фонтаны, треснул, покрылся красными и зелеными пятнами; даже гранитные плиты, устилавшие тот двор, где прежде жили королевские сло-

ны, раздвинулись и приподнялись, благодаря пробившейся между ними траве и там и сям выросшим молодым деревьям. Из дворца можно было видеть ряды домов без крыш, которые придавали городу вид опустошенных сотов, полных черных теней; бесформенную каменную глыбу — остатки идола, на той площади, где пересекались четыре дороги; углубления и ямы на углах улиц, там, где прежде помещались общественные колодцы и разрушившиеся купола храмов с дикими фиговыми деревьями, зеленеющими по их краям. Обезьяны называли это место своим городом и выказывали притворное презрение к населению джунглей за то, что оно жило в лесу. А между тем они не знали назначения строений и не умели пользоваться ими. Обезьяны часто садились кружками в зале совета короля, чесались, отыскивая блох, и притворялись людьми. Иногда же то вбегали в дома без крыш, то выбегали из них, складывали куда-нибудь в угол куски штукатурки и старые кирпичи, тотчас же забывали, куда спрятали их, дрались и кричали во время схваток, внезапно затевали игры, носясь вверх и вниз по террасам королевского сада, раскачивали там кусты роз и апельсиновые деревья, забавляясь тем, как с них падают цветы и плоды. Они

исследовали все проходы, все темные коридоры дворца, многие сотни его маленьких затененных комнат, но не помнили, что видели, чего нет. Так по двое и поодиночке или толпами обезьяны шатались, постоянно уверяя друг друга, что они держатся совершенно как люди. Они пили в водоемах, мутили воду и дрались из-за этого, но сейчас же все неслись куда-нибудь толпой, крича: «В джунглях нет никого такого умного, ловкого, сильного и благородного, как Бандар-лог!» И все начиналось сызнова, пока им не надоедал город, и они возвращались на вершины деревьев в надежде, что население джунглей заметит их.

Воспитанному в правилах Закона Джунглей Маугли этот образ жизни не нравился, и он не понимал его. Обезьяны притащили его в Холодные Логовища к вечеру, но не легли спать, как сделал бы мальчик после долгого пути; напротив, взяв друг друга за руки, они принялись танцевать и петь свои нелепые песни. Одна из обезьян произнесла речь, сказав своим товарищам, что со дня плена Маугли начнется новая история Бандар-лога, так как человеческий детеныш научит их свивать между собой ветки и тростники для защиты от дождя и холода. Маугли собрал несколько лиан и принялся продевать их одну

через другую, обезьяны попробовали подражать ему, но через несколько минут им это надоело; они принялись дергать своих друзей за хвосты или, кашляя, прыгать вверх и вниз.

— Я голоден, — сказал Маугли, — и не знаю этой части джунглей. Покормите меня или позвольте отправиться на охоту.

Обезьян двадцать — тридцать кинулось в разные стороны, чтобы принести ему орехов или дикого имбиря, но по дороге затеяли драку и скоро решили, что возвращаться с остатками плодов не стоит. Маугли не только был голоден, он еще сердился и чувствовал огорчение. Наконец мальчик пошел бродить по опустевшему городу, время от времени громко выкрикивая Охотничий Зов Пришельцев. Никто ему не ответил, и он понял, что попал в очень опасное место. «Все, что говорил Балу о Бандар-логе, — правда, — подумал Маугли. — У них нет ни закона, ни охотничьего призыва, ни вожаков, нет ничего, кроме глупых слов и маленьких, щиплющих, воровских рук. Если я умру здесь с голоду и буду убит, это случится по моей вине. Однако мне следует постараться вернуться в мои родные джунгли. Конечно, Балу прибьет меня, но это лучше глупой ловли розовых лепестков среди Бандар-лога».

Едва Маугли дошел до городской стены, как обезьяны потащили его обратно, твердя ему, что он не знает, какое счастье выпало на его долю. И они щипали его, чтобы он выказал им благодарность. Маугли крепко сжал губы и, ничего не говоря, шел вместе с кричащими обезьянами на террасу, которая была выше наполовину наполненных дождевой водой резервуаров из красного песчаника. Посередине террасы стояла белая мраморная беседка, выстроенная для принцесс, умерших за сто лет перед тем. Половина куполообразной крыши красного строения обвалилась внутрь его и засыпала подземный коридор, по которому принцессы, бывало, проходили из дворца в беседку; стены ее были сделаны из мраморных плит, прелестных молочно-белых резных панелей, в которые были вкраплены куски агата, корналина, яшмы и ляпис-лазури; когда из-за холма вставала луна, ее лучи светили сквозь кружевную резьбу и на землю ложились тени, похожие на черную бархатную вышивку. Как ни был огорчен и голоден Маугли, как ни было ему грустно, он невольно засмеялся, когда сразу двадцать обезьян принялось рассказывать ему, до чего они мудры, сильны и кротки и как безумен он, желая расстаться с ними. «Мы вели-

ки. Мы свободны. Мы изумительны. Мы самое изумительное племя во всех джунглях, — кричали они. — Ты впервые слышишь о нас и можешь передать наши слова населению джунглей, чтобы оно в будущем замечало нас, а потому мы сообщим тебе все о таких удивительных и превосходных существах, как мы». Маугли не возражал; сотни обезьян собрались на террасе, чтобы слушать своих же товарок, воспевавших хвалы Бандар-логу; когда ораторша умолкала, желая перевести дыхание, все остальные обезьяны кричали: «Это правда; мы все говорили то же самое». Маугли утвердительно кивал головой, мигал и говорил: «Да», — в ответ на их вопросы, чувствуя головокружение от шума. «Вероятно, шакал Табаки перекусал их всех, — думал он, — и теперь они все сошли с ума. Конечно, «дивани», безумие, овладело ими. Разве они никогда не спят? Вот подходит облако; оно закроет луну. Если бы эта тучка оказалась достаточно велика, я мог бы попытаться убежать в темноте. Но я так устал».

За тем же облаком наблюдали два друга мальчика, скрываясь во рве под городской стеной; Багира и Каа хорошо знали, как опасен Обезьяний Народ, когда он нападает большой толпой, и не

хотели подвергать себя риску. Бандар-лог вступает в драку только в том случае, если на одного врага приходится по сотне обезьян, и немногие из жителей джунглей решаются на такую борьбу.

— Я отправлюсь к западной стене, — прошипел Каа, — и быстро спущусь; покатая местность поможет мне. Обезьяны не кинутся сотнями на мою спину, но…

— Я знаю, — сказала Багира. — Жаль, что здесь Балу нет; но сделаем все возможное. Когда облако закроет луну, я поднимусь на террасу. По-видимому, они о чем-то советуются по поводу мальчика.

— Удачной охоты, — мрачно сказал Каа и скользнул к западной стене. Оказалось, что в этом месте вал был поврежден меньше, чем где бы то ни было, и большая змея нашла возможность подняться на камни.

Облако закрыло луну, Маугли спросил себя: «Что делать?» — и в то же время мгновенно услышал звук легких шагов Багиры. Черная пантера быстро, почти бесшумно поднялась по откосу и теперь била обезьян, сидевших вокруг Маугли кольцом в пятьдесят — шестьдесят рядов; Багира знала, что лучше бить обезьян лапами, чем тратить время, кусая их. Послышался вопль ужаса и бешенства, и, когда Багира двинулась, шагая

по валявшимся, вздрагивающим телам, одна обезьяна закричала: «Здесь только она! Смерть ей! Смерть!» Над пантерой сомкнулась масса обезьян, они кусали ее, царапали, рвали ее кожу, дергали и толкали; шестеро обезьян схватили Маугли, подняли его на стену беседки и толкнули вниз сквозь пролом в куполе. Мальчик, воспитанный людьми, жестоко разбился бы; беседка имела добрых пятнадцать футов высоты, но Маугли упал так, как его учил Балу, и опустился на ноги.

— Оставайся здесь, — закричали ему обезьяны, — подожди; мы убьем твоих друзей и придем играть с тобой, если Ядовитый Народ оставит тебя в живых.

— Мы одной крови, вы и я, — быстро произнес Маугли, закончив эту фразу призывом для змей. Около себя в мусоре он слышал шорох, шипение и для полной безопасности повторил Змеиные Великие Слова.

— Хорош-ш-шо! Опустите капюшоны, — прозвучало с полдюжины тихих голосов (рано или поздно каждая развалина в Индии делается приютом змей, и старая беседка кишела кобрами). — Не двигайся, Маленький Брат, твои ноги могут повредить нам.

Маугли стоял по возможности спокойно, глядя

через резной мрамор и прислушиваясь к дикому гулу борьбы вокруг черной пантеры. Слышался вой, цоканье, шарканье ног, глубокий хриплый, похожий на кашель, крик Багиры, которая отступала, выгибала спину, поворачивалась и ныряла под стаю своих врагов. В первый раз за всю свою жизнь Багира защищалась от смерти.

«Вероятно, Балу близко; Багира не пришла бы одна», — подумал Маугли и громко закричал:

— К водоему, Багира! Скатись к водоему Скатись и нырни! В воду!

Багира услышала; и восклицание, показавшее пантере, что Маугли в безопасности, придало ей нового мужества. Она отчаянно, дюйм за дюймом, пробивалась к резервуарам, молча нанося удары. Вот со стороны ближайшей к зарослям разрушенной стены донесся раскатистый боевой клич Балу. Старый медведь торопился изо всех сил, но раньше не мог подоспеть.

— Багира, — кричал он, — я здесь! Я лезу! Я тороплюсь! Эхвора! Камни выкатываются из-под моих ступней. Погоди ты, о бесчестный Бандарлог!

Бурый медведь, задыхаясь, поднялся на террасу и тотчас же исчез под хлынувшей на него волной обезьян, но резко осел на задние ноги и, вытянув

передние лапы, прижал к себе столько своих врагов, сколько мог захватить, потом принялся колотить их; стук, стук, стук, — слышалось что-то вроде мерного звука мельничного колеса. Хруст ветвей и всплеск воды дали понять Маугли, что Багира пробилась к водоему, в который обезьяны не могли броситься за ней. Пантера лежала в бассейне, хватая ртом воздух, выставив из воды одну голову; обезьяны же толпились на красных ступенях, от злости прыгая по ним взад и вперед и готовясь броситься на пантеру, едва она выйдет из бассейна, чтобы бежать помогать Балу. Вот тогда-то Багира и подняла свой подбородок, с которого капала вода, и в отчаянии произнесла Змеиный Призыв:

— Мы одной крови, ты и я.

Ей представилось, будто в последнюю минуту Каа повернул обратно. Хотя Балу задыхался под грудой обезьян на краю террасы, он невольно усмехнулся, услышав, что черная пантера просит помощи.

Каа только что перебрался через западную стену, изогнув свое тело с такой силой, что замковый камень скатился в ров. Питон не желал потерять выгоду своего положения и раза два свился в кольца и распрямился, с целью удостовериться,

что каждый фут его длинного тела в полном порядке. Бой с Балу продолжался, и обезьяны выли кругом Багиры, а Манг, нетопырь, летая взад и вперед, рассказывал о великой борьбе всем джунглям, так что даже Хати, дикий слон, затрубил в свой хобот и отдаленные стаи Обезьяньего Народа помчались по древесным дорогам на помощь своим товарищам в Холодных Логовищах. Шум сражения разбудил также всех дневных птиц на много миль вокруг. Тогда Каа двинулся прямо, быстро, стремясь убивать. Боевая мощь питона заключается в ударе его головы, которой двигает тяжесть его огромного тела. Если вы можете представить себе копье, или таран, или молоток, весящие около полутонны и направляемые хладнокровным спокойным умом, живущим в рукоятке одной из этих вещей, вы более или менее поймете, во что превращался Каа во время боя. Питон, длиной в четыре или пять футов, сбивает с ног человека, ударив его прямо в грудь, а, как вам известно, Каа имел тридцать футов длины. Первый удар он нанес в самую середину толпы, окружавшей Балу; он сделал это молча, закрыв рот; повторения не понадобилось. Обезьяны рассеялись, крича:

— Каа! Это Каа! Бегите! Бегите!

Многие поколения юных обезьян смирялись и начинали вести себя хорошо, когда старшие пугали их рассказами о Каа, ночном воре, который мог проскользнуть между ветвями так же беззвучно, как растет мох, и унести с собой самую сильную обезьяну в мире; о старом Каа, который умел делаться до того похожим на засохший сук или сгнивший кусок дерева, что даже самые мудрые обманывались, и тогда ветвь хватала их. Обезьяны боялись в джунглях только Каа, потому что ни одна из них не знала пределов его могущества; ни одна не выдерживала его взгляда; ни одна не вышла живой из его объятий. Итак, теперь они, бормоча от ужаса, кинулись к стенам и к домам, и Балу вздохнул с облегчением. Его мех был гораздо гуще шерсти Багиры; тем не менее он жестоко пострадал во время схватки. Вот Каа в первый раз открыл свой рот; произнес длинное, шипящее слово, и обезьяны, спешившие под защиту Холодных Логовищ, остановились; они, дрожа, прижались к ветвям, которые согнулись и затрещали под их тяжестью. Обезьяны на стенах и на пустых домах замолчали, и в тишине, спустившейся на город, Маугли услышал, как Багира отряхивалась, покинув водоем. В эту минуту снова поднялся шум. Обезьяны стали

взбираться выше на стены; многие прижались к шеям больших каменных идолов; многие с визгом побежали по укреплениям. Маугли же, прыгая в беседке, прижал один глаз к резьбе и, пропустив дыхание между передними зубами, ухнул по-совиному, желая показать Бандар-логу, что он презирает его и смеется над ним.

— Вытащите человеческого детеныша из этой ловушки. Я ничего больше не в силах сделать, — задыхаясь произнесла Багира. — Возьмем его и уйдем. Обезьяны могут возобновить нападение.

— Они не двинутся, пока я не прикажу им. Стойте так; тиш-ш-ше! — прошипел Каа, и город снова затих. — Я не мог взобраться раньше, но, кажется, ты меня звала? — это было сказано Багире.

— Я… я… может быть, закричала что-нибудь во время боя, — ответила Багира. — Ты ранен, Балу?

— Я не уверен, что обезьяны не разорвали меня на части, сделав из моей шкуры сотню медвежат, — серьезно сказал Балу, потрясая попеременно каждой лапой. — Вуф! Мне больно. Каа, мы, Багира и я, обязаны тебе нашим спасением!

— Неважно. Где человечек?

— Здесь, в ловушке; я не могу вылезти! — закричал Маугли. Над его головой изгибалась часть сломанного купола.

— Возьмите его отсюда. Он прыгает, как Мао, павлин, и может передавить всех наших детей, — прозвучали изнутри голоса кобр.

— Хаххх, — усмехаясь, прошипел Каа, — у этого человечка повсюду друзья. Отступи, человечек, а вы, Ядовитый Народ, спрячьтесь. Я разобью стенку.

Каа внимательно осмотрел стены беседки и нашел в мраморе выцветшую трещину, которая говорила о слабом месте резьбы; раза два или три питон слегка стукнул головой, чтобы сообразить необходимое для удара расстояние; наконец, подняв над землей шесть футов своего тела, изо всей силы нанес около шести ударов носом. Резьба сломалась и упала среди облака пыли и осколков. Маугли выскочил через образовавшееся отверстие и остановился между Балу и Багирой, обняв могучие шеи своих друзей.

— Ты ранен? — спросил Балу, нежно лаская его.

— Мне грустно, я голоден и сильно ушибся; но, мои друзья, они ужасно измучили вас; вы в крови!

— В крови не одни мы, — ответила Багира, облизывая губы и окидывая взглядом мертвых обезьян на террасе и около водоема.

— Это ничего, все ничего, только бы ты был цел, о моя гордость, лучшая лягушечка в мире, — проворчал Балу.

— Об этом мы поговорим позже, — заметила Багира таким сухим тоном, который не понравился Маугли. — Но с нами Каа; мы обязаны ему победой, а ты — сохранением жизни. Поблагодари его согласно нашим обычаям, Маугли.

Маугли повернулся и увидел, что большая голова питона покачивается на целый фут выше его собственной макушки.

— Так это человечек? — сказал Каа. — У него очень нежная кожа, и нельзя сказать, чтобы он совсем не походил на обезьян. Берегись, человечек! Смотри, чтобы после перемены кожи я в сумерки не принял тебя за кого-нибудь из Бандар-лога.

— Мы одной крови, ты и я, — ответил Маугли. — Сегодня ты дал мне жизнь. Моя добыча всегда будет твоей, когда ты почувствуешь голод, о Каа.

— Благодарю тебя, Маленький Брат, — сказал питон, хотя в его глазах продолжал мерцать свет. — А что может убивать такой храбрый охотник? Спрашиваю это, чтобы идти за тобой, когда в следующий раз ты отправишься на ловлю.

— Я ничего не убиваю, так как еще слишком мал; но я загоняю оленей для тех, кому они могут

пригодиться. Когда ты почувствуешь, что у тебя внутри пусто, явись ко мне и посмотри, говорю ли я правду. У меня есть некоторая ловкость в них, — он поднял свои руки, — и если ты когда-нибудь попадешься в ловушку, я отплачу тебе добром за добро. С сегодняшнего вечера я в долгу перед тобой, перед Багирой и Балу. Удачной охоты всем вам, мои владыки.

— Хорошо сказано, — проворчал Балу, потому что мальчик действительно очень мило выразил свою благодарность.

На минуту голова питона легла на плечо Маугли.

— Храброе сердце и вежливый язык, — сказал он. — Ты должен далеко пойти в джунглях, человечек. Теперь же поскорее уходи отсюда вместе со своими друзьями. Уйди и засни; луна садится, и тебе нехорошо видеть то, что произойдет здесь.

Луна опускалась за горы; ряды дрожащих, жавшихся друг к другу обезьян на стенах и укреплениях казались какими-то трепещущими разорванными косматыми лоскутами. Балу спустился к бассейну, чтобы напиться; Багира принялась приводить в порядок свой мех, питон же Каа скользнул к центру террасы и закрыл свои челюсти с таким сухим стуком, что глаза всех

обезьян обратились к нему.

— Луна заходит, — сказал он, — достаточно ли света, чтобы видеть?

Со стен пронесся стон, похожий на звук ветров в вершинах деревьев:

— Мы видим, о Каа.

— Хорошо. Теперь начинается танец, танец голода Каа. Сидите и смотрите.

Раза два или три он прополз, делая большие круги и покачивая головой то вправо, то влево; потом стал свивать свое мягкое тело в петли, восьмерки, тупые треугольники, которые превращались в квадраты и пятиугольники; свертывался в виде холмика, и все время двигался без отдыха, без торопливости. В то же время слышалась его тихая, непрерывная жужжащая песнь. Воздух темнел; наконец мрак скрыл скользящие изменчивые кольца змеи; слышался только шелест ее чешуи.

Балу и Багира стояли, как каменные, с легким ворчанием, ощетинившись, а Маугли смотрел на все и удивлялся.

— Бандар-логи, — наконец прозвучал голос Каа, — может ли кто-нибудь из вас без моего приказания пошевелить рукой или ногой? Отвечайте.

— Без твоего приказания мы не можем шевель-

нуть ни ногой, ни рукой, о Каа.

— Хорошо. Сделайте один шаг ко мне.

Ряды обезьян беспомощно колыхнулись вперед; вместе с ними, как деревянные, шагнули Балу и Багира.

— Ближе, — прошипел Каа. И все снова подвинулись.

Маугли положил свои руки на Балу и на Багиру, чтобы увести их, и два больших зверя вздрогнули, точно внезапно разбуженные ото сна.

— Не снимай руки с моего плеча, — прошептала Багира. — Держи меня, не то я вернусь к Каа. Ах!

— Да ведь старый Каа просто делает круги на пыльной земле, — сказал Маугли. — Уйдем!

Все трое проскользнули через пролом в стене и очутились в джунглях.

— Вуф, — произнес Балу, когда он снова остановился под неподвижными деревьями. — Никогда больше я не возьму Каа в союзники, — и он встряхнулся.

— Он знает больше нас, — с дрожью проговорила Багира. — Еще немножко, и я кинулась бы к нему в пасть.

— Многие пройдут по этой дороге, раньше нового восхода луны, — заметил Балу — Он хорошо поохотится сегодня… по-своему…

— Но что же все это значит? — спросил Маугли, не знавший о притягательной силе взгляда питона. — Пока не стемнело, я видел только большую змею, которая делала какие-то глупые фигуры и круги. И у Каа весь нос разбит! Хо! Хо!

— Маугли, — сердито остановила мальчика Багира, — его нос разбит по твоей милости, так же, как мои уши, бока и лапы, шея и плечи Балу искусаны из-за тебя же. Много дней ни Балу, ни Багира не будут в состоянии и с удовольствием охотиться.

— Не беда, — сказал Балу, — с нами опять человеческий детеныш!

— Это правда, но вместо того, чтобы поохотиться, мы дорого заплатили за него — ранами, шерстью (у меня выщипана половина меха на спине) и, наконец, честью. Помни, Маугли, я — черная пантера, была принуждена просить защиты у Каа, и мы с Балу стали глупы, как маленькие птички, при виде этой пляски голода. Вот, человеческий детеныш, что произошло из-за твоих игр с Бандар-логом.

— Правда, все это правда, — печально проговорил Маугли. — Я дрянной человеческий детеныш и теперь чувствую, как во мне тоскует желудок.

— Мф! Что говорит Закон Джунглей, Балу?

Балу не хотелось навлекать на Маугли новых неприятностей, но шутить с Законом он не желал, а потому тихо проворчал:

— Печаль не избавляет от наказания. Только помни, Багира, он очень маленький.

— Я не забуду этого, но он был причиной беды и его нужно побить. Маугли, ты можешь что-нибудь сказать?

— Ничего, я виноват. Балу и ты ранены. Справедливо наказать меня.

Багира раз шесть любовно ударила его, с точки зрения пантеры, очень легко; эти толчки вряд ли разбудили бы ее детеныша, но для семилетнего мальчика они были жестокими побоями, и в годы Маугли каждый мог бы пожелать избежать их. Когда все было окончено, мальчик чихнул, и, не говоря ни слова, поднялся на ноги.

— Теперь, — сказала Багира, — прыгай ко мне на спину, Маленький Брат, мы отправимся домой. Одна из прелестей Закона Джунглей состоит в том, что наказание уничтожает старые счеты; все оканчивается, и никто не хмурится.

Маугли положил голову на спину Багиры и заснул так глубоко, что не проснулся даже, когда она опустила его в пещере подле Волчицы Матери.

Тигр! Тигр!

Теперь мы должны вернуться к первому рассказу. Когда после боя со стаей около Скалы Совета Маугли вышел из волчьей пещеры, он направился к ближайшим обработанным полям, подле которых жили земледельцы, однако не захотел остаться там, его джунгли подходили слишком близко к этому поселку, а он знал, что теперь в зарослях у него был по крайней мере один злостный враг, участник Совета. Итак, мальчик пошел дальше, держась дороги, грубо проделанной вдоль долины, и миль двадцать бежал по ней ровной рысью; наконец увидел незнакомую местность. Долина выходила на широкую низменность, усеянную камнями и прорезанную рвами. В одном ее конце помещалось маленькое селение, к другому отлого спускались густые заросли и останавливались, как бы отсеченные топором. По всей долине паслись коровы с телятами и быками и буйволы с буйволицами. Увидав Маугли, пастушки закричали и разбежались, а желтые собаки парии, всегда бродящие вокруг каждого поселения в Индии, залаяли.

Подойдя к деревенским воротам, Маугли заметил, что большая колючая плетенка, которой в сумерки загораживали дорогу, теперь была отодвинута.

— Уф! — сказал он. Отыскивая по ночам пищу, мальчик, бывало, нередко перебирался через подобные баррикады. — Итак, люди и здесь боятся населения джунглей?

Он сел подле ворот, и, когда какой-то человек вышел на дорогу, поднялся, открыл свой рот и пальцем показал в него, стараясь объяснить, что ему хочется есть. Встретивший Маугли индус посмотрел на него и побежал обратно по улице деревни, призывая жреца, большого толстого человека в белой одежде с красным и желтым знаком на лбу. Жрец подошел к воротам; с ним явилось еще по крайней мере сто человек. Все смотрели на Маугли, говорили, кричали и указывали на него пальцами.

«У этих людей нет порядочных манер, — подумал Маугли, — так могли бы держаться только серые обезьяны».

Мальчик откинул от лица свои длинные волосы и, глядя на толпу, нахмурил брови.

— Чего же бояться? — сказал жрец. — Посмотрите на рубцы на его руках и ногах. Это следы

волчьих зубов. Он просто приемыш волков, убежавший из джунглей.

Понятно, во время совместных игр волчата часто покусывали Маугли сильнее, чем намеревались, и на его руках и ногах белело множество шрамов. Однако он ни за что не назвал бы их следами укусов; он знал, как по-настоящему кусаются волки.

— Арре, арре, — сказало несколько женщин. — Бедный ребенок, искусанный волками! Какой красивый мальчик. Его глаза точно красное пламя. Право, Мессуа, он походит на твоего сына, унесенного тигром.

— Дай-ка посмотреть, — сказала женщина с тяжелыми медными кольцами на руках и щиколотках и, прикрыв ладонью глаза, вгляделась в Маугли. — Нет, не он. Этот гораздо худощавее, но у него выражение лица моего мальчика.

Жрец был очень умен; он знал, что Мессуа — жена самого богатого человека в этой деревне, а потому с минуту смотрел на небо и наконец торжественно произнес:

— Что джунгли взяли, они и отдали. Отведи мальчика к себе в дом, сестра моя, и не забудь почтить жреца, который читает в жизнях людей.

«Клянусь купившим меня быком, — мысленно

сказал Маугли, — все эти разговоры похожи на новый осмотр волчьей стаи. Ну, если я человек, я должен сделаться человеком».

Женщина знаком позвала Маугли к себе в дом; толпа разошлась. Внутри хижины были красная лакированная кровать, большой глиняный ящик для зерна со странным выпуклым рисунком, с полдюжины медных кастрюль; в маленьком алькове стояло изображение индусского божества, а на стене висело настоящее зеркало, из тех, которые продаются на деревенских ярмарках.

Мессуа дала Маугли молока, покормила его хлебом, потом положила руку на его голову и заглянула ему в глаза. Ей думалось, что, может быть, он действительно ее сын, пришедший из джунглей, в которые его унес тигр. Она сказала:

— Нату, о Нату! — Маугли ничем не выказал, что ему известно это имя. — Ты не помнишь, как я тебе подарила новые башмаки? — Она дотронулась до его ноги, которая была жестка, почти как рог. — Нет, — печально проговорила Мессуа, — эти ноги никогда не носили башмаков, но ты очень похож на моего Нату и отныне будешь моим сыном.

Маугли чувствовал себя очень неловко, так как никогда еще не бывал в домах; однако, взглянув

на настилку крыши, мальчик увидел, что он в любую минуту сорвет ее, если пожелает уйти, а также, что на окнах нет затворов.

«Стоит ли быть человеком, — мысленно сказал он себе, — если не понимаешь человеческой речи? Здесь я так же глуп и нем, как был бы человек у нас, в джунглях. Мне нужно научиться их говору».

Далеко не для забавы Маугли, живя с волками, научился подражать призыву оленей и хрюканью кабанят.

Поэтому, едва Мессуа произносила какое-нибудь слово, Маугли тотчас, почти в совершенстве, подражал звукам ее речи и еще до наступления темноты заучил названия многих вещей в хижине.

Когда пришло время ложиться в постель, возникли затруднения. Маугли не желал спать в месте, так сильно походившем на ловушку для пантер, как хижина, и, когда люди закрыли дверь, выскочил через окно.

— Не принуждай его, — сказал Мессуа ее муж. — Может быть, он еще никогда не спал в постели, помни это. Если он действительно прислан к нам вместо нашего сына, он не убежит.

Итак, Маугли растянулся в высокой густой

траве на краю поля и не успел закрыть глаз, как мягкая серая морда толкнула его в подбородок.

— Фу! — сказал Серый Брат (это был старший из сыновей Матери Волчицы). — Какая награда за то, что я прошел за тобою двадцать миль! От тебя пахнет дымом и коровой; ты совсем как человек. Просыпайся, Маленький Брат, я принес тебе новости.

— Все ли хорошо в джунглях? — спросил Маугли, крепко обнимая его.

— Всем хорошо, кроме обожженных Красным Цветком волков. Теперь слушай: Шер Хан ушел и будет охотиться далеко от нас, пока его шкура не зарастет, потому что он страшно опален. Но он клянется, что по возвращении кинет в Венгунгу твои кости.

— Это еще посмотрим; ведь я тоже дал одно маленькое обещание, тем не менее узнавать новости всегда полезно. Я очень устал, очень устал от всего непривычного, Серый Брат. Однако прошу тебя, приноси мне вести.

— Ты не забудешь, что ты волк? Люди не заставят тебя забыть об этом? — тревожно спросил мальчика Серый Брат.

— Никогда! Я вечно буду помнить, что люблю тебя и всех в нашей пещере, но не забуду также,

что меня исключили из стаи.

— И что тебя могут прогнать из другой стаи? Люди — только люди, Маленький Брат, и их речь походит на говор лягушек в болоте. В следующий раз я буду ждать тебя среди бамбуков на краю пастбища.

Три месяца после этой ночи Маугли почти не выходил из деревенской ограды: он усиленно изучал обычаи и нравы людей. Прежде всего ему пришлось надевать на себя платье, и это сильно стесняло его. Потом ему нужно было уразуметь значение денег, которого он совсем не понимал, и приучиться пахать землю, хотя не видел в этом пользы. Вдобавок ко всему деревенские дети сердили мальчика. К счастью, Закон Джунглей научил его сдержанности: ведь в джунглях жизнь и пропитание зависят от умения владеть собой. Однако, когда деревенские мальчики насмехались над ним за то, что он не играл ни в какие игры, не пускал змеев, или за то, что он плохо произносил некоторые слова, только сознание, что убивать безволосых детенышей недостойно охотника, удерживало его от желания схватить их и разорвать пополам.

Своей собственной силы он не сознавал. В джунглях Маугли понимал, что в сравнении с

животными он слаб; в деревне же люди говорили, что он силен как бык.

У Маугли не было также ни малейшего понятия о различии, которое каста полагает между одним человеком и другим. Когда однажды осёл горшечника соскользнул в глиняную яму, Маугли вытащил оттуда животное за хвост и помог гончару нагрузить осла товаром, который торговец вез в Кханивару. Поступок мальчика возмутил поселян: горшечник принадлежит к низшей касте людей, а его осёл был и еще того хуже. Жрец стал бранить Маугли; когда же тот пригрозил толстяку положить и его на осла, жрец посоветовал мужу Мессуа как можно скорее послать Маугли на работу. На следующий же день староста деревни приказал мальчику уйти с буйволами и сторожить их, пока они будут пастись. Маугли был более чем доволен. С этой минуты он считал себя на службе у деревни и в сумерки вошел в кружок, по вечерам собиравшийся на каменной платформе под большим фиговым деревом. Это был сельский клуб; там сходились, чтобы вместе покурить: староста, сторож, цирюльник, знавший все деревенские сплетни, и старый Бульдео, деревенский охотник, обладатель мушкета. На верхних ветвях дерева сидели обезьяны и болта-

ли; под платформой было отверстие, в котором жила кобра, и ей каждый вечер ставили блюдечко с молоком — она считалась священной. Старики сидели вокруг дерева, до поздней ночи разговаривали, тянули дым из больших хукасов (курительных трубок с водой) и рассказывали удивительные истории о богах, людях, привидениях и еще более удивительные вещи о зверях в джунглях и их привычках. Обыкновенно они говорили так долго, что наконец глаза детей, сидевших с внешней стороны круга взрослых, казалось, бывали готовы выскочить из орбит. Больше всего говорилось о животных, так как джунгли подходили вплотную к деревне; олень и кабан поедали их всходы, а время от времени, в сумерках, от самых деревенских ворот тигр уносил человека.

Маугли, понятно, знавший кое-что о предмете их бесед, закрыл лицо руками, стараясь не показать, что он смеется. Пока Бульдео, положив мушкет поперек колен, переходил от одной изумительной истории к другой, плечи Маугли тряслись от хохота.

Бульдео объяснил, что тигр, который унес сына Мессуа, был тигром-призраком и что в его теле жил дух дурного старика-ростовщика, умершего

за несколько лет перед тем.

— Я знаю, что это правда, — сказал он, — потому что ростовщик Пурун Дас хромал со времени той схватки, когда были сожжены его отчетные книги; тигр же, упомянутый мною, тоже хромает: это видно, потому что от его лап остаются неодинаково глубокие следы.

— Правильно, правильно, это, конечно, правда, — подтвердили седобородые люди, одновременно покачивая головами.

— Не похожи ли такие рассказы на бред? — сказал Маугли. — Этот тигр, как все знают, хромает потому, что он родился хромым. Только дети могут верить, будто душа ростовщика живет в животном, у которого нет даже мужества шакала.

На секунду Бульдео от изумления онемел, а староста широко открыл глаза.

— Ого! Это говорит бродяга из джунглей? — сказал Бульдео. — Если уж ты так умен, лучше принеси кожу тигра в Кханивару, потому что правительство оценило его жизнь во сто рупий. А еще лучше — не болтай, когда говорят старшие.

Маугли поднялся, чтобы уйти.

— Весь вечер я слушал, — бросил он через плечо, — и, за исключением двух-трех раз, Бульдео

не сказал ни слова правды о джунглях, которые подходят к самым его дверям. Могу ли я после этого верить в рассказы о призраках, божествах и лесных духах, которых, по его словам, он видел?

— Этому мальчику давно пора начать пасти стада, — проворчал староста; Бульдео же, рассерженный дерзостью Маугли, отодвинулся и фыркнул.

В силу обычая большей части индусских деревень, несколько мальчиков должны ранним утром выгонять коров, быков и буйволов пастись и вечером приводить стадо обратно; и те самые быки, коровы и буйволы, которые до смерти затоптали бы белого, позволяют себя бить и бранить детям, ростом не выше их носов. Пока мальчики не отходят от стада, им не грозит ни малейшая опасность, потому что даже тигр не решается нападать на стадо скота. Когда же они отходят в сторону, чтобы набрать цветов или погоняться за ящерицами, их иногда уносят звери. На заре Маугли проехал по деревенской улице, сидя на спине большого буйвола по имени Рама. Аспидно-синеватые животные со своими длинными загнутыми назад рогами и свирепыми глазами один за другим поднимались с подстилок и двигались за ним. Маугли сразу ясно показал, что

он господин. Он бил буйволов длинной гладкой бамбуковой тростью и приказал Камайе, одному из мальчиков-пастухов, пасти коров, прибавив, что сам он отправится с буйволами. В конце речи Маугли запретил ему и остальным детям отходить от стада.

Индусское пастбище состоит из камней, порослей кустов, кочек и маленьких рвов, среди которых рассеиваются и скрываются стада. Буйволы обыкновенно держатся подле топких мест, ложатся в болото, валяются или купаются в горячем иле по целым часам. Маугли прогнал их к окраине равнины к тому месту, где река Венгунга выходит из джунглей; здесь он соскочил с шеи буйвола: Маугли подбежал к бамбуковым зарослям, где встретил Серого Брата.

— А, — сказал волк, — я много дней поджидал тебя. Почему ты пасешь стадо? Что это значит?

— Мне дано приказание, — ответил Маугли. — Некоторое время я буду деревенским пастухом. Какие вёсти о Шер Хане?

— Он вернулся и долго ждал тебя. Теперь же снова ушел, так как дичи мало. Однако он твердо решил тебя убить.

— Отлично, — сказал Маугли. — Согласишься ли ты или кто-нибудь из моих четырех братьев

в его отсутствие каждый день приходить сюда и садиться на этой скале, чтобы я мог из деревни видеть вас? Когда же тигр вернется, дождись меня в лощине подле дерева дхак, в центре низменности. Нам незачем идти прямо в зубы Шер Хана.

После этого разговора Маугли выбрал тенистое место, разлегся и заснул; буйволы паслись вокруг него. В Индии пасти стадо — самое спокойное дело в мире. Скот двигается, жует, ложится, опять встает и даже не мычит, а только фыркает; буйволы очень редко говорят что-нибудь; они один за другим спускаются к топким лужам, ложатся так, чтобы ил покрыл все их тело и на виду оставались только их морды и неподвижные фарфорово-синие глаза; так они лежат точно колоды. Под лучами знойного солнца кажется, будто камни колышатся, и пастушата слышат, как коршун (всегда только один) свистит над их головами, почти невидный в лазури; дети знают, что, если бы умерли они или умерла корова, этот коршун быстро спустился бы вниз, а второй его собрат, отдаленный от него на несколько миль, заметил бы, как он упал с высоты, и последовал бы его примеру; потом еще и еще; и чуть ли не раньше мгновения смерти умирающего создания неизвестно откуда явилось бы штук двадцать

голодных коршунов. Пастушки спят и просыпаются, и опять засыпают; из сухой травы они плетут маленькие корзиночки и сажают в них кузнечиков или ловят двух богомолок и заставляют их драться; делают ожерелья, нанизывая на нити красные и черные орехи джунглей, или наблюдают, как ящерица трется на камне или как близ болота змея охотится за лягушкой. Потом они поют длинные-длинные песни со странными туземными вскрикиваниями в конце. И день кажется им длиннее целой жизни многих людей, лошадей и буйволов; в руки глиняных человечков вставляют тростинки, считая, что это короли, остальные же фигурки — их армии; или что это божества, которым надо поклоняться. Наступает вечер; дети кричат; буйволы неуклюже, с шумом, похожим на ружейные выстрелы, поднимаются из клейкого ила, один за другим выходят из болота и вереницей тянутся через посеревшую равнину к мерцающим огням деревни. День изо дня Маугли водил буйволов к болотам; день изо дня он замечал волка в полутора милях от себя на другой окраине долины, таким образом узнавая, что Шер Хан еще не вернулся, и день изо дня лежал, прислушиваясь к звукам в траве и грезя старой жизнью в джунглях. Если бы хромая лапа

Шер Хана сделала неверный шаг в зарослях близ Венгунги, Маугли услышал бы его в тишине этих долгих беззвучных утр.

Наконец наступил день, в который он не увидел Серого Брата на условном месте, засмеялся и отвел буйволов к лощине подле дерева дхак, залитого золотисто-красными цветами. Там сидел Серый Брат с ощетинившейся спиной.

— Он прятался целый месяц, чтобы ты перестал остерегаться; прошлой ночью он пришел сюда с Табаки и рассматривал твой след, — задыхаясь, сказал волк.

Маугли нахмурился.

— Я не боюсь Шер Хана, но Табаки очень хитер.

— Не бойся, — слегка облизывая губы, сказал Серый Брат. — На заре я встретил Табаки. Теперь он передает свою мудрость коршунам, но раньше, чем я переломил ему спину, сказал мне решительно все. Шер Хан решил сегодня вечером подстеречь тебя подле деревенских ворот. Он пришел именно ради тебя и до поры до времени лежит в большом сухом рве.

— Он ел сегодня или охотится с пустым желудком? — тревожно спросил Маугли, потому что от ответа волка зависела его жизнь или смерть.

— На заре он убил кабана, а также пил. Вспомни: ведь Шер Хан никогда не мог голодать, даже ради мести.

— О, глупец, глупец! Что за щенок щенка! Он ел, пил и воображает, что я буду ждать, пока он выспится? Где он лежит? Если бы нас было десятеро, мы могли бы покончить с ним… Эти буйволы не нападут на него, пока не почуют; а, к несчастью, я не умею говорить на их наречии! Можем ли мы пойти по его следам так, чтобы они его почуяли?

— Он нарочно переплыл через Венгунгу далеко, чтобы этого не случилось, — ответил Серый Брат.

— Я знаю, это совет Табаки; сам Лунгри никогда не додумался бы до такой вещи. — Маугли стоял и думал, положив палец в рот. — Большой ров? Он выходит на равнину меньше чем в полумиле отсюда. Я могу прогнать стадо через джунгли к верхней точке рва, потом повернуть вниз, однако он ускользнет с нижней стороны. Нам нужно закрыть и этот конец. Серый Брат, не можешь ли ты разделить для меня стадо на две половины?

— Может быть, один я не смог бы помочь тебе, но я привел с собой умного друга.

Серый Брат отбежал немного и соскочил в выбоину. В ту же минуту оттуда поднялась большая

серая, хорошо знакомая Маугли голова, и горячий воздух наполнился самым унылым криком в джунглях — воем волка, который охотится в полдень.

— Акела, Акела! — сказал Маугли, хлопая в ладоши. — Я должен был знать, что ты не забудешь меня! Нам предстоит важная задача. Разбей стадо надвое, Акела. Держи буйволих и телят вместе, быков же и буйволов собери в отдельное стадо.

Два волка побежали, как бы делая фигуру танца «дамский шен», то углубляясь в стадо, то выскакивая из него; рогатые животные фыркали, поднимали головы и скоро разделились на две части. В одной стояли буйволицы с телятами в центре; они смотрели пылающими глазами, рыли копытами землю, готовые броситься на волка и затоптать его до смерти, если он остановится на минуту. Другую часть составляли быки; молодые буйволы фыркали и топали ногами, однако, хотя они имели более внушительный вид, в сущности, это стадо было менее опасно; здесь не нужно было защищать телят. Шестеро человек не могли бы так ловко разделить огромное количество этих животных.

— Что прикажешь еще? — задыхаясь, спросил Акела.

Маугли вскочил на спину Рамы.

— Гони быков влево, Акела, а ты, Серый Брат, когда мы отдалимся, держи буйволиц вместе и оттесни их к нижнему концу рва.

— Как далеко загнать? — спросил Серый Брат, задыхаясь и щелкая зубами.

— Гони по рву, пока его края не станут так высоки, чтобы Шер Хан не мог сделать на них прыжка, — прокричал Маугли. — Держи их там, пока мы не спустимся к тебе.

Быки двинулись, слыша голос Акелы; Серый Брат стал перед коровами. Они кинулись на него; он бежал перед ними к нижнему концу рва, пока Акела гнал быков далеко в левую сторону.

— Хорошо сделано! Еще одно нападение, и они зайдут достаточно далеко. Осторожнее, осторожнее теперь, Акела! Если ты щелкнешь зубами лишний раз, быки бросятся. Худжах! Это опаснее, чем загонять черных оленей. Думал ли ты, что эти создания могут двигаться так быстро? — спросил Маугли.

— Я… я и за ними охотился в свое время, — задыхаясь от пыли, произнес Акела. — Загнать их в джунгли?

— Да, поверни их! Быстро поверни их! Рама обезумел от ярости. О, если бы только я мог ему

сказать, что сегодня требую от него.

Буйволы были повернуты на этот раз вправо и вломились в чащу. Остальные пастушата, сторожившие домашний скот, со всех ног кинулись в деревню, крича, что буйволы взбесились и убежали.

У Маугли был довольно простой план. Он желал только описать на взгорье большой круг, придвинуться к верхней части рва, потом повести буйволов-быков вниз так, чтобы Шер Хан очутился между ними и их коровами; мальчик отлично знал, что, поев и напившись воды, Шер Хан не будет в состоянии драться или вскарабкаться на одну из стен рва. Теперь Маугли голосом успокаивал буйволов; Акела же бежал позади и всего раза два слегка повизжал, чтобы подогнать отставших животных. Они описывали большой, большой круг, не желая подойти ко рву слишком близко и таким образом предупредить Шер Хана. Наконец Маугли собрал испуганное стадо близ верхнего конца ложбины на травянистом, круто спускающемся в ров откосе. С этой высоты можно было через вершины деревьев видеть равнину внизу; но Маугли занимали только края рва, и, осмотрев их, он с большим удовольствием заметил, что эти стены почти отвесны; лозы же и лианы, которые

свешивались с них, не могли послужить опорой для тигра, желающего подняться.

— Дай им передохнуть, Акела, — сказал он, поднимая руки. — Они еще не почуяли его. Дай им нюхать. Я должен сказать Шер Хану, кто приближается к нему. Он в ловушке!

Приставив обе ладони ко рту, Маугли закричал в ров (это было все равно, что кричать в туннель), и отзвуки стали передаваться от одной скалы к другой.

Очень не скоро послышался продолжительный сонный вой наевшегося и только что проснувшегося тигра.

— Кто там? — спросил Шер Хан, и великолепный фазан вылетел с криком из лощины.

— Я Маугли! Вор домашнего скота, пора нам идти к Скале Совета! Вниз, скорей гони их вниз, Акела. Вниз, Рама, вниз!

Буйволы на мгновение остановились на краю склона, но пронесся громкий охотничий вой Акелы, и они понеслись, обгоняя друг друга, — так пароходы проносятся через быстрины — песок и камни разлетались во все стороны. Раз буйволы двинулись, их уже нельзя остановить. Раньше чем они углубились в ложе сухого рва, Рама почуял Шер Хана и замычал.

— Ха, ха, — закричал Маугли, сидевший на его спине, — теперь ты знаешь! — И поток черных рогов, пенящихся морд, неподвижных глаз помчался по рву, точно камни во время наводнения; более слабые буйволы были оттеснены к стенам и прорывались через завесу лиан. Они знали, какое дело предстояло им — страшное нападение стада буйволов, нападение, которому ни один тигр не может надеяться противостоять. Шер Хан услышал грохот копыт, поднялся и, хромая, тяжело побежал, глядя по сторонам и отыскивая средство спасения; но с обеих сторон рва поднимались отвесные скалы. Отяжелевший от еды и питья тигр был готов на все, только бы избежать борьбы. Стадо пробежало, расплескивая лужу, от которой Шер Хан только что отошел. От рева буйволов камни звенели. Маугли услышал с нижнего конца рва ответное мычание и увидел, что Шер Хан повернулся. Тигр знал, что раз уже случилось самое худшее, ему лучше встретить буйволов, чем коров с телятами. Рама несколько раз ударил в землю копытами, споткнулся и двинулся дальше, ступая по чему-то мягкому. За ним неслись остальные буйволы, и все врезались во встречное стадо; от силы столкновения более слабые буйволы были подняты над землей. Вот все

они и буйволицы с телятами выбежали изо рва на равнину; животные мычали, топали ногами, фыркали. Маугли подождал немного, наконец соскользнул с шеи Рамы и принялся палкой колотить вправо и влево.

— Скорее, Акела! Разбей их! Разбей, не то они будут драться между собой. Гони их, Акела! Хай, Рама! Хай, хай, хай, детки! Тише! Тише! Все прошло!

Акела и Серый Брат бегали взад и вперед, слегка покусывая передними зубами ноги буйволов, и, хотя стадо было готово снова кинуться вдоль рва, Маугли удалось повернуть Раму, и все остальные пошли за своим вожаком к илистым лужам.

Больше бить Шер Хана копытами не пришлось. Он умер, и коршуны уже спускались к нему.

— Братья, это была собачья смерть, — сказал Маугли, ощупью отыскивая нож в ножнах, который он всегда носил на шее с тех пор, как жил с людьми. — Но он не стал бы драться, и на Скале Совета его кожа будет иметь хороший вид. Нам нужно быстро приняться за работу.

Мальчик, воспитанный среди людей, даже не попытался бы один снять шкуру с десятифутового тигра, но Маугли лучше всех знал, как прикрепляется к телу животного его шкура и как

ее можно содрать. Тем не менее это было трудное дело, и Маугли резал, рвал и ворчал целый час, волки смотрели, высунув языки, или подходили к нему и дергали кожу там, где он приказывал.

Вот на плечо мальчика упала рука, и, подняв глаза, он увидел Бульдео с его ружьем. Дети рассказали в деревне о бегстве буйволов, и рассерженный Бульдео вышел за ворота, торопясь наказать Маугли за то, что он плохо заботится о стаде. Заметив человека, волки скрылись из виду.

— Это что за безумие? — сердито начал Бульдео. — Ты думаешь, что один можешь снять кожу с тигра? Где его убили буйволы? Это хромой тигр, и его голова была оценена во сто рупий. Ну-ну, мы не обратим внимание на то, что ты упустил стадо, и, может быть, я дам тебе одну рупию из награды, когда отнесу кожу в Кханивару. — Он пошарил в своей одежде, вынул оттуда кремень и огниво и нагнулся, чтобы подпалить белые бакенбарды Шер Хана. По большей части, туземные охотники подпаливают бакенбарды тигра, чтобы его призрак не являлся им.

— Гм, — скорее обращаясь к себе, чем к Бульдео, произнес Маугли и содрал кожу с передней лапы Шер Хана. — Значит, ты хочешь отнести

шкуру в Кханивару, получить награду и, может быть, дашь мне одну рупию? А вот мне кажется, что кожа нужна мне самому. Эй, старик, убери этот огонь.

— Что это за обращение с главным охотником деревни? Счастье и глупость твоих буйволов помогли тебе убить зверя; тигр только что поел, не то он бы убежал за двадцать миль. Ты даже не можешь как следует снять с него кожу, нищенское отродье, и еще смеешь мне, Бульдео, говорить, чтобы я не палил его шерсти? Маугли, ты не получишь ни одной анны из награды; тебе достанутся только побои. Брось убитого тигра!

— Клянусь быком, который купил меня, — сказал Маугли, старавшийся добраться до плеча тигра, — неужели я должен целый день болтать со старой обезьяной? Сюда, Акела, этот человек надоедает мне!

Все еще наклонявшийся над головой Шер Хана Бульдео внезапно очутился на траве; серый волк стоял над ним, а Маугли продолжал снимать кожу с тигра, точно в целой Индии был только он один.

— Да-а-а, — сказал он сквозь зубы. — Ты совершенно прав, Бульдео. Ты не дашь мне ни одной анны из награды. Между этим хромым тигром

и мной шла война, очень долгая война, и я победил.

Следует отдать Бульдео справедливость: будь он на десять лет моложе, при встрече с Акелой в лесу он вступил бы в борьбу с ним, однако волк, который слушался приказаний мальчика, имевшего свои счеты с тиграми-людоедами, не казался ему обыкновенным животным. По мнению Бульдео, в дело замешалось колдовство худшего рода, и он спрашивал себя, послужит ли для него охраной амулет, висевший на его шее? Он лежал совсем-совсем тихо, ежеминутно ожидая, что Маугли тоже обернется тигром.

— Магараджа! Великий король! — хриплым шепотом произнес он наконец.

— Ну? — не поворачивая головы и слегка посмеиваясь, сказал Маугли.

— Я старик и не знал, что ты не простой пастушонок. Позволишь ли ты мне подняться и уйти, или твой слуга разорвет меня на части?

— Иди, и да будет с тобою мир. Только, смотри, в другой раз не трогай моей добычи. Отпусти его, Акела.

Бульдео, торопливо заковылял к деревне, оглядываясь через плечо, чтобы увидеть, не превратится ли Маугли во что-нибудь ужасное.

Придя в деревню, он наговорил столько о магии, чарах и колдовстве, что лицо жреца стало очень серьезно.

Маугли продолжал свою работу, но уже наступали сумерки, когда он и волки содрали большую яркую шкуру с тела тигра.

— Теперь мы должны ее спрятать и отвести буйволов домой. Помоги мне собрать их, Акела.

В туманном сумраке стадо собралось, и, подходя с животными к деревне, Маугли увидел свет и услышал трубный звук раковин храма и звон колоколов. Около половины деревни собралось у ворот, ожидая его.

«Это потому, что я убил Шер Хана», — мысленно сказал себе мальчик.

Но около его ушей просвистел град каменьев, и жители деревни закричали:

— Колдун! Волчье отродье! Демон джунглей! Уходи! Скорее убирайся отсюда, или наш жрец опять превратит тебя в волка! Стреляй, Бульдео.

Старый мушкет с громом выстрелил, молодой буйвол замычал от боли.

— Новое колдовство! — закричали они. — Он отводит пули в сторону. Бульдео, это был твой буйвол.

— Что же это? — спросил ошеломленный Мауг-

ли, когда град камней стал еще гуще.

— Они походят на стаю, эти твои братья, — сказал Акела, спокойно садясь на землю. — Мне приходит в голову, что, если пули что-нибудь значат, они тебя выгонят.

— Волк! Волчонок! Уходи! — закричал жрец, размахивая веткой священного растения тульци.

— Опять? Тогда меня гнали за то, что я человек; теперь меня гонят за то, что я волк? Уйдем, Акела.

Женщина — это была Мессуа — побежала к стаду с криком:

— О мой сын, мой сын! Они говорят, что ты колдун и можешь по желанию превращаться в зверей. Не верю им, но уходи, или они убьют тебя. Бульдео уверяет, что ты волшебник, я же знаю, что ты отомстил за смерть моего Нату.

— Назад, Мессуа! — закричала толпа. — Назад, или мы побьем тебя камнями!

Маугли засмеялся отрывистым, недобрым смехом, потому что один камень попал ему в лицо.

— Беги назад, Мессуа. Это одна из глупых историй, которые они рассказывают в темноте, под большим деревом. Я наконец заплатил за жизнь твоего сына. Прощай. Беги быстро, потому что я пошлю в деревню стадо, а оно движется быстрее,

чем летят осколки их кирпичей. Я не колдун, Мессуа. Прощай!.. Еще раз, Акела, — крикнул он, — гони стадо в ворота!

Буйволам самим очень хотелось вернуться в деревню. Вой Акелы вряд ли был нужен им. Они вихрем понеслись через ворота, рассеивая толпу людей вправо и влево.

— Сосчитайте их, — презрительно крикнул Маугли, — может быть, я украл одного буйвола! Считайте, я не буду больше пасти стадо. Будьте здоровы, дети людей, и поблагодарите Мессуа за то, что я с моими волками не войду в деревню и не стану гонять вас взад и вперед по вашей улице.

Маугли повернулся и пошел прочь с Одиноким Волком. Взглянув на звезды, он почувствовал себя счастливым.

— Мне не придется больше спать в ловушках, Акела. Возьмем шкуру Шер Хана и уйдем. Нет, мы не причиним вреда деревне, потому что Мессуа была добра ко мне.

Поднялась луна, и долина стала молочно-белой; жители деревни с ужасом увидели, как Маугли, в сопровождении двух волков и с каким-то свертком на голове, бежал спокойной волчьей рысью; бег этот своей быстротой напоминает движение огня, и позади бегущего таким шагом скоро оста-

ется одна миля за другой.

Они стали звонить в колокола храма и трубить в крупные раковины еще громче обыкновенного; Мессуа плакала, а Бульдео все украшал и украшал рассказ о своих приключениях в джунглях так, что наконец, по его словам, Акела стоял перед ним на задних лапах и говорил с ним, как человек.

Луна заходила, когда Маугли и два волка пришли на холм Скалы Совета и остановились подле пещеры Матери Волчицы.

— Меня выгнали из людской стаи, мать, — крикнул Маугли, — но я пришел со шкурой Шер Хана и сдержал данное слово!

Волчица Мать, взволнованная, вышла из пещеры, за ней появились ее дети; при виде шкуры глаза Ракши загорелись.

— В тот день, когда он просунул свою голову и плечи в эту пешеру, охотясь за тобой, лягушечка, я сказала ему, что охотник сделается дичью. Хорошо сделано!

— Хорошо сделано, Маленький Брат, — послышался глубокий голос в чаще. — Нам было скучно в джунглях без тебя, — и Багира подбежала и склонилась к босым ногам Маугли.

Они вместе поднялись на Скалу Совета, и Маугли разостлал тигровую шкуру на том плоском

камне, где, бывало, сидел Акела, прикрепив ее четырьмя заостренными осколками бамбука. Тогда Акела лег на шкуру с обычным старинным призывом к Совету: «Смотрите, смотрите хорошенько, о волки!» Совершенно также взывал он, когда в это место впервые привели Маугли.

С тех самых пор, как был смещен Акела, стая оставалась без вожака, и волки охотились или дрались, когда им вздумается. Однако они по привычке пришли на призыв; некоторые из них хромали, ушибленные капканами, в которые они попадали; некоторые ковыляли, раненные пулями; некоторые исхудали от дурной пищи; многих совсем не было; тем не менее уцелевшие собрались к Скале Совета, увидели полосатую шкуру Шер Хана на камне и его огромные когти на концах пустых лап. Вот тогда-то Маугли сочинил песню без рифм, песню, которая как-то сама собой подступила к его горлу. Он громко выкрикивал ее, прыгая взад и вперед по слегка стучавшей шкуре и отбивая ритм пятками; мальчик плясал, пока не задохнулся от усталости; между одной строфой и другой Серый Брат и Акела выли.

— Смотрите хорошенько, о волки! Сдержал ли я свое слово? — сказал Маугли, окончив песню; и волки пролаяли: «Да!»

А один лохматый провыл:

— Будь нашим вожаком опять, о Акела! Будь нашим вожаком опять, о детеныш человека, потому что нам надоело беззаконие и мы хотели бы снова сделаться Свободным Народом.

— Нет, — промурлыкала Багира. — Этого не должно быть. Когда вы наедитесь, безумие снова может овладеть вами. Недаром зовут вас Свободным Народом! Вы боролись за свободу и достигли ее. Питайтесь ею, о волки.

— Стая людей и волчья стая выгнали меня, — заметил Маугли. — Теперь я буду один охотиться в джунглях.

— И мы будем охотиться с тобой, — сказали четыре сына Матери Волчицы.

Итак, Маугли ушел и с этого дня охотился с четырьмя детьми Матери Волчицы. Однако он не всегда был одинок, потому что через много лет сделался вполне взрослым человеком и женился. Но это рассказ для взрослых людей.

Белый котик

Все это случилось много лет тому назад на острове Св. Павла, в месте, которое называется Северо-Восточный мыс, далеко-далеко в Беринговом море. Зимний королек Лиммершин рассказал мне эту историю, когда ветер прибил его к оснастке шедшего в Японию парохода, и я отнес его в каюту, согрел и несколько дней кормил, так что наконец он мог опять улететь на остров Св. Павла. Лиммершин — странная птичка, но он умеет говорить правду.

Северо-Восточный мыс посещают исключительно по делам, а настоящее дело там бывает только у котиков, и в летние месяцы они сотнями и сотнями тысяч приплывают к его берегам из холодного Северного моря. Для котиков нигде в море нет таких удобств, как у берегов Северо-Восточного мыса.

Морской Ловец отлично знал это и с наступлением весны несся к берегам Северо-Восточного мыса и целый месяц бился там со своими товарищами за хорошее место на берегу, поближе к морю. Ему уже минуло пятнадцать лет; это был

крупный серый зверь с мехом, образовавшим почти гриву на его плечах, и с длинными злобными клыками. Поднимаясь на своих передних ластах, он возвышался больше чем на четыре фута над землей, а если бы кто-нибудь решился его взвесить, он потянул бы почти семьсот фунтов. Все тело этого котика покрывали шрамы, следы жестоких боев, но он всегда бывал готов снова драться. Морской Ловец склонял голову набок, точно боясь взглянуть в глаза своему врагу, потом, как молния, кидался на него. Когда крупные зубы Морского Ловца впивались в шею его противника, тот, конечно, мог вырваться, если находил в себе на то силы, только Морской-то Ловец не помогал ему в этом отношении.

Зато Морской Ловец никогда не преследовал побежденного: это было против правил Берега. Он только желал получить место подле моря для своей «детской». Однако, ввиду того что сорок или пятьдесят тысяч котиков каждую весну стремились к тому же, визг, плеск, рев, вой и шум на берегу сливались во что-то страшное.

С небольшого холма, называемого холмом Гутчинсона, вы могли бы видеть пространство в три с половиной мили, все покрытое дерущимися; волны прибоя усеивали головы котиков, спе-

шивших к земле тоже ради борьбы. Они дрались среди прибрежных камней; дрались на песке; дрались на истертых гладких базальтовых камнях «детских», потому что были так же тупы и несговорчивы, как люди. Их жены являлись только в последних числах мая или в начале июня; они не желали быть растерзанными. Молодые двух-, трех– и четырехлетние котики, которые еще не обзавелись хозяйством, миновали ряды дерущихся, около полумили проходили в глубь острова и целыми легионами принимались играть на песчаных дюнах, уничтожая все зеленое, что только вырастало из земли. Их называли холостяками, и, может быть, на одном Северо-Восточном мысе собиралось около двухсот или трехсот тысяч таких молодых котиков.

Однажды весной Морской Ловец только что закончил свой сорок пятый бой, когда Матка, его нежная жена с кроткими глазами, вышла из моря, а он схватил ее за шиворот, опустил на свой участок и ворчливо сказал: «Как всегда опоздала! Где ты была?»

В течение тех четырех месяцев, которые Морской Ловец оставался на отмелях, он ничего не ел, а потому бывал обыкновенно в дурном настроении. Матка знала, что ему не нужно отвечать.

Она огляделась кругом и нежно промурлыкала:

— Как ты заботлив. Ты опять занял прежнее место!

— Я думаю — занял! — сказал Морской Ловец. — Посмотри на меня.

Он был весь исцарапан; из его тела кровь сочилась местах в двадцати; один его глаз почти совсем закрылся, а бока были в лохмотьях.

— Ох вы, мужчины, мужчины, — сказала Матка, обвевая себя задним ластом. — Почему это вы не можете быть благоразумны и спокойно занимать места? Право, можно думать, что ты дрался с касаткой Убийцей Китов.

— С половины мая я только и делал, что дрался. В нынешнем году берег наполнен до противности. Я встретил по крайней мере сотню котиков с Луканнонской отмели, которые отыскивали пристанище. Почему это никто не хочет оставаться в своих собственных областях?

— Я часто думала, что мы были бы гораздо счастливее, если бы устроились на острове Выдры, а не оставались в этом густонаселенном месте, — заметила Матка.

— Ба, на остров Выдры плавает только молодежь. Если бы мы отправились туда, все подумали бы, что мы боимся. Нам необходимо заботиться о

сохранении приличий, моя милая.

Морской Ловец гордо втянул голову в плечи и несколько минут притворялся, будто он спит, а между тем все время наблюдал, нельзя ли подраться. Теперь, когда на земле уже собрались все котики и их жены, вы могли бы за несколько миль от берега услышать в море их шум, покрывавший громкий прибой волн. На берегу было более миллиона котиков: старые котики, маленькие котики, их матери и холостяки. Они дрались, ссорились, кричали, ползали и играли; уплывали в море; толпами и полками возвращались к суше; лежали на каждом футе берега, насколько мог видеть глаз; бригадами шныряли, пронизывая туман. Здесь почти всегда туманно, за исключением тех дней, в которые на короткое время выходит солнце и всему придает цвет жемчуга или радуги.

Детеныш Матки, Котик, родился в разгар смятения; он весь состоял из головы и плеч и смотрел бледными, водянисто-голубыми глазами; все, как подобало новорожденному детенышу. Тем не менее в его шерстке было что-то, что заставило Матку очень внимательно присмотреться к нему.

— Морской Ловец, — сказала она, помолчав, —

наш маленький будет белый.

— Пустые прибрежные раковины и сухие водоросли! — фыркнул Морской Ловец. — В мире никогда не бывало белого котика.

— Я не виновата, — сказала Матка, — но теперь будет, — и она запела тихую воркующую песенку, которую все матери поют своим детенышам-котикам: — «Не плавай, пока тебе не минет шести недель, не то твоя голова погрузится в воду» и т. д.

Конечно, сперва маленькое существо не понимало ее слов. Котик возился и играл подле своей матери и научился быстро уходить прочь, когда его отец дрался с другим котиком и бойцы с громким ревом катались по скользким камням. Матка отправлялась за едой в море и кормила детеныша только через день; но тогда он жадно бросался на пищу и ел столько, сколько мог съесть.

Раз Котик прошел подальше, в глубь острова, и встретил там десятки тысяч своих сверстников. Они играли, как щенята; засыпали на чистом песке, просыпались, снова начинали возиться. Взрослые не обращали на них внимания; холостяки держались на своем участке, а потому у малюток было много времени для забав.

Возвращаясь с рыбной ловли в глубоком мо-

ре, Матка прямо направлялась к месту их игр и принималась звать Котика голосом овцы, призывающей своего ягненка, и ждала, чтобы он откликнулся. Едва услышав его блеяние, она прямиком двигалась в его направлении, сильно ударяя о землю своими передними ластами и расталкивая головой малышей, которые падали вправо и влево от нее. Несколько сотен матерей всегда отыскивали своих маленьких в месте их игр, и юным котикам порядочно доставалось от них; но Матка справедливо говорила Котику:

— Пока ты не лежишь в грязной воде и не худеешь, пока жесткие песчинки не попадают в царапины или порезы на твоем теле, пока ты не плаваешь в бурю, с тобой ничего не случится.

Маленькие котики плавают не лучше маленьких детей. Когда Котик в первый раз вошел в море, волна унесла его на такую глубину, где он мог утонуть; его большая голова погрузилась в воду; его маленькие задние ласты поднялись вверх совершенно так, как Матка говорила ему в колыбельной песне, и, если бы следующая волна не кинула его обратно, он утонул бы.

После этого он научился так лежать в луже на отмели, чтобы набегающие волны покрывали его и поднимали, в это время он загребал воду

ластами и смотрел, не подходят ли большие волны, которые могли бы ему повредить. Две недели учился он работать своими ластами и все это время то входил в воду, то выходил из нее; с криком, похожим на кашель, или хрюканьем выползал на берег повыше и спал, как кошечка, на песке; потом опять отправлялся в море и наконец понял, что его настоящая стихия — вода.

Теперь вы можете представить себе, как он веселился со своими товарищами, то ныряя под морские валы, то поднимаясь на гребень водяной гряды, то выходя на землю среди шипения воды и разлетающихся брызг, когда большой вал, крутясь, набегал на отмель. Порой, стоя на хвосте, и он почесывал голову, совершенно как старые котики, или играл в игру «я король замка» на осклизлых, покрытых водорослями скалах, едва выдававшихся из воды. Время от времени Котик замечал подплывающий к берегу тонкий плавник, похожий на перо крупной акулы, и знал, что это Убийца Китов (касатка), который поедает молодых котиков, когда может добраться до них. И Котик, как стрела, мчался к отмели, а плавник медленно удалялся.

В конце октября целые семьи и стаи котиков стали покидать остров Св. Павла, направляясь в

открытое море; бои из-за места прекратились, и холостяки теперь играли, где им вздумается.

— В будущем году, — сказала Котику его мать, — ты будешь холостяком, а пока тебе нужно научиться ловить рыбу.

Они вместе пустились по Тихому океану, Матка показала Котику, как надо спать на спине, прижав плавники к бокам и выставив носик из воды. В мире нет колыбели спокойнее длинных, гладких качающихся валов Тихого океана. Когда Котик почувствовал легкий зуд во всей коже, Матка сказала ему, что он начинает понимать воду; что этот зуд и покалывание предвещают наступление дурной погоды и что, значит, ему нужно плыть во всю силу и уйти подальше.

— Скоро, — сказала она, — ты будешь также понимать, куда именно надо плыть; до поры же до времени следи за Морской Свиньей, дельфином; он очень умен.

Целая толпа дельфинов ныряла и неслась, разрезая воду, и маленький Котик помчался за ними.

— Почему вы знаете, куда надо плыть? — задыхаясь, спросил он.

Вожак выпучил свои белесоватые глаза и нырнул в глубину.

— У меня зуд в хвосте, малыш, — сказал он, — а это обозначает, что позади меня буря. Вперед! Когда ты будешь южнее Стоячей Воды (он подразумевал экватор) и у тебя поднимется зуд в хвосте, знай, что перед тобой буря, и поворачивай на север. Вперед! Я чувствую, что вода здесь очень опасна.

Это одна из тех вещей, которые узнал Котик, а он постоянно учился. Матка сказала, что ему следует плыть за треской и палтусом вдоль подводных мелей, научиться обследовать обломки судов, лежащие на сотню саженей под водой; проскальзывать, точно ружейная пуля, в один иллюминатор затонувшего корабля и вылетать из другого, как это делают рыбы; танцевать на гребнях волн, когда молния бороздит небо, и вежливо махать одним своим ластом летящим по ветру короткохвостому альбатросу и морскому соколу; выскакивать из воды на три или четыре фута, как дельфин, прижимая к бокам ласты и изгибая хвост; не трогать летучих рыб, потому что они состоят из одних костей; на полном ходу и на глубине десяти саженей отрывать зубами лакомый кусочек спинки трески; никогда не останавливаться и не смотреть на лодку или на корабль, особенно же на гребную шлюпку. Через

шесть месяцев Котик не знал о рыбной ловле в открытом море только того, чего и знать не стоило; и все это время ни разу не вышел на сушу.

Но однажды, когда Котик дремал, лежа в теплой воде где-то невдалеке от острова Хуана Фернандеса, он почувствовал леность, какую ощущают люди, когда весна забирается в их тело; в то же время ему вспомнились славные твердые берега Северо-Восточного мыса за семь тысяч миль от него, игры его товарищей, запах морской травы и рев котиков во время боя. В ту же самую минуту он повернул к северу, торопливо поплыл в этом направлении и скоро встретил десятки своих товарищей, которые все спешили туда же. Они сказали:

— Здравствуй, Котик! В этом году мы, холостяки, можем протанцевать «огненный танец» среди прибрежных камней Луканнона и поиграть на молодой траве. Но откуда взял ты такой мех?

Теперь у Котика была почти совершенно белая шкура, и хотя он гордился ею, но ответил только:

— Плывите быстрее. Мои кости тоскуют по земле.

Наконец все они вернулись к родным отмелям и услышали, как старые котики дрались между собой в клубах тумана.

В первую ночь Котик протанцевал «огненный танец» со своими сверстниками. В летние ночи все пространство моря от Северо-Восточного мыса до Луканнона полно огня, и каждый котик оставляет позади себя след, похожий на полосу горящего масла; когда он прыгает, поднимается пламенный всплеск. А от волн, набегающих на берег, несутся огненные струи и крутящиеся блестящие воронки. Потом молодые холостяки отправились дальше на свои участки и катались взад и вперед в молодой зелени, рассказывая друг другу о том, что они делали, когда были в море. Они говорили о Тихом океане, как мальчики говорят о чаще леса, в которой собирали орехи, и если бы кто-нибудь понял речь котиков, он начертил бы такую карту океана, какой еще никогда не бывало.

Трех– и четырехлетние холостяки понеслись с холма Гутчинсона, крича:

— Прочь с дороги, молодежь! Море глубоко, и вы не знаете всего, что в нем есть. Погодите, раньше обогните Горн. Эй ты, одногодка, где ты взял эту белую шубу?

— Нигде не взял, — ответил Котик, — она выросла!

Как раз в ту минуту, когда он хотел опрокинуть

говорившего, из-за песчаной дюны вышло двое черноволосых людей с плоскими красными лицами, и Котик, еще никогда не видавший человека, сердито кашлянул и опустил голову. В нескольких ярдах от людей холостяки сгрудились, глупо глядя на них. Пришедшие были важные личности: Керик Бутерин, глава охотников на этом острове, и Паталамон, его сын. Они пришли из маленькой деревни, стоявшей меньше чем в полумиле от «детских», и теперь толковали, каких котиков следует прогнать к бойням (котиков гоняли совсем как овец) с тем, чтобы позже их шкуры были превращены в куртки.

— Хе, — сказал Паталамон, — посмотри-ка! Белый котик!

Лицо Керика Бутерина побелело, несмотря на слой сала и копоти, покрывавший всю его кожу (он был алеут, алеуты же очень неопрятны).

И охотник забормотал молитву.

— Не трогай его, Паталамон. Белых котиков не бывало с тех пор… с тех пор, как я родился. Может быть, это дух старика Захарова. В прошлом году он исчез во время большой бури.

— Я не подойду к нему, — сказал Паталамон. — Он принесет мне несчастье. А ты действительно думаешь, что это Захаров? Я остался ему должен

за несколько яиц чайки.

— Не смотри на него, — сказал Керик. — Поверни-ка вот это стадо четырехлеток. Сегодня работники обязаны содрать шкуры с двух сотен. Охотничье время только что начинается, и они еще не привыкли к работе. Достаточно сотни. Скорее!

Паталамон затрещал перед стаей холостяков высушенными котиковыми плечевыми костями, и звери остановились, фыркая и отдуваясь. Потом он подошел к ним, и они двинулись; Керик направил холостяков от берега, и они даже не постарались вернуться к своим. Сотни и сотни тысяч других котиков смотрели, как гонят их товарищей, и продолжали играть. Один Котик задавал вопросы, но никто не мог ничего сказать ему; холостяки знали только, что в течение шести недель, или двух месяцев, люди ежегодно угоняли котиков.

— Я пойду за ними, — сказал Котик, и его глаза чуть не выскочили из орбит, когда он пополз по следам стада.

— За нами идет белый котик, — закричал Паталамон. — В первый раз зверь сам собой идет к месту бойни!

— Тшш! Не смотри, не оборачивайся, — ответил

Керик, — это призрак Захарова. Я должен поговорить о нем с шаманом.

Место бойни было всего в полумиле от обыкновенной арены игр холостяков, но Керику пришлось потратить на передвижение целый час, так как он знал, что, если котики пойдут слишком скоро, они разгорячатся, и, когда он станет сдирать с них шкуры, они будут сходить клочками. Так они очень медленно миновали перешеек Морского Льва, дом Вебстера, наконец дошли до Соленого Дома и скрылись из виду котиков, бывших на отмели. Котик шел позади них, задыхался, изумлялся. Ему казалось, что он на краю света, но гул «детских» звучал с силой грохота поезда в туннеле.

Вот Керик сел на мох, вынул тяжелые оловянные часы и позволил котикам отдыхать минут тридцать. Котик слышал, как капли сгустившегося тумана падали с капюшона охотника. Но скоро показалось человек десять — двенадцать, каждый принес окованную железом дубину фута в три-четыре длины. Керик указал на двух или трех котиков из стада, которые были укушены своими товарищами или слишком разгорячены, и пришедшие люди откинули их в сторону своими ногами, обутыми в тяжелые сапоги из

моржовой кожи. Тогда Керик сказал: «Начинайте!», и пришедшие стали колотить котиков…

Через десять минут маленький Котик не мог узнать никого из своих друзей: их шкуры были разрезаны от носа до задних ластов, содраны и грудой брошены на землю.

Этого было довольно! Котик повернулся и поскакал галопом (небольшое пространство котик может пройти очень быстрым галопом); он двигался обратно к морю, и его маленькие молодые усы топорщились от ужаса. На перешейке Морского Льва, где крупные морские львы сидят на кромке прибоя, он закинул ласты на голову, бросился в прохладную воду и стал качаться, с трудом переводя дыхание.

— Что такое? — сердито сказал морской лев; они обыкновенно держатся особняком.

— Скучно, очень скучно, — сказал Котик. — Убивают всех холостяков на всех отмелях.

Морской лев посмотрел в сторону суши.

— Пустяки, — сказал он, — твои друзья, по обыкновению, шумят из-за вздора. Ты, вероятно, видел, как старый Керик перебил стадо? Вот уже тридцать лет он угоняет котиков.

— Да ведь это ужасно! — сказал Котик.

Его накрыла волна; он же винтовым ударом

своих ластов поднялся стоймя и остановился в трех дюймах от зазубренного утеса.

— Недурно для одногодка, — заметил морской лев, который умел ценить хорошего пловца. — Вероятно, с твоей точки зрения, происходит ужасная вещь, но раз вы, котики, год из года возвращаетесь в одно и то же место, немудрено, что люди узнали об этом. Если вы не отыщете для себя острова, на котором никогда не бывает людей, вас всегда будут угонять.

— Нет ли такого острова на свете? — спросил Котик.

— Двадцать лет я охочусь на палтуса и не могу сказать, чтобы уже нашел его. Но послушай, по-видимому, ты любишь разговаривать с существами, которые умнее и лучше тебя; что если бы ты отправился к островку моржей и поговорил с Морским Волшебником? Может быть, он что-нибудь знает? Да не прыгай так. Нужно проплыть шесть миль, и на твоем месте, малыш, я прежде вздремнул бы.

Котик нашел, что это хороший совет, поплыл к своей собственной отмели, выбрался на берег, заснул и проспал полчаса, весь подергиваясь, как это делают все его родичи. Позже он направился к острову моржей, лежащему к северо-востоку от

Северо-Восточного мыса. Остров этот состоял из каменных площадок и гнезд чаек. Там стадами отдыхали моржи.

Котик пристал близ старого Морского Волшебника, огромного, некрасивого, пятнистого, морщинистого моржа северного Тихого океана, зверя с толстой шеей и с длинными бивнями, который вежлив, только когда он спит. Морской Волшебник спал в эту минуту, и его задние ласты до половины уходили в волны.

— Просыпайся! — громко тявкнул Котик, потому что чайки подняли сильный шум.

— Ай! Хо! Гм! Что это? — спросил морж, ударил клыками своего соседа и разбудил его; тот, в свою очередь, ударил следующего, и пошло, и пошло, пока все они не проснулись и не принялись осматриваться по сторонам, только Котика никто не замечал.

— Эй! Это я, — сказал Котик, качаясь, как поплавок, в волнах прибоя и похожий на маленький белый комок.

— Хорошо! Ну, пусть меня… обдерут! — сказал морж, и все посмотрели на Котика, как посмотрели бы старые дремлющие джентльмены на зашедшего в их клуб маленького мальчика.

Котику в эту минуту совсем не хотелось слу-

шать о сдирании кож; он достаточно насмотрелся на это, а потому закричал:

— Нет ли в мире такого места, в которое никогда не приходят люди?

— Ищи сам, — ответил Морской Волшебник, закрывая глаза. — Плыви. Мы заняты!

Котик сделал свой дельфиний прыжок в воздухе и закричал еще громче прежнего:

— Поедатель травы, поедатель ракушек!

Он знал, что Морской Волшебник никогда в жизни не поймал ни одной рыбы, а вечно вырывал раковины, морской мох и морские травы, хоть любил казаться ужасным существом. Понятно, маевки, большие поморники, белые чайки и глупыши, всегда желающие найти случай сказать кому-нибудь грубость, повторили его восклицание, и (так передавал мне Лиммершин) минут пять вы не могли бы услышать ружейного выстрела на островке моржей. Все его население кричало и взвизгивало:

— Поедатель травы! Старик!

А старый морж ворочался с боку на бок, похрюкивал и кашлял.

— Ну, ты теперь скажешь? — спросил Котик, совсем задыхаясь.

— Спроси у морской коровы, — ответил морж, —

если она еще жива; она в состоянии сказать тебе.

— Она — единственное существо, которое безобразнее Морского Волшебника! — крикнул большой поморник, пролетая под самым носом моржа. — Она еще безобразнее и еще невежливее. Старик!

Котик предоставил чайкам кричать, а сам поплыл к своему берегу. Тут он узнал, что никто не поддерживает его намерение открыть новое, спокойное место. Ему сказали, что люди всегда угоняли десятки молодых холостяков, что это давно вошло в обычай и что, если ему не нравится смотреть на неприятные вещи, он не должен ходить к месту бойни. Ведь никто раньше не видал, как убивают их родичей, и в этом заключалось различие между Котиком и его друзьями. Кроме того, у Котика была белая шерсть.

— Вон что! — сказал Морской Ловец, выслушав рассказ сына о его приключениях. — Вырасти, сделайся таким же крупным котиком, как твой отец, заведи собственную семью, и тогда тебя оставят в покое. Через пять лет ты будешь в состоянии защищаться.

Даже кроткая Матка сказала:

— Тебе не удастся прекратить эту бойню. Иди, играй в море, Котик.

И Котик уплыл и протанцевал «огненный танец», но с большой тяжестью на сердечке.

В эту осень он очень рано покинул берег и совсем один пустился в путь; в его голове засела одна неотвязная мысль. Он отыщет морскую корову, если только в море окажется такое существо, и найдет спокойный остров с хорошим, твердым берегом, где люди не могли бы добраться до котиков. И он стал осматривать весь Тихий океан от севера до юга, проплывая в сутки около трехсот миль. С ним случилось больше приключений, чем можно рассказать; он чуть не попался в зубы пятнистой акуле и молоту-рыбе (род акулы), встретил всех невероятных злодеев, снующих по морям, тяжелую лощеную рыбу, раковину-гребенку с багровыми пятнами, которая прикрепляется к одному месту на сотни лет и гордится этим, но ни разу не видел морской коровы и не нашел островка, о котором так он мечтал.

Если берег оказывался хорошим, твердым, с отлогой покатостью для игр, на горизонте всегда виднелся дым китоловной лодки, и Котик знал, что это обозначало. Иногда он видел на острове следы пребывания котиков, понимал, что они были перебиты, и говорил себе, что туда, где люди побывали раз, они, конечно, вернутся снова.

Однажды Котик беседовал со старым широкохвостым альбатросом, и тот сказал ему, что в смысле покоя и тишины в мире нет места лучше и спокойнее острова Кергелена.

Котик поплыл к указанному месту, и буря с градом, молнией и громом вынесла его там на черные злобные утесы, о которые он чуть было не разбился вдребезги. Тем не менее, отплывая, Котик заметил, что даже на этом угрюмом острове когда-то была «детская». То же повторялось на всех островах, на которых он побывал.

Лиммершин дал мне длинный список этих островов; по его словам, Котик потратил пять лет на поиски, ежегодно отдыхая по четыре месяца у себя на родине; в это время холостяки насмехались над ним и над его воображаемыми островами. Он побывал на Галапагосе, в ужасном сухом месте на экваторе, и чуть до смерти не спекся там; плавал к островам Св. Георгия, к Оркнейским, к Изумрудному острову, к малому острову Нахтигаля, к острову Буве, к острову Св. Креста, даже к крошечному кусочку земли, южнее мыса Доброй Надежды. Но морское население повсеместно говорило ему одно и то же. В прежние времена котики приходили к этим островам, но люди убивали их. Даже когда Котик отплыл на

несколько тысяч миль от Тихого океана и попал в место, называемое Кап-Кориентес, он наткнулся на несколько сотен исхудалых котиков, и они сказали ему, что люди являлись и к ним.

Сердце Котика чуть не разбилось, и, обогнув мыс Горн, он направился к родным отмелям; по пути на север вышел на землю, на остров, покрытый зелеными деревьями, и застал на нем умирающего, старого-престарого котика; Котик поймал для него рыбы, поведал ему о своих горестях и сказал:

— Теперь я возвращаюсь к Северо-Восточному мысу, и, если меня прогонят вместе с моими товарищами к месту бойни, мне будет все равно.

Старый котик ответил:

— Попытайся еще. Я последний из последнего выводка Масафуера, и в те дни, когда люди убивали нас целыми сотнями тысяч, на наших отмелях рассказывали, что со временем с севера явится белый котик и уведет Котиковый Народ в спокойное место. Я стар, и мне не суждено дожить до такого дня; другие же доживут. Сделай еще попытку.

И Котик поднял свои усы (они были прелестны) и произнес:

— Я единственный белый котик, когда-либо

рожденный на берегу, и только я один, черный ли, белый ли, решил искать новые острова.

Эта встреча сильно ободрила его. Когда летом Котик вернулся домой, Матка попросила его жениться и завести хозяйство, так как он сделался взрослым крупным котиком с волнистой белой гривой на плечах, таким же тяжелым, большим и свирепым, как Морской Ловец.

— Дай мне еще один год, — сказал он ей, — вспомни, матушка, ведь именно седьмая волна забегает на отмель дальше всех остальных.

Удивительная вещь: одна из юных невест тоже решила не выходить в этом году замуж, и ночью, перед своим последним отправлением на поиски, Котик проплясал с ней «огненный танец» вдоль Луканнонской отмели.

На этот раз он направился к западу, так как напал на след огромного стада палтусов, а ему нужно было съедать по крайней мере сто фунтов рыбы в день, чтобы сохранять полную силу. Котик преследовал палтусов, пока не устал, потом свернулся и заснул во впадине близ холма на Медном острове. Он отлично знал берег, поэтому, когда около полуночи почувствовал, что его постель из трав слегка колышется, мысленно сказал:

— Гм, сегодня сильный прилив.

Повернувшись под водой, он открыл глаза, потянулся и, заметив какие-то огромные фигуры, которые шарили носами в мелкой воде и щипали тяжелые бахромы водорослей, подскочил по-кошачьи.

— Клянусь волнами Магелланова пролива, — прошептал он себе в усы. — Кто же это?

Странные животные не походили ни на моржей, ни на морских львов, ни на котиков, ни на медведей, ни на китов, ни на рыб, ни на каракатиц, ни на раковины гребенки — словом, ни на одно создание, которое когда-либо видал Котик. Они имели от двадцати до тридцати футов длины, были без задних ластов, с одними лопатообразными хвостами, как бы выдавленными из влажной кожи, а их невероятно нелепые головы поразили бы вас своим видом. Вот они перестали есть, поднялись почти вертикально, закачались, важно кланяясь друг другу и помахивая своими ластами, как толстый человек помахивает своими руками.

— Эхем, — сказал Котик. — Хорошая охота?

Большие животные ответили ему поклонами и помахали своими ластами; потом начали снова есть, и Котик заметил, что у каждого из

них верхняя губа была разделена на две части, странное существо могло вытягивать обе ее половины врозь, приблизительно на фут; потом оно сближало эти лопасти, и в разрезе между ними оказывался целый пук морской травы. Забрав пищу в рот, чудище принималось торжественно жевать ее.

— Странный способ питания, — сказал Котик.

Они снова поклонились ему, и Котик начал терять терпение.

— Очень хорошо, — продолжал он. — Если у вас в передних ластах имеется лишний сустав, вам незачем все время показывать его. Я вижу — вы кланяетесь очень грациозно, но мне хотелось бы знать, как вас зовут.

Расщепленные губы зашевелились, искривились; водянистые зеленые глаза уставились на Котика, но ответа не последовало.

— Ну, — сказал Котик, — однако, вы безобразнее Морского Волшебника и обладаете еще худшими манерами!

В эту минуту в нем вспыхнуло воспоминание о том, что прокричал ему большой поморник, когда он, тогда еще юный одногодка, был подле острова моржей. Вспомнив же об этом, Котик ушел под воду: он понял, что наконец встретил морскую корову.

Морские коровы продолжали барахтаться, пастись в травах и жевать их, а Котик принялся задавать им вопросы на всех наречиях, которым научился во время своих странствий.

У Морского Народа их не меньше, чем у людей; однако ни одна морская корова не ответила; дело

в том, что морские коровы не в состоянии говорить, у них в шее всего шесть позвонков вместо семи, и морские жители уверяют, что это мешает им разговаривать даже между собой. Зато, как нам известно, в передних ластах у них есть по лишнему суставу, и, размахивая ими то вверх, то вниз, то в стороны, они делают знаки, которые служат им чем-то вроде неуклюжего телеграфного кода.

К рассвету грива Котика ощетинилась, а его терпение отправилось туда, куда уходят мертвые крабы. В это время морские коровы медленно двинулись к северу; время от времени они останавливались для нелепых совещаний, с вечными поклонами; Котик плыл вслед за ними, говоря себе: «Такие глупые существа давным-давно были бы перебиты, если бы они не нашли какого-нибудь безопасного острова, а то, что достаточно хорошо для морской коровы, хорошо и для котика. Но все-таки я хотел бы, чтобы они поторопились».

Скучное это было время для Котика. Стадо никогда не делало больше сорока или пятидесяти миль в день; на ночь морские коровы останавливались для еды, во время пути держались близ берега; Котик плавал вокруг них, проносился над

ними, нырял под ними, однако не мог ускорить их хода, хотя бы немного. Когда коровы сильно продвинулись к северу, они принялись устраивать совещания через каждые несколько часов, при этом по-прежнему раскланиваясь, и Котик чуть не обкусал все свои усы от досады; наконец он заметил, что морские коровы двигаются по теплому течению, и с этих пор начал уважать их.

Раз ночью они погрузились в светлую воду, — утонули, как камни, — ив первый раз с тех пор, как Котик узнал их, поплыли быстро. Он пустился вслед за ними, и их скорость изумила его: он никак не думал, чтобы эти неуклюжие животные могли двигаться с такой ловкостью. Вот они направились к прибрежному утесу, который уходил в глубокую воду, и вошли в темное отверстие близ его подножия на двадцать саженей ниже поверхности моря. Долго-долго плыли они по этому темному коридору, и Котику захотелось вдохнуть свежий воздух раньше, чем он вышел из туннеля, через который его вели странные существа.

— Гривка моя! — произнес Котик, когда он, хватая ртом воздух и отдуваясь, очутился по ту сторону подземного хода. — Долго пришлось мне пробыть под водой, но стоило!

Морские коровы рассеялись и лениво пощипы-

вали травы по краям самого прекрасного берега, который когда-либо видел Котик. На целые мили тянулись мягко обточенные водой камни, годные для котиковых «детских»; дальше поднимался отлогий песчаный берег, удобный для игр молодежи; были здесь и прибрежные камни, где холостяки могли танцевать, трава, в которой они могли валяться, и песчаные дюны для лазания по ним вверх и вниз. Но самое лучшее, по запаху воды, который не обманывает котика, Котик понял, что в этом месте никогда не бывали люди.

Прежде всего он удостоверился, что рыбы много; потом проплыл вдоль берега и сосчитал восхитительные низкие песчаные острова, полуприкрытые прекрасным клубящимся туманом. К северу в море выходил ряд мелей, перекатов и скал, которые не подпустили бы ни одно судно к берегу ближе, чем на шесть миль; между островами и материком тянулась полоса глубокой воды, подходившей к отвесным утесам, и где-то там, под этими скалами, скрывалось отверстие туннеля.

— Это тот же Северо-Восточный мыс, только в десять раз лучший, — сказал Котик. — Морские коровы, должно быть, умнее, чем я предполагал. Даже в том случае, если поблизости живут люди,

они не сумеют спуститься с обрывистых утесов; со стороны же открытого моря мели разобьют в щепки любое судно. Если только где-нибудь есть безопасное место — оно именно здесь.

Котик вспомнил об ожидавшей его юной невесте, однако, как ни хотелось ему поскорее вернуться к родным берегам, он внимательно исследовал новую страну, чтобы ответить на все вопросы своего племени.

Потом Котик нырнул, твердо запомнил, где находится вход в туннель, и пронесся через него к югу. Никто, кроме морской коровы или котика, не мог бы представить себе существование такого коридора, и даже Котик, оглянувшись на утесы, с трудом поверил, что он прошел под ними.

Он плыл быстро, тем не менее на возвращение домой затратил шесть дней; когда же выполз на землю повыше перешейка Морского Льва, прежде всего увидел ожидавшую его невесту По взгляду его глаз она поняла, что он наконец отыскал желанный остров.

Однако холостяки, Морской Ловец и все другие котики стали над ним насмехаться, когда он рассказал им о месте, которое нашел; один из его ровесников заметил:

— Все это прекрасно, Котик, но, явившись неиз-

вестно откуда, ты не можешь приказать нам уйти отсюда. Вспомни, мы боролись из-за наших лежек, а ты нет. Ты предпочел шататься по морям.

Остальные засмеялись; молодой же ровесник Котика принялся ворочать головой из стороны в сторону. Он только что женился в этом году и очень важничал.

— Мне нечего бороться из-за лежки, — ответил Котик. — Я хочу только показать вам всем совершенно безопасное место. Зачем драться?

— О, если ты отказываешься, мне, конечно, не о чем больше говорить, — недобро посмеиваясь, сказал молодой котик.

— А ты пойдешь со мной, если я останусь победителем? — спросил Котик, и в его глазах загорелся зеленый огонь; ему совсем не хотелось драться, но вызов рассердил его.

— Отлично, — беспечно ответил молодой котик. — Если ты победишь, я пойду за тобой.

Он не успел переменить намерения, голова Котика вытянулась, и его зубы впились в шею насмешника. Потом Котик присел на задние лапы, потащил своего противника по берегу, потряс его, перевернул на спину и прогремел, обращаясь к остальным:

— Эти пять лет я старался ради вас, нашел для

вас остров, где вы будете жить в безопасности, но, если не сорвешь голов с ваших глупых шей, вы не поверите. Теперь я поучу вас. Берегитесь!

Лиммершин сказал мне, что никогда в жизни (а Лиммершин ежегодно видит бои десяти тысяч крупных котиков), что никогда в жизни он не наблюдал ни за чем подобным нападению Котика, который кинулся на самого крупного из котиков, схватил его за горло, тряс, колотил, бросал, пока тот не стал похрюкивать, прося пощады; он отшвырнул его и бросился на следующего. Видите ли: Котик никогда не голодал в течение четырех месяцев, как это делают остальные его родичи, а плавание по глубокому морю развило его силы; главное же, до сих пор он никогда не дрался. Его белая грива вздыбилась от гнева, его глаза так и горели, а острые зубы поблескивали. Он был прекрасен.

Старый Морской Ловец видел, как он мелькал мимо него, таская за собой седеющих крупных котиков, точно это были палтусы, и во все стороны разбрасывал холостяков. Морской Ловец заревел и воскликнул:

— Может быть, Котик безумец, но на берегу нет бойца лучше него! Не нападай на меня, сынок, твой отец с тобой заодно!

Пронесся ответный рев Котика, и Морской Ловец запрыгал, подняв усы и отдуваясь, как паровоз; Матка же и невеста Котика свернулись, с восхищением наблюдая за своими бойцами. Происходила блестящая битва, Ловец и Котик боролись, пока оставался хоть один котик, решавшийся поднимать голову. Когда все было закончено, они с громким ревом стали двигаться взад и вперед по берегу.

Ночью, как раз в то время, когда северное сияние, вспыхивая, замигало среди тумана, Котик поднялся на обнаженный утес и посмотрел на разгромленные «детские» и на окровавленных, израненных котиков.

— Теперь, — сказал он, — я дал вам всем урок.

— О, моя грива! — заметил его отец, с трудом выпрямляясь, потому что он был страшно искусан. Сам дельфин-касатка не мог бы хуже искромсать его. — Я горжусь тобой, сынок: больше того, я отправляюсь с тобой к твоему острову, если такое место существует.

— Эй вы, толстые морские свиньи, кто идет со мной к туннелю морской коровы? Отвечайте, не то я опять примусь учить вас! — прогремел Котик.

Вдоль берега пробежал ропот, напоминающий

плеск прилива.

— Мы идем, — сказали тысячи усталых голосов. — Мы пойдем вслед за Котиком, вслед за Белым Котиком!

А Котик втянул голову в плечи и с гордостью закрыл глаза. Он уже не был белым; с головы до хвоста он окрасился в красный цвет. Тем не менее ему не хотелось ни визжать, ни взглянуть на свои раны, ни зализывать их.

Через неделю Котик и его армия (около десяти тысяч холостяков и старых секачей) двинулись на север к туннелю морской коровы. Их вел Котик. Оставшиеся же на старом месте называли уплывших идиотами. Но на следующую весну, когда котики снова встретились на рыболовных отмелях Тихого океана, товарищи Котика порассказали упрямым таких чудес о новых берегах за туннелем морской коровы, что большое число котиков покинуло берег Северо-Восточного мыса.

Понятно, переселение совершалось постепенно: котику нужно долго обдумывать что бы то ни было, но год от года все большие и большие стада покидали Северо-Восточный мыс, Луканнон и другие жилища ради спокойных, защищенных берегов, где Котик проводит каждое лето, становясь год от года крупнее, жирнее и сильнее, а

холостяки играют вокруг него в море, недоступном для человека.

Рикки-Тикки-Тави

Это рассказ о великой войне, которую Рикки-Тикки-Тави вел в одиночку в ванной комнате просторного бунгало в Сеговлийском военном поселении. Дарси, птица-портной, помогал ему, Чучундра, мускусная крыса, которая никогда не выходит на середину комнаты и всегда крадется по стенам, дала ему совет; тем не менее по-настоящему сражался один Рикки-Тикки.

Он был мангуст, мехом и хвостом он походил на кошечку, но его голова и нрав напоминали ласку Его глаза и кончик беспокойного носа были розовые; любой лапкой, передней или задней, он мог почесывать себя везде, где угодно; мог распушить свой хвост, делая его похожим на щетку для ламповых стекол, а когда он несся через высокую траву, его боевой клич был: рикк-тикк-тикки-тикки-тчк.

Однажды в середине лета ливень вымыл его из норы, в которой он жил со своими отцом и матерью, и унес барахтающегося и цокающего зверька в придорожную канаву. Рикки-Тикки увидел там плывущий комок травы, изо всех сил

ухватился за него и наконец потерял сознание. Когда зверек очнулся, он, сильно промокший, лежал на середине садовой дорожки под знойными лучами солнца; над ним стоял маленький мальчик и говорил:

— Вот мертвый мангуст. Устроим ему похороны.

— Нет, — ответила мать мальчика. — Унесем зверька к нам домой и обсушим его. Может быть, он еще жив.

Они внесли его в дом; очень высокий человек взял Рикки-Тикки двумя пальцами и сказал, что зверек не умер, а только почти задохнулся; Рикки-Тикки завернули в вату и согрели; он открыл глаза и чихнул.

— Теперь, — сказал высокий человек (это был англичанин, который только что поселился в бунгало), — не пугайте его, и посмотрим, что он станет делать.

Труднее всего в мире испугать мангуста, потому что этого зверька, от его носика до хвоста, поедает любопытство. Девиз каждой семьи мангустов «Беги и узнай», а Рикки-Тикки был истинным мангустом. Он посмотрел на вату, решил, что она не годится для еды, обежал вокруг стола, сел и привел в порядок свою шерстку, почесался и

вскочил на плечо мальчика.

— Не бойся, Тедди, — сказал мальчику отец. — Так он знакомится с тобой.

— Ох, щекотно; он забрался под подбородок.

Рикки-Тикки заглянул в пространство между воротником Тедди и его шеей, понюхал его ухо, наконец, сполз на пол, сел и почесал себе нос.

— Боже милостивый, — сказала мать Тедди, — и это дикое создание! Я думаю, он такой ручной, потому что мы были добры к нему.

— Все мангусты такие, — ответил ей муж. — Если Тедди не станет дергать его за хвост, не посадит в клетку, он будет целый день то выбегать из дому, то возвращаться. Покормим его чем-нибудь.

Зверьку дали кусочек сырого мяса. Оно понравилось Рикки-Тикки; поев, мангуст выбежал на веранду, сел на солнце и поднял свою шерсть, чтобы высушить ее до самых корней. И почувствовал себя лучше.

— В этом доме я скоро узнаю гораздо больше, — сказал он себе, — чем все мои родные могли бы узнать за целую жизнь. Конечно, я останусь здесь и все рассмотрю.

Он целый день бегал по дому; чуть не утонул в ванной; засунул носик в чернильницу на письменном столе; обжег его о конец сигары ан-

гличанина, когда взобрался на его колени, чтобы посмотреть, как люди пишут. Когда наступил вечер, мангуст забежал в детскую Тедди, чтобы видеть, как зажигают керосиновые лампы; когда же Тедди лег в постель, Рикки-Тикки влез за ним и оказался беспокойным товарищем: он ежеминутно вскакивал, прислушивался к каждому шороху и отправлялся узнать, в чем дело. Отец и мать Тедди пришли в детскую посмотреть на своего мальчика; Рикки-Тикки не спал; он сидел на подушке.

— Это мне не нравится, — сказала мать мальчика, — он может укусить Тедди.

— Мангуст не сделает ничего подобного, — возразил ее муж. — Близ этого маленького зверька Тедди в большей безопасности, чем был бы под охраной негрской собаки. Если бы в детскую теперь заползла змея…

Но мать Тедди не хотела и думать о таких ужасных вещах.

Рано утром Рикки-Тикки явился на веранду к первому завтраку, сидя на плече Тедди. Ему дали банан и кусочек вареного яйца. Он посидел поочередно на коленях у каждого, потому что всякий хорошо воспитанный мангуст надеется, со временем, сделаться домашним животным и

бегать по всем комнатам; а мать Рикки-Тикки (она жила в доме генерала в Сеговли) старательно объяснила ему, как он должен поступать при встрече с белыми.

После завтрака Рикки-Тикки вышел в сад, чтобы хорошенько осмотреть его. Это был большой, только наполовину возделанный сад, с кустами роз «Марешаль Ниель» такой высоты, какой они достигают только в оранжереях, с лимонными и апельсинными деревьями, с зарослями бамбука и чащами густой, высокой травы. Рикки-Тикки облизнул губы.

— Какой превосходный участок для охоты, — сказал он; от удовольствия его хвост распушился, как щетка для ламповых стекол, и он стал шнырять взад и вперед по саду, нюхая там и сям, и наконец среди ветвей терновника услышал очень печальные голоса. Там сидели Дарси, птица-портной, и его жена. Соединив два листа и сшив их краешки листовыми фибрами, они наполнили пустое пространство между ними ватой и пухом, таким образом устроив прекрасное гнездо. Гнездо покачивалось; птицы сидели на его краю и плакали.

— В чем дело? — спросил Рикки-Тикки.

— Мы очень несчастны, — сказал Дарси. —

Один из наших птенцов вчера выпал из гнезда, и Наг съел его.

— Гм, — сказал Рикки-Тикки, — это очень печально, но я здесь недавно. Кто это Наг?

Дарси и его жена вместо ответа притаились в своем гнезде, потому что из-под куста донеслось тихое шипение — ужасный холодный звук, который заставил Рикки-Тикки отскочить на два фута назад. И вот из травы, дюйм за дюймом, показалась голова, а потом и раздутая шея Нага, большой черной кобры, имевшей пять футов длины от языка до хвоста. Когда Наг поднял треть своего тела, он остановился, покачиваясь взад и вперед, точно колеблемый ветром куст одуванчиков, и посмотрел на Рикки-Тикки злыми змеиными глазами, никогда не изменяющими выражения, о чем бы ни думала змея.

— Кто Наг? — сказал он. — Я — Наг! Великий бог Брама наложил на весь наш род свой знак, когда первая кобра раздула свою шею, чтобы охранять сон божества. Смотри и бойся!

Наг еще больше раздул свою шею, и Рикки-Тикки увидел на ней знак, который так походил на очки и их оправу. На минуту он испугался; но мангуст не может бояться долго; кроме того, хотя Рикки-Тикки никогда не видел живой кобры, его

мать приносила ему для еды кобр мертвых, и он отлично знал, что жизненная задача взрослого мангуста — сражаться со змеями и поедать их. Наг тоже знал это, и в глубине его холодного сердца шевелился страх.

— Хорошо, — сказал Рикки-Тикки, и шерсть его хвоста начала подниматься, — все равно, есть на тебе знаки или нет, ты не имеешь права есть птенчиков, выпавших из гнезда.

Наг думал; в то же время он наблюдал за легким движением в траве позади Рикки-Тикки. Он знал, что раз в саду поселятся мангусты, это, рано или поздно, повлечет за собой его смерть и гибель его семьи, и ему хотелось заставить Рикки-Тикки успокоиться. Поэтому он немного опустил голову и наклонил ее на одну сторону.

— Поговорим, — сказал Наг, — ты же ешь яйца. Почему бы мне не есть птиц?

— Позади тебя! Оглянись! — пропел Дарси.

Рикки-Тикки не хотел тратить времени, смотря по сторонам. Он подскочил как можно выше, и как раз под ним со свистом промелькнула голова Нагены, злой жены Нага. Пока он разговаривал с Нагом, вторая кобра подкрадывалась к нему сзади, чтобы покончить с ним; теперь, когда ее удар пропал даром, Рикки-Тикки услышал злобное

шипение. Он опустился на лапки, почти поперек спины Нагены, и, будь Рикки-Тикки старым мангустом, он понял бы, что ему следует, куснув ее один раз, сломать ей спину; но он боялся страшного поворота головы кобры. Конечно, Рикки кусал змею, но недостаточно сильно, недостаточно долго и отскочил от ее хлеставшего хвоста, бросив раненую и рассерженную Нагену.

— Злой, злой Дарси, — сказал Наг, поднимаясь насколько мог по направлению к гнезду на кусте терновника; но Дарси так устроил свое жилище, что оно было недоступно для змей и только слегка покачивалось.

Глаза Рикки-Тикки покраснели, и к ним прилила кровь (когда глаза мангуста краснеют, это значит, что он сердится); зверек сел на свой хвост и задние лапки, как маленький кенгуру, огляделся кругом и зацокал от бешенства. Наг и Нагена исчезли в траве. Если змее не удается нападение, она ничего не говорит и ничем не показывает, что собирается сделать дальше. Рикки-Тикки не стал отыскивать кобр; он не был уверен, удастся ли ему справиться сразу с двумя змеями. Поэтому мангуст пробежал на усыпанную дорожку подле дома, сел и стал думать. Ему предстояло важное дело.

В старинных книгах по естественной истории вы прочитаете, что укушенный змеей мангуст прекращает борьбу, отбегает подальше и съедает какую-то травку, которая исцеляет его. Это неправда. Мангуст одерживает победу только благодаря быстроте своего взгляда и ног; удары змеи состязаются с прыжками мангуста, а так как никакое зрение не в силах уследить за движением головы нападающей змеи, победу зверька можно считать удивительнее всяких волшебных трав. Рикки-Тикки знал, что он молодой мангуст, а потому тем сильнее радовался при мысли о своем спасении от удара, направленного сзади. Все случившееся внушило ему самоуверенность, и, когда на дорожке показался бегущий Тедди, Рикки-Тикки был не прочь, чтобы он его приласкал.

Как раз в ту секунду, когда Тедди наклонился к нему, что-то слегла зашевелилось в пыли и тонкий голос сказал:

— Осторожнее. Я смерть!

Это была карэт, коричневатая змейка, которая любит лежать в пыли. Ее укус так же опасен, как укус кобры. Но коричневая змейка так мала, что никто о ней не думает, и потому она приносит людям особенно много вреда.

Глаза Рикки-Тикки снова покраснели, и он под-

скочил к карэт тем особенным покачивающимся движением, которое унаследовал от своих родичей. Это смешная походка, но благодаря ей зверек остается в таком совершенном равновесии, что может кинуться на врага под каким ему угодно углом, а когда дело идет о змеях, — это великое преимущество.

Рикки-Тикки не знал, что он решился на более опасную вещь, чем бой с Нагом! Ведь карэт так мала и может поворачиваться так быстро, что, если бы Рикки-Тикки не схватил ее подле затылка, она опрокинулась бы и укусила его в глаз или губу. Но Рикки этого не знал; его глаза горели, и он прыгал взад и вперед, отыскивая, где бы лучше захватить карэт. Карэт кинулась. Рикки прыгнул в сторону на всех четырех лапках и попытался кинуться на нее, но маленькая злобная пыльно-серая голова промелькнула близ самого его плеча; ему пришлось перескочить через тело змеи; ее голова направилась за ним и почти коснулась его.

Тедди повернулся к дому и закричал:

— О, смотрите! Наш мангуст убивает змею!

Почти тотчас же Рикки услышал испуганное восклицание матери Тедди; отец мальчика выбежал в сад с палкой, но к тому времени, когда он

подошел к месту боя, карэт слишком вытянулась, Рикки-Тикки сделал прыжок, вскочил на спину змеи и, прижав ее голову своими передними лапами, укусил в спину, как можно ближе к голове, потом отскочил в сторону. Его укус парализовал карэт. Рикки-Тикки уже собирался приняться есть змею, по обычаю своего семейства, начиная с хвоста, как вдруг вспомнил, что сытый мангуст неповоротлив и что, если он желает быть сильным, ловким и проворным, ему необходимо остаться голодным.

Он отошел, чтобы выкупаться в пыли под кустами клещевины. В это время отец Тедди колотил палкой мертвую карэт.

«Зачем? — подумал Рикки-Тикки. — Я же покончил с ней!»

Мать Тедди подняла мангуста из пыли и приласкала его, говоря, что он спас от смерти ее сына; отец Тедди заметил, что мангуст — их счастье, а сам Тедди смотрел на всех широко открытыми испуганными глазами. Эта суета забавляла Рикки-Тикки, который, понятно, не понимал ее причины. Мать Тедди могла бы с таким же успехом ласкать Рикки за то, что он играл в пыли. Но Рикки-Тикки было весело.

В этот вечер за обедом мангуст расхаживал

взад и вперед по столу и мог бы три раза всласть наесться всяких вкусных вещей, но он помнил о Наге и Нагене, и, хотя ему было очень приятно, когда мать Тедди гладила и ласкала его, хотя ему нравилось сидеть на плече самого Тедди, время от времени его глазки вспыхивали красным огнем и раздавался его продолжительный боевой крик: рикк-тикк-тикки-тикки-тчк!

Тедди отнес его к себе в постель и хотел непременно уложить его под своим подбородком. Рикки-Тикки был слишком хорошо воспитан, чтобы укусить или оцарапать мальчика, но едва Тедди заснул, мангуст соскочил на пол, отправился осматривать дом и в темноте натолкнулся на Чучундру, мускусную крысу, которая кралась по стене. Чучундра — маленький зверек с разбитым сердцем. Целую ночь она хнычет и пищит, стараясь заставить себя выбежать на середину комнаты, но никогда не решается на это.

— Не убивай меня, — чуть не плача, попросила Чучундра. — Не убивай меня, Рикки-Тикки!

— Разве ты думаешь, что победитель змей убивает мускусных крыс? — презрительно сказал Рикки-Тикки.

— Тот, кто убивает змей, бывает убит змеями, — еще печальнее произнесла Чучундра. — И разве

я могу быть уверена, что когда-нибудь в темную ночь Наг не примет меня за тебя?

— Этого нечего бояться, — сказал Рикки-Тикки, — кроме того, Наг в саду, а ты, я знаю, не выходишь туда.

— Моя родственница Чуа, крыса, сказала мне… — начала Чучундра и замолчала.

— Что сказала?

— Тсс! Наг повсюду, Рикки-Тикки. Тебе следовало бы поговорить в саду с крысой Чуа.

— Я не говорил с ней, значит, ты должна сказать мне все. Скорее, Чучундра, не то я тебя укушу!

Чучундра села и заплакала; слезы покатились по ее усам.

— Я несчастна, — прорыдала она. — У меня нет мужества выбежать на середину комнаты. Тсс! Я не должна ничего тебе говорить. Разве ты сам не слышишь, Рикки-Тикки?

Рикки-Тикки прислушался. В доме было тихо-тихо, однако ему казалось, что он может уловить невероятно слабый «скрип-скрип» — звук не сильнее скрипа лап осы, бродящей по оконному стеклу, — сухой скрип змеиной чешуи по кирпичам.

«Это Наг или Нагена, — мысленно сказал себе Рикки-Тикки, — и змея ползет в сточный желоб

ванной комнаты. Ты права, Чучундра, мне следовало поговорить с крысой Чуа».

Он тихо вошел в ванную комнату Тедди; там не было ничего; потом заглянул в ванную комнату матери мальчика. Здесь в гладкой оштукатуренной стене, внизу, был вынут кирпич для стока воды, и когда Рикки-Тикки крался мимо ванны, вмазанной в пол, он услышал, что за стеной, снаружи, Наг и Нагена шепчутся при свете месяца.

— Когда дом опустеет, — сказала мужу Нагена, — ему придется уйти, и тогда мы снова всецело завладеем садом. Тихонько вползи и помни: прежде всего нужно укусить большого человека, который убил карэт. Потом вернись, расскажи мне все, и мы вместе поохотимся на Рикки-Тикки.

— А уверена ли ты, что мы достигнем чего-нибудь, убив людей? — спросил Наг.

— Всего достигнем. Разве в саду были мангусты, когда никто не жил в бунгало? Пока дом пуст, мы в саду король и королева; и помни, едва на грядке с дынями лопнут яйца (а это может случиться завтра), нашим детям понадобится спокойствие и простор.

— Я не подумал об этом, — сказал Наг. — Я вползу, но нам незачем преследовать Рикки-Тикки.

Я убью большого человека, его жену и ребенка, если это будет возможно, и вернусь. Бунгало опустеет, и Рикки-Тикки уйдет сам.

Рикки-Тикки весь дрожал от ярости и ненависти, но вот из желоба показалась голова Нага, а потом и пять футов его холодного тела. Как ни был рассержен Рикки-Тикки, но, увидав размер громадной кобры, он почувствовал страх. Наг свернулся, поднял свою голову и посмотрел в темную ванную комнату; Рикки заметил, что его глаза блестят.

«Если я убью его здесь, это узнает Нагена, кроме того, если я буду биться с ним посреди пола, вся выгода окажется на его стороне. Что мне делать?» — подумал Рикки-Тикки-Тави.

Наг извивался в разные стороны, и скоро мангуст услышал, что он пьет из самого большого водяного кувшина, которым обыкновенно наполняли ванну.

— Вот что, — сказал Наг, — большой человек убил карэт палкой. Может быть, эта палка все еще у него, но утром он придет купаться без нее. Я дождусь его здесь. Нагена, ты слышишь? Я до утра буду ждать здесь, в холодке.

Снаружи не послышалось ответа, и Рикки-Тикки понял, что Нагена уползла. Наг принялся

укладываться в большой кувшин, обвивая кольцами своего тела выпуклость на его дне, а Рикки-Тикки сидел тихо, как смерть. Прошел час; мангуст медленно, напрягая одну мышцу за другой, двинулся к кувшину. Наг спал, и, глядя на его широкую спину, Рикки спрашивал себя, в каком месте лучше всего схватить кобру зубами. «Если при первом же прыжке я не переломлю ему хребта, — подумал Рикки, — он будет биться, а борьба с Нагом… О Рикки!»

Он измерил взглядом толщину змеиной шеи, но она была слишком широка для него; укусив же кобру подле хвоста, он только привел бы ее в бешенство.

«Лучше всего вцепиться в голову, — мысленно сказал он себе наконец, — в голову повыше капюшона; впустив же в Нага зубы, я не должен разжимать их».

Он прыгнул. Голова змеи слегка выдавалась из водяного кувшина и лежала ниже его горлышка. Как только зубы Рикки сомкнулись, мангуст уперся спиной о выпуклость красного глиняного кувшина, чтобы удержать голову змеи. Это дало ему секунду выгоды, и он хорошо воспользовался ею. Но Наг тотчас же принялся трясти его, как собака трясет крысу; таскал его взад и вперед

по полу, вскидывал, опускал, размахивал им, но глаза мангуста горели красным огнем, и он не разжимал своих зубов. Змея волочила его по полу; жестяной ковшик, мыльница, тельная щетка — все разлетелось в разные стороны. Рикки ударился о цинковую стенку ванны и сильнее сжал свои челюсти. Рикки ради чести своей семьи желал, чтобы его нашли с сомкнутыми зубами. Голова у него кружилась. Вдруг раздалось что-то вроде громового удара; ему представилось, будто он разлетается на куски; горячий воздух обдал его, и он лишился чувств; красный огонь опалил его шерстку. Шум разбудил большого человека, и он выстрелил из обоих стволов своего ружья в голову Нага, выше расширения шеи кобры.

Рикки-Тикки не открывал глаз; он был вполне уверен, что его убили; но змеиная голова не двигалась, и, подняв зверька, англичанин сказал:

— Это опять мангуст, Элис; малыш спас теперь наши жизни.

Пришла мать Тедди, совсем бледная, посмотрела и увидела то, что осталось от Нага. Между тем Рикки-Тикки проковылял в спальню Тедди и половину оставшейся ночи тихонько обследовал себя, чтобы узнать, действительно ли, как ему казалось, его кости переломаны в сорока местах.

Утром он почувствовал утомление во всем теле, но был очень доволен тем, что ему удалось совершить.

«Теперь мне следует разделаться с Нагеной, хотя она будет опаснее пяти Нагов; кроме того, никто не знает, когда лопнут яйца, о которых она упоминала. Да, да, я должен поговорить с Дарси», — сказал себе мангуст.

Не дожидаясь завтрака, Рикки-Тикки побежал к терновому кусту, где Дарси во весь голос распевал торжествующую песню. Известие о смерти Нага разошлось по саду, потому что уборщик бросил его тело на кучу мусора.

— Ах ты, глупый пучок перьев! — сердито сказал Рикки-Тикки. — Время ли теперь петь?

— Наг умер, умер, умер! — пел Дарси. — Храбрый Рикки-Тикки схватил его за голову и крепко сжал ее. Большой человек принес гремучую палку, и Наг распался на две части. Никогда больше не будет он поедать моих птенцов.

— Все это верно, но где Нагена? — внимательно осматриваясь, спросил Рикки-Тикки.

— Нагена приблизилась к отводному желобу ванной комнаты и позвала Нага, — продолжал Дарси. — И Наг показался на конце палки; уборщик проколол его концом палки и бросил на

мусорную кучу Воспоем же великого красноглазого Рикки-Тикки!

Горлышко Дарси надулось, и он продолжал петь.

— Если бы только я мог добраться до твоего гнезда, я вышвырнул бы оттуда всех твоих детей, — сказал Рикки-Тикки. — Ты не умеешь ничего делать в свое время. В твоем гнезде тебе не грозит опасность, но здесь, внизу, у меня идет война. Погоди петь минуту, Дарси.

— Ради великого, ради прекрасного Рикки-Тикки я замолчу, — сказал Дарси. — Что тебе угодно, о победитель страшного Нага?

— Где Нагена, в третий раз спрашиваю тебя?

— На мусорной груде, подле конюшни; она оплакивает Нага! Великий Рикки-Тикки с белыми зубами!

— Брось ты мои белые зубы. Слышал ли ты, где ее яйца?

— На ближайшем к ограде конце дынной гряды; там, куда почти целый день светит солнце. Несколько недель тому назад она зарыла их в этом месте.

— А ты не подумал сказать мне о них? Так, значит, подле стены?

— Но ты же не съешь ее яйца, Рикки-Тикки?

— Не могу сказать, чтобы я собирался именно съесть их; нет. Дарси, если у тебя есть хоть капля ума в голове, лети к конюшне, притворись, будто у тебя сломано крыло, и пусть Нагена гонится за тобой вплоть до этого куста. Я должен пройти к дынной гряде, но, если я побегу туда теперь, она заметит меня.

Дарси был маленьким созданием с птичьим мозгом, в котором никогда не помещается больше одной мысли сразу; только потому, что дети Нагены рождались в яйцах, как его собственные, ему показалось, что убивать их нечестно. Зато его жена была благоразумной птичкой и знала, что яйца кобры предвещают появление молодых кобр. Итак, она вылетела из гнезда, предоставив Дарси согревать птенцов и продолжать воспевать смерть Нага. В некоторых отношениях Дарси очень напоминал человека.

Птичка стала перепархивать перед Нагеной подле кучи мусора, крича:

— Ах, мое крыло сломано! Мальчик из дома бросил в меня камнем и перебил его. — И она запорхала еще отчаяннее прежнего.

Нагена подняла голову и прошипела:

— Ты предупредила Рикки-Тикки, когда я могла убить его. Поистине ты выбрала дурное место ковылять. — И, скользя по слою пыли, кобра двинулась к жене Дарси.

— Мальчик камнем перебил мое крыло! — выкрикнула птица Дарси.

— Ну, может быть, для тебя послужит утешением, если я скажу, что, когда ты умрешь, я сведу счеты с этим мальчиком. Теперь утро, и мой муж лежит на груде мусора, а раньше, чем наступит ночь, мальчик будет неподвижно лежать в доме. Зачем ты убегаешь? Я все равно тебя поймаю. Дурочка, посмотри-ка на меня.

Но жена Дарси отлично знала, что «этого» делать не нужно, потому что, взглянув в глаза змеи, птица так пугается, что теряет способность двигаться. С грустным писком жена Дарси продолжала трепетать крыльями и убегать, не поднимаясь от земли. Нагена поползла быстрее.

Рикки-Тикки услышал, что они двигаются по дорожке от конюшни, и помчался к ближайшему от ограды концу дынной гряды. Там, на горячем удобрении и очень хитро скрытые между дынями, лежали змеиные яйца, всего двадцать пять штук, размером вроде яиц бентамов (порода

кур), но с беловатой кожистой оболочкой, а не в скорлупе.

«Я не пришел раньше времени», — подумал Рикки.

Сквозь кожистую оболочку он разглядел внутри яиц свернувшихся детенышей кобры, а ему было известно, что каждый едва вылупившийся змееныш может убить человека или мангуста. Он как можно быстрее надкусил верхушки яиц, не забыв старательно раздавить маленьких кобр. Время от времени мангуст смотрел, не пропустил ли он хоть одного яйца. Вот осталось только три, и Рикки-Тикки стал уже посмеиваться про себя, как вдруг до него долетел крик жены Дарси!

— Рикки-Тикки, я увела Нагену к дому, она вползла на веранду... О, скорее, она хочет убивать!

Рикки-Тикки раздавил два яйца, скатился с гряды и, захватив третье в рот, побежал к веранде, очень быстро перебирая ногами. Там за ранним завтраком сидели Тедди, его отец и мать, но Рикки-Тикки сразу увидел, что они ничего не едят. Они не двигались, как каменные, и их лица побелели. На циновке, подле стула Тедди, лежала свернувшаяся Нагена, и ее голова была на таком расстоянии, что она ежеминутно могла укусить

голую ножку мальчика. Кобра покачивалась взад и вперед и пела торжествующую песню.

— Сын большого человека, убившего Нага, — шипела она, — не двигайся! Я еще не готова. Погоди немножко. Не двигайтесь все вы, трое. Если вы пошевелитесь, я укушу; если вы не пошевелитесь, я тоже укушу. О глупые люди, которые убили моего Нага!

Тедди не спускал глаз с отца, а его отец мог только шептать:

— Сиди неподвижно, Тедди. Ты не должен шевелиться. Тедди, не шевелись!

Рикки-Тикки поднялся на веранду:

— Повернись, Нагена, повернись и начни бой.

— Все в свое время, — ответила кобра, не спуская глаз с Тедди. — Я скоро сведу мои счеты с тобой. Смотри на своих друзей, Рикки-Тикки. Они не двигаются; они совсем белые; они боятся. Пошевелиться люди не смеют, и, если ты сделаешь еще один шаг, я укушу.

— Посмотри на твои яйца, — сказал Рикки-Тикки, — там на дынной гряде, подле ограды! Проползи туда и взгляни на них, Нагена.

Большая змея сделала пол-оборота и увидела свое яйцо на веранде.

— Аа-х! Отдай мне его! — сказала она.

Рикки-Тикки положил яйцо между передними лапами; его глаза были красны как кровь.

— Сколько дают за змеиное яйцо? За молодую кобру? За молодую королевскую кобру? За последнюю, за самую последнюю из всего выводка? Там, на дынной гряде, муравьи поедают остальных.

Нагена повернулась совсем; она все забыла ради своего единственного яйца, и Рикки-Тикки увидел, что отец Тедди протянул свою большую руку, схватил Тедди за плечо, протащил его через маленький стол с чайными чашками, так что мальчик очутился в безопасности и вне досягаемости Нагены.

— Обманута, обманута, обманута, рикки-тчк-тчк! — засмеялся Рикки-Тикки. — Мальчик спасен, и это я, я, я ночью поймал Нага в ванной комнате. — И мангуст принялся прыгать на всех своих четырех лапах сразу, опустив голову к полу. — Наг кидал меня во все стороны, но не мог стряхнуть с себя. Он умер раньше, чем большой человек разбил его на две части. Я сделал это, Рикки-Тикки, тчк-тчк! Иди же, Нагена, скорее дерись со мной. Недолго будешь ты вдовой.

Нагена поняла, что она потеряла удобный случай убить Тедди! К тому же ее яйцо лежало между лапками мангуста.

— Отдай мне яйцо, Рикки-Тикки, отдай мне последнее из моих яиц, и я уйду отсюда и никогда не вернусь, — сказала она, и ее шея сузилась.

— Да, ты исчезнешь и никогда не вернешься, потому что отправишься на груду мусора, к Нагу. Дерись, вдова! Большой человек пошел за своим ружьем. Дерись!

Глазки Рикки-Тикки походили на раскаленные угли, и он прыгал кругом Нагены, держась на таком расстоянии, чтобы она не могла укусить его. Нагена сжалась и сделала прыжок вперед, Рикки-Тикки подскочил в воздух и отпрянул от нее; кобра кинулась снова, опять и опять. Ее голова каждый раз со стуком падала на маты веранды, и змея свертывалась, как часовая пружина. Наконец Рикки-Тикки стал, прыгая, описывать круги, в надежде очутиться позади змеи, и Нагена извивалась, стараясь держать свою голову против его головы, и шорох ее хвоста по циновке походил на шелест сухих листьев, которые гонит ветер.

Мангуст забыл о яйце. Оно все еще лежало на веранде, и Нагена приближалась и приближалась к нему. И вот в ту секунду, когда Рикки-Тикки приостановился, чтобы перевести дух, кобра схватила свое яйцо в рот, повернулась к лестнице, спустилась с веранды и, как стрела, полетела

по дорожке; Рикки-Тикки помчался за ней. Когда кобра спасает свою жизнь, она двигается, как ремень бича, изгибами падающий на шею лошади.

Рикки-Тикки знал, что он должен поймать ее, так как в противном случае все начнется сызнова. Нагена направлялась к высокой траве подле терновника, и, мчась вслед за нею, Рикки-Тикки услышал, что Дарси все еще распевает свою глупую триумфальную песенку. Жена Дарси была умнее своего мужа. Когда Нагена проносилась мимо ее гнезда, она вылетела из него и захлопала крыльями над головой кобры. Если бы Дарси помог своей подруге и Рикки, они могли бы заставить ее повернуться, но теперь Нагена только сузила шею и скользнула дальше. Тем не менее короткая остановка дала возможность Рикки подбежать к ней ближе, и, когда кобра опустилась в нору, составлявшую их жилище с Нагом, его белые зубки схватили ее за хвост, и он вместе с ней спустился под землю, хотя очень немногие мангусты, даже самые умные и старые, решаются бросаться за змеей в ее дом. В норе было темно, и Рикки-Тикки не знал, где подземный ход может расшириться и дать возможность Нагене повернуться и укусить его. Он изо всех сил держался за ее хвост, расставляя свои маленькие ножки, что-

бы они служили тормозом, упираясь в черный, горячий, влажный земляной откос.

Трава близ входа в нору перестала качаться, и Дарси заметил:

— Для Рикки-Тикки все окончено. Мы должны спеть песню в честь его смерти. Отважный Рикки-Тикки умер! Конечно, Нагена убила его под землей.

И он запел очень печальную песню, которую сложил, вдохновленный данной минутой, но, как раз когда певец дошел до самой ее трогательной части, трава снова зашевелилась и показался весь покрытый грязью Рикки-Тикки; шаг за шагом, едва переступая ногами, он вышел из норы и облизнул свои усы. Дарси замолчал с легким восклицанием. Рикки-Тикки стряхнул со своей шерстки часть пыли и чихнул.

— Все кончено, — сказал он. — Вдова никогда больше не выйдет наружу.

Красные муравьи, которые живут между стеблями трав, услышали его замечание, засуетились и один за другим отправились смотреть, правду ли сказал он.

Рикки-Тикки свернулся в траве и заснул. Он спал до конца дня; в этот день мангуст хорошо поработал.

— Теперь, — проснувшись, проговорил зверек, — я вернусь в дом; ты, Дарси, скажи о случившемся птице Меднику, он же по всему саду разгласит о смерти Нагены.

Медник — птичка, крик которой напоминает удары маленького молотка по медной чашке; он кричит так потому, что служит глашатаем каждого сада в Индии и сообщает вести всем желающим слушать. Когда Рикки-Тикки двинулся по дорожке, он услышал его крик, обозначающий «внимание» и напоминающий звон крошечного обеденного гонга. После этого раздалось: «Динг-донг-ток! Наг умер! Донг! Нагена умерла! Динг-донг-ток». И вот все птицы в саду запели, все лягушки принялись квакать; ведь Наг и Нагена поедали не только птичек, но и лягушек.

Когда Рикки подошел к дому, к нему навстречу вышли Тедди, мать Тедди (она все еще была бледна, так как только что оправилась от обморока) и отец Тедди; они чуть не плакали над мангустом. Вечером он ел все, что ему давали, пока мог есть, и улегся спать на плече Тедди; когда же мать мальчика поздно ночью пришла взглянуть на своего сына, она увидела Рикки.

— Он спас нам жизнь и спас Тедди, — сказала она своему мужу. — Только подумай, он всех нас

избавил от смерти.

Рикки-Тикки внезапно проснулся: мангусты спят очень чутким сном.

— О, это вы, — сказал он. — Чего вы хлопочете? Все кобры убиты; а если бы и не так, я здесь.

Рикки-Тикки мог гордиться; однако он не слишком возгордился и охранял сад, как и подобало мангусту, — зубами и прыжками, и ни одна кобра не решалась больше показываться за садовой оградой.

Маленький Тумаи

Кала Наг, — что значит Черный Змей, — сорок семь лет служил индийскому правительству всеми способами, доступными слону. Когда его поймали, ему уже минуло двадцать лет, следовательно, теперь он приближался к семидесяти годам, — зрелый возраст для слона. Кала Наг помнил, как однажды на его лоб наложили большую кожаную подушку и он вытащил орудие из глубокой грязи; это случилось до Афганской войны 1842 года, когда он еще не вошел в полную силу. Мать Кала Нага — Рада Пиари (Рада Дорогая), — пойманная в одно время с ним, раньше чем у него выпали маленькие молочные бивни, сказала ему, что слоны, которые чего-либо боятся, неминуемо попадают в беду. И Кала Наг скоро осознал справедливость ее слов, потому что, когда перед ним в первый раз разорвался снаряд, он закричал, отступил, и штыки поранили его мягкую кожу. И так, не достигнув двадцати пяти лет, он перестал бояться чего бы то ни было, приобрел всеобщую любовь и стал считаться лучшим слоном правительства Индии; за ним ухаживали

больше, чем за его собратьями. Работал он много: во время похода в Верхнюю Индию Кала Наг переносил палатки, по двести пудов палаток сразу; однажды его подняли на судно паровым краном и в течение многих дней везли по воде; в неизвестной ему стране, где-то далеко от Индии, его заставили нести на своей спине мортиру; и там, в Магдале, он видел мертвого императора Теодора, вернулся на пароходе и, как говорили солдаты, получил право носить медаль, выбитую в честь Абиссинской войны. Прошло десять лет; Кала Нага отослали в страшную страну, Али-Мушед, где его собратья умирали от голода, холода, падучей болезни и солнечных ударов; позже его послали на несколько тысяч миль южнее, чтобы он таскал и складывал в громадные груды толстые стволы индийского дуба на лесных дворах Моул-мена. В этом месте он чуть не убил непокорного молодого слона, отказавшегося выполнить свою долю работы.

Его увели от лесных порубок и поручили ему вместе с несколькими десятками других слонов, выдрессированных специально, помогать людям ловить диких слонов в горах Наро. Правительство Индии строго охраняет слонов. Существует целый департамент, все дело которого состоит в

том, чтобы отыскивать их, ловить, укрощать и рассылать повсюду, где требуется их труд.

Кала Наг имел полных десять футов роста; его клыки были отпилены, так что от них остались только куски в пять футов; концы их оковали пластинками меди, чтобы они не расщеплялись; тем не менее он мог действовать этими обрубками лучше, нежели любой необученный слон своими настоящими, заостренными бивнями.

Неделя за неделей слонов осторожно теснили через горы; наконец сорок или пятьдесят диких чудовищ попадали в последний загон, и большая опускающаяся дверь, сделанная из связанных вместе стволов деревьев, падала позади них. Тогда по слову команды Кала Наг входил в этот полный фырканья и воплей пандемониум (обыкновенно ночью, когда мерцание факелов делало затруднительным правильное определение расстояний), и, выбрав самого крупного, самого дикого обладателя больших бивней, принимался бить его и гонять, пока тот не затихал, люди же, сидевшие на спинах других ручных слонов, накладывали веревки на более мелких животных из стада и связывали их.

В смысле приемов борьбы не было ничего неизвестного Кала Нагу, старому умному Черному

Змею, потому что, в свое время, он не раз противостоял нападению раненого тигра. Изогнув вверх свой мягкий хобот, чтобы спасти его от боли, он быстрым серпообразным движением головы, которое придумал сам, откидывал прыгающего зверя так, что тот боком взлетал на воздух; сбив же тигра с ног, прижимал его к земле своими громадными коленями и не поднимался, пока вместе с выдохом и воем из зверя не вылетала жизнь. На земле оставалось только что-то пушистое, что Кала Наг поднимал за хвост.

— Да, — сказал Большой Тумаи, погонщик Кала Нага, сын Черного Тумаи, который возил его в Абиссинию, и внук Слонового Тумаи, видевшего, как Кала Нага поймали, — да, Черный Змей ничего не боится, кроме меня. Три наши поколения кормили его и ухаживали за ним, и он увидит, как это будет делать четвертое.

— Он боится также меня, — сказал одетый в один набедренный лоскут Маленький Тумаи, выпрямляясь во весь свой рост.

Это был десятилетний старший сын Большого Тумаи, и по местному обычаю ему предстояло со временем занять место своего отца на шее Кала Нага и взять в руки тяжелый железный анкас (палка для управления слоном), который стал со-

всем гладким от рук его отца, деда и прадеда. Он знал, о чем говорит, так как родился в тени Кала Нага; раньше, чем научился ходить, играл концом его хобота, а едва стал держаться на ногах, привык водить его к воде. Кала Наг так же мало вздумал бы ослушаться пронзительных приказаний мальчика, как не подумал бы убить его в тот день, когда Большой Тумаи принес коричневого крошку под клыки Черного Змея и приказал ему поклониться своему будущему господину.

— Да, — сказал Маленький Тумаи, — он боится меня, — и мальчик большими шагами подошел к Кала Нагу, назвал его толстой старой свиньей и заставил одну за другой поднять ноги. — Да, — сказал Маленький Тумаи, — ты большой слон, — и он покачал своей пушистой головой, повторяя слова своего отца: — Правительство может платить за слонов, но они принадлежат нам, магутам (погонщикам, карнакам). Когда ты состаришься, Кала Наг, какой-нибудь богатый раджа купит тебя у правительства за твой рост и хорошие манеры и тогда у тебя не будет никакого дела; ты будешь только носить золотые серьги в ушах, золотой ховдах (род седла) на спине и вышитое золотом сукно на боках и ходить во главе шествий короля. Тогда, сидя на твоей шее,

о Кала Наг, я стану управлять тобой серебряным анкасом и смотреть, как перед нами бегут люди с золотыми палками, крича: «Дорогу королевскому слону». Хорошо это будет, Кала Наг, а все же не так хорошо, как охота в джунглях.

— Гм, — сказал Большой Тумаи, — ты мальчик дикий, как буйволенок. Это беганье по горам не лучший род службы правительству. Я становлюсь стар и не люблю диких слонов. То ли дело кирпичные сараи для слонов с отдельными стойлами, с большими столбами для привязей, то ли дело плоские широкие дороги, на которых можно обучать животных. Не люблю я передвижных лагерей. Вот бараки в Кавнапуре были мне по душе. Рядом помещался базар, и работа продолжалась всего три часа.

Маленький Тумаи помнил кавнапурские слоновые сараи и промолчал. Ему гораздо больше нравилась лагерная жизнь, и он прямо-таки ненавидел широкие плоские дороги, с ежедневным собиранием травы в фуражных резервных местах, и долгие часы, во время которых ему оставалось только наблюдать, как Кала Наг беспокойно двигается в своем стойле.

Маленький Тумаи любил подниматься по узким тропинкам, доступным только слону,

углубляться в долины, смотреть, как на расстоянии многих миль от него пасутся дикие слоны, наблюдать, как испуганные свиньи и павлины разбегаются из-под ног Кала Нага, находиться под ослепляющими теплыми дождями, во время которых дымятся все горы и долины, любоваться превосходными туманными утрами, когда никто из охотников не может сказать, где он остановится на ночь, осторожно гнать диких слонов, присутствовать при их безумном метании, видеть яркое пламя и слышать крики во время последнего ночного загона, когда слоны потоком вливаются в огороженное пространство, точно валуны, падающие вместе с лавиной, и, понимая, что им не удастся убежать, кидаются на тяжелые врытые столбы, но тотчас же отбегают назад, испуганные криками, пылающими факелами и залпами холостых зарядов.

В таком случае даже маленький мальчик может приносить пользу. Тумаи же был полезен, как три мальчика. Он поднимал свой факел, раскачивал им и кричал изо всех сил. Но по-настоящему он веселился, когда слонов начинали выгонять из ограды, когда кеддах (название загона) превращался в картину конца мира, и людям приходилось переговариваться знаками,

потому что их голосов не бывало слышно. Маленький Тумаи взбирался на верхушку одного из дрожащих столбов ограды; его выгоревшие коричневые волосы развевались, падая на плечи, и в свете факелов сам он казался лесным духом. Едва наступало затишье, вы могли бы слышать его звонкие громкие восклицания, предназначавшиеся для Кала Нага и раздававшиеся, несмотря на крики, топот, треск рвущихся веревок, на стоны связанных слонов.

— Маил, маил, Кала Наг! (Вперед, вперед, Черный Змей!) Дант до! (Клыком его!) Сомало, сомало! (Осторожней, осторожней!) Маро! Маро! (Бей его, бей его!) Арре! Арре! Ай! Иай! Киа-а-ах! — кричал он.

Дравшиеся Кала Наг и дикий слон раскачивались из стороны в сторону, пересекая кеддах, а старые ловцы вытирали пот, попавший им в глаза, находя время кивать головой Маленькому Тумаи, который от радости извивался на верхушке столба.

Но не только извивался. Раз Тумаи соскользнул вниз, шмыгнул между слонами и бросил упавший на землю свободный конец веревки загонщику, старавшемуся овладеть ногой непокорного слоненка (маленькие слоны всегда доставляют

больше хлопот, чем взрослые). Мальчика заметил Кала Наг, поймал его хоботом и передал Большому Тумаи, который тотчас же отшлепал сына и посадил обратно на столб.

Утром отец отругал его и сказал:

— Разве для тебя недостаточно хороших кирпичных слоновых конюшен и палаток, что тебе еще нужно принимать участие в ловле слонов, маленький бездельник? Эти глупые охотники, получающие меньше меня, рассказали о случившемся Петерсену сахибу.

Маленький Тумаи испугался. Немногих белых людей знал он, но Петерсен казался ему самым важным из них. Он был главой всех кеддахов; именно он ловил слонов для правительства Индии и лучше всех остальных живых людей знал повадки этих животных.

— А что же… что же случится теперь? — спросил Маленький Тумаи.

— Что случится? Да самое худшее. Петерсен сахиб — сумасшедший. Разве в противном случае он стал бы охотиться на этих диких дьяволов? Ему, пожалуй, вздумается потребовать, чтобы ты стал охотником на слонов, спал бы в полных лихорадкой джунглях и, наконец, чтобы тебя до смерти истоптали слоны в кеддахе. Впрочем, мо-

жет быть, эта глупость закончится благополучно. На будущей неделе ловля прекратится, и нас, жителей долин, пошлют в наши деревни. Мы будем расхаживать по гладким дорогам и забудем о ловле. Но слушай, сынок, меня сердит, что ты мешаешься в дело грязных ассамских жителей джунглей. Кала Наг слушается только меня, а потому мне приходится вместе с ним входить в кеддах. Дрянной! Злой! Негодный сын мой! Пойди, вымой Кала Нага, позаботься о его ушах; посмотри, чтобы в его ногах не было шипов, не то, конечно, Петерсен сахиб поймает тебя и сделает охотником, заставит ходить по следам ног слонов, и ты по его милости станешь настоящим медведем джунглей. Фу! Стыдно! Пошел прочь!

Маленький Тумаи ушел, не сказав ни слова, но, осматривая ноги Кала Нага, он поведал ему обо всех своих огорчениях.

— Не беда, — сказал Маленький Тумаи, отгибая край огромного правого уха слона, — Петерсену сахибу сказали мое имя и, может быть… может быть… может быть… Кто знает? Ай! Вот какой большой шип я вытащил из твоего уха.

Несколько следующих дней слонов готовили к переходу; собирали их вместе; вновь пойманных диких животных водили взад и вперед, поставив

каждого из них между двумя ручными слонами; это делается, чтобы они не доставляли слишком много хлопот во время спуска в долину; в то же время люди собирали войлок, веревки и все, что могло понадобиться в дороге.

Петерсен сахиб приехал на одной из своих умных слоних, Пудмини; он уже распустил охотников из горных лагерей, потому что охотничий сезон подходил к концу. Теперь за столом, под деревом, сидел туземный писец и выдавал жалованье карнакам. Получив плату, каждый погонщик отходил к своему слону и присоединялся к веренице, готовой двинуться в путь. Разведчики, охотники и загонщики, служившие при кеддахах и жившие в джунглях круглый год, сидели на спинах собственных слонов Петерсена сахиба или стояли, прислонясь к деревьям, держа ружья и смеясь над уезжавшими погонщиками; смеялись они также, когда вновь пойманные слоны разрывали цепь и убегали.

Большой Тумаи подошел к писчему вместе с Маленьким Тумаи, державшимся позади него, и при виде мальчика Мачуа Аппа, главный охотник, понизив голос, сказал своему другу:

— Вот хороший мальчишка. Жаль, что этот молодой петушок джунглей будет прозябать в

долинах.

Надо сказать, что у Петерсена сахиба был острый слух, как и подобает человеку, который привык прислушиваться к движению самого бесшумного из всех живых существ — к шагам дикого слона. Лежа на спине Пудмини, он повернулся и сказал:

— Что такое? Я не слышал, чтобы между карнаками долин был хоть один человек, который сумел бы опутать веревкой хотя бы мертвого слона.

— Это не взрослый, а мальчик. В последний раз он вошел в кеддах и бросил нашему Бармао конец веревки, когда мы старались оттащить слоненка с пятном на плече от его матери.

Мачуа Аппа показал пальцем на Маленького Тумаи; Петерсен сахиб посмотрел на него, и Маленький Тумаи поклонился до земли.

— Он кинул веревку? Да ведь он ростом меньше колышка в лагерном загоне. Как тебя зовут, малыш? — спросил мальчика Петерсен сахиб.

Маленький Тумаи так испугался, что не мог говорить, но позади него стоял Кала Наг; по знаку мальчика Черный Змей схватил его своим хоботом и поднял на один уровень со лбом Пудмини. Теперь Тумаи очутился против великого

Петерсена сахиба и закрыл лицо руками, потому что, когда дело не касалось слонов, он был так же застенчив и пуглив, как и все другие дети.

— Ого, — улыбаясь в усы, заметил Петерсен сахиб. — А зачем научил ты своего слона этому фокусу? Не для того ли, чтобы он помогал тебе красть зеленый хлеб с крыш домов, на которые раскладывают сушиться колосья?

— Нет, не зеленый хлеб, Покровитель Бедных, а дыни, — ответил Маленький Тумаи, и сидевшие кругом громко расхохотались. Все они в детстве учили своих слонов этой штуке. Маленький Тумаи висел на восемь футов от земли, но желал провалиться на восемь футов под землю.

— Это Тумаи, мой сын, сахиб, — сказал Большой Тумаи и нахмурился. — Он очень дурной мальчик и окончит жизнь в тюрьме, сахиб.

— Сильно сомневаюсь, — возразил Петерсен сахиб. — Мальчик, который в его лета не боится войти в полный кеддах, не окончит жизнь в тюрьме. Смотри, малыш, вот тебе четыре анна; истрать их на сласти, даю их за то, что под большой копной волос у тебя есть голова. Со временем ты, может быть, сделаешься тоже охотником. — Большой Тумаи нахмурился больше прежнего. — Тем не менее помни, что кеддах

неподходящее место для детских игр, — прибавил Петерсен сахиб.

— Значит, я не должен входить туда, сахиб? — вздыхая спросил Маленький Тумаи.

— Да, не должен, пока не увидишь, как танцуют слоны. — Петерсен сахиб снова улыбнулся. — Когда же ты увидишь, как пляшут слоны, приди ко мне, и я позволю тебе входить во все кеддахи.

Раздался новый взрыв хохота; это была обычная шутка охотников на слонов и обозначала — «никогда». В глубине лесов скрываются просторные поляны, которые называются бальными залами слонов; их иногда находят, но никто никогда не видел, как танцуют слоны. Когда карнак хвастается своим искусством и храбростью, его товарищи говорят ему:

— А когда ты видел, как пляшут слоны?

Кала Наг поставил Маленького Тумаи на землю; мальчик снова поклонился до земли и ушел вместе с отцом. Он отдал серебряную монетку в четыре анна своей матери, которая качала его малютку брата; потом всех их посадил на спину Кала Нага, и вереница похрюкивающих и взвизгивающих слонов закачалась по спуску в долину. Это был беспокойный переход: новые слоны подле каждого брода доставляли много

хлопот; практически постоянно приходилось то уговаривать их, то бить.

Большой Тумаи сердито молчал и безжалостно колол Кала Нага; в свою очередь, и Маленький Тумаи не мог говорить, но не от досады, а от счастья: Петерсен сахиб заметил его и дал ему денег. Мальчик испытывал то же, что переживал бы рядовой, если бы главнокомандующий вызвал его из рядов и похвалил.

— А что подразумевал Петерсен сахиб под танцами слонов? — наконец тихо спросил он у своей матери.

Большой Тумаи услышал и крикнул:

— Он хотел сказать, что ты никогда не сделаешься одним из этих горных буйволов, охотников, вот что! Эй вы, передние! Кто там загородил нам дорогу?

Один карнак, ассамец, бывший впереди Тумаи на два слона, сердито повернулся и закричал:

— Выведи вперед Кала Нага и заставь моего молодого слона вести себя прилично. Зачем Петерсен сахиб именно меня послал с вами, ослы с топких рисовых полей! Поставь своего слона рядом с моим, Тумаи, пусть бы он ударил его клыками. Клянусь всеми богами гор, эти молодые дураки одержимы дьяволом или чуют в джунглях

своих товарищей.

Кала Наг ударил слоненка под ребра так сильно, что тот на мгновение перестал дышать, а Большой Тумаи сказал:

— В последний раз мы очистили все горы от диких слонов. Пойманные животные беспокоятся просто потому, что ты небрежно управляешь ими. Не хочешь ли, чтобы я один держал в порядке всю вереницу?

— Право, стоит послушать его! — сказал ассамец. — Мы очистили горы! Ха, ха! Мудры вы, жители низин. Всякому, кроме никогда не видавшего джунглей глупца, известно, что слоны знают об окончании охоты этого года… Вот поэтому сегодня ночью их дикие товарищи будут… Но зачем мне тратить умные речи, разговаривая с простой речной черепахой?

— Что они будут делать? — крикнул Маленький Тумаи.

— Оэ! Малыш! Ты здесь? Хорошо, я скажу тебе; у тебя свежая голова. Они стали бы плясать и недурно, если бы твой отец, который очистил «все» горы от «всех» слонов, приготовил сегодня двойные цепи.

— Это что за глупости? — сказал Большой Тумаи. — Вот уже сорок лет мы смотрим за слонами,

но до сих пор никогда не слыхивали сказок об их плясках.

— Да, но житель долины, живущий в хижине, знает только четыре стены своего дома. Хорошо, не привязывай сегодня своих слонов, и ты увидишь, что случится; что же касается их танцев, я видел место, где… О, что это? Проклятье! Сколько же извилин делает река Диганга? Опять брод, и нам придется заставить детенышей плыть. Стойте вы там, сзади!

Таким-то образом, разговаривая, перебраниваясь, с шумом переправляясь через реки, они сделали первый переход, который окончился близ временного кеддаха, приготовленного для вновь пойманных животных; однако, задолго до стоянки, погонщики совсем измучились и потеряли терпение.

Наконец слонов привязали за задние ноги к большим столбам; вновь пойманных спутали дополнительными веревками и перед всеми положили груды корма. Погонщики с гор, пользуясь вечерним светом, отправились обратно к Петерсену сахибу, на прощанье посоветовав карнакам с низин усиленно смотреть в эту ночь за слонами; когда же те спрашивали их почему — только смеялись в ответ.

Маленький Тумаи позаботился об ужине для Кала Нага, а когда наступил вечер, невыразимо счастливый отправился бродить по лагерю в поисках там-тама. Когда сердце мальчика-индуса переполнено, он не бегает куда придется, не шумит без смысла; он молча упивается своим счастьем. А ведь с Маленьким Тумаи разговаривал сам Петерсен сахиб! И если бы мальчик не нашел того инструмента, который он искал, я думаю, его сердце разорвалось бы. Продавец сладкого мяса дал ему на время свой маленький там-там (барабан, в который бьют ладонью), и когда звезды начали появляться на небе, Тумаи, скрестив ноги, уселся перед Кала Нагом, положив там-там к себе на колени, и стал ударять по нему рукой, и чем больше думал он об оказанной ему великой чести, тем усерднее бил по там-таму, одиноко сидя посреди корма для слонов. В музыке этой не было ни мелодии, ни слов, но ее звуки делали мальчика невыразимо счастливым.

Вновь пойманные слоны натянули свои веревки; время от времени они взвизгивали и трубили. Тумаи слышал, как его мать баюкала в прохладной хижине его маленького братишку, усыпляя ребенка старой-старой песней о великом боге Шиве, который однажды указал всем животным,

чем каждое из них должно питаться. Это очень успокоительная колыбельная песня, она начинается словами: «Шива, который рождает жатву и заставляет дуть ветры, однажды, очень, очень давно, сидел у порога дня; он каждому дал свою долю пищи, работы и судьбы» и т. д.

В конце строфы Маленький Тумаи ударял по барабану; наконец ему захотелось спать, и он растянулся рядом с Кала Нагом.

Вот наконец слоны начали, по своему обыкновению, ложиться один за другим; легли все, только Кала Наг остался стоять в правом конце ряда; он медленно раскачивался из стороны в сторону, растопырив уши, чтобы прислушиваться к ночному ветру, который дул, проносясь между горами. Воздух наполняли ночные шумы, которые, слитые вместе, образуют глубокую тишину: звон одного ствола бамбука о другой; шорох чего-то живого в кустах; царапанье и легкий писк полупроснувшейся птицы (птицы гораздо чаще просыпаются ночью, чем мы воображаем) и отдаленное журчанье падающей воды. Маленький Тумаи проспал некоторое время, когда же он снова открыл глаза, луна светила ярко, а Кала Наг стоял, по-прежнему насторожив уши. Мальчик повернулся, трава зашуршала; он посмотрел на изгиб большой спины Черного Змея, закрывавшей половину звезд на небе, и услышал так далеко, что звук этот показался ему еле заметным, точно след от укола булавки, раздавшееся в беспредельности ночи «хуут-туут» дикого слона.

Весь ряд слонов поднялся на ноги, точно в них

выстрелили, и их кряхтенье наконец разбудило спящих магутов. Карнаки стали глубже вколачивать колья своими большими колотушками, прибавлять лишние привязи и стягивать узлы крепче прежнего. Один вновь пойманный слон почти вытащил из земли свой кол; Большой Тумаи снял ножную цепь с Кала Нага и пристегнул переднюю ногу взбунтовавшегося к его задней ноге, а на ногу Кала Нага накинул петлю из травяной веревки и приказал ему помнить, что он хорошо привязан. Большой Тумаи знал, что его отец и дед в былое время сотни раз делали то же самое. Но Кала Наг не ответил, как обыкновенно, особенным горловым журчащим звуком. Он стоял неподвижно и, приподняв голову, распустив уши, как веера, вглядывался через залитую лунным светом поляну в огромные извилины гор Гаро.

— Посмотри, не начнет ли он беспокоиться ночью, — сказал Большой Тумаи сыну, ушел в свою хижину и заснул.

Маленький Тумаи тоже засыпал, когда вдруг услышал треск разорванной травяной веревки, лопнувшей с легким звуком «танг»; в ту же минуту Кала Наг вышел из своей ограды так же медленно и бесшумно, как туча выкатывается из

долины. Маленький Тумаи, шлепая своими босыми ногами, двинулся за ним по залитой лунным светом дороге и шепотом просил его:

— Кала Наг! Кала Наг! Возьми меня с собой, о Кала Наг!

Слон беззвучно повернулся, сделал три шага к мальчику, опустил свой хобот, вскинул к себе на шею Тумаи и чуть ли не раньше, чем тот успел усесться, скользнул в лес.

Со стороны привязей донесся взрыв бешеных криков слонов; потом тишина сомкнулась, и Кала Наг побежал. Иногда кусты высокой травы волновались с обеих его сторон, как волны плещут около бортов корабля; иногда ветвь вьющегося дикого перца царапала его спину или бамбук трещал под напором его плеча; но в промежутках между этими звуками он двигался совершенно бесшумно, проникая через чащи густого леса Гаро, точно сквозь дым. Кала Наг поднимался на гору, но, хотя Маленький Тумаи в просветах между ветвями наблюдал за звездами, он не мог понять, в каком направлении.

Кала Наг достиг гребня и на минуту остановился. Теперь Маленький Тумаи мог видеть вершины деревьев; они, как бы усеянные блестками и такие пушистые под лунным светом, тянулись на

много-много миль; видел он и синевато-белую дымку в ложбине над рекой. Тумаи наклонился вперед, пригляделся и почувствовал, что внизу, под ним, лес проснулся, ожил и наполнился какими-то существами. Большой коричневый, поедающий плоды нетопырь пронесся мимо уха мальчика; иглы дикобраза загремели в чаще, в темноте между стволами деревьев большой кабан рылся во влажной теплой земле; рылся и фыркал.

Над головой Тумаи снова сомкнулись ветви, и Кала Наг начал спускаться в долину, — на этот раз неспокойно; так сорвавшаяся пушка стремительно катится с крутого берега. Громадные ноги слона непрерывно двигались, точно поршни, шагая через восемь футов сразу; морщинистая кожа на сгибах его ног шелестела. Низкие кусты по обеим сторонам Кала Нага шуршали со звуком рвущегося полотна; молодые деревья, которые он раздвигал своими плечами, пружиня, возвращались на свои прежние места и хлестали его по бокам, а длинные гирлянды различных сплетенных вместе лиан свешивались с его клыков и колыхались, когда он покачивал головой из стороны в сторону, прорубая для себя дорогу. Маленький Тумаи совсем прижался к большой шее

слона, чтобы какая-нибудь качающаяся ветвь не смела его на землю; в глубине души мальчик желал снова очутиться в лагере.

Трава начала чмокать; ноги Кала Нага тонули и вязли; ночной туман в глубине долины леденил Маленького Тумаи. Послышался плеск, журчание быстро движущейся воды, и Кала Наг пошел вброд через реку, на каждом шагу ощупывая дорогу. Сквозь шум воды, плескавшейся около ног слона, Маленький Тумаи слышал другой плеск и крики слонов вверху по течению реки и внизу; до него донеслось громкое ворчание, сердитое фырканье; вся дымка вокруг него, казалось, наполнялась волнистыми тенями.

— Ах, — произнес он вполголоса, и его зубы застучали, — все слоны в эту ночь освободились. Значит, они будут танцевать.

Кала Наг вышел из реки; вода ручьями стекала с него, он продул свой хобот и снова начал подниматься. Но на этот раз не в одиночестве; ему не пришлось также расчищать дорогу. Перед ним уже была готовая тропинка шириной в шесть футов; примятая на ней трава джунглей старалась расправиться и подняться. Вероятно, всего за несколько минут до него в этом месте прошло много слонов. Маленький Тумаи оглянулся;

крупный дикий слон с большими бивнями и со свиными глазками, горевшими как раскаленные угли, выходил из туманной реки. Но деревья тотчас же снова сблизились, и они двинулись вперед и вверх; повсюду слышались крики слонов, треск и шум ломающихся веток.

Наконец на самой вершине горы Кала Наг остановился между двумя стволами. Стволы эти составляли часть кольца деревьев, которое окаймляло пространство в три-четыре акра; на всей площадке, как мог видеть мальчик, земля была утоптана и тверда, точно кирпичный пол. В ее центре росло несколько деревьев, но их кора была содрана, и обнаженные места этих стволов при свете луны блестели, точно полированные. С их верхних ветвей свешивались лианы и большие белые, как бы восковые, колокольчики, похожие на цветы вьюнка, покачивались в крепком сне; внутри же кольца из деревьев не виднелось ни одной зеленой былинки; там не было ничего, кроме утрамбованной земли.

При свете месяца она казалась серой, как сталь; только от слонов падали чернильно-черные тени. Маленький Тумаи, затаив дыхание, смотрел на все глазами, которые, казалось, были готовы выскочить из орбит, и чем больше он смотрел,

тем больше показывалось слонов. Маленький Тумаи умел считать только до десяти; он много раз считал по пальцам, наконец потерял счет десяткам десятков, и у него начала кружиться голова. Вокруг открытой площадки он слышал треск низких кустов; это слоны поднимались по горному склону; но едва выходили они из-за деревьев, как начинали двигаться, точно призраки.

Тут были дикие слоны самцы, с белыми бивнями и осыпанные листьями, орехами и ветвями, которые застряли в морщинах на их шеях и в складках их ушей; были и толстые медленные слонихи с маленькими беспокойными, розовато-черными слонятами высотой в три-четыре фута, пробегавшими у них под животами; молодые слоны, с только что начавшимися показываться бивнями и очень гордые этим; худые шероховатые слонихи, старые девы, с вытянутыми тревожными мордами и бивнями, похожими на грубую кору; дикие старые одинокие слоны, покрытые шрамами от плеч до боков, с большими рубцами, оставшимися от прежних боев, с засохшим илом, приставшим к ним во время их одинокого купанья и теперь осыпавшимся с их плеч; был между ними один с обломанным бивнем и с огромным рубцом на боку, следом

ужасного удара тигровых когтей.

Они стояли друг против друга, или по двое расхаживали взад и вперед по площадке, или же поодиночке качались. Десятки и сотни слонов.

Тумаи знал, что, пока он неподвижно лежит на спине Кала Нага, с ним ничего не случится, потому что, даже во время суеты и драки в кеддахе, вновь загнанный дикий слон не ударяет хоботом и не стаскивает человека с шеи ручного слона; а слоны, бывшие здесь в эту ночь, не думали о людях. Один раз все они вздрогнули и подняли уши, услышав в лесу лязг ножных цепей, но это подходила Пудмини, любимица Петерсена сахиба; она разорвала свою цепь и теперь, фыркая и ворча, поднималась на гору. Вероятно, Пудмини сломала изгородь и явилась прямо из лагеря Петерсена сахиба; в то же время Маленький Тумаи увидел другого слона, незнакомого ему, с глубокими шрамами от веревок на спине и груди. Он тоже, вероятно, убежал из какого-нибудь лагеря в окрестных горах.

Все затихло; в лесу больше не было слонов; Кала Наг, качаясь, сошел со своего места между деревьями, с легким клокочущим и журчащим звуком вмешался в толпу, и все слоны принялись разговаривать между собой на собственном на-

речии, и все задвигались.

По-прежнему неподвижно лежа, Маленький Тумаи смотрел вниз на множество десятков широких спин, колыхающихся ушей, качающихся хоботов и маленьких вращающихся глаз. Он слышал, как одни бивни, случайно ударив о другие, звенели, слышал сухой шелест свивавшихся вместе хоботов, скрип огромных боков и плеч в толпе и непрерывный свист машущих больших хвостов. Облако закрыло луну, и он остался в черной темноте, но спокойный непрерывный шелест, постоянная толкотня и ворчанье продолжались. Мальчик знал, что кругом Кала Нага повсюду были слоны и что вывести Черного Змея из этого собрания невозможно. Итак, Тумаи сжал зубы и молча дрожал. В кеддахе по крайней мере блестел свет факелов, слышался крик, а здесь он был совсем один, в темноте, и раз какой-то хобот поднялся к нему и дотронулся до его кольца.

Вот один слон затрубил; все подхватили его крик, и это продолжалось пять или десять ужасных секунд. С деревьев скатывалась роса и, точно дождь, падала на невидимые спины; скоро поднялся глухой шум, сперва не очень громкий, и Маленький Тумаи не мог сказать, что это такое; звуки разрастались. Кала Наг поднял сперва одну

переднюю ногу, потом другую и поставил их на землю. Повторялось: раз, два, раз, два, — постоянно, как удары молота. Теперь все слоны топали в такт, и раздавался такой звук, будто подле входа в пещеру колотили в военный барабан. Роса падала, и ее капель больше не осталось на деревьях, а грохот продолжался, и земля качалась и вздрагивала; Маленький Тумаи зажал руками уши, чтобы не слышать этого стука. Но топот сотен тяжелых ног по обнаженной земле превращался в один исполинский толчок, который сотрясал все его тело. Раза два мальчик почувствовал, что Кала Наг и все остальные сделали несколько шагов вперед; после этого звук изменился; Тумаи слышал, что огромные ноги давили сочные зеленые поросли; но пролетели минуты две, и снова начались удары по твердой земле. Где-то близ Маленького Тумаи дерево затрещало и застонало. Он протянул руку и нащупал кору, но Кала Наг двинулся вперед, продолжая стучать ногами, и мальчик не мог бы сказать, в каком месте площадки находится он. Слоны не кричали; только лишь два или три маленьких слоненка взвизгнули одновременно. Потом Тумаи услышал шелест, и топот начался снова. Так продолжалось, вероятно, целых два часа, и нервы Тумаи были

напряжены, однако по запаху ночного воздуха он чувствовал приближение зари.

Утро пришло в виде полосы бледно-желтого сияния позади зеленых гор, и стук ног остановился с первым же лучом, точно свет был сигналом. Раньше чем в голове Маленького Тумаи улегся звон и шум, даже раньше чем он успел изменить свою позу, поблизости не осталось ни одного слона, кроме Кала Нага, Пудмини и слона со шрамами от веревок; никакой признак, никакой шелест или шепот среди деревьев на горных откосах не указывал, куда ушли остальные животные.

Маленький Тумаи осмотрелся. Насколько он помнил, открытая площадка за эту ночь увеличилась. На ней теперь оказалось меньше деревьев, чем было прежде, а кусты и трава по ее краям пригнулись к земле. Маленький Тумаи посмотрел еще раз. Теперь он понял значение топота. Слоны утрамбовали новое пространство земли, раздавили густую траву и сочный бамбук в мочалы, мочалы превратили в лохмотья, лохмотья в тонкие фибры, а фибры вдавили в почву.

— Ба, — сказал Маленький Тумаи, и его веки отяжелели, — Кала Наг, господин мой, будем держаться близ Пудмини и двинемся к лагерю Петерсена сахиба, не то я упаду с твоей шеи.

Третий слон посмотрел на двоих, уходивших вместе, фыркнул, повернулся и пошел собственным путем. Вероятно, он принадлежал какому-нибудь мелкому туземному правителю, жившему в пятидесяти, шестидесяти или в сотне миль от площадки.

Через два часа, когда Петерсен сахиб сидел за своим первым завтраком, его слоны, на эту ночь привязанные двойными цепями, принялись трубить, и Пудмини, запачканная илом до самых плеч, а также и Кала Наг, у которого болели ноги, притащились в лагерь.

Лицо Маленького Тумаи стало совсем серым, осунулось; в его пропитанных росой волосах запуталось множество листьев; тем не менее он попробовал поклониться Петерсену сахибу и слабым голосом закричал:

— Пляски, пляски слонов! Я видел их и умираю…

Кала Наг припал к земле, и мальчик в глубоком обмороке соскользнул с его шеи.

Но у туземных детей такие нервы, что о них не стоит и говорить, а потому через два часа очень довольный Тумаи лежал в гамаке Петерсена сахиба; охотничье пальто Петерсена было под головой мальчика, а в его желудке был стакан го-

рячего молока, немного водки и щепотка хинина. Старые, волосатые, покрытые рубцами охотники джунглей в три ряда сидели перед ним, глядя на него, точно на духа. Он в нескольких словах, по-детски, рассказал им о своих приключениях и закончил словами:

— Теперь, если я сказал хоть одно слово лжи, пошлите людей посмотреть на это место; они увидят, что слоновый народ увеличил площадку своей танцевальной комнаты; найдут также один десяток, другой, много десятков тропинок, ведущих к этому месту. Своими ногами они утрамбовали землю. Я видел это. Кала Наг взял меня, и я видел. И поэтому у Кала Нага очень устали ноги.

Маленький Тумаи опять улегся, заснул, проспал все долгие послеполуденные часы, проспал и сумерки; а в это время Петерсен сахиб и Мачуа Аппа прошли по следам двух слонов, тянувшимся пятнадцать миль через горы. Восемнадцать лет Петерсен сахиб ловил слонов, но до этого дня только однажды видел место слоновых плясок. Мачуа Аппа взглянул на площадку и тотчас же понял, что здесь происходило; он поковырял пальцем в плотной, утрамбованной земле и заметил:

— Мальчик говорит правду. Все это было сделано в прошедшую ночь, и я насчитал семьдесят следов, пересекающих реку. Видите, сахиб, вот тут ножная цепь Пудмини сорвала кору с дерева. Да, она тоже была здесь.

Они переглянулись, посмотрели вверх, вниз и задумались. Обычаев слонов не могут ни постичь, ни измерить умы черных или белых людей.

— Сорок и пять лет, — сказал Мачуа Аппа, — я, мой лорд, хожу за слонами, но никогда не слыхивал, чтобы ребенок или взрослый человек видел то, что видел этот мальчик. Клянусь всеми богами гор, это… Что мы можем сказать? — и он покачал головой.

Они вернулись в лагерь; подходило время ужина. Петерсен сахиб закусил один в своей палатке, но приказал дать в лагерь двух овец и несколько кур, а также отпустить каждому служащему двойную порцию муки, риса и соли; он знал, что они будут пировать.

Большой Тумаи поспешно пришел из долины в лагерь сахиба за своим сыном и за своим слоном и теперь смотрел на них, точно боясь их обоих. Начался праздник при свете пылающих костров, зажженных против стойл слонов, и Маленький Тумаи был героем дня. Крупные коричневые лов-

цы, охотники, разведчики, карнаки, канатчики и люди, знающие тайные способы укрощения самых диких слонов, передавали мальчика из рук в руки и мазали ему лоб кровью из груди только что убитого петушка джунглей в знак того, что он свободный житель леса, посвященный во все тайны джунглей и имеющий право проникать куда ему угодно.

Наконец пламя костра потухло, и красный свет головешек придал коже слонов такой оттенок, точно их тоже погрузили в кровь. Мачуа Аппа, глава всех загонщиков во всех кеддахах; Мачуа Аппа, второе «я» Петерсена сахиба; человек, за сорок лет не видавший ни разу дороги, сделанной руками людей; Мачуа Аппа, настолько великий, что у него было только одно имя — Мачуа Аппа, — поднялся на ноги, держа высоко над своей головой Маленького Тумаи, и закричал:

— Слушайте, мои братья! Слушайте и вы, мои господа, привязанные к столбам, потому что говорю я, Мачуа Аппа. Этого мальчика не будут больше называть Маленький Тумаи; отныне он Слоновый Тумаи, как называли перед ним его прадеда. Целую долгую ночь он созерцал то, чего никогда не видал ни один человек, и милость народа слонов и любовь богов джунглей покоятся

на нем. Он сделается великим охотником, станет выше меня, да, даже выше меня, Мачуа Аппы. Своим ясным взглядом он будет без труда распознавать новые следы, старые следы, смешанные следы. Ему не причинят вреда в кеддахах, когда ему придется пробегать между слонами, чтобы накинуть веревку на дикаря, и, если он проскользнет перед ногами несущегося одинокого слона, этот одинокий слон узнает, кто он такой, и не раздавит его. Ай-ай! Мои господа в цепях! — он повернулся к ряду слонов. — Смотрите: этот мальчик видел ваши пляски в ваших тайниках — зрелище, которое никогда еще не открывалось зрению ни одного человека. Почтите его, мои господа! Салаам Каре, дети! Салютуйте Слоновому Тумаи! Гунга Першад! Ахаа! Хира Гудж, Бирчи Гудж, Куттар Гудж! Ахаа! Пудмини, ты видела его во время пляски, и ты тоже, Кала Наг, моя жемчужина среди слонов! Ахаа! Ну, все вместе! Слоновому Тумаи Баррао!

И при последнем диком восклицании Мачуа Аппы все слоны вскинули свои хоботы до того высоко, что их концами коснулись своих лбов. В ту же секунду раздался полный салют, грохочущий трубный звук, который слышит только вице-король Индии — салаамут (привет) кеддаха.

И все это в честь Маленького Тумаи, который видел то, чего раньше не видал ни один человек, — танцы слонов ночью, видел один в самом сердце гор Гаро.

Слуги ее величества

Целый месяц шел сильный дождь, падая на лагерь из тридцати тысяч людей, многих тысяч верблюдов, слонов, лошадей, быков и мулов, собранных в Раваль Пинди для смотра вице-короля Индии. Он принимал эмира Афганистана, дикого властителя очень дикой страны. Эмир, в качестве почетной стражи, привел с собой восемьсот людей и лошадей, никогда не видавших ни лагеря, ни локомотива — диких людей и диких лошадей, взятых откуда-то из Центральной Азии. Каждую ночь несколько этих неукротимых коней непременно разрывали свои путы и принимались носиться взад и вперед по темному лагерю, полному липкой грязи; иногда вырывались и верблюды, бегали, спотыкались, падали, наталкиваясь на веревки палаток, и вы можете себе представить, как это бывало приятно для людей, желавших попытаться заснуть! Моя палатка стояла далеко от привязей верблюдов, но раз ночью какой-то человек просунул голову в мое холщовое жилище и закричал:

— Выходите скорее! Они бегут сюда! Моя палат-

ка погибла.

Я знал, кого он называл «они», а потому надел сапоги, непромокаемый плащ и выбежал в мокрую грязь. Маленькая Виксон, моя собачка фокстерьер, выскочила с другой стороны. Поднялись рев, ворчанье, шлепанье; я увидел, как моя палатка повисла, когда сломался ее основной шест, и скоро принялась танцевать, точно сумасшедшее привидение. Под нее попал верблюд; и я, промокший и рассерженный, невольно все же расхохотался; потом побежал, не зная, сколько верблюдов сорвалось с привязи. Пробивая себе дорогу в липкой грязи, я очутился вне лагеря.

Вот мои ноги задели за лафет пушки, и я понял, что попал к линии артиллерии, там, куда на ночь ставили орудия. Не желая больше в темноте месить грязь под моросящим дождем, я накинул мой дождевик на дуло одной из пушек и с помощью двух-трех найденных мной веток устроил себе своеобразный вигвам, лег вдоль орудия и мысленно спросил себя, где моя Виксон и куда судьба занесла самого меня.

Как раз в ту минуту, когда я уже засыпал, послышалось звяканье сбруи, фырканье и мимо меня прошел мул, встряхивая мокрыми ушами. Он принадлежал к батарее горных орудий; я узнал

это по скрипу ремней, звону колец, цепей и тому подобных предметов на его вьючном седле. Горные орудия — маленькие, опрятные пушки, которые состоят из двух частей; когда приходит время пустить их в дело, эти две половины скрепляют вместе. Их берут на вершины гор, повсюду, где мул находит дорогу, и они очень полезны для боев в гористых местностях.

Позади мула шел верблюд; его большие мягкие ноги чмокали по грязи и скользили; его шея изгибалась взад и вперед, точно у бродящей курицы. К счастью, я достаточно хорошо знаю язык животных (конечно, не наречие диких зверей, а язык домашних животных, получив это знание от туземцев) и мог понять, о чем они говорили.

Конечно, это был тот верблюд, который попал в мою палатку, так как он крикнул мулу:

— Что мне делать? Куда идти? Я бился с чем-то белым, развевающимся, и эта вещь схватила палку и ударила меня по шее. — Он говорил о сломанном шесте, и мне было очень приятно узнать, что кол его ударил. — Убежим мы?

— А, так это ты, — сказал мул. — Ты и твои друзья встревожили весь лагерь? Прекрасно! Завтра утром вас за это побьют, а теперь и я могу дать тебе кое-что в задаток.

Я услышал звон сбруи, мул осадил, и верблюд получил два удара под ребра и зазвенел, как барабан.

— Другой раз, — продолжал мул, — ты не кинешься ночью через батарею мулов с криком: «Воры и пожар». Садись и не верти глупой шеей.

Верблюд сложился вдвое, по-верблюжьи, как двухфутовая линейка, и, повизгивая, сел. В темноте послышался мерный топот копыт, и рослая полковая лошадь подскакала к нам таким спокойным галопом, точно гарцевала во время парада; она перепрыгнула через конец лафета и остановилась рядом с мулом.

— Это позорно, — сказал крупный конь, выпуская воздух через ноздри. — Эти верблюды опять прорвались через наши ряды; третий раз на одной неделе! Как может остаться лошадь здоровой, если ей не дают спать? Кто здесь?

— Я — мул для переноски казенной части пушки номер два, из первой батареи горных орудий, — ответил мул, — и со мной один из твоих друзей. Он разбудил и меня тоже. А ты кто?

— Номер пятнадцатый отряда «Е»; девятый уланский полк, лошадь Дика Кенлиффа. Пожалуйста, посторонись.

— О, прошу извинения, — ответил мул. — Так

темно, что видишь плохо. Ну, не надоедливы ли эти верблюды? Я ушел от моих товарищей, чтобы получить минуту спокойствия и тишины.

— Господа мои, — скромно сказал верблюд, — нам снились дурные сны, и мы очень испугались. Я только грузовой верблюд 39-го Туземного пехотного полка, и я не так храбр, как вы, мои господа.

— Так почему же вы не остаетесь на ваших местах и не носите грузов для 39-го Туземного пехотного полка, вместо того чтобы бегать по всему лагерю? — сказал мул.

— Это были такие дурные сны, — повторил верблюд. — Я извиняюсь. Слушайте! Что это? Не броситься ли бежать?

— Сиди, — сказал мул, — не то твои длинные ноги застрянут между пушками. — Он насторожил одно ухо и прислушался. — Волы, — продолжал он, — орудийные волы. Даю слово, ты и твои друзья разбудили весь лагерь. Приходится долго толкать орудийного вола, чтобы поднять его на ноги.

Я услышал, что по земле волочится цепь, и к группе подошла пара сомкнутых одним ярмом крупных, мрачных, белых волов, которые тянут тяжелые осадные орудия, когда слоны отказываются подойти ближе к линии огня; почти

наступая на эту цепь, двигался другой артиллерийский мул, который диким голосом звал Билли.

— Это один из наших рекрутов, — заметил старый мул полковой лошади. — Он зовет меня. Я здесь, юноша, перестань кричать; до сих пор темнота никогда никому не вредила.

Орудийные волы легли рядом и стали пережевывать жвачку, а молодой мул совсем прижался к Билли.

— К нам, — сказал он, — ворвались страшные, ужасные существа, Билли. Когда мы спали, они подбежали к нашим привязям. Как ты думаешь, они убьют нас?

— Мне очень хочется порядком проучить тебя, — сказал Билли. — Только подумать! Мул, получивший такое воспитание, как ты, позорит батарею в присутствии благородного коня.

— Тише, тише, — сказала полковая лошадь. — Вспомни, вначале все таковы. В первый раз, когда я увидела человека (это случилось в Австралии, и мне тогда только что минуло три года), я бежала половину дня, а явись в то время передо мной верблюд, я и до сих пор не остановилась бы.

Почти все лошади для английской кавалерии привозятся из Австралии, и их объезжают сами

солдаты.

— Правда, — сказал Билли. — Перестань же дрожать, юный мул. Когда в первый раз на меня надели сбрую со всеми этими цепями, я, стоя на передних ногах, лягался и сбросил с себя решительно все. В то время я еще не научился лягаться как следует, но батарея сказала, что никто никогда не видывал ничего подобного.

— Но теперь ведь не звенела сбруя, — возразил молодой мул. — Ты знаешь, Билли, что на такие вещи я уже не обращаю больше внимания. К нам прибежали чудища вроде деревьев и, покачиваясь, помчались вдоль наших рядов; моя привязь лопнула, я не нашел моего кучера, не нашел и тебя, Билли, а потому убежал с… вот с этими джентльменами.

— Гм, — протянул Билли. — Как только я узнал, что верблюды сорвались, я спокойно ушел. Скажу одно: когда мул из батареи разборных пушек называет артиллерийских волов джентльменами, это значит, что он сильно потрясен. Кто вы?

Орудийные волы перекинули свои жвачки из стороны в сторону и в один голос ответили:

— Седьмая пара первой пушки из батареи крупных орудий. Прибежали верблюды; в это время мы спали, но они начали наступать на нас, и мы

поднялись и ушли. Лучше спокойно лежать в грязи, чем испытывать беспокойство на хорошей подстилке. Мы уверяли вашего друга, что бояться нечего, но этот мудрец держался другого мнения. Уа!

Они продолжали жевать.

— Вот что значит трусить, — сказал Билли. — Над испугавшимся насмехаются орудийные волы. Я надеюсь, тебе это нравится, юный друг мой?

Зубы молодого мула скрипнули, и я услышал, как он пробормотал что-то о невозможности бояться каких-то глупых волов, волы же стукнулись друг о друга рогами и продолжали жевать жвачку.

— Не злись. Сердиться после испуга худший род трусости, — заметила полковая лошадь. — Каждого, я думаю, можно извинить за то, что он ночью испугался, увидав что-то непонятное для себя. Мы, четыреста пятьдесят лошадей, иногда волновались только потому, что вновь приведенный конек рассказывал нам о змеях Австралии и в конце концов начинали до смерти бояться свободных концов наших арканов.

— Все это прекрасно в лагере, — заметил Билли. — Простояв на месте дня два, я сам не от-

казываюсь сорваться и мчаться вместе с другими; просто, ради удовольствия, но как поступаешь ты во время действительной службы?

— Ну, это совсем другого рода новые подковы, — ответила конской поговоркой полковая лошадь. — Тогда на моей спине сидит Дик Кенлифф, сжимает меня коленями, и мне остается только наблюдать, куда я ставлю копыта, держать под собой задние ноги и «понимать» повод.

— Что значит «понимать» повод? — спросил молодой мул.

— Клянусь камедными деревьями! — фыркнула полковая лошадь. — Неужели ты хочешь сказать, что тебя не научили этому? Можно ли что-нибудь делать, не умея поворачиваться, едва повод касается твоей шеи? Ведь от этого зависит жизнь или смерть твоего человека и, следовательно, твоя жизнь или смерть. Поджимай задние ноги, едва почувствовал повод на шее. Если нет места повернуться, необходимо немного осадить и сделать поворот на задних ногах. Вот это значит «понимать» повод.

— Нас этому не учат, — натянутым тоном заметил Билли. — Мы научаемся повиноваться человеку, который двигается впереди, останавливаться, когда он скажет, и по его слову двигаться

вперед. Я полагаю, что дело сводится к одному и тому же. Скажи же, чего, в сущности, ты достигаешь, благодаря всем этим прекрасным фокусам, поворотам, осаживанию?

— Зависит от обстоятельств, — ответила полковая лошадь. — Обыкновенно мне приходится вступать в толпу поющих волосатых людей с ножами, с длинными блестящими ножами, которые хуже ножей повара, и стараться, чтобы сапог Дика легко касался сапога его соседа. Я вижу копье Дика справа от моего правого глаза и понимаю, что мне не грозит опасность. О, мне не хотелось бы очутиться на месте человека или лошади, находящихся против нас с Диком, когда мы скачем во весь дух.

— А разве эти ножи не ранят? — спросил молодой мул.

— Ну, однажды меня резанули по груди, но не по вине Дика.

— Стал бы я заботиться, кто виноват, раз мне больно, — заметил молодой мул.

— Приходится об этом думать, — возразила полковая лошадь. — Если ты не будешь доверять своему человеку, лучше сразу беги. Так и поступают некоторые из наших, и я не виню их. Как я и говорила, меня ранили не по вине Дика. Он

лежал на земле, я шагнула, чтобы не наступить на него, и он ударил меня. Когда в следующий раз мне придется переступить лежащего человека, я наступлю на него ногой, наступлю сильно.

— Гм, — сказал Билли, — все это мне кажется довольно глупо. Ножи всегда вещь скверная. Лучше подниматься на гору с хорошо пригнанным седлом, цепляться за камни всеми четырьмя ногами, карабкаться и извиваться, пока не очутишься на несколько сотен футов выше всех остальных и не остановишься на площадке, где места хватает только для твоих четырех копыт. Тогда стои́шь неподвижно и спокойно — никогда не проси человека придержать твою голову, юноша, — стои́шь и ждешь, чтобы части пушек скрепили, а потом смотришь, как маленькие круглые снаряды падают на вершины деревьев там, далеко внизу.

— А ты никогда не спотыкаешься? — спросила полковая лошадь.

— Говорят, что, когда мул спотыкается, можно расщепить куриное ухо, — сказал Билли. — Может быть, плохо надетое седло иногда способно пошатнуть мула, но это случается крайне редко. Хотелось бы мне показать вам всем наше дело. Оно прекрасно. Сознаюсь, понадобилось три

года, чтобы я узнал, чего хотят от нас люди. Все искусство заключается в том, чтобы мы никогда не виднелись на горизонте, так как, в противном случае, нас могут осыпать выстрелами. Помни это, юноша. Старайся всегда, по возможности, скрываться, даже если для этого тебе придется сделать крюк в целую милю. Когда дело доходит до подъема на горы, я веду за собой батарею.

— Знать, что в тебя стреляют, не имея возможности броситься в толпу стреляющих, — задумчиво сказала полковая лошадь. — Я не могла бы этого вынести! Мне непременно захотелось бы напасть на них вместе с Диком.

— О, нет, нет, ты не могла бы сделать этого; знаешь, когда орудия занимают позицию, нападают только пушки. Это научный и правильный метод; а ножи… Фу!

Некоторое время грузовой верблюд вертел своей головой, желая вставить слово, потом я услышал, как он, прочистив горло, нервно заметил:

— Я… я… я тоже немного сражался, но не так, как вы, взбираясь на горы или бросаясь на неприятеля.

— Конечно, раз ты упоминаешь об этом, — бросил ему Билли. — Замечу, что ты, по-видимому, не создан для подъемов на горы или долгого бега. Ну, скажи, как же было дело, скажи, старый Сенной Тюк?

— Бились как следует, — ответил верблюд. — Все мы сели…

— Ах, мой круп и лопатки! — про себя произнесла полковая лошадь и вслух прибавила: — Ты говоришь «сели»?

— Да, сели, все сто верблюдов сели, — продолжал он, — и образовали большой квадрат; люди нагромоздили наши вьюки и седла внутри этого квадрата и принялись стрелять поверх наших спин во все четыре стороны.

— А что это были за люди? — спросила полковая лошадь. — В кавалерийской школе нас учат ложиться и не мешать нашим хозяевам стрелять через нас; но я позволила бы сделать это только одному Дику Кенлиффу. Это щекочет меня подле подпруги; кроме того, когда моя голова лежит на земле, я ничего не вижу.

— Не все ли равно, кто стреляет через тебя? — спросил верблюд. — Ведь тогда поблизости много других людей, много других верблюдов, и поднимается громадное количество клубов дыма. Тогда я нисколько не боюсь. Я сижу тихо и жду.

— А между тем, — заметил Билли, — когда тебе снятся дурные сны, ты пугаешься и тревожишь лагерь. Ну, ну! Раньше, чем я лягу, не говорю уж сяду, и позволю человеку стрелять через себя, мои копыта поговорят с его головой. Слышали ли вы что-нибудь ужаснее этого?

Наступило продолжительное молчание. Наконец один из орудийных волов поднял свою огромную голову и сказал:

— Да, очень глупо. Существует только один хороший способ борьбы.

— Продолжай, — заметил Билли. — И, пожалуйста, не щади меня. Предполагаю, что вы, волы, сражаетесь, стоя на ваших хвостах?

— Существует только один способ войны, — сказали сразу оба вола. (Они, вероятно, были близнецы.) — Вот какой. Едва протрубит Двухвостка (лагерное прозвище слонов), запрягают двадцать пар волов в одно большое орудие…

— А зачем трубит Двухвостка? — спросил молодой мул.

— С целью показать, что он не хочет подходить к дыму. Двухвостка — трус. Мы все вместе тащим огромное орудие.

— Хейа! Хуллах! Хейах! Хуллах! Мы не карабкаемся, как кошки, и не бежим, как телята. Мы идем по гладкой долине, все двадцать пар, пока нас не разомкнут, а тогда начинаем пастись. Крупные пушки через низменность говорят с каким-нибудь городом, окруженным глиняными стенами; куски стен падают, пыль взвивается так высоко, точно домой идет множество скота.

— О, и вы в это время пасетесь? — спросил молодой мул.

— Ив это время, и в другое. Есть всегда приятно.

Мы едим, пока на нас снова не наложат ярмо и мы не повезем пушку обратно к тому месту, где ее ждет Двухвостка. Иногда в городе тоже оказываются большие орудия; они нам отвечают, и кое-кто из нас бывает убит; для оставшихся оказывается больше травы. Это судьба — только судьба. Тем не менее Двухвостка — великий трус. Вот настоящий способ сражаться. Мы братья и пришли из Гапура. Наш отец был священный бык Шивы. Мы закончили говорить.

— Надо сознаться, что я многое узнала в эту ночь, — заметила полковая лошадь. — Скажите, джентльмены разборных пушек, чувствуете ли вы наклонность щипать траву, когда в вас стреляют из крупных орудий, а позади вас шагает Двухвостка?

— Мы так же мало склонны есть в это время, как садиться, позволять людям стрелять через нас или кидаться в толпу солдат, вооруженных ножами. Я никогда не слыхивал ничего подобного. Горная площадка, хорошо уравновешенный груз, погонщик, который, я знаю, позволит мне выбирать дорогу — и я к вашим услугам; но все остальное — нет! — сказал Билли.

— Понятно, — протянула полковая лошадь, — не все устроены одинаковым образом, и я вполне

ясно вижу, что, благодаря вашему происхождению с отцовской стороны, вы не в силах понимать многое.

— Прошу не касаться моего рода с отцовской стороны, — сердито возразил Билли (ни один мул не любит напоминания о том, что его отцом был осел). — Мой отец был джентльмен с Юга, и он мог сбить с ног, искусать и разорвать ногами в клочья любую лошадь, попавшуюся на его пути. Помни ты, большой коричневый Брембай!

«Брембай» значит дикая невоспитанная лошадь. Представьте себе чувство скакуна, которого ломовая лошадь назовет «клячей», и вы поймете, что испытал австралийский полковой конь. Я видел, как в темноте блеснули его белки.

— Слушай ты, сын привозного с Малаги осла, — сказал он сквозь зубы. — Знай, что с материнской стороны я в родстве с Кербайном, который выиграл мельбурнский кубок. Там, откуда я, мы не привыкли, чтобы нами управляли плохо подкованные мулы с языком попугая, с глупой головой и служащие в батарее духовых пушек, стреляющих горохом. Ты готов?

— Поднимайся, — взвизгнул Билли.

Они оба стали друг против друга на дыбы, и я ждал, что начнется ожесточенный бой, но вдруг

из темноты справа послышался горловой раскатистый голос:

— Из-за чего вы деретесь тут, дети? Успокойтесь.

Оба животных, фыркнув с досадой, опустились на ноги, потому что ни лошади, ни мулы терпеть не могут голоса слона.

— Это Двухвостка, — сказала полковая лошадь. — Я не выношу его. По хвосту с каждого конца! Противно!

— Я испытываю то же самое, — сказал Билли, подходя поближе к полковой пощади. — В некоторых отношениях мы с тобой походим друг на друга.

— Я думаю, мы унаследовали это сходство от наших матерей, — заметила полковая лошадь. — Не стоит ссориться. Эй ты, Двухвостка, ты привязан?

— Да, — ответил Двухвостка и засмеялся во весь свой хобот. — Меня загородили на ночь, и я слышал все, что вы говорили. Но не бойтесь: я не перешагну изгороди.

Волы и верблюд тихонько сказали:

— Бояться Двухвостки? Что за вздор.

И волы прибавили:

— Нам жаль, что ты слышал, но мы говорили

правду. Двухвостка, почему ты боишься пушек, когда они стреляют?

— Ну, — сказал Двухвостка, потирая одну заднюю ногу о другую совершенно так, как это делает маленький мальчик, декламируя поэму, — я не знаю, поймете ли вы меня.

— Мы многого не понимаем, но нам приходится возить пушки, — ответили волы.

— Я это знаю, знаю также, что вы гораздо смелее, чем сами думаете. Я — другое дело. Капитан моей батареи на днях назвал меня «толстокожим анахронизмом».

— Это еще новый способ вести сражение? — спросил Билли, который уже оправился.

— Ты не понимаешь, что это значит, но я понимаю. Это значит «между и посреди», и это мое место. Когда снаряд взрывается, я своими мозгами понимаю, что произойдет после взрыва; вы же, волы, не понимаете мозгами.

— Я понимаю, — сказала полковая лошадь. — По крайней мере отчасти, но стараюсь не думать о том, что понимаю.

— Я понимаю больше тебя и думаю об этом. Я знаю, что мне следует заботиться о себе, я так велик; известно мне также, что, когда я бываю болен, никто не умеет лечить меня; люди могут

только прекратить выдачу жалованья моему погонщику, пока я не поправлюсь, а моему погонщику я не могу доверять.

— Ага, — заметила полковая лошадь, — вот и объяснение! Я доверяю Дику.

— Ты можешь посадить целый полк таких Диков на мою спину, а я все-таки от этого не буду чувствовать себя лучше. У меня достаточно знаний, чтобы тревожиться, и слишком мало их, чтобы, несмотря на тревогу, идти вперед.

— Мы тебя не понимаем, — сказали волы.

— Да, не понимаете, а потому я и не говорю с вами. Вы не знаете, что такое кровь.

— Знаем, — возразили волы. — Это красное вещество; оно впитывается в землю и пахнет.

Полковая лошадь брыкнула, подпрыгнула и фыркнула.

— Не говорите о ней, — сказала она. — Думая о крови, я чувствую ее запах, а запах этот вселяет в меня желание бежать прочь… когда на моей спине нет Дика.

— Да ведь ее же нет здесь, — сказали в один голос верблюд и волы. — Почему ты такая глупая?

— Это противное вещество, — сказал Билли. — У меня нет желания броситься бежать, но я не хочу разговаривать о крови.

— Вот-вот. На этом вам следует остановиться, — сказал Двухвостка, в виде пояснения помахивая хвостом.

— Конечно. Мы и так простояли здесь всю ночь, — согласились с ним волы.

Двухвостка нетерпеливо стукнул о землю своей ногой, и железное кольцо на ней зазвенело.

— Ах, о чем с вами говорить. Вы ничего не видите мозгом.

— Нет, мы только видим нашими четырьмя глазами, — сказали волы, — но видим решительно все, что нам встречается.

— Если бы мне приходилось только смотреть и ничего больше, вас не заставляли бы возить крупные орудия. А если бы я походил на моего капитана (он видит мозгом многое до начала стрельбы и весь дрожит, но не убегает), так вот, если бы я походил на него, я мог бы стрелять из пушки. Однако, будь я вполне мудр, я не был бы здесь. Я по-прежнему оставался бы королем леса; половину дня спал бы и купался бы, когда мне вздумается. Теперь же я целый месяц не мог выкупаться как следует.

— Все это прекрасно, — сказал Билли, — и тебе дали странное имя, но ведь длинное название не помогает понимать непонятное.

— Тсс! — сказала полковая лошадь. — Мне кажется, я понимаю, что говорит Двухвостка.

— Через минуту ты поймешь это еще яснее, — сердито проговорил слон. — Ну-с, пожалуйста, объясни, почему тебе не нравится вот «это»?

И он с ожесточением затрубил во всю силу своего хобота.

— Перестань, перестань! — сказал Билли, и я услышал, как они в темноте дрожали и топали ногами. Крик слона всегда неприятен, в темную же ночь особенно.

— Не перестану, — сказал Двухвостка. — Не угодно ли вам объяснить следующее: Ххррмф! Рррт! Рррмф! Рррхха!

Вдруг он замолчал; из мрака до меня донесся легкий визг, и я понял, что Виксон наконец отыскала меня. Она отлично знала, как знал и я, что больше всего в мире он боится маленькой лающей собачки.

Виксон тявкала, прыгая вокруг больших ног Двухвостки. Двухвостка беспокойно задвигался и, слегка крякнув, сказал:

— Уходи, собачка, не обнюхивай моих щиколоток, не то я ударю тебя. Добрая собачка! Ну, милая собаченька! Уходи домой, тявкающее маленькое животное. Ах, почему это никто не возьмет ее?

Она сейчас меня укусит.

— Мне сдается, — сказал полковой лошади Билли, — что наш друг, Двухвостка, боится многого. Ну, если бы мне давали достаточно пищи за каждую собаку, которую я швырял через военную площадку, я был бы теперь почти так же жирен, как Двухвостка.

Я свистнул, Виксон подбежала ко мне и, грязная с головы до ног, стала лизать мне нос и принялась пространно объяснять, как она отыскивала меня в лагере. Я никогда не давал ей понять, что мне известен язык животных, ведь в противном случае она слишком распустилась бы. Итак, я только посадил ее к себе на грудь и застегнул пальто. Двухвостка зашаркал ногами, потопал ими и проворчал про себя:

— Удивительно! До крайности удивительно! Это у нас бывает в семье. Куда же девалось злое, маленькое животное?

Я услышал, как он стал хоботом ощупывать землю вокруг себя.

— У каждого из нас, по-видимому, есть своя болезнь, — сказал он, продувая хобот. — Вот вы все, кажется, боитесь, когда я трублю.

— Не могу назвать своего чувства настоящим страхом, — возразила полковая лошадь. — Но

в это время во мне рождается такое ощущение, точно там, где на моей спине должно лежать седло, копошатся оводы. Пожалуйста, довольно!

— Я боюсь маленькой собаки; верблюд пугается дурных ночных сновидений.

— Для всех нас хорошо, что нам не приходится сражаться одинаковым образом, — заметила полковая лошадь.

— Вот что я хочу узнать, — спросил очень долго молчавший молодой мул. — Я хочу знать, почему нам вообще приходится сражаться?

— Да потому, что нам приказывают идти в бой, — презрительно фыркнув, сказала полковая лошадь.

— Приказ, — подтвердил мул Билли и резко закрыл рот, щелкнув зубами.

— Хукм-хей. Так приказано, — произнес верблюд, и в его горле что-то булькнуло; Двухвостка и волы повторили: — Хукм-хей!

— Да, но кто же приказывает? — спросил мул-рекрут.

— Человек, который идет перед тобой, или сидит на твоей спине, или держит веревку, продетую в твой нос, или крутит твой хвост, — поочередно сказали Билли, полковая лошадь, верблюд и волы.

— А кто дает им приказания?

— Ну, ты хочешь знать слишком многое, юнец, — сказал Билли, — а за это не хвалят. Тебе нужно только повиноваться человеку, идущему перед тобой и не задавать вопросов.

— Правда, — сказал слон. — Я не всегда повинуюсь, но ведь я «между и посреди»; тем не менее Билли прав. Повинуйся человеку, который идет подле тебя и дает тебе приказания, потому что, в противном случае, тебя не только побьют, но ты еще и остановишь батарею.

Орудийные волы поднялись, чтобы уйти.

— Подходит утро, — сказали они. — Мы вернемся к нашим рядам. Правда, что мы видим только глазами и не особенно умны; а все же сегодня ночью мы одни ничего не испугались. Покойной ночи, вы, храбрые существа.

Никто не ответил им, и, для перемены разговора, полковая лошадь сказала:

— Где же маленькая собака? Где есть собака, там недалеко и человек.

— Я здесь, — тявкнула Виксон, — под лафетом с моим человеком. — Ты, крупный, неловкий верблюд, опрокинул нашу палатку. Мой человек очень сердится.

— Фу! — сказали волы. — Он, вероятно, белый?

— Ну, конечно, — ответила Виксон. — Неужели вы предполагаете, что за мной смотрит черный погонщик волов?

— Ах! Уах! Ух! — сказали волы. — Уйдем поскорее.

Они двинулись прочь, увязая в грязи, каким-то образом умудрились зацепить своим ярмом за дышло фуры с припасами, где оно и застряло.

— Ну, готово, — спокойно сказал Билли. — Да не бейтесь вы! Теперь вы останетесь здесь до утра. Но в чем же дело?

Раздалось продолжительное свистящее фырканье, свойственное рогатому скоту Индии; волы бились, теснились друг к другу, топали ногами, скользили, вязли в грязи и чуть было не упали на землю, все время яростно кряхтя.

— Через минуту вы сломаете себе шеи, — сказала им полковая лошадь. — Что в белых людях? Я живу поблизости от них…

— Они… едят… нас! Вперед! — сказал ближайший вол.

Ярмо с треском разломилось надвое, и громадные животные двинулись дальше.

До тех пор я не знал, почему индийский домашний скот так боится англичан. Мы едим бычье мясо, до которого не дотрагивается ни один ин-

дусский погонщик; итак, понятно, почему мы не нравимся туземному рогатому скоту.

— Пусть меня исколотят цепями от моего собственного вьючного седла! Кто бы подумал, что два такие огромные чудовища могут совсем обезуметь? — произнес Билли.

— Не обращай на них внимания. Я посмотрю на этого человека. Я знаю, у большинства белых в карманах лежат хорошие вещи, — сказала полковая лошадь.

— В таком случае, я уйду. Не могу сказать, чтобы я сам слишком любил их. Кроме того, белый человек, у которого нет собственного места для ночлега, по всей вероятности, вор, а у меня на спине много вещей, принадлежащих правительству Ну, юнец, отправимся к своим. Спокойной ночи, Австралия! Вероятно, мы с тобой увидимся завтра во время парада. Покойной ночи, старый Сенной Мешок! В будущем старайся лучше владеть собой. Спокойной ночи, Двухвостка. Пожалуйста, проходя мимо нас по площадке, не труби. Это портит правильность нашего строя.

Мул Билли пошел прочь покачивающейся походкой старого воина; голова лошади пододвинулась ко мне, и ее нос стал обнюхивать мне грудь; я дал ей бисквитов. Виксон же, самая тще-

славная собачка в мире, принялась рассказывать ей сказки о тех десятках лошадей, которых будто бы мы с нею держали.

— Завтра я приеду на парад в моем шарабане, — сказала она. — Где ты будешь?

— С левой стороны второго эскадрона. Я держу ритм для всего моего полка, маленькая леди, — вежливо объяснила полковая лошадь. — Теперь я должна вернуться к Дику. Мой хвост совсем запачкался, и Кенлиффу придется усиленно поработать два часа, чтобы привести меня в порядок перед парадом.

В этот день был большой парад. Мимо нас двигались полки; одна за другой прокатывались волны шагавших в ногу ружей, вытянутых в одну линию, и наконец наше зрение помутилось. Вот прекрасным кавалерийским галопом в такт песни «Бонни Денди» проехала кавалерия, и, сидя в шарабане, Виксон насторожила одно ухо. Пронесся второй уланский эскадрон; в его рядах была наша полковая лошадь; она твердо держала ритм для всего своего эскадрона, и ее ноги скользили с легкостью мелодии вальса. Потом проехали крупные орудия, и я увидел Двухвостку и еще двух слонов, заложенных гуськом в сорокафунтовое осадное орудие; за ними двигалось двадцать

пар волов. На седьмой паре лежало новое ярмо, и оба эти вола имели усталый неповоротливый вид. В самом конце появились разборные пушки; Билли-мул держался так, точно он командовал всеми войсками.

Вот опять пошел дождь, и на несколько минут в воздухе повисла густая дымка; не было видно, что делают войска. Они описали на равнине большой полукруг и стали вытягиваться в одну линию, которая все росла, росла и росла, пока наконец от одного ее конца до другого не образовалось пространство в три четверти мили; это была одна прочная стена из людей, лошадей и орудий. И вот она двинулась прямо на вице-короля и эмира; когда стена эта приблизилась, земля задрожала, как палуба парохода при быстрой работе машин.

Если вы не были там, вы не вообразите себе, какое страшное впечатление производит постоянное приближение войск даже на тех зрителей, которые знают, что они видят только парад. Я взглянул на эмира. До этих пор он не выказывал ни тени изумления или какого-либо другого чувства; теперь же его глаза стали расширяться все больше и больше; он натянул поводья своей лошади и оглянулся. С минуту казалось, что вот-вот он обнажит саблю и прорубит себе доро-

гу через толпу английских мужчин и женщин, заполнявших экипажи позади него. Движение войск прекратилось; почва успокоилась; вся линия войск салютовала; тридцать оркестров заиграли сразу. Наступил конец парада, и войска под дождем направились к своим лагерям.

И я услышал, как старый, седой, длинноволосый начальник племени из Центральной Азии, приехавший вместе с эмиром, задавал вопросы одному туземному офицеру:

— Скажите, — спросил он, — как могли сделать эту удивительную вещь?

Офицер ответил:

— Было дано приказание, его выполнили.

— Да разве животные так же умны, как люди? — продолжал спрашивать азиат.

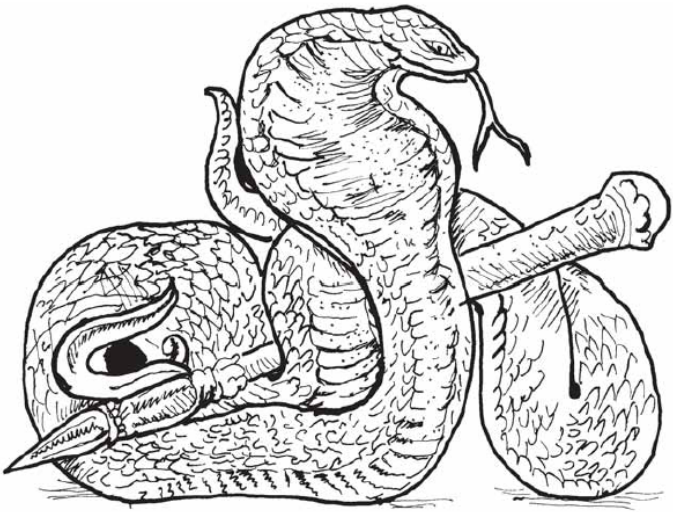
— Они слушаются, как люди. Мул, лошадь, слон или вол, каждый повинуется своему погонщику; погонщик — сержанту; сержант — поручику; поручик — капитану, капитан — майору; майор — полковнику; полковник — бригадиру, командующему тремя полками; бригадир — генералу, который склоняется перед приказаниями вице-короля, а вице-король — слуга императрицы. Вот как делается у нас.

— Хорошо, если бы так было и в Афганистане, —

сказал старик, — ведь там мы подчиняемся только нашей собственной воле.

— Вот потому-то, — заметил офицер туземцу, покручивая свой ус, — вашему эмиру, которого вы не слушаетесь, приходится являться к нам и получать приказания от нашего вице-короля.

Вторая Книга



Как в джунгли пришел страх

Закон Джунглей (самый древний в мире) составлялся постепенно, на каждый случай, который мог произойти в зарослях, и наконец его кодекс достиг почти полного совершенства. Если вы читали о Маугли, вы вспомните, что большую часть своей жизни он провел в сионийской волчьей стае, изучая Закон, который ему преподавал Балу, бурый медведь. Когда мальчика стали раздражать вечные приказания, именно Балу сказал ему, что Закон Джунглей походит на исполинскую лиану, потому что он обвивает каждое существо и никто не может убежать от него.

— Когда ты проживешь столько, сколько прожил я, Маленький Брат, ты, может быть, увидишь, как все живущие в джунглях повинуются одному Закону. И это будет неприятное зрелище, — прибавил медведь.

Его слова вошли в одно ухо Маугли и вылетели из другого потому, что мальчик, который думает только как бы поесть или поспать, не заботится ни о чем, пока беда действительно не заглянет ему в лицо. Но однажды наступил такой год, в ко-

торый слова Балу оправдались, и Маугли увидел, что в джунглях все подчиняются общему Закону.

Началось с того, что зимой почти совсем не было дождей, и при встрече с Маугли в бамбуковой чаще дикобраз Икки сказал, что дикий ямс совсем засыхает. Всякий знает, что Икки до смешного разборчив в еде, что он ест только все самое лучшее и самое спелое. Поэтому Маугли засмеялся и сказал:

— Мне-то что за дело?

— Теперь мало дела, — сказал Икки, беспокойно побрякивая своими иглами, — а позже увидим. Скажи, хорошо ли нырять в глубоком затоне под Пчелиной скалой, Маленький Брат?

— Нет. Глупая вода все уходит, а разбивать себе голову я не намерен, — ответил Маугли, который в те дни был вполне уверен, что он знает больше, чем пятеро любых жителей джунглей, взятых вместе.

— Очень жаль. Через маленькую трещину в твою голову, может быть, проникло бы немножко ума. — И дикобраз быстро шмыгнул в чащу, чтобы Маугли не стал дергать его за щетину на носу.

Позже мальчик повторил Балу слова Икки. Балу стал серьезен и пробормотал скорее для себя, чем для него:

— Будь я один, я ушел бы охотиться в другое место раньше, чем остальные заметят... Между тем охота посреди чужих оканчивается дракой, и тогда человеческий детеныш мог бы пострадать. Надо подождать и посмотреть, как цветет мохва.

В эту весну мохва, любимое дерево Балу, совсем не зацвело. Зной убил его сливочно-желтые и как бы восковые цветы раньше, чем они родились, и когда медведь, стоя на задних лапах, тряхнул нежный ствол деревца, на землю упало несколько дурно пахнущих лепестков. После этого чрезмерная жара дюйм за дюймом поползла к самому сердцу джунглей, делая их зелень желтой, коричневой и наконец черной. Зеленые поросли на откосах рвов иссохли, превратились в разорванные нити и искривленные пластинки мертвого вещества; в болотистых естественных прудах высохла вода; они затянулись запекшейся грязью, и на их краях остались последние следы ног, точно отлитые из чугуна; лианы с сочными стеблями упали с деревьев, которые они обнимали, и умерли у их подножий; бамбуки завяли и звенели, когда на них налетал горячий ветер; мох осыпался с камней и толстым слоем лег на землю; наконец, все скалы так же обнажились и раскалились, как дрожащие синеватые валуны

на сухом ложе реки.

Птицы и обезьяны рано переселились на север; они знали, «что» подходит; олени и кабаны убежали в погибшие деревенские нивы; некоторые из них умирали на глазах слабых людей, которые даже не думали поднимать на них руку. Чиль, ястреб, остался и пополнел, потому что было очень много падали; он каждый вечер приносил известия зверям, настолько обессиленным, что они не могли уйти к новым местам охоты, говоря им, что солнце убило джунгли вокруг на три дня полета.

Маугли, еще не знавший настоящего голода, принялся уничтожать несвежий, трехлетний мед из покинутых сотов в скалах, мед черный, как вар, засахарившийся и потому как бы покрытый пылью. Он также ловил личинок под корой деревьев и ел ос из новых выводков. Вся дичь в джунглях превратилась в скелеты, обтянутые кожей, и Багира охотилась трижды в ночь, но не насыщалась. Хуже всего был недостаток воды, хотя Народ Джунглей пьет редко, но ему необходимо пить вдоволь.

А засуха продолжалась; зной высасывал всю влагу из почвы, так что наконец русло реки Венгунги превратилось в единственный поток; это

был ручеек воды в мертвых берегах. Дикий слон Хати, проживший сто лет или больше, увидел длинную узкую синюю гряду скал, обнажившуюся на самой середине реки, и понял, что перед ним вырисовывается Скала Мира. Тогда он поднял свой хобот и объявил начало Водяного Перемирия, как пятьдесят лет тому назад это сделал его отец. Олени, кабаны и буйволы хрипло повторили его слова; Чиль описал в воздухе широкий круг и со свистом громко предостерег жителей зарослей.

По Закону Джунглей, раз Водяное Перемирие объявлено, тот, кто убьет какое-либо существо на водопое, подвергается смерти. Причина этого та, что утоление жажды важнее утоления голода. Каждый в джунглях еще может как-нибудь прожить, когда дичи мало, но вода — это вода, и когда остается только один источник, тогда на время общего водопоя всякая охота прекращается. В счастливые времена, во дни изобилия воды животные, пившие из Венгунги или в другом месте, рисковали жизнью, и сама опасность придавала особое очарование этому ночному удовольствию. Спускаться так ловко, чтобы не шелохнулся ни один листок; входить в ревущую воду, шум которой заглушает все остальные звуки; пить,

оглядываясь через плечо, напрягая все мускулы для отчаянного прыжка; валяться на песчаной отмели и возвращаться с влажным носом и полным желудком к ликующему стаду — вот что казалось восхитительным каждому молодому оленю с разветвленными рогами именно благодаря возможности нападения; ведь Багира или Шер Хан ежеминутно могли выскочить из чащи. Но теперь эта опасная игра, в которой ставками были жизнь или смерть, окончилась; жители джунглей приходили истощенные, усталые к сузившейся реке: тигр, медведь, олень, буйвол, кабан — все вместе. Они рядом пили помутневшую воду и оставались близ Венгунги, слишком измученные, чтобы уйти в заросли.

Олени и кабаны целый день бродили, отыскивая что-нибудь получше сухой коры и увядших листьев. Буйволы не находили болот, в которых они могли освежиться, и зеленых всходов, на которых им можно было воровски пастись. Змеи покинули джунгли и спустились к реке в надежде поймать уцелевшую лягушку; они свивались около влажных камней и не кусались, когда рыло кабана сбрасывало их с места; Багира, самая ловкая охотница, уже давно убила всех речных черепах; рыбы зарылись глубоко в сухой ил. Ска-

ла Мира тянулась вдоль отмели, точно длинная змея, и утомленные волны шипели, высыхая на ее горячих откосах.

Именно в это место каждую ночь приходил Маугли, чтобы освежиться и побыть в обществе. В это время самый голодный из врагов мальчика не обращал на него внимания. Его не покрытая мехом кожа придавала ему особенно заморенный и жалкий вид. Его волосы выгорели на солнце до цвета пакли; его ребра выдавались, точно прутья на дне корзины; мозоли на коленях и локтях, на которые мальчик опирался, когда бегал на четвереньках, делали его тонкие высохшие ноги и руки похожими на узловатые стебли трав. Однако из-под спутанных волос Маугли смотрели спокойные, хладнокровные глаза; в это тяжелое время его советницей была Багира; она велела ему держаться спокойно, охотиться не торопясь и никогда, ни по какому поводу не выходить из себя.

— Наступило дурное время, — в один раскаленный вечер сказала ему черная пантера, — но оно пройдет, только бы нам дожить до его окончания. Полон ли твой желудок, человеческий детеныш?

— Там есть кое-что, но мне от этого не лучше. Как ты думаешь, Багира, дожди забыли о нас и

никогда больше не вернутся?

— Этого я не думаю. Мы еще увидим мохву в цвету и маленьких оленят, разжиревших на молодой траве. Спустимся к Скале Мира и послушаем новости. Ну, ко мне на спину, Маленький Брат!

— Теперь не время носить тяжести. Я еще могу стоять один, но… Право, мы с тобой не похожи на откормленных быков…

Багира взглянула на свой лохматый пыльный бок и шепнула:

— Прошлой ночью я убила вола под ярмом. Я до того ослабела, что, кажется, не решилась бы кинуться на него, будь он на свободе.

Маугли засмеялся:

— Да, мы теперь великие охотники, — сказал он. — Я с большой смелостью ем червей.

И они стали вместе спускаться, пробираясь через хрустящие кусты к берегу и к тем мелям, которые, как кружевной узор, разбегались повсюду от русла реки.

— Недолго проживет вода, — сказал подошедший к ним Балу. — Посмотрите на ту сторону. Вон тропинки, похожие на дороги человека.

На плоском противоположном берегу жесткая трава засохла на корню; ее стебли умерли и, стоя,

превратились в мумии. Утоптанные тропинки оленей и кабанов, подходившие к реке, исчертили эту бесцветную низменность пыльными желобами, пробитыми в десятифутовой траве. Теперь, несмотря на ранний час, каждая из этих длинных аллей была заполнена животными, спешившими к водопою. Доносился звук кашля ланей и их детенышей, задыхавшихся от пыли, едкой, как нюхательный табак.

Подле излучины реки, близ заводи, окружавшей Скалу Мира, стоял Хати, дикий слон — страж Водяного Перемирия, со своими сыновьями; худыми и серыми казались слоны при лунном освещении; все они качались взад и вперед, все время качались. Немного позади Хати виднелись олени; за ними кабаны и дикие буйволы; на противоположном же берегу, где до самого края воды доходили деревья, было место плотоядных — тигров, волков, пантер, медведей и остальных.

— Всеми нами действительно управляет один Закон, — сказала Багира, входя в воду и глядя на ряды звенящих рогов и на линии широко раскрытых глаз там, где олени и кабаны, толпясь, толкали друг друга. — Хорошей охоты всем вам, кто одной крови со мной, — сказала пантера. Она вытянулась во всю свою длину, но один бок остал-

ся над водой; сквозь зубы Багира прибавила: — Не будь Закона, хорошо поохотилась бы я здесь.

Широко расставленные уши оленей уловили ее последнее замечание, и в их рядах послышался испуганный шепот:

— Перемирие! Помните — Перемирие!

— Спокойнее, спокойнее, — проворчал Хати, дикий слон. — Перемирие держится, Багира. Теперь не время говорить об охоте.

— Кто знает это лучше меня? — проговорила черная пантера, глядя своими желтыми глазами вверх по реке. — Я дошла до того, что ем черепах. Я вылавливаю лягушек! Нгаайах! Мне жаль, что я не могу насыщаться зеленью.

— Как это было бы хорошо для нас, — проблеял юный олененок, родившийся в эту весну и очень недовольный положением вещей.

Как ни было несчастно население джунглей, все засмеялись, даже Хати; Маугли же, который, опираясь на локти, лежал в теплой воде, громко захохотал, взбивая ногами пену.

— Хорошо сказано, маленький будущий рогач, — промурлыкала Багира. — Я не забуду твоих слов, и по окончании Перемирия они послужат тебе на пользу. — И черная пантера внимательно вгляделась в темноту, чтобы позже узнать гово-

ревшего олененка.

Мало-помалу животные оживились. Можно было слышать, как фыркающий, беспокойный кабан требовал себе больше места; как буйволы кряхтели и разговаривали между собой, пересекая песчаные мели; как олени жалобно рассказывали о своих долгих блужданиях, о таких долгих поисках пищи, что их ноги разболелись. Время от времени они задавали вопросы плотоядным, но все новости были плохи. Ревущий горячий ветер джунглей проносился между камнями, стучал ветвями и разбрасывал мелкие веточки и пыль по поверхности воды.

— Люди тоже умирают подле своих плугов, — сказал один молодой олень. — Проходя в сумерках на пороге ночи, я видел троих. Они лежали неподвижно, и подле них были их волы. Через некоторое время мы тоже затихнем.

— Вода в реке еще понизилась с прошедшей ночи, — заметил Балу. — О Хати, видал ли ты когда-нибудь такую засуху?

— Она пройдет! Она пройдет! — ответил Хати, поливая водой свою спину и бока.

— Один из нас долго не выдержит, — сказал Балу и посмотрел на мальчика, которого он любил.

— Я? — с негодованием сказал Маугли и сел в воде. — У меня нет длинного меха, который прикрывал бы мои кости, но… но если бы с тебя, Балу, содрали шкуру…

При этой мысли Хати вздрогнул, а Балу строго сказал:

— Человеческий детеныш, неприлично говорить такие вещи преподавателю Закона. Меня никогда не видали без шкуры!

— Полно, я не хотел обидеть тебя, Балу; я только подразумевал, что ты походишь на кокосовый орех в оболочке, я же на тот же орех, только обнаженный. Видишь ли, твоя коричневая мохнатая оболочка… — Маугли сидел, скрестив ноги, и объ-

яснял свои слова, по обыкновению размахивая рукой; Багира вытянула мягкую лапу и опрокинула мальчика в реку.

— Чем дальше, тем хуже, — сказала черная пантера, когда он, отдуваясь и отряхиваясь, поднялся из воды. — Сначала с Балу надо содрать кожу; потом Балу оказался орехом! Смотри, чтобы он не сделал того, что делают спелые кокосовые орехи.

— А что такое? — спросил Маугли, на мгновение забыв осторожность, хотя шутка об орехах одна из самых старых в джунглях.

— Разбивают голову, — спокойно сказала Багира и снова погрузила его в воду.

— Нехорошо делать своего учителя предметом шуток, — заметил Балу, когда Маугли в третий раз вынырнул из воды.

— Нехорошо? А чего же вы ждали? Это обнаженное существо бегает взад и вперед и выкидывает обезьяньи шутки над прежними хорошими охотниками; лучших из нас оно, ради забавы, дергает за усы. — Это говорил Шер Хан, хромой тигр, который кое-как притащился к воде.

Шер Хан выждал несколько минут, чтобы насладиться впечатлением, которое он произвел на оленей, стоявших на противоположном берегу, потом опустил свою угловатую пушистую голову

и начал пить ворча:

— Джунгли превратились в площадку для забав обнаженных детенышей. Посмотри на меня, человеческий детеныш.

Маугли посмотрел — вернее уставился — на Шер Хана, придав своим глазам как можно более дерзкое выражение; через минуту тигр тревожно отвернулся.

— Человеческий детеныш тут, человеческий детеныш там, — прорычал он, продолжая пить. — Детеныш ни человек и ни волк, не то он боялся бы. В будущем году мне придется просить у него позволения напиться. Аугрх!

— Может быть, это случится, — заметила Багира, глядя прямо в глаза тигру. — Да, может случиться, Шер Хан. Фу, какой новый позор принес ты сюда?

Лунгри погрузил в воду свой подбородок и нижнюю челюсть, и темные маслянистые полосы поплыли от него по течению.

— Человек, — спокойно сказал Шер Хан, — час тому назад я убил человека. — И он продолжал мурлыкать и ворчать про себя.

Весь ряд животных дрогнул и заволновался; поднялся шепот и скоро перешел в крик:

— Человек! Человек! Он убил человека!

Потом все глаза посмотрели на Хати, дикого слона, но он, казалось, не слышал. Хати никогда ничего не делает до последней минуты, и это одна из причин продолжительности его жизни.

— В такое время, как теперь, убить человека! Разве поблизости не было другой дичи? — презрительно сказала Багира, выходя из замутненной воды и по-кошачьи отряхивая каждую свою лапу.

— Я убил не из-за голода; я нарочно подстерег человека.

Снова поднялся шепот ужаса, и маленькие наблюдательные глаза Хати устремились на Шер Хана.

— Подстерег, — медленно продолжал Шер Хан, — а теперь пришел пить и очиститься. Разве здесь есть кто-нибудь, кто помешает мне сделать это?

Спина Багиры начала изгибаться, как стебель бамбука при сильном ветре, но Хати поднял свой хобот и сказал спокойно:

— Ты нарочно выбрал человека? — спросил он, а когда Хати спрашивает, гораздо благоразумнее отвечать.

— Именно. Это было мое право; наступила моя ночь. Ты ведь знаешь, о Хати, — Шер Хан говорил

почти вежливым тоном.

— Да, знаю, — ответил Хати и, помолчав немного, спросил: — Напился ли ты вволю?

— На сегодняшнюю ночь — да.

— Тогда уйди. Из реки нужно пить, а не осквернять ее. Только хромой тигр может хвастаться своим правом в такое время, когда… когда мы все страдаем вместе: люди и Народ Джунглей. Чистый или нечистый, уходи в свое логовище, Шер Хан.

Последние слова Хати произнес голосом, который походил на звук серебряных труб; трое его сыновей быстро двинулись вперед, хотя в этом не было никакой надобности. Шер Хан убежал, пригибаясь к земле; он не смел даже ворчать, зная (как знали и все), что, в конце концов, хозяин джунглей — Хати.

— О каком это праве говорит Шер Хан? — прошептал Маугли на ухо Багире. — Убивать человека всегда позорно. Так сказано в Законе; а между тем Хати говорит…

— Спроси его. Я не знаю, Маленький Брат. Если бы не Хати, есть у этого мясника право или нет, я проучила бы хромулю… Приходить к Скале Мира, только что убив человека, да еще хвастаться этим, — дело шакала. Кроме того, он запачкал

хорошую воду.

Маугли выждал несколько минут, чтобы собрать все свое мужество (никто не любил прямо обращаться к Хати), наконец громко спросил:

— Что это за право Шер Хана, о Хати?

И на обоих берегах прозвучал тот же вопрос, потому что Народ Джунглей до крайности любопытен, а близ реки только что произошло нечто не понятное для всего населения зарослей, кроме Балу, который глубоко задумался.

— Это старая история, — ответил Хати, — она старше джунглей. Замолчите, тогда я расскажу ее.

Минуты две кабаны и буйволы толпились, толкались, потом вожаки стад один за другим прохрюкали: «Мы ждем». Хати сделал несколько шагов вперед и остановился, когда вода в затоне около Скалы Мира дошла ему до колен. Несмотря на худобу, морщины и желтизну бивней старого слона, он казался тем, чем все в джунглях признавали его — господином зарослей.

— Вы знаете, дети, — начал он, — что из всех живущих на свете вы больше всего должны бояться человека.

Послышался ропот согласия.

— Этот рассказ касается тебя, Маленький

Брат, — шепнула Багира Маугли.

— Меня? Я принадлежу к стае; я охотник из Свободного Народа, — ответил мальчик. — Какое мне дело до человека?

— А вы не знаете, почему вы боитесь человека? — продолжал Хати. — Я объясню причину. Вначале, когда джунгли только что появились (а никто не знает, когда это было), мы, все жители зарослей, паслись вместе и не боялись друг друга. В те дни засух не случалось: листья, цветы и плоды росли на одном и том же дереве, и мы ели только листья, цветы, траву, плоды и кору.

— Я рада, что не жила в те времена, — заметила Багира. — Кора годится только для оттачивания когтей.

— Господином джунглей был Та, первый слон. Своим хоботом он поднял джунгли из глубоких вод; там, где он прорывал своими бивнями борозды в почве, текли реки; где он ударял о землю своей ногой, образовались водоемы, а где он трубил в хобот, падали деревья. Вот таким-то образом Та создал джунгли, и так мне рассказывали об этом.

— В пересказе история не стала более правдоподобной, — шепнула Багира, и Маугли засмеялся, прикрыв рот рукой.

— В те дни не было ни хлеба, ни дынь, ни перца, ни сахарного тростника, ни маленьких хижин, которые вы все видали. Народ Джунглей не знал ничего о человеке; и это был один народ. Но, хотя пастбищ оказывалось достаточно, жители джунглей стали спорить из-за пищи. Они были ленивы. Каждый желал есть там, где он лежал, как это случается и теперь, во время хороших весенних дождей. Та, первый из слонов, был очень занят; он устраивал новые джунгли и вводил реки в новые русла. Бывать повсюду он не мог, а потому сделал первого тигра господином и судьей джунглей, которому все население должно было излагать свои споры. Первый тигр ел плоды и траву, как все остальные звери. Он был величиной с меня и очень красив: весь желтый, как цветы желтой лианы. В те славные дни, когда джунгли были молоды, на его шкуре не виднелось ни одной полосы, ни одной черты. Мы, жители джунглей, без страха приходили к нему, и его слово служило Законом для всех. Помните, ведь все мы тогда составляли один народ.

Раз ночью между двумя оленями начался спор — ссора из-за пастбища. Вроде тех, которые теперь разрешаются рогами и ударами передних ног. Рассказывают, что, стоя перед тигром, лежав-

шим среди цветов, олени заговорили оба сразу, и один из них толкнул его рогом. Тогда первый тигр, забыв, что он господин и судья джунглей, кинулся на виновного и сломал ему шею.

До этой ночи в джунглях никто никогда не умирал. Первый тигр увидел, что он сделал, обезумел от запаха крови и убежал в северные болота, а население джунглей принялось драться между собой. Та услышал шум и вернулся. Тогда одни сказали ему одно, другие — другое; первый же слон увидел между цветами мертвого оленя и спросил, кто его убил, а жители джунглей отказались ответить, потому что обезумели от запаха крови. Они носились в разные стороны, описывая круги, делали прыжки, кричали, потрясая головами. Та приказал деревьям, низко опускавшим свои ветви, и свисавшим с деревьев лианам отметить убийцу, чтобы он, Та, мог его узнать; потом первый слон прибавил: «Кто же теперь будет господином Народа Джунглей?»

Выскочила живущая в ветвях серая обезьяна и сказала: «Я буду властительницей джунглей».

Та засмеялся и сказал: «Пусть так и будет» — и ушел сердитый.

Дети, вы знаете серую обезьяну. В те времена она была такая же, как теперь. Сперва она состро-

ила серьезное лицо, но очень скоро принялась чесаться, прыгать вверх и вниз, и возвратившийся Та увидел, что серая обезьяна висит головой вниз и насмехается над зверями, а те в свою очередь смеются над ней. Таким образом, в джунглях не было Закона, воцарились только глупые толки и бессмысленные слова.

Та созвал к себе всех зверей и сказал:

«Первый из ваших властителей принес в джунгли смерть, второй — стыд. Теперь пора установить для вас Закон. Закон ненарушаемый. Вы узнаете страх, а узнав его, поймете, что он ваш господин; все остальное последует позже».

Тогда мы, население джунглей, спросили: «Что такое страх?»

А Та ответил: «Ищите, пока не найдете».

Так мы, звери, разошлись по джунглям, отыскивая страх, и вот буйволы…

— Ух, — сказал Майза, предводитель буйволов, стоявший вместе со своим стадом на песчаной отмели.

— Да, Майза, буйволы. Они вернулись с вестью, что в пещере сидит страх; что на нем нет меха и что он двигается на задних ногах. Мы, население джунглей, пошли за стадом к пещере; подле ее входа стоял страх, и он был, как и говорили

буйволы, без меха и стоял на задних ногах. Завидев Народ Джунглей, он закричал, и его голос наполнил всех ужасом, который испытываем теперь и мы, слыша этот голос. Звери кинулись бежать, тесня друг друга; они боялись. В эту ночь, как мне говорили, жители джунглей не легли, по тогдашнему обыкновению, все вместе; каждое племя поместилось отдельно: кабаны с кабанами, олени с оленями; одни рога с другими, копыта с копытами; каждый держался себе подобных; и, дрожа, они лежали в джунглях.

Только первого тигра не было с ними; он все еще скрывался в северных болотах, и когда ему сказали о том, что население джунглей видело подле пещеры, он ответил: «Я пойду к этому существу и сломаю ему шею». Целую ночь бежал он, направляясь к пещере. Деревья и лианы, помня приказание Та, опускали свои ветви и, когда тигр пробегал мимо них, налагали на него знаки. Они проводили своими пальцами по его спине, бокам, по голове и морде. И там, где ветви касались тигра, на его желтой шкуре оставались черты или полосы. До сего дня его дети носят на себе отметины. Когда он подбежал к пещере, страх Бесшерстый протянул свою руку и сказал, что он «полосатый, приходящий ночью». Первый

тигр испугался Бесшерстого и с воем вернулся к болотам.

Тут Маугли тихо засмеялся, опустив подбородок в воду.

— Он так громко выл, что Та услышал его голос и сказал: «В чем твое горе?»

А первый тигр поднял морду к недавно созданному небу, которое теперь так старо, и попросил: «Возврати мне мое могущество, о Та. Я посрамлен перед всеми джунглями, я убежал от Бесшерстого, и он дал мне постыдное название». — «Почему же?» — спросил Та. «Потому что я запачкан грязью болот», — ответил первый тигр. «Поплавай же и поваляйся во влажной траве; если это грязь, она смоется», — ответил Та. Первый тигр поплавал, все валялся и валялся в траве до тех пор, пока джунгли не замелькали перед его глазами; тем не менее ни одна черточка не сошла с его шкуры, и, посмотрев на него, Та засмеялся. Тогда первый тигр сказал: «Что я сделал? Почему это случилось со мной?» Та ответил: «Ты убил оленя, ты впустил в джунгли смерть, и вместе со смертью к нам пришел страх; теперь Народ Джунглей боится друг друга, как ты боишься Бесшерстого». Первый тигр сказал: «Никто не будет бояться меня; ведь я с самого начала знал всех зверей». Но Та ему

ответил: «Иди и смотри сам». Первый тигр стал бегать взад и вперед, громко звал оленей, кабанов, и дикобразов, и все население джунглей. Но все бежали от него, от своего бывшего судьи; они боялись.

Первый тигр вернулся обратно; его гордость была сломлена. Он бился головой о землю и царапал ее всеми своими четырьмя лапами, говоря: «Вспомни, я был господином джунглей! Не забудь меня, о Та. Пусть мои дети узнают, что я некогда жил без стыда или страха». И Та сказал: «Это я сделаю, потому что мы с тобой вместе видели, как создавались джунгли. В течение одной ночи в каждом году все для тебя будет как было раньше, чем погиб олень; да будет так и для тебя, и для твоих детей. Если в эту ночь вы встретите Бесшерстого, — а его имя человек, — вы не будете его бояться; зато он почувствует к вам страх, точно вы все еще судьи в джунглях и господа надо всеми и надо всем. В эту ночь имей сострадание к его страху, потому что ты сам познал, что значит страх».

Первый тигр ответил: «Этим я доволен». Но когда в следующий раз тигр пил, он увидел на своих лапах и боках черные полосы, вспомнил название, данное ему Бесшерстым, и рассердился.

Целый год жил он среди болот, ожидая, чтобы Та исполнил свое обещание. Раз ночью, когда Шакал Луны (вечерняя звезда) остановился над джунглями, первый тигр почувствовал, что наступила его ночь, и пошел к пещере, чтобы увидать Бесшерстого. Случилось, как обещал Та. Бесшерстый упал перед тигром ниц, а первый тигр ударил его и перебил ему шею, думая, что в мире есть только одно такое существо и что он убил страх. Вдруг, обнюхивая убитого, он услышал, что Та идет из лесов севера, и голос первого слона, такой голос, какой мы слышим вот теперь…

Посреди сухих опаленных гор прокатились раскаты грома, но гром этот не принес дождя; с ним явились только зарницы, которые мигали над горными хребтами, и Хати продолжал:

— Вот какой голос услышал тигр, и голос этот сказал: «Так вот твое милосердие?» Первый тигр, облизнув губы, ответил: «В чем дело? Я убил страх». Послышался ответ Та: «О, слепец и безумец! Ты снял путы с ног смерти, и, пока ты не умрешь, она будет идти по твоему следу. Ты научил человека убивать».

Первый тигр, стоя, как каменный, подле своей добычи, ответил: «Он теперь такой, каким был олень. Больше нет страха, и я снова буду судить

Народ Джунглей». Но Та сказал: «Народ Джунглей никогда больше не придет к тебе. Никто из населения зарослей никогда больше не пересечет твоего пути, не ляжет спать близ тебя, не пойдет вслед за тобой, не вздумает щипать траву около твоего логова. Только страх будет неотступно красться вслед за тобой и, не видимыми для тебя ударами, приказывать повиноваться ему. По его слову почва будет разверзаться под твоими ногами, лианы обвивать твою шею, а стволы деревьев вырастать над тобой выше, чем ты можешь прыгнуть. Наконец Бесшерстый снимет с тебя шкуру, чтобы завертывать в нее своих озябших детенышей. Ты не оказал ему милосердия, и он отплатит тебе тем же».

Первый тигр был очень храбр, потому что его ночь еще не окончилась, и сказал: «Обещание Та и есть обещание Та. Ведь он же не отнимет у меня моей ночи?» И Та ответил: «Одна ночь в году — твоя, как я уже сказал. Но тебе придется заплатить за это дорогой ценой. Ты научил человека убивать, а он способный ученик».

Первый тигр произнес: «Вот он у меня под ногами, и его спина сломана. Возвести в джунглях, что я убил страх».

Но Та засмеялся и сказал: «Ты убил одного из

многих. И должен сам сказать об этом в джунглях, потому что твоя ночь окончилась».

Наступил день; из пещеры вышел другой Бесшерстый, на дороге увидел убитого, а над ним первого тигра и взял заостренную палку…

— Они бросают и теперь какую-то вещь, которая страшно колет, — сказал Икки, с шуршанием шедший по берегу (гонды находят мясо дикобраза очень вкусным и называют его Хо-хо-Игу). Икки знал кое-что о злобном маленьком гондском топорике, который, точно стрекоза, пролетает над прогалиной.

— Это была заостренная палка, вроде тех, которые люди ставят теперь в ловушках-ямах, — заметил Хати, — бросив ее, человек попал в первого тигра и сильно ранил его в бок.

Случилось, как сказал Та: первый тигр, завывая, стал бегать по джунглям, пока не вырвал из себя палку, и все звери узнали, что Бесшерстый в силах издали наносить удары, и стали его бояться больше прежнего. Итак, первый тигр научил Бесшерстого убивать (а вы знаете, сколько вреда это принесло нашему народу!), убивать с помощью петли, ям, скрытых ловушек, бросаемых палок, жгучих мух, вылетающих из белого дыма (Хати говорил о ружье), и Красного Цветка, который

выгоняет нас на открытое пространство. Тем не менее ровно одну ночь в году Бесшерстый, по обещанию Та, страшится тигра, и тигр ни разу не заставил человека меньше бояться его. Он убивает Бесшерстого там, где его встретит, вспоминая, как был посрамлен первый тигр. Все остальное время, ночью ли, днем ли, страх расхаживает по джунглям.

— Ахи! Аоо! — сказали олени, думая о том, что это значило для них.

— Только когда нас обнимает один великий страх, вот как теперь, мы, жители джунглей, оставляем в стороне все наши мелкие страхи и собираемся вместе.

— Человек боится тигра только одну ночь? — спросил Маугли.

— Только одну ночь, — подтвердил Хати.

— Но я… Но мы… Но все джунгли знают, что Шер Хан убивает людей два или три раза в течение одной луны.

— Именно. Но в таких случаях он нападает сзади и отворачивает голову в сторону; он полон страха. Если бы человек взглянул на него, тигр убежал бы. Зато в свою единственную ночь он открыто входит в деревню, идет между двумя рядами домов, просовывает голову в дверные

проемы, а люди падают перед ним ниц, он же выбирает любого и убивает. Убивает раз, в каждую свою ночь.

— А, — сказал про себя Маугли, валяясь в воде. — Теперь я понимаю, почему Шер Хан попросил меня взглянуть на него. Из этого для него не вышло ничего хорошего; он не мог выдержать моего взгляда, а я… я, конечно, не упал к его ногам. Впрочем, ведь я же не человек; я принадлежу к Свободному Народу.

— Ум-м-м, — послышалось из глубины мягкого горла Багиры. — Тигр знает свою ночь?

— Не знает, пока Шакал Луны не выйдет из утреннего тумана. Иногда его ночь, единственная ночь тигра, приходится на середину сухого лета; иногда наступает во время дождей. Если бы не первый тигр, этого никогда не было бы и мы никогда не знали бы страха.

Олени печально зафыркали; недобрая улыбка искривила губы Багиры.

— А люди знают эту… историю? — спросила она.

— Никто ее не знает, кроме тигров и нас, слонов, детей Та. Эй вы, стоящие подле затонов, теперь вы слышали ее, и я закончил.

Хати опустил свой хобот в воду в знак того, что

он не желает больше говорить.

— Но… но… но… — сказал Маугли, обращаясь к Балу, — почему же первый тигр не продолжал есть траву, листья и деревья? Ведь он же только переломил шею оленя. Он не съел его. Что заставило его полюбить горячее мясо?

— Деревья и лианы заклеймили тигра, Маленький Брат, превратив его в то полосатое существо, которое мы видим теперь. Никогда больше не будет он есть их листьев и плодов. С этого дня тигр начал мстить оленям и другим травоядным, — заметил Балу.

— Так, значит, ты знал этот рассказ? А, Балу? Почему же я никогда не слышал его от тебя?

— Потому что джунгли полны подобными историями. Если я начну повторять их все, этому конца не будет. Да брось ты мое ухо, не тормоши его, Маленький Брат!

Чудо Пуруна Бхагата

Однажды в Индии жил человек, был он первым министром одного из полунезависимых туземных государств, которое лежало в северо-западной части страны. Он был брамин такой высокой касты, что касты потеряли для него какое-либо значение. В свое время отец его занимал очень важное положение при том же пестрившем разноцветной мишурой, тогда еще старозаветном, индусском дворе. Однако когда Пурун Дасс вырос и развился, он начал чувствовать, что прежний порядок вещей начинает изменяться; что человек, который желает преуспевать, должен находиться в хороших отношениях с англичанами и подражать всему, что они считают необходимым. В то же самое время он знал, что туземному сановнику следует сохранять милость своего собственного господина. Это была трудная игра; тем не менее хладнокровный, молчаливый молодой брамин, получивший английское образование в Бомбейском университете, вел ее умно и, шаг за шагом, поднялся до положения первого министра маленького государства. Иначе говоря,

в его руках сосредоточилось больше реальной власти, нежели было у его господина магараджи.

Когда старый властитель, относившийся подозрительно к англичанам с их железными дорогами и телеграфами, умер, Пурун Дасс получил большое влияние на его молодого преемника, воспитанного англичанином; они вместе — впрочем, Пурун Дасс всегда старался, чтобы все приписывалось магарадже, — устроили школы для маленьких девочек, проложили дороги, завели государственные склады и выставки земледельческих орудий и стали издавать ежегодные синие книги о «Моральном и материальном прогрессе государства». Министерство иностранных дел и правительство Индии были в восторге. Очень немногие туземные государства принимают в полном объеме английский прогресс, не веря, как верил Пурун Дасс (и на деле доказал это), что все пригодное для англичанина вдвое пригоднее для азиата. Первый министр скоро сделался высокочтимым другом вице-короля, губернаторов, заместителей губернаторов, докторов и миссионеров, отлично ездящих верхом английских офицеров, которые приезжали, чтобы поохотиться в государственных заповедниках; он нравился также всем ордам туристов,

наполнявших Индию в холодную погоду. В свободное время Пурун Дасс давал людям средства для изучения медицины и различных ремесел, строго держась английских образцов, а также писал статьи в самую распространенную в Индии газету «Пионер» и в этих статьях объяснял цели и стремления своего господина.

Наконец Пурун Дасс поехал в Англию и, по возвращении, был принужден уплатить огромную сумму жрецам, потому что даже брамин такой высокой касты, к какой он принадлежал, теряет свои права, переплыв через море. В Лондоне Пурун знакомился со всеми, с кем стоило познакомиться, с людьми, имена которых гремят по свету, подолгу беседовал с ними и видел гораздо больше, чем потом говорил. Многие университеты поднесли ему почетные ученые степени; он произносил речи и рассказывал об индусской социальной реформе английским леди в вечерних туалетах, так что в конце концов весь Лондон закричал: «С тех пор как столы начали покрываться скатертями, с нами никогда не обедал такой очаровательный человек!»

Когда Пурун Дасс вернулся в Индию, он принес с собой сияние славы; сам вице-король специально приехал в маленькое государство с целью

возложить на магараджу орден Большого Креста Звезды Индии, весь покрытый бриллиантами, рубинами и эмалью; во время этой же церемонии, под грохот пушечных выстрелов, Пуруна Дасса сделали рыцарем-командором ордена Индийской империи, и с тех пор его имя стало сэр Пурун Дасс Р. К. И. И.

В этот вечер за обедом в большом парадном шатре вице-короля он поднялся во весь рост и, украшенный орденом с цепью, отвечая на тост в честь своего господина, сказал такую речь, которую могли бы затмить немногие англичане. Прошел месяц; в город вернулся обычный зной и покой, и Пурун Дасс поступил так, как никогда не вздумалось бы поступить ни одному англичанину: он отошел от мирских дел. Его осыпанный драгоценностями командорский орден вернулся к индийскому правительству, все дела перешли в руки нового первого министра, и почта принялась работать, давая дело всем своим отделениям. Жрецы знали, что случилось, народ угадывал, но Индия такое место, где человек может поступать как ему угодно и никто не станет спрашивать почему. Никто не нашел ничего необыкновенного в том, что сэр Пурун Дасс покинул высокий пост, дворец, власть, взамен взяв в руки чашу нищего

и накинув на себя желтую одежду саньяси (монаха). По правилам древнего закона он пробыл двадцать лет юношей, двадцать лет воителем, хотя никогда в жизни не носил меча, и двадцать лет главой дома.

Он употреблял свое богатство и свое могущество на то, что считал нужным; принимал почести, когда они встречались на его пути; на родине и на чужбине знакомился с людьми и городами, и люди и города чтили его. Теперь он сбросил с себя все это, как человек сбрасывает плащ, который ему больше не нужен.

Он вышел из городских ворот, унося под мышкой шкуру антилопы, посох с окованной медью рукояткой, держа в руке нищенскую чашу из прочного полированного коричневого морского кокоса, босоногий, одинокий, опустив глаза к земле. Между тем позади него с бастионов раздались выстрелы, салюты в честь его счастливого преемника. Пурун Дасс кивнул головой. Вся «эта» жизнь окончилась для него, но при мысли о прошлом в нем не шевелилось ни злого, ни доброго чувства, как у человека не остается никакого впечатления от бесцветного ночного сновидения. Он был теперь саньяси, бездомный бродячий нищий, и его насущный дневной хлеб зависел от милости

других людей. Но пока в Индии есть кусок съестного, который один человек может разделить с другим, никакой монах или нищий не умрет с голоду. Пурун Дасс никогда в жизни не пробовал мяса, даже рыбу ел редко. Пятифунтовая кредитка покрыла бы его личный годовой расход на еду в те времена, когда он был единовластным распорядителем миллионных богатств. Уже во дни своего блестящего пребывания в Лондоне Пурун Дасс лелеял мечту о мире и спокойствии; в его уме рисовалась длинная, белая, пыльная дорога, вся покрытая следами босых ног; он мысленно видел непрерывное медленное движение по ней и чувствовал резкий запах древесного дыма, в сумраке волнующего из-под фиговых деревьев, оттуда, где путники садятся ужинать.

Когда наступила пора осуществить эту мечту, первый министр сделал все необходимые шаги, и через три дня вам было бы легче отыскать пузырек воздуха в широком водовороте Атлантики, нежели Пуруна Дасса среди бродячих, встречающихся и расстающихся, миллионов индусов.

Ночью он расстилал на земле кожу антилопы там, где его заставала темнота: на обочине дороги, в монастыре саньяси, подле сделанного из глины святилища Кала Пир, где йоги, другое ми-

стическое общество святых людей, принимали его, как делают все знающие, что обозначают касты и отделы монахов, иногда на краю какой-нибудь индусской деревушки, куда прибегали дети с пищей, приготовленной их родителями, иногда же близ пастбищ, где отсвет от его костра будил дремлющих верблюдов. Пуруну Дассу, или Пуруну Бхагату, как он теперь называл себя, было все равно, где отдыхать. Земля, люди и пища — все стало для него безразлично. Тем не менее ноги Пуруна бессознательно несли его к северу и востоку, с юга к Рохтаку, от Рохтака — к Курнулю, от Курнуля — к разрушенному Саманаху, потом — вверх по иссохшему руслу реки Гуггир, которое наполняется, только когда с вершин текут дождевые потоки. И вот он увидел отдаленную линию высоких Гималайских гор.

Пурун Бхагат улыбнулся; он вспомнил, что его мать была браминкой из Кулу — уроженка гор, вечно тосковавшая по снежным вершинам, и мысленно сказал себе, что несколько капель крови горцев в конце концов влекут человека к горной стране.

— Там, — сказал Пурун Бхагат, поднимаясь на нижние склоны гор, где стояли кактусы, похожие на семисвечные светильники, — там я останусь,

и ко мне придет знание.

Прохладный гималайский ветер свистел в его ушах, пока он шел по дороге, ведущей к Симле.

В последний раз он ехал по этой дороге с брящающим кавалерийским эскортом, направляясь к самому кроткому и самому приветливому из вице-королей. Они целый час толковали вдвоем о лондонских общих друзьях и о настроениях простонародья Индии. Теперь же Пурун Бхагат никого не навещал. Вот он остановился и стал смотреть на красивые низины, которые раскинулись под ним; наконец туземный полицейский-магометанин сказал ему, что он мешает движению по дороге, и Пурун Бхагат почтительно повиновался закону, так как хорошо знал его значение, и теперь сам отыскивал для себя новые собственные законы. Он двинулся дальше, и эту ночь спал в пустой хижине на Чете Симле, которая кажется границей мира. Однако его путешествие только что началось.

Пурун Бхагат пошел по гималайско-тибетскому пути, по маленькой десятифутовой дороге, взрывами проделанной в крепкой скале или поднимающейся на деревянных подпорках над пропастями глубиной в тысячу футов. Она то спускается в теплые, влажные, защищенные от

ветра долины, то вьется через покрытые травой или обнаженные отроги гор, которые солнце раскаляет словно сквозь зажигательное стекло; то бежит через темные росистые леса, где стоят древесные папоротники, снизу доверху одетые листьями, а фазан призывает свою подругу. Пурун Дасс встречал тибетских пастухов с собаками и стадами овец, из которых каждая несла на спине маленький мешок с бурой; встречал он также бродячих дровосеков, идущих в Индию на богомолье тибетских лам, в плащах и пледах; посольства мелких уединенных горных государств, мчащиеся на пегих и смелых лошадках; или едущего к соседу раджу с его свитой. Иногда же в течение долгого ясного дня замечал только далеко от себя, внизу, черного медведя, который, кряхтя, вырывал коренья из земли. Когда Бхагат двинулся в путь, в его ушах еще отдавался гул покинутого им мира; так туннель долго гудит после того, как поезд уже вышел из него. Но после горного прохода Муттианы все закончилось; путник остался наедине с собой; он шел, размышлял и думал; его глаза смотрели в землю, мысль улетала за облака.

Раз вечером Пурун Бхагат достиг такого высокого горного прохода, каких до тех пор еще не

встречал; подниматься к нему пришлось два дня, и он увидел ряд снежных вершин, закрывавших весь горизонт. Это были горы от пятнадцати до двадцати тысяч футов высотой; они, казалось, стояли так близко, что в них можно было бы попасть брошенным камнем, тогда как по-настоящему находились на расстоянии пятидесяти или шестидесяти миль от Пуруна. Проход был увенчан густым темным лесом из деодаров, грецких орешин, диких вишен, диких маслин и диких груш; но больше всего было деодаров, то есть гималайских кедров. И в тени стояло покинутое святилище богини Кали, она же Дурга, она же Сигала, и ей иногда поклоняются как защитнице от оспы.

Пурун Дасс подмел пол маленького храма, улыбнулся широко усмехавшейся статуе, в глубине храмика устроил из глины небольшой очаг, положил кожу антилопы на ложе из свежих сосновых игл, взял свой бераджи (посох с медной рукояткой) под мышку и сел отдохнуть.

Под ним начинался чистый горный откос, спускавшийся на тысячу пятьсот футов; маленькая деревня из домов с каменными стенами и с крышами из битой глины лепилась по склону, а кругом этого поселка лежали расположенные

террасами поля, которые пестрели, точно передник, составленный из лоскутов материи, на коленях горы; коровы, казавшиеся не крупнее жуков, щипали траву между гладкими каменными кольцами молотильных площадок. Расстояние искажало размеры предметов, и человек не сразу понимал, что низкие кусты на противоположной горе, в сущности, лес из стофутовых сосен.

Пурун Бхагат видел, как над исполинской впадиной пронесся орел и как огромная птица превратилась в точку, еще не достигнув половины низины. Вот над равниной протянулось несколько отдельных облаков; одни из них зацепились за плечи гор, другие поднялись, поравнялись с верхней точкой прохода и растаяли.

— Здесь я найду покой! — прошептал Пурун Бхагат.

Надо сказать, что житель гор без труда проходит несколько сотен футов вверх и вниз; поэтому, едва в деревне завидели дым над покинутым святилищем, сельский жрец взобрался по террасам горного откоса, чтобы приветствовать пришельца.

Когда он встретил взгляд Пуруна Бхагата — взгляд человека, который привык управлять тысячными толпами, — он склонился до земли,

безмолвно взял его нищенскую чашу, вернулся обратно в деревню и сказал:

— Наконец-то и у нас есть свой святой. Никогда не видывал я подобного человека. Он уроженец низин, но со светлой кожей. Он брамин из браминов.

Все деревенские хозяйки в один голос спросили:

— Как ты думаешь, он останется с нами?

И каждая принялась готовить вкусное кушанье для Бхагата.

Пища горцев очень проста, но из гречихи, индийской ржи, риса, красного перца и мелких рыбок, пойманных в потоке долины, из меда, взятого из сот, устроенных в каменных оградах, с прибавкой сушеных абрикосов, дикого имбиря и овсяных лепешек благочестивая женщина может приготовить отличные вещи, и жрец отнес Бхагату полную чашу.

— Останется ли он? — спросил жрец. — Нужен ли ему чела (ученик), который молился бы за него? Есть ли у него байковое одеяло для защиты от холода? Вкусна ли была присланная пища?

Пурун Бхагат поел и поблагодарил. Да. Он намеревался остаться.

— Этого достаточно, — сказал жрец. — Пусть он

ставит свою нищенскую чашу вне святилища, во впадине, образованной вот этими двумя извивающимися корнями, и тогда Бхагат будет ежедневно получать пищу, потому что деревня считает для себя честью, что такой человек, — жрец застенчиво посмотрел на Бхагата, — остается среди них.

С этого дня окончились странствия Пуруна Бхагата. Он отыскал место, предназначенное ему; нашел тишину и широкий простор. И время остановилось. Сидя при входе в маленький храм, Бхагат не мог бы сказать, жив он или умер; человек ли он, владеющий своими руками и ногами, или часть гор, облаков, ливня и солнечного света. Он тихо повторял про себя одно имя, повторял многие сотни раз, и наконец при каждом новом повторении ему стало казаться, что он все больше и больше отделяется от своего тела и двигается к дверям великого и страшного открытия; но как раз в то мгновение, когда двери начинали отворяться, тело увлекало его обратно, и он с печалью ощущал, что плоть и кости Пуруна Бхагата держат его в своих оковах.

Каждое утро полная чаша бесшумно ставилась в переплетении корней подле стены маленького святилища. Иногда ее приносил жрец; иногда купец, живший в деревне и желавший заслужить

милость неба, поднимался к святилищу Кали; чаще же всего чашу приносила женщина, приготовившая кушанье накануне вечером; опуская ее, она еле слышным шепотом просила: «Скажи обо мне богам, Бхагат. Заступись за такую-то жену такого-то!» Время от времени эту честь доверяли какому-нибудь смелому мальчику, и Пурун Бхагат слышал, как ребенок поспешно ставил чашу и убегал во всю силу своих маленьких ног. Сам же Бхагат никогда не спускался в деревню. Точно карта лежала она у его ног. Он мог видеть вечерние собрания людей на молотильных площадках, которые представляли собой единственные плоскости; видел чудесный, непередаваемый зеленый оттенок молодого риса, синеву индийской ржи, четырехугольные пятна пшеницы, а в свое время красные цветы амарантов, крошечные семена которых — не то зернышки, не то пыль — представляют собой пищу, дозволенную индусу во время постов.

Когда лето сменялось осенью, крыши хижин превращались в маленькие квадраты из чистейшего золота, потому что земледельцы сушили на них свой хлеб. Сбор меда и жатва риса, посевы и уборка полей — все происходило перед его глазами, как бы вышитое там, внизу, на много-

угольных участках; он думал о происходящем и спрашивал себя:

— К чему это все приведет в конце концов?

Даже в населенной части Индии человек не может целый день просидеть неподвижно без того, чтобы к нему не прибежали дикие существа, так бесстрашно, точно он скала; а в этой глуши животные, хорошо знавшие святилище Кали, очень скоро вернулись посмотреть на незваного гостя. Прежде всех, конечно, пришли лангуры, крупные гималайские обезьяны с серыми бакенбардами. Их переполняло любопытство. Они вытащили нищенскую чашу, покатали ее по полу, попробовали силу своих зубов на медной отделке посоха, состроили гримасы антилоповой шкуре и решили, что сидевшее неподвижно человеческое существо не опасно. По вечерам они стали соскакивать с веток сосен и, протягивая руки, просить пищи, а потом грациозными прыжками бросались назад. Им также нравилась теплота огня, и они так теснились к очагу, что Пуруну Бхагату приходилось расталкивать их, чтобы подбросить дрова в огонь; утром он зачастую видел, что мохнатая обезьяна спала под его теплым одеялом. Целый день то одна, то другая из племени обезьян сидела рядом с ним, глядя на

далекие снега, и нежно ворковала с неописуемо мудрым и печальным видом.

После обезьян пришел баразинг, большой гималайский олень, похожий на нашего рыжего оленя, но крупнее и сильнее его. Он намеревался соскрести бархатистый покров со своих рогов о холодные камни статуи Кали и, завидев в храмике человека, сердито топнул ногой. Пурун Бхагат не пошевелился, и мало-помалу царственное создание сделало шаг вперед и обнюхало плечо отшельника. Пурун Бхагат провел одной своей прохладной рукой по горячим разветвлениям рога оленя, и это прикосновение успокоило раздраженного баразинга; он наклонил голову, и Пурун Бхагат очень нежно соскреб с его рогов бархат. Позже баразинг стал приводить к нему свою лань и детеныша, кротких созданий, жевавших одеяло святого. Иногда он вечером приходил один, чтобы получить свою долю свежих грецких орехов, и в отсвете костра его глаза казались зелеными. Наконец пришла кабарга, самое робкое и чуть ли не самое мелкое животное из всех оленьков, и взглянула на Пуруна Бхагата, насторожив свои большие, как у кролика, уши; даже молчаливый пятнистый «мушик набха» явился узнать, что обозначает свет в храме, и

опустил свой нос, напоминавший нос лося, на колени Пуруну Бхагата, то подступая к нему, то отступая к двери, вместе с тенями, качавшимися от пламени очага. Пурун Бхагат называл их всех «мои братья», и его тихий призыв «бхаи, бхаи» заставлял животных в полдень выходить из леса, если только они были на таком расстоянии, что могли слышать голос отшельника. Гималайский черный медведь, капризный и подозрительный Сона, под подбородком которого виднеется белый знак в виде латинского «V», не раз прокрадывался мимо святилища Кали. Бхагат не выказывал страха, поэтому и Сона не выражал гнева, но наблюдал за отшельником; наконец он подошел к Бхагату и потребовал от него своей доли ласки, хлеба или диких ягод. Очень часто, когда на небе разливалась тихая заря, Бхагат взбирался на верхний гребень утеса горного прохода, чтобы наблюдать, как пробужденный красный свет бежит вдоль снежных вершин, и видел, что Сона, волоча свои ноги и пофыркивая, идет по его следам, просовывает любопытную переднюю лапу под лежащие стволы и с нетерпеливым «вуф» вынимает ее обратно. Иногда ранние блуждания Бхагата будили Сону, спавшего где-нибудь свернувшись клубком, и большой зверь поднимался

на задние лапы, собираясь начать бой, но, слыша голос отшельника, понимал, что перед ним его лучший друг.

Почти про всех пустынников и монахов, живущих вдали от больших городов, рассказывают, что они могут совершать чудеса с дикими зверями, но для такого чуда нужно только, чтобы человек молчал, никогда не делал ни одного резкого движения и долгое время не смотрел в глаза своего дикого посетителя. Жители деревни видели смутный силуэт баразинга, который, точно тень, проходил в темном лесу подле святилища Кали; видели, что минол, гималайский фазан, в своем лучшем оперении сверкал перед статуей Кали, а внутри храмика лангуры, сидя на корточках, играли скорлупой грецких орехов. Многие дети слышали, как Сона, по обыкновению медведей, пел про себя свою песенку где-то среди обвалившихся камней, и за Бхагатом упрочилась слава творителя чудес.

Между тем он не думал о совершении чудес. Он считал, что все в мире — одно великое чудо и что человек, знающий это, обрел некоторую мудрость. Он твердо верил, что во всей вселенной нет ничего великого и ничего ничтожного, и день и ночь стремился постичь сущность вещей

и вернуться туда, откуда явилась его душа.

Так он думал; его волосы отросли и теперь падали на плечи; в том месте каменной плиты, подле края антилоповой шкуры, где вечно стоял посох Бхагата, образовалась ямка, а то место между корнями деревьев, где день изо дня оставалась нищенская чаша, углублялось и стало почти таким же отполированным, как и сам сосуд; каждое животное знало свое определенное место подле очага. По мере изменения времен года меняли окраску и поля внизу; молотильные площадки наполнялись, пустели и наполнялись снова; с наступлением зимы лангуры сновали между ветвями, припущенными легким снегом, а весной матери-обезьяны приносили с собой из теплых долин своих маленьких детенышей с печальными глазками. В деревне произошло мало перемен. Священник постарел, многие из детей, приходивших к Бхагату с нищенской чашей, теперь посылали к нему своих собственных детей, а когда кто-либо спрашивал жителей деревни, давно ли их святой живет в святилище Кали близ горного прохода, они отвечали: «Всегда жил».

Вот наступили такие летние дожди, каких много-много лет не видали в горах. Целых три месяца долину окутывали тучи и наполненный

влагой туман; постоянный неумолимый дождь прерывался ливнем с грозой, и по окончании одной грозы налетала другая. Святилище Кали по большей части оставалось над тучами, и однажды Бхагат целый месяц ни разу не видел своей деревни. Она скрывалась под белым покровом, который качался, шевелился, клубился, вздымался в виде арки, но не срывался со своих устоев — облитых потоками дождя утесов.

Все это время Бхагат слышал только шум миллиона капель воды: она лилась с деревьев, бежала под его ногами по земле, просачивалась сквозь хвою сосен, падала каплями с листочков промокших папоротников, неслась по вновь прорытым мутным руслам. Потом вышло солнце и разлился аромат деодаров и рододендронов; в воздухе чувствовался также чистый запах, который горцы зовут «благоуханием снегов». Жаркое солнце светило неделю; после этого дожди собрались для последнего ливня, и с неба хлынули потоки воды, которые, ударяясь о землю, поднимали фонтаны грязи. В этот вечер Пурун Бхагат сложил в очаге большую груду топлива; он был уверен, что его братьям понадобится теплота. Но ни одно животное не пришло в святилище, хотя он звал их, звал, пока не упал и не заснул, спрашивая

себя, что же случилось в лесах?

Наступил самый темный час ночи; ливень барабанил, точно тысяча барабанов, и вот отшельник проснулся: кто-то дергал его одеяло; протянув руку, он нащупал лапу лангура.

— Ага, здесь лучше, чем среди деревьев, — сонным голосом проговорил Пурун Бхагат и расправил складку своего одеяла. — Вот тебе, согрейся.

Обезьяна сжала его руку и резко дернула ее.

— Значит, есть хочешь? — сказал Пурун Бхагат. — Подожди немного, я достану кушанье.

Когда он опустился на колени, чтобы подбросить в очаг топлива, лангур подбежал к выходу из маленького храма, промурлыкал что-то, снова подбежал к Бхагату и схватил его за колено.

— В чем дело? Что с тобой случилось, брат? — спросил Пурун, так как глаза лангура были полны мыслями, которых он не мог высказать. — Если только один из твоей касты не попал в ловушку (а здесь никто не ставит ловушек), я не выйду на воздух в такую погоду. Посмотри, брат, даже баразинг идет сюда укрыться от дождя.

Рога оленя звякнули, когда он вошел в святилище, звякнули, задев за усмехавшуюся статую Кали. Он наклонил их по направлению к Пуруну

Бхагату и стал тревожно бить о пол копытами, с шумом пропуская воздух через свои наполовину закрытые ноздри.

— Хай! Хай! Хай! — сказал Бхагат, пощелкивая пальцами. — Так-то ты благодаришь меня за ночной приют?

Но олень теснил его к двери; вдруг Пурун Бхагат услышал какой-то звук, похожий на вздох. Он взглянул по направлению звука; две плиты пола раздвинулись, а липкая земля под ними чмокнула.

— Понимаю, — сказал Пурун Бхагат, — и не порицаю моих братьев за то, что они сегодня не пришли к моему очагу. Гора рушится. А между тем, зачем мне уходить? — Глаза Бхагата заметили пустую нищенскую чашу, и выражение его лица изменилось. — Они приносили мне пищу каждый день с тех пор… с тех пор, как я пришел сюда, и если я не потороплюсь, завтра в долине не останется ни души. Поистине, я должен спуститься и предупредить их. Отодвинься, брат! Пусти меня к очагу.

Пурун Бхагат опустил в пламя факел, вращая его, пока он не загорелся. Баразинг неохотно отступил.

— Ага, вы пришли, чтобы предупредить ме-

ня, — выпрямляясь, сказал Пурун Бхагат, — но мы сделаем еще больше, еще больше! Идем; дай мне твою шею, брат, потому что у меня только две ноги.

Правой рукой Пурун обнял шершавую шею баразинга, вытянул левую, взял факел и вышел из маленького храма навстречу ужасной ночи. Не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка, но дождь чуть не залил пылающего факела, когда большой олень стал поспешно спускаться с откоса, скользя на задних ногах. Вот они вышли из леса; теперь и другие друзья Бхагата присоединились к ним. Он не мог видеть лангуров, но слышал, что они теснились вокруг; позади же раздавались «ух-ух» медведя Соны. Длинные белые волосы Бхагата слиплись от дождя и висели, точно веревки; вода брызгала из-под его босых ног, а желтая одежда пристала к хрупкому старому телу отшельника, но он, не останавливаясь, спускался с горы. Теперь это не был больше святой, отшельник; в нем ожил сэр Пурун Дасс, первый министр немаловажного государства, человек, привыкший повелевать; и он шел спасать жизнь. По крутой скользкой тропинке они двигались все вместе, Бхагат и его братья; они шли все ниже и ниже; наконец копыта оленя

споткнулись о стенку молотильной площадки, и он фыркнул, почуяв человека. Они остановились в начале кривой деревенской улицы, и Бхагат постучал своим посохом в забранные решеткой окна дома кузнеца; его факел осветил крышу.

— Вставайте и выходите из дома, — закричал Пурун Бхагат, и сам не узнал собственного голоса, потому что прошло много лет с тех пор, как он громко разговаривал с человеком. — Гора рушится! Гора падает! Вставайте, выходите на улицу, о вы, спящие внутри!

— Это наш Бхагат, — сказала жена кузнеца. — Он стои́т со своими зверями. Возьми малюток и сзывай народ.

Весть побежала из дома в дом; дикие животные, сгрудившиеся в узком переулке, жались к Бхагату; Сона нетерпеливо отдувался.

Народ высыпал на улицу; в деревне было не более семидесяти душ. При свете факелов поселяне увидели своего Бхагата, который стоял, положив руку на спину дрожащего баразинга, в то время как обезьяны жалобно тянули его за одежду, а Сона, осев на задние лапы, громко ревел.

— Бегите через долину и поднимитесь на первую же гору, на той стороне, — приказал Пурун Бхагат. — Никого не оставляйте здесь! Мы

идем за вами.

И поселяне побежали, как умеют бегать только одни горцы. Каждый знал, что при оползании почвы необходимо взобраться как можно выше на откос горы с противоположной стороны долины. Они с плеском пробежали через маленькую реку; задыхаясь, стали подниматься по террасам полей на отдаленной окраине долины. Бхагат и его братья шли за ними. Выше и выше поднимались деревенские жители на противоположную гору и звали друг друга по именам; это была перекличка; а по их пятам с трудом двигался большой баразинг, отягченный весом тела отшельника, сила которого убывала. Наконец олень остановился под ветвями густых сосен на высоте пятьсот футов от подножия горы. Инстинкт, который предупредил его о приближающемся оползании горы, теперь сказал, что в этом месте он в безопасности.

Пурун Бхагат, теряя сознание, опустился рядом с оленем; холодный дождь и трудный подъем убивали его; тем не менее он закричал по направлению рассеянных факелов:

— Остановитесь и пересчитайте, все ли здесь!

Увидав же, что огни собрались вместе, он шепнул оленю:

— Останься со мною, брат. Останься до… конца.

В воздухе пронесся вздох, превратился в ропот, ропот сделался ревом; рев усилился и стал могучим звуком, по силе превосходившим всё доступное для слуха; горный откос, на котором стояли беглецы, погрузился в темноту и дрогнул. Потом низкий ровный звук, словно гул органной трубы, минут на пять поглотил остальные шумы, и каждый древесный ствол задрожал. Гул этот замер; звук дождя, падавшего на многие мили каменистой почвы и покрытое травой пространство, изменился; теперь капли глухо барабанили по рыхлой земле. Это пояснило все.

Беглецы молчали; даже жрец не осмелился заговорить с Бхагатом, который спас их. Поселяне скорчились под соснами и не двигались до рассвета; когда же наступил день — взглянули через долину и увидели, что там, где был лес, террасы полей и прорезанные тропинками луга, появилось одно красное веерообразное пятно и на краю его несколько деревьев лежало вверх корнями.

Эта краснота поднималась высоко на гору, служившую для них пристанищем; она запрудила речку, которая начала разливаться, образуя озеро кирпичного цвета. От деревни, от дороги к

маленькому храму, от самого святилища и леса позади него не осталось ни следа. Часть горы шириной в милю и в две тысячи футов глубиной свалилась, как отрезанная сверху донизу.

Беглецы один за другим шли через лес помолиться перед своим Бхагатом. Над ним стоял баразинг, но, когда люди приблизились, олень убежал; в ветвях жалобно выли лангуры; где-то на горе стонал Сона; Бхагат, мертвый, сидел, скрестив ноги, прислонясь спиной к дереву, с посохом под мышкой и обратив лицо к северо-востоку. Жрец сказал:

— Созерцайте чудо после чуда; потому что вот именно так должно погребать каждого саньяси. Там, где мы его видим теперь, мы выстроим храм в честь нашего святого.

Еще не окончился год, когда они возвели над телом своего саньяси маленькое святилище из камней и глины. Окрестные жители назвали эту гору — гора Бхагата. Люди до сих пор приходят молиться в храм Бхагата и приносят с собой свечи, цветы и другие дары. Но никто из них не знает, что их святой — сэр Пурун Дасс — Р. К. И. И.; Д. Л.; Д. Ф. и так далее, бывший первый министр прогрессивного и просвещенного государства Мохинивала, бывший почетный член и член-кор-

респондент гораздо большего количества ученых обществ, чем это может принести пользу кому бы то ни было в нынешнем и в будущем мире.

Нашествие джунглей

Если вы читали рассказы «Первой книги джунглей», вы помните, как, прикрепив шкуру Шер Хана к Скале Совета, Маугли сказал уцелевшим волкам сионийской стаи, что с этих пор будет охотиться один, и как его братья — четыре волка — объявили, что они станут охотиться вместе с ним. Но трудно в одну минуту изменить жизнь, особенно в джунглях. Стая в беспорядке рассеялась; Маугли же пошел в пещеру своих волков, лег и проспал целый день и целую ночь. Потом он рассказал Матери и Отцу Волкам все, что они могли понять из его приключений среди людей, и когда мальчик заставил утреннее солнце поиграть на лезвии своего ножа, того самого, которым он снял шкуру с Шер Хана, — они согласились, что их сын кое-чему научился. Акеле и Серому Брату тоже пришлось объяснить двоим старым волкам, как они помогли Маугли загнать буйволов в ров. В свое время и Балу поднялся на гору, чтобы выслушать все это, а Багира почесывалась от восторга при мысли об удачном окончании борьбы Маугли с тигром.

Солнце давно встало, но никто из них не думал ложиться спать; во время разговора Волчица Мать часто вскидывала свою голову и с наслаждением втягивала в себя воздух, когда ветер приносил ей запах шкуры, повешенной на Скале Совета.

— Но без Акелы или Серого Брата, — в заключение сказал Маугли, — я ничего не сделал бы. О матушка, матушка, если бы ты видела, как черные домашние буйволы неслись по ложбине или как они теснились в воротах, когда людская стая кидала в меня камни.

— Хорошо, что я не видала последнего, — заметила Волчица Мать. — Не в моих правилах спокойно смотреть, как моих детенышей, точно шакалов, гоняют взад и вперед. Уж я-то заставила бы людскую стаю поплатиться за это; но я пощадила бы женщину, которая дала тебе молока. Да, пощадила бы только ее одну.

— Полно, полно, Ракша, — ленивым тоном сказал Отец Волк. — Лягушечка снова с нами; Маугли вернулся таким мудрым, что его собственный отец должен лизать ему ступни; а что значит одним порезом на голове больше или меньше? Оставь в покое людей.

Балу и Багира в один голос повторили:

— Оставь в покое людей.

Маугли прижался головой к Матери Волчице, с удовольствием улыбнулся и сказал, что лично ему не хочется когда-либо снова видеть человека, слышать человеческий голос или чуять людей.

— А что если люди не оставят тебя в покое, Маленький Брат? — сказал Акела, приподнимая одно ухо.

— Нас пятеро, — вставил свое слово Серый Брат, окинул взглядом все общество и при последнем слове щелкнул зубами.

— Мы тоже можем принять участие в этой охоте, — сказала Багира, слегка шевеля своим хвостом и глядя на Балу. — Но почему ты заговорил о людях, Акела?

— Вот по какой причине, — ответил Одинокий Волк. — Когда шкуру желтого вора повесили на скале, я вернулся к деревне по нашему прежнему пути, наступал на отпечатки своих собственных ног, сворачивал в сторону, ложился, все для того, чтобы запутать след на случай, если кто-нибудь двинется за нами. Когда я настолько запутал его, что сам едва ли разобрал бы, где недавно бежали мои ноги, нетопырь Манг проскользнул между деревьями и повис надо мною. Он сказал: «Селение людской стаи, которая выгнала челове-

ческого детеныша, гудит, точно осиное гнездо».

— Я бросил туда большой камень, — посмеиваясь, заметил Маугли, который, бывало, ради забавы часто кидал спелые орехи в осиные гнезда, убегал к ближайшему озерку и нырял в воду раньше, чем осы настигали его.

— Я спросил Манга, что он видел. Манг ответил, что Красный Цветок расцвел у деревенских ворот; что около него сидели люди и держали в руках ружья. Мне по собственному опыту известно, — Акела взглянул на старые засохшие рубцы на своем боку и ляжке, — что люди не берутся за ружья ради забавы. Скоро, Маленький Брат, человек пойдет по нашему следу, если уже не двигается по нему.

— Но зачем? Ведь люди выгнали меня? Чего же им еще нужно? — сердито спросил Маугли.

— Ты человек, Маленький Брат, — возразил Акела. — Не нам, Свободным Охотникам, объяснять тебе, что сделают и чего не сделают твои братья и почему они поступят так или иначе.

Одинокий Волк едва успел поднять свою лапу; нож вонзился глубоко в землю там, где только что была она. Маугли опустил оружие так быстро, что обыкновенное человеческое зрение не уследило бы за движением этого острого лезвия, но Акела

был волком; между тем даже собака (а в смысле ловкости ей далеко до волка, своего предка) может мгновенно проснуться от глубокого сна, почувствовав прикосновение наехавшего на нее колеса и отскочить в сторону раньше, чем оно придавит ее.

— В другой раз, — спокойно сказал Маугли, вкладывая нож в ножны, — говоря о человеческой стае и о Маугли, не соединяй эти слова вместе.

— Пфф! Острый зуб, — заметил Акела, обнюхивая след, оставшийся в земле от ножа, — однако, живя среди людей, ты потерял верность глаза, Маленький Брат. Пока нож опускался, я успел бы убить оленя.

Багира поднялась на ноги, вскинула голову как можно выше, понюхала воздух, и все мускулы ее тела напряглись. Примеру пантеры последовал Серый Брат, но отодвинулся влево, чтобы на него пахнул ветер, который дул с правой стороны; Акела сделал несколько прыжков навстречу ветру и, слегка присев на задние ноги, тоже напряг свои мышцы. Маугли с завистью посмотрел на них. Он обладал таким обонянием, каким одарены не многие люди, но никогда не мог развить, так сказать, тонкой, точно нежнейшая паутина, остроты

чутья жителей джунглей, а три месяца, проведенные им в дымной деревне, сильно его притупили. Тем не менее он увлажнил свой палец, потер им о нос и выпрямился во весь рост, чтобы поймать запах верхних слоев воздуха, правда очень слабый, зато вполне определенный.

— Человек, — проворчал Акела и сел.

— Бульдео, — сказал Маугли и опустился на землю. — Он идет по нашему следу, и на его ружье блестит солнечный свет. Смотрите.

На медных затворах старого мушкета в течение доли секунды блеснул свет; в джунглях бывает такая вспышка света, только когда по небу несутся облака. Тогда кусочек кварца, лужица или даже очень гладкий лист вспыхивает, как гелиограф; но стоял безоблачный и тихий день.

— Я знал, что за нами пойдут люди, — торжествующим тоном сказал Акела. — Недаром водил я стаю!

Четыре брата волка ничего не сказали, только поползли на животах с горы, скрываясь в терновниках и низких кустах, как крот в траве на лугу.

— Куда вы идете, да еще не сказав ни слова? — крикнул им Маугли.

— Тсс, раньше полудня мы прикатим сюда его череп, — ответил Серый Брат.

— Назад! Назад и ждите! Человек не ест человека, — крикнул Маугли.

— Кто только что был волком? Кто ударил меня за то, что я подумал, будто он может быть человеком? — сказал Акела, когда четыре волка мрачно вернулись и легли подле ног Маугли.

— Разве я должен давать отчет во всем, что мне вздумается сделать? — с бешенством спросил Маугли.

— Это настоящий человек! Это говорит человек! — про себя промурлыкала Багира. — Именно так говаривали люди около королевских клеток в Удейпуре. Мы, жители джунглей, знаем, что человек самое мудрое изо всех созданий. А послушав его, мы решили бы, что он безумнее всех остальных. — Вслух пантера прибавила: — Человеческий детеныш в этом отношении прав. Люди охотятся стаями. Неразумно убить одного из них, не узнав раньше, что собираются сделать остальные. Пойдемте посмотрим, что замыслил против нас этот охотник.

— Мы не пойдем, — проворчал Серый Брат. — Охоться один, Маленький Брат. Мы-то знаем, чего хотим. Мы давно принесли бы сюда череп.

Маугли переводил взгляд с одного из своих друзей на другого; его грудь высоко вздымалась;

к глазам подступали слезы. Он подошел к волкам и, опускаясь на одно колено, сказал:

— Разве я не знаю, чего хочу? Смотрите на меня!

Они беспокойно посмотрели на него; их глаза блуждали, а Маугли все звал и звал их, наконец их шерсть ощетинилась и они задрожали; Маугли же продолжал пристально смотреть на своих четырех братьев.

— Ну, — сказал он, — кто из нас пятерых — вожак?

— Ты, Маленький Брат, — ответил Серый Брат и стал лизать ногу Маугли.

— В таком случае, идите за мной, — приказал Маугли, и четыре волка, поджав хвосты, пошли за ним по пятам.

— Вот что значит пожить среди людей, — сказала Багира и скользнула за ними. — Теперь у нас в зарослях господствует не только Закон Джунглей, Балу.

Старый медведь ничего не сказал, но в его голове теснилось много-много мыслей.

Маугли бесшумно прошел через джунгли, под прямым углом к тропинке Бульдео; наконец, раздвинув нижние кусты, он увидел, что старик охотник, закинув за плечо мушкет, бежал

собачьей рысью по следу, проложенному две ночи тому назад. Вспомните: Маугли вышел из деревни с тяжелой шкурой Шер Хана на плечах, и Акела с Серым Братом бежали позади него; следовательно, их ноги оставили ясные отпечатки. Вот Бульдео дошел до того места, где, как вам известно, Акела запутал след. Охотник сел, закашлялся, забормотал что-то, потом принялся медленно бродить вокруг в надежде разобрать направление отпечатков ног, а все это время Маугли и его друзья были так близко от старика, что он мог бы попасть в них камнем. Ни одно существо в мире не способно красться так бесшумно, как волк, не желающий, чтобы его заметили, и хотя, по мнению зверей, Маугли двигался неуклюже, он скользил, как тень. Все они окружали старого охотника, как выводок дельфинов окружает идущий на всех парах пароход, и свободно разговаривали; речь зверей начинается с такой низкой ноты, что несовершенный слух человека не может уловить ее. (Заканчивается же их шкала высоким писком нетопыря Манга, писком, недоступным для уха многих людей. С этой высокой ноты начинается речь птиц, летучих мышей и насекомых.)

— Это веселее, чем убивать, — сказал Серый

Брат, когда Бульдео наклонился и, отдуваясь, стал разглядывать почву. — Он похож на свинью, заблудившуюся близ реки. Что он говорит? (Бульдео ожесточенно бормотал что-то.)

Маугли перевел.

— Он говорит, что здесь, вероятно, бежало несколько волчьих стай. Теперь: что никогда в жизни он не видывал такого следа и что он устал.

— Раньше, чем ему удастся распутать след, он ляжет отдыхать, — холодно заметила Багира и обогнула ствол дерева, продолжая прежнюю игру в прятки.

— Ну а что будет теперь делать это тощее существо?

— Есть или выпускать изо рта дым. У людей вечно заняты рты, — сказал Маугли.

Молчаливые наблюдатели действительно увидели, как старик набил свою трубку, раскурил ее, выпустил клуб дыма, и постарались хорошенько запомнить запах его табака, чтобы в случае нужды узнать Бульдео даже в самую темную ночь.

Вскоре на тропинке показалось несколько выжигателей угля, и, конечно, они остановились поговорить с Бульдео, так как он считался лучшим охотником на протяжении миль двадцати;

они сели, стали курить, а Багира и ее спутники пододвинулись к ним, наблюдая за происходящим. Бульдео рассказывал о Маугли-дьяволе, с новыми прибавлениями и с новыми вымыслами. Он говорил, что собственноручно убил Шер Хана; что Маугли превратился в волка, весь день дрался с ним, снова обернулся мальчиком и заколдовал его ружье, а потому выпущенная им, Бульдео, пуля сделала поворот и, не попав в намеченную цель, убила одного из его же буйволов; что жители селения, считая его самым отважным охотником в целой области, поручили ему убить этого юного дьявола, а сами задержали Мессуа и ее мужа, родителей чертенка; что поселяне заперли их обоих в их собственной хижине и собирались в скором времени начать пытку, с целью заставить негодных людей сознаться, что они колдун и колдунья, а потом заживо сжечь.

— Когда? — спросили угольщики; им очень хотелось присутствовать при этой любопытной церемонии.

Бульдео ответил, что до его возвращения ничего не предпримут, так как в деревне желали, чтобы он прежде застрелил дикого мальчика из джунглей. По окончании первого дела они расправятся с ведьмой и ее мужем и разделят между

собой их земли и буйволов. Кстати, у мужа Мессуа были прекрасные буйволы! Бульдео считал, что уничтожать ведьм и колдунов доброе дело и что люди, впускающие в свой дом волчье отродье из джунглей, несомненно, колдуны самого худшего толка.

— Но, — спросили угольщики, — что будет, если об этом услышат англичане?

Как им говорили, англичане — сумасшедшие, мешающие честным землепашцам спокойно убивать колдунов.

Бульдео сказал, что староста объявит, будто Мессуа и ее муж умерли от укуса змеи. Это было давно решено. Остается только убить волчьего сына. Не видали ли они, угольщики, дикого мальчика?

Угольщики опасливо огляделись кругом и поблагодарили милостивые звезды за то, что не встречали его; однако они не сомневались, что такой храбрый охотник, как Бульдео, отыщет страшную тварь, если только кто-нибудь в силах ее найти.

Солнце стояло очень низко, и угольщики решили пойти в селение Бульдео и посмотреть на ужасную колдунью. Бульдео заметил, что ему нужно выследить дьявольское отродье, но что

он не позволит невооруженным людям идти через джунгли, в которых ежеминутно мог появиться дьявол-волк. Он отправится с ними, а если из чащи выскочит сын колдуна, что же? Он покажет им, как лучший во всей области охотник поступает в подобных случаях. По словам Бульдео, брамин дал ему амулет, отвращающий опасность.

— Что он говорит? Что он говорит? Что он говорит? — ежеминутно повторяли волки.

Маугли переводил, но, когда дело дошло до волшебства, о котором он сам имел мало понятий, юноша сказал только, что мужчина и женщина, которые так хорошо обходились с ним, попали в ловушку.

— А разве человек ловит человека? — спросила Багира.

— Так говорит он. Я не понимаю. Все они сумасшедшие. Почему Мессуа и ее мужа из-за меня посадили в ловушку; и почему они так много говорят о Красном Цветке? Мне нужно это узнать. Во всяком случае, до возвращения Бульдео они не могут ничего сделать с Мессуа, а потому… — Маугли глубоко задумался; его пальцы перебирали рукоятку ножа для снимания кож с животных.

Между тем Бульдео и угольщики храбро дви-

нулись вперед.

— Я сейчас же бегу обратно к стае людей, — наконец сказал Маугли.

— А что же делать с этими? — спросил Серый Брат, окидывая голодным взглядом коричневые спины удалявшихся угольщиков.

— Спой им песню, и пусть они идут домой, — сказал Маугли и усмехнулся. — Я не хочу, чтобы они раньше вечера пришли к воротам селения. Можете ли вы, братья, задержать их?

Серый Брат презрительно оскалил свои белые зубы.

— Мы можем заставить их кружиться, как привязанных коз. Недаром я знаю людей.

— Этого не нужно. Спой песенку, а то им будет скучно идти, и, знаешь, Серый Брат, пусть это будет не слишком-то сладкая песенка. Иди с ними, Багира, и помоги им. Когда же совсем стемнеет, дождитесь меня подле селения. Серый Брат хорошо знает все эти места.

— Нелегко работать на человеческого детеныша! Когда же я высплюсь? — сказала Багира, зевая, хотя ее глаза доказывали, что забава восхищает ее. — Это я-то буду петь для бесшерстых людей! Но — попробуем.

Пантера опустила голову так, чтобы звук поле-

тел далеко. И вот, среди дня, раздался полночный призыв «хорошей охоты», и это послужило достаточно страшным началом. Маугли слышал, как рев Багиры перекатывался, усиливался, ослабевал и наконец совсем замер в жалобном стоне. И, пускаясь в путь по зарослям, мальчик усмехнулся. Он увидел, что угольщики столпились; что дуло ружья старого Бульдео дрожало, как лист банана, и вертелось во все стороны. Теперь из горла Серого Брата вырвалось: «Иа-ла-хи! Иалаха!» — призыв, который раздается, когда стая гонит нильгау (крупных антилоп); казалось, вой этот долетел с конца земли, все приближался и приближался и внезапно окончился визгом и лязгом зубов. Серому Брату ответили три остальные волка, и даже Маугли мог бы поклясться, что воет целая волчья стая. Еще минута — и все они вместе запели великолепную утреннюю песню джунглей со всеми ее переливами, украшениями, высокими нотами — словом, со всем, что доступно голосистому волку. Вы можете себе представить, как была прекрасна эта песня, разливавшаяся среди тишины джунглей. Она начинается словами: «Давно наши тела не бросали теней на долину».

Невозможно передать впечатления, которое

производила эта серенада; невозможно выразить того презрения, с которым четыре волка выговаривали каждое ее слово, слыша, как деревья трещат под тяжестью карабкавшихся на их вершины людей. Бульдео снова забормотал заклинания. Вот звери легли и заснули. Как все существа, живущие собственным трудом, они были методичны. Кроме того, никто не может хорошо работать, не выспавшись.

Между тем Маугли быстро бежал, делая по девять миль в час, и как же радовался он, чувствуя себя бодрым после долгих месяцев сидячей жизни среди людей. В его голове шевелилось только одно желание: освободить из ловушки Мессуа и ее мужа. Ведь у него было естественное недоверие к западням. Он также намеревался, со временем, отплатить деревне за себя.

Только в сумерки завидел Маугли памятные ему пастбища и дерево дхак, подле которого его ждал Серый Брат в то утро, когда он убил Шер Хана. Хотя мальчик сердился на весь род людской, что-то заставило его горло сжаться и с трудом перевести дыхание при взгляде на крыши домов. Маугли заметил, что поселяне необыкновенно рано вернулись с полей и, не занимаясь приготовлением пищи, столпились подле большого

дерева, говорили и кричали.

— Люди вечно должны ставить ловушки для людей; без этого они не чувствуют себя довольными, — прошептал Маугли. — В прошедшую ночь ловили Маугли… Но мне кажется, что это случилось много-много дождей тому назад. Теперь ловят Мессуа и ее мужа. Завтра опять наступит черед Маугли.

Он пополз вдоль ограды, наконец увидел хижину Мессуа и через окно заглянул внутрь комнаты. На полу лежала Мессуа; ей завязали рот, чтобы она не кричала, а руки и ноги скрутили; она дышала тяжело и стонала. Ее мужа привязали к ярко расписанной кровати. Выходившая на улицу дверь дома была крепко заперта; три или четыре человека сторожили ее снаружи, прислонясь к ней спинами.

Маугли хорошо изучил нравы и обычаи жителей поселка. Он сказал себе, что, пока они могут есть, болтать и курить, им не вздумается делать ничего иного; сытые же они, по его мнению, становились опасны. Скоро придет Бульдео, и, если его спутники хорошо выполнили свою задачу, он принесет с собой много очень занимательных рассказов. Итак, Маугли через окно проскользнул в хижину, наклонился над связанными муж-

чиной и женщиной, перерезал ремни, которые стягивали их, освободил их рты от кляпов и взглядом поискал в комнате молока. Мессуа почти обезумела от страха и боли (ее целое утро били палками и швыряли в нее камни), и Маугли положил на ее губы свою руку, как раз вовремя, чтобы не позволить ей крикнуть. Ее муж был только смущен и рассержен; теперь он сидел, стараясь освободить свою исщипанную бороду от пыли и соринок, попавших в нее.

— Я говорила, что он придет, — наконец, всхлипывая, прошептала Мессуа. — Теперь я знаю, знаю, что он мой сын, — и она прижала Маугли к своему сердцу. До этой минуты он был совершенно спокоен, но теперь задрожал всем телом и сам удивился.

— Зачем эти ремни? Зачем они тебя связали? — помолчав, спросил мальчик.

— Чтобы убить нас, за то что мы приняли тебя к себе, как сына; за что же иначе? — мрачно проговорил муж Мессуа. — Смотри, я в крови.

Мессуа молчала, но Маугли посмотрел на ее раны, и муж с женой услышали, как при виде крови мальчик скрипнул зубами.

— Чье это дело? — спросил он. — Виноватому придется заплатить за это.

— Дело всех поселян. Я был слишком богат и держал слишком много скота. Вот почему мы стали колдунами, после того как приняли тебя.

— Я не понимаю. Пусть Мессуа объяснит мне.

— Я напоила тебя молоком, Нату, помнишь? — застенчиво сказала она, — потому что ты мой сын, которого унес тигр, и потому что я горячо любила тебя. И вот они сказали, что я, твоя мать, мать дьявола и заслуживаю смерти.

— А что такое дьявол? — спросил Маугли. — Смерть я видел.

Муж Мессуа мрачно посмотрел на мальчика; а Мессуа засмеялась.

— Видишь, — сказала она, — я знала, я говорила, что он не колдун. Он мой сын, мой сын!

— Сын ли он или колдун, какая в этом польза? — ответил ей муж. — Мы все равно что умерли.

— Вот там дорога в джунгли, — Маугли указал через окно, — ваши руки и ноги свободны. Идите!

— Мы не знаем джунглей так хорошо, мой сын, как… как ты, — начала Мессуа, — и вряд ли я буду в состоянии пройти далеко.

— Толпа мужчин и женщин скоро догонит нас и притащит обратно, — прибавил ее муж.

— Гм, — протянул Маугли и пощекотал ладонь

своей руки кончиком ножа. — Я не хочу причинить вред жителям деревни; не хочу пока. Только я не думаю, что они остановят тебя. Очень скоро им придется подумать о других вещах. А! — Он поднял голову и прислушался к гулу голосов и к топоту ног на улице. — Значит, они наконец позволили Бульдео вернуться домой.

— Сегодня утром его послали с поручением убить тебя, — произнесла Мессуа. — Ты его встретил?

— Да… мы… я… встретил его. Сейчас он начнет болтать о своих приключениях, а тем временем мы успеем сделать многое. Но погодите: я узнаю, что они задумали. Подумайте, куда бы вы хотели уйти, и, когда я вернусь, скажите мне.

Он выскочил из окна и побежал опять-таки вдоль наружной стены деревни, наконец остановился там, где мог слышать, о чем рассуждает толпа около большого дерева. Бульдео лежал на земле, кашлял, стонал, и все задавали ему вопросы. Волосы старика рассыпались по его плечам; на его руках и ногах виднелись ссадины; он сорвал кожу, взбираясь на деревья. Говорил охотник с большим трудом, но наслаждался своей значительностью. Время от времени он бормотал что-то о дьяволах, дьяволах, поющих

о волшебных чарах, так как хотел расшевелить любопытство толпы и подготовить слушателей к дальнейшему. Наконец старый охотник крикнул, чтобы ему принесли воды.

«Ба, — подумал Маугли, — болтовня, болтовня. Слова, слова. Люди — кровные братья Бандар-лога. Теперь ему нужно промыть рот водой. Потом понадобится выпустить из губ дым; а после этого он начнет рассказывать. Нечего сказать — мудрое племя — люди! Никто и не подумает сторожить Мессуа, пока рассказы Бульдео не наполнят их ушей. А я-то? Я становлюсь так же ленив, как они».

Маугли встряхнулся, скользнул обратно к хижине и, подбежав к ее окну, почувствовал, что кто-то прикоснулся к его ноге.

— Матушка, — сказал Маугли, так как мгновенно узнал прикосновение лизнувшего его языка. — Что ты-то делаешь здесь?

— Я слышала, как мои дети пели в лесу, и побежала за самым любимым сыночком. Лягушечка, мне хочется взглянуть на женщину, которая дала тебе молока, — сказала волчица, вся покрытая росой.

— Они ее связали и хотят убить. Я перерезал ремни, и она со своим мужем пойдет через

джунгли.

— Я побегу за ними. Я стара, но еще не беззубая. — Волчица Мать стала на задние лапы и через окно заглянула в темную глубину хижины. Через минуту она бесшумно упала на все четыре лапы и сказала только: — Я дала тебе первое молоко, но правду говорит Багира: в конце концов человек уходит к человеку.

— Может быть, — ответил Маугли, и на его лицо легло очень неприятное выражение. — Но сегодня я далек от пути к людям. Жди здесь, только не показывайся ей.

— Ты никогда меня не боялся, Лягушечка, — заметила волчица, отступая в высокую траву и скрываясь в ней так хорошо, как умела скрываться только она.

— Теперь, — весело сказал Маугли, снова вскочив в дом, — они сидят около Бульдео, который рассказывает то, чего никогда не было. Позже они, по его словам, придут сюда с Красным… с огнем и сожгут вас обоих. Ну, что же вы решили?

— Я поговорила с моим мужем, — ответила Мессуа, — Кханивара в тридцати милях отсюда; там мы можем пойти к англичанам…

— А что это за племя? — спросил Маугли.

— Не знаю. Они белые; говорят, будто они

управляют всей страной и не терпят, чтобы люди жгли или били друг друга без свидетелей. Если мы в эту ночь доберемся до Кханивары, то останемся живы. Нет — умрем.

— Так живите же! Сегодня вечером ни один человек не выйдет из ворот. Но что это он делает?

Муж Мессуа, стоя на четвереньках, копал в одном углу хижины земляной пол.

— Там спрятано немного денег, — ответила Мессуа. — Ничего больше мы не можем с собой взять.

— Ах, да. Деньги… вещи, которые переходят из рук в руки и не становятся теплее. А в этом новом месте тоже нужны такие же штучки? — спросил Маугли.

Муж Мессуа сердито посмотрел на мальчика.

— Это дурак, а совсем не дьявол, — пробормотал он. — На деньги я могу купить лошадь. Мы так избиты, что недалеко уйдем пешком, и через час нас нагонят жители деревни.

— Повторяю, они не выйдут, пока я им не позволю; но лошадь — дело хорошее, потому что Мессуа устала.

Муж Мессуа поднялся на ноги и завязал в свой пояс последние рупии. Маугли помог Мессуа выбраться через окошко, и свежий ночной воздух

оживил ее, но при свете звезд джунгли казались такими темными, такими страшными.

— Вы знаете тропинку к Кханиваре? — шепотом спросил Маугли.

Они утвердительно кивнули головами.

— Хорошо. Помните же, не бойтесь. И незачем идти быстро. Только… только, может быть, вы услышите в джунглях пение.

— Неужели ты думаешь, что мы решились бы ночью идти через джунгли, если бы не боялись, что нас сожгут? Лучше погибнуть от зверей, чем от рук людей, — заметил муж Мессуа; она же посмотрела на Маугли и улыбнулась.

— Я вам говорю, — продолжал Маугли таким тоном, точно он был Балу и в сотый раз повторял какую-либо часть старинного Закона Джунглей глупому детенышу, — говорю, что ни один зуб в джунглях не обнажится сегодня против вас; ни одна лапа в джунглях не поднимется на вас. Ни человек, ни зверь не преградит вам путь, пока вы не увидите Кханивару. Вас будут охранять. — Он быстро повернулся к Мессуа. — Он не верит, но ты-то поверишь?

— О, да, мой сын. Человек ты, дух или волк из джунглей, я верю тебе.

— Он испугается, услышав пение моего племе-

ни. Ты же узнаешь и поймешь. Иди и не торопись. Торопиться незачем. Ворота заперты.

Мессуа, рыдая, упала к ногам Маугли, но он быстро поднял ее и весь задрожал. Тогда она кинулась ему на шею, призвала на него все благословения, которые только могла вспомнить. Ее муж окинул завистливым взглядом свои поля и сказал:

— Если мы дойдем до Кханивары и англичане выслушают меня, я подам такую жалобу на брамина, на старого Бульдео и на других, что моя тяжба с ними обглодает весь поселок до самых костей. Они заплатят мне двойную цену за мои невозделанные поля, за моих изголодавшихся буйволов.

Маугли засмеялся:

— Я не знаю, что такое справедливость, но вернись сюда к будущим дождям и посмотри, что здесь останется.

Они направились к джунглям; Волчица Мать выскочила из своего тайника и побежала за ними.

— Иди за ними, — сказал ей Маугли, — и дай знать джунглям, что этих двоих не следует трогать. Поговори немного, я хочу призвать Багиру.

Послышался продолжительный низкий вой,

усилился, замер, и Маугли увидел, что муж Мессуа вздрогнул, повернулся, почти готовый бежать обратно в свой дом.

— Иди дальше, — весело сказал ему Маугли. — Я говорил, что, может быть, послышится пение. Такие голоса будут звучать до Кханивары. Это голос милости джунглей.

Мессуа уговорила своего мужа идти дальше, и тьма сомкнулась над ними и над Волчицей. В то же мгновение почти из-под самых ног Маугли поднялась Багира; она дрожала от восхищения, которое ночью наполняет безумием зверей джунглей.

— Я стыжусь твоих братьев, — промурлыкала пантера.

— Что? Разве они недостаточно сладко пели для старого Бульдео? — спросил Маугли.

— Пели слишком хорошо! Слишком хорошо! Они заставили даже меня позабыть свою гордость, и, клянусь освободившим меня сломанным замком, я пробежала с пением через все джунгли, точно полная весенних радостей. Разве ты не слышал нас?

— У меня было другое дело. Спроси Бульдео, понравились ли ему ваши песни. Но где же четверо? Я не желаю, чтобы сегодня из этих ворот вышел

хоть один человек.

— Зачем же в таком случае тебе четыре брата? — спросила Багира, переступая с лапы на лапу, с горящими глазами и мурлыкая громче обыкновенного. — Я могу удержать их, Маленький Брат. Можно ли, наконец, убивать? Звуки песен и вид людей, карабкающихся на деревья, вселили в меня желание охотиться. Что такое человек, чтобы мы заботились о нем? Безволосый, коричневый землепашец, бесшерстый и беззубый поедатель земли. Я целый день кралась за ними, даже в полдень, среди белого солнечного света. Я гнала их, как волки гонят оленей. Я — Багира! Багира! Багира! Как я танцую с собственной тенью, так я плясала с этими людьми. Смотри! — Большая пантера подскочила, как котенок прыгает за сухим листом, кружащимся над его головой, и стала вправо и влево бить лапами воздух, который свистел от этих ударов; она бесшумно опускалась на землю, подскакивала снова, а ее голос — не то мурлыканье, не то ворчание — рокотал, будто пар, шумящий в котле. — Я — Багира! Кругом меня джунгли, надо мной ночь, и сила моя со мной. Кто остановит меня? Человеческий детеныш, одним ударом лапы я могла бы расплющить твою голову, и она сделалась бы плоской, как мертвая

лягушка летом.

— Так ударь же, — сказал Маугли на наречии людей, и звук человеческих слов заставил Багиру остановиться; ее ноги задрожали; она села, и ее голова оказалась теперь на одном уровне с лицом Маугли. Он смотрел на пантеру, как недавно смотрел на своих непокорных братьев волков; его взгляд впился в зеленые, точно бериллы, глаза Багиры, и наконец красный отсвет в глубине их потух, как лучи отдаленного светящегося маяка гаснут, когда его тушат; пантера опустила веки, а также и свою большую голову; голова опускалась все ниже и ниже, и вот красный, шершавый, как терка, язык оцарапал ступню Маугли.

— Тише, тише, — прошептал он, нежно поглаживая зверя, начиная от его шеи по изогнутой спине, — тише, тише. Не ты виновата, виновата ночь.

— Вина ночных запахов, — с раскаянием произнесла Багира. — От них я потеряла рассудок. Но почему ты узнал об этом?

Понятно, кругом индусского поселения всегда носятся всевозможные запахи, и на животных, в ощущениях которых чуть ли не главную роль играет обоняние, запахи действуют таким же опьяняющим образом, как на людей музыка,

вино или наркотики. Несколько минут Маугли успокаивал пантеру, и Багира легла, точно кошка перед камином, поджав передние лапы и полузакрыв глаза.

— Ты живешь в джунглях, похож и вместе с тем не похож на нас, — сказала она наконец. — А я — простая черная пантера. Но я люблю тебя, Маленький Брат.

— Как долго они болтают под деревом, — сказал Маугли, не заметив последней фразы Багиры. — Вероятно, Бульдео рассказал много историй. Им пора вытащить из ловушки женщину и ее мужа и бросить их в Красный Цветок. А ловушка-то пуста. Хо! Хо!

— Слушай же, — сказала Багира, — теперь в моей крови нет лихорадки. Пусть они застанут там меня. После встречи со мной немногие решатся выглянуть из своих домов. Не в первый раз попаду я в клетку, и вряд ли «эти» свяжут меня веревками.

— Но поступай же благоразумно, — со смехом сказал Маугли; он теперь был так же весел, как пантера, которая скользнула в хижину.

— Фу, — проворчала Багира, — это место пропахло человеком. Но вот совершенно такая же кровать, какую устроили для меня в королевских клетках Удейпура. Я ложусь. — Маугли услышал, как кровать заскрипела под тяжестью крупного зверя. — Клянусь освободившим меня сломанным замком, им покажется, будто поймали крупную дичь. Иди сюда и сядь рядом со мной, Маленький Брат; мы вместе отлично поохотимся.

— Нет, у меня другое на уме. Люди не должны знать, что я принимал участие в этом деле. Охотьтся одна; я не хочу видеть их.

— Пусть так и будет, — согласилась Багира. — Ага, они идут.

Совещание под деревом в отдаленном конце деревни становилось все шумнее и закончи-

лось дикими криками и быстрым топотом ног; мужчины и женщины двигались по улице, размахивая палками, бамбуковыми тростями, серпами и ножами. Бульдео и брамин вели эту толпу; остальные бежали следом и кричали:

— Ведьма и колдун! Посмотрим, не заставят ли их сознаться горячие монеты! Зажгите крышу! Мы научим их принимать оборотней-волков! Нет, прежде избейте их! Факелов, больше факелов! Бульдео, заряжай ружье!

Вышло маленькое затруднение с замком. Он был хорошо приделан; тем не менее толпа вырвала его из дверей, и поток света факелов влился в комнату, где во всю свою длину, скрестив лапы и слегка свешиваясь с одного края постели, лежала Багира, черная, как деготь, и страшная, как демон. Прошло несколько мгновений полной отчаяния тишины, во время которой первые ряды людей, царапаясь, прорывали себе путь к порогу. Багира же подняла голову и зевнула изысканным образом, с умышленной медлительностью; так она поступала всегда, желая оскорбить существо, равное себе. Ее зазубренные губы втянулись и поднялись; красный язык изогнулся вверх; нижняя челюсть постепенно опускалась; и наконец можно было увидеть начало ее гортани; исполин-

ские зубы Багиры обнажились до самых десен, потом верхние ударились о нижние с лязгом стальных затворов несгораемого ящика. Через мгновение комната опустела. Багира выскочила из окна и остановилась рядом с Маугли. Между тем кричащий, вопящий людской поток бежал по улице; поселяне толкали друг друга в паническом желании поскорее добраться до своих домов.

— Никто из них не пошевелится до рассвета, — сказала Багира. — А что теперь?

Поселение охватила как бы тишина полуденного отдыха, но, когда Маугли и пантера прислушались, они уловили скрип тяжелых ящиков для зерна о земляные полы: их приставляли к дверям. Багира была вполне права; деревня не могла бы двинуться до рассвета. Маугли сидел молча и думал, и его лицо делалось все мрачнее и мрачнее.

— Что я сделала? — наконец, ласкаясь, спросила его Багира.

— Много хорошего. Теперь сторожи их до утра. Я же засну.

Маугли убежал в джунгли, как мертвый упал на камень, заснул и проспал целую ночь и целый день.

Когда он открыл глаза, подле него стояла Баги-

ра, а у его ног лежал только что убитый олень. Багира с любопытством наблюдала, как Маугли начал работать своим ножом для снимания кож, как он ел и пил. Наконец он снова улегся, положив подбородок на руки.

— Этот человек и его жена благополучно дошли до того места, с которого можно видеть Кханивару, — сказала ему Багира. — Волчица Мать прислала это известие с ястребом Чилем. Еще до полуночи они нашли лошадь и двигались очень быстро. Разве все это не хорошо?

— Хорошо, — сказал Маугли.

— А людская стая в деревне не шевелилась, пока сегодня утром солнце не поднялось высоко. Тогда они быстро поели и побежали снова в свои дома.

— Не видели ли они тебя?

— Может быть, и видели. На заре я валялась в росе перед воротами и, кажется, спела песенку. Теперь, Маленький Брат, там больше нечего делать. Пойдем на охоту со мною и с Балу. Он хочет показать тебе новые соты, и мы все желаем, чтобы ты вернулся, и все пошло по-старому Измени выражение своего лица; оно пугает даже меня. Их не бросят в Красный Цветок, а в джунглях все хорошо. Разве это неправда? Забудем о людях.

— Через некоторое время мы забудем о них. Где в эту ночь пасется Хати?

— Где вздумается. Разве можно отвечать за Молчаливого? Но почему ты спрашиваешь? Что может сделать Хати, чего не в силах сделать мы?

— Скажи ему, чтобы он пришел сюда ко мне и привел с собой своих трех сыновей.

— Право, Маленький Брат… уверяю тебя, совсем… совсем неприлично говорить Хати «поди сюда» или «уходи». Вспомни, он господин джунглей, и раньше, чем люди изменили твое лицо, учил тебя Великим Словам.

— Это все равно. У меня есть Великое Слово для него. Скажи ему, чтобы он пришел к Маугли-лягушке, а если он не сразу послушается, скажи, чтобы он пришел ради уничтожения полей Буртпора.

— «Уничтожение полей Буртпора», — несколько раз повторила Багира, чтобы не забыть. — Я иду. Ведь в худшем случае Хати только рассердится, а я отдала бы охоту за целую луну, чтобы услышать слово, которое заставит Молчаливого сделать то или другое.

Багира ушла; Маугли яростно бил в землю своим ножом. До сих пор он еще никогда не видал человеческой крови и (что подействовало на

него очень сильно) ощутил запах крови Мессуа на ремнях, которые связывали ее. А Мессуа обращалась с ним хорошо, и, насколько Маугли мог чувствовать любовь, он любил эту женщину так же сильно, как ненавидел весь остальной человеческий род. Но, как ни глубоко презирал он людей, их язык, их жестокость, их трусость, ничто из даров джунглей не заставило бы его отнять жизнь у кого-либо из поселян и снова почувствовать ужасный запах их крови. Он составил план более простой и в то же время более действенный. Маугли улыбался при мысли, что именно одна из историй, которые Бульдео, бывало, рассказывал под деревом, породила в его голове новый замысел.

— Я сказала действительно Великое Слово, — шепнула ему на ухо Багира. — Они паслись подле реки и послушались сразу, точно домашние волы. Смотри, вот они.

Хати и его три сына, по обыкновению, пришли безмолвно. Речной ил еще не засох на них, и Хати задумчиво дожевывал зеленый ствол молодого деревца, которое он вырвал своими бивнями. Тем не менее каждый изгиб его огромного тела показывал Багире, умевшей читать подобные признаки, что перед нею не хозяин джунглей, го-

ворящий с человеческим детенышем, а существо, боящееся предстать перед тем, кто не испытывал страха. Три сына Хати, покачиваясь, шли вслед за своим отцом.

Хати сказал Маугли: «Хорошей охоты», но Маугли только слегка поднял голову. Он предоставил возможность слону долго качаться, переступая с одной ноги на другую, прежде чем заговорил; разжав же губы, обратился к Багире, а не к слонам.

— Я расскажу историю, слышанную мной от охотника, за которым ты сегодня охотилась, — начал Маугли. — Речь пойдет о слоне, старом и мудром: он упал в ловушку, и заостренный кол в яме прорвал ему кожу от ступни до верха его плеча; на этой коже остался белый шрам.

Маугли поднял руку; Хати повернулся, и свет упал на длинный белый рубец на его боку аспидно-серого цвета; можно было подумать, что огромное животное когда-то ударили раскаленным железом.

— Пришли люди, чтобы вынуть его из ямы, — продолжал Маугли, — но он был могуч, разорвал веревки, ушел и не показывался, пока его рана не зажила. Тогда он, гневный, вернулся ночью к полям этих охотников… А, вспоминаю: у него были три сына… Это произошло много дождей

тому назад и очень далеко отсюда, посреди полей Буртпора. Что случилось с этими полями во время следующей жатвы, Хати?

— Их сжали мы: я и мои три сына, — ответил слон.

— А кто их пахал, как это обыкновенно делается после жатвы? — спросил Маугли.

— Никто не пахал, — сказал Хати.

— А что сделалось с людьми, жившими подле зеленых всходов? — продолжал Маугли.

— Они ушли.

— А с домами, в которых спали люди?

— Мы разорвали их крыши на куски, джунгли же поглотили их стены, — объяснил Хати.

— Что было потом? — спросил Маугли.

— Две ночи я должен идти от востока к западу и три ночи от севера к югу, чтобы пересечь вдоль и поперек область, которой завладели джунгли; пять поселений поглотили они также; в этих деревнях, на полях, на пастбищах, среди рыхлых пашен теперь нет ни одного человека, который извлекал бы свою пищу из земли. Вот как я и трое моих сыновей разграбили поля Буртпора. Но скажи, человеческий детеныш, как весть об этом дошла до тебя? — произнес Хати.

— Мне об этом сказал один человек, и я вижу,

что даже Бульдео иногда говорит правду. Ты хорошо работал тогда, Хати с белым рубцом; но во второй раз ты выполнишь задачу еще лучше, потому что тебя будет направлять человек. Ты знаешь поселение тех людей, которые выгнали меня? Все они ленивы, безрассудны и жестоки; их рты вечно работают. Более слабых они убивают не для пищи, а ради забавы. Они охотно бросают своих же родичей в Красный Цветок. Я это видел. Нехорошо, чтобы они оставались здесь. Я ненавижу их.

— Так иди и убей, — сказал младший сын Хати; он поднял куст травы, сбил с него пыль о свои передние ноги и отбросил прочь, а его красные глазки украдкой смотрели то в одну, то в другую сторону.

— На что мне белые кости? — сердито спросил Маугли. — Разве я волчонок, чтобы играть на солнце обглоданным черепом? Я убил Шер Хана и пригвоздил его шкуру к Скале Совета, но… но я не знаю, куда девался Шер Хан, и в желудке у меня все еще пусто. Теперь я возьму то, что могу видеть и трогать. Двинь джунгли на эту деревню, Хати.

Багира задрожала и прижалась к земле. Она понимала, что в крайнем случае можно быстро пронестись по сельской улице и, раздавая в толпе

удары вправо и влево, ловко убивать людей, когда они пашут в сумерках, но этот план уничтожения целой деревни, которая должна была исчезнуть, пугал ее. Теперь пантера поняла, зачем Маугли послал за Хати. Только много проживший слон мог исполнить план такой войны.

— Пусть они убегут, как убежали люди от полей Буртпора, чтобы землю пахала только дождевая вода, чтобы только шум дождя, падающего на густые листья, раздавался вместо треска их веретен; пусть мы с Багирой поселимся в доме брамина и олень приходит пить из водоема позади храма. Впусти в деревню джунгли, Хати.

— Но я… но мы не ссорились с этими людьми, а срывать крыши с тех мест, где ночуют люди, мы можем, только когда нами владеет красное бешенство сильной боли, — с сомнением заметил Хати.

— Разве вы единственные поедатели травы в джунглях? Пригоните себе подобных. Пусть олени, кабаны и нильгау позаботятся об этом. Пока поля не обнажатся окончательно, вам незачем и показываться. Двинь джунгли, Хати.

— Убивать не будут? При разграблении полей Буртпора мои бивни покраснели, а мне так не хотелось бы снова почувствовать запах крови.

— Мне также. Я даже не желаю, чтобы их кости лежали на чистой земле. Пусть уходят и отыщут новые логовища. Им нельзя оставаться здесь. Я видел и нюхал кровь женщины, дававшей мне пищу. Без меня ее убили бы. Только аромат молодой травы, которая покроет их пороги, уничтожит этот запах. От него у меня во рту горит. Впусти джунгли в деревню, Хати!

— А, — произнес Хати. — Так горел шрам на моей коже, пока деревни не погибли под весенними порослями. Теперь я понимаю. Твоя война будет нашей войной. Мы впустим джунгли в поселение людей.

Маугли едва успел перевести дыхание (он весь дрожал от ненависти и злобы), как место, где стояли слоны, опустело.

Багира с ужасом смотрела на него.

— Клянусь освободившим меня сломанным замком, — наконец сказала пантера, — я не узнаю в тебе того бесшерстого существа, за которого я заступилась перед стаей, когда ты только появился в джунглях. Властитель джунглей, заступись за меня, когда я потеряю силу, заступись за Балу, заступись за всех нас! В сравнении с тобой мы — бессильные детеныши. Ветки, ломающиеся под ногой. Оленята, отставшие от своей лани.

Мысль, что Багира — заблудившийся детеныш лани, совсем расстроила Маугли. Он расхохотался, задыхаясь, замолчал, зарыдал, снова засмеялся, наконец прыгнул в озерко, чтобы справиться с собой. Он проплыл несколько кругов, то нырял в полосы лунного света, то снова показывался на поверхности воды, точно настоящая лягушка, его тезка.

Хати и три его сына разошлись в разные стороны и молчаливо двинулись по долинам. Они не останавливались, и через двое суток очутились в шестидесяти милях от джунглей. Манг, летучая мышь, Чиль, Племя Обезьян и птицы подмечали каждый их шаг, каждое движение их хоботов и толковали обо всем. Наконец слоны принялись пастись и паслись приблизительно около недели. Хати и его сыновья в некоторых отношениях походят на Каа, питона скал. Они не торопятся, когда дело касается еды.

К концу недели в джунглях прошел слух (кто его пустил, неизвестно), что в такой-то и такой долине изумительная трава и прекрасная чистая вода. Кабаны, которые готовы бежать хоть на край земли с целью хорошенько поесть, двинулись первые; они шли маленькими стадами, шурша ногами; их примеру последовали

олени; за оленями побежали мелкие лисицы, которые питаются мертвыми или умирающими животными; в одно время с ними тронулись широкоплечие антилопы, нильгау, а за нильгау началось шествие диких буйволов, покинувших свои болота. Животные эти рассеивались по долине, бродили, паслись, бегали, пили и снова начинали щипать траву; однако малейший повод мог заставить их повернуть обратно; но едва в стадах начинал зарождаться страх, всегда являлся кто-нибудь и успокаивал их. То Икки, дикобраз, прибегал с известием, что немного дальше есть много прекрасной травы, то Манг принимался весело кричать и носиться над лесной поляной, объявляя, что в этом месте не осталось травы, или выходил Балу, набравший в рот кореньев и, волоча ноги, шел вдоль засомневавшегося стада животных — он пугал их и неуклюжими движениями возвращал на необходимый путь. Многие животные вернулись домой или убежали прочь, но очень многие пошли вперед. В конце второго десятка дней дело обстояло так: олени, кабаны и нильгау описывали круг радиусом в десять или восемь миль, хищники же прятались близ этого кольца. В его центре стояла деревня; около деревни созревали посевы, среди посевов сидели люди

на мачанах (так называются платформы, похожие на голубятни и представляющие собой помосты, поднимающиеся на четырех столбах). Они отпугивали птиц и других грабителей. Теперь друзья Маугли перестали действовать на оленей лаской. Плотоядные подкрадывались к ним и заставляли их идти вперед, внутрь этого круга. Раз в темную ночь Хати с сыновьями скользнул из джунглей в долину; своими хоботами они переломили столбы мачанов, и платформы упали, как падает переломленный ствол молодого дерева, люди, свалившиеся вместе с ними, услышали подле себя глухой рокот, который раздается в горлах слонов. Передовой отряд обезумевшей армии оленей прорвался вперед, хлынул на сельские пастбища и на вспаханные поля; вместе с ними явились и кабаны с их острыми копытами и роющими мордами; то, чего не тронули олени, испортили кабаны. Время от времени волчий вой пугал стада, и травоядные животные начинали отчаянно метаться из стороны в сторону: они топтали молодой ячмень и разрушали берега оросительных канав. Еще до наступления зари натиск извне этого кольца в одном месте прекратился. Хищники отступили, оставив открытую дорогу к югу, и олени помчались по этому пути.

Остальные, более смелые, залегли в чащах, чтобы на следующий день докончить свой пир.

Но, в общем, дело было сделано. Когда жители деревни вышли утром, они увидели, что их посевы погибли, а это значило, что их ожидала смерть; год из году голодная смерть стояла так же близко к ним, как джунгли. Буйволов выпустили, голодные животные увидели, что олени совершенно очистили пастбища, и, не находя травы, ушли к своим диким родичам. Спустились сумерки; три или четыре лошади, принадлежавшие поселянам, оказались мертвыми в своих стойлах, их головы были пробиты. Такие удары могла нанести только Багира, и только Багира могла так дерзко выволочь труп прямо на улицу.

В эту ночь люди не решились развести костров среди полей; поэтому Хати с сыновьями расхаживали взад и вперед, уничтожая все оставшееся, а там, где побывал Хати, незачем искать хоть одну уцелевшую былинку. Люди решили прокормиться своими запасами посевных семян до окончания следующих дождей, а потом начать работать, как рабы, чтобы пополнить потери; но пока торговец хлебным зерном с удовольствием думал о полных закромах и размышлял, какие цены назначит он за продажу товара, острые бивни

Хати подрывали углы его глиняного дома. Разбив громадную плетеную корзину, слон накинулся на ее драгоценное содержимое, и буйволицы помогли ему.

Когда эта последняя проделка стала известна, наступило время действовать брамину. Он молился своим собственным богам, но напрасно. По его мнению, деревня бессознательно оскорбила богов джунглей, потому что, несомненно, джунгли обратились против них. Они послали за старостой ближайших кочующих гондов — малорослых, умных, черных охотников, живущих в глубине джунглей, праотцы которых произошли от одного из древнейших племен Индии. Они были первоначальными владельцами этой страны. Поселяне встретили гонда и в знак приветствия поднесли ему все, что имели; он же стоял на одной ноге с луком в руках, а из узла волос на его голове торчало несколько отравленных стрел. Со смешанным выражением страха и презрения смотрел он на встревоженных людей и на их погибшие поля. Жители спросили гонда, не гневаются ли на них его боги, боги старинные, и, если они действительно рассержены, какой жертвой можно умилостивить их?

Гонд ничего не сказал; он только поднял длин-

ную ветвь карелы, лозы, приносящей дикие горькие ягоды, и несколько раз ударил этой плетью по входу в храм, перед лицом красного индусского идола, который смотрел на него неподвижными глазами, потом помахал рукой по направлению дороги в Кханивару и ушел обратно в свои чащи, наблюдая за кравшимся через заросли населением джунглей. Он знал, что раз джунгли двинулись, только белые люди могут надеяться отвратить их наступление.

Нечего было и спрашивать, что означали его поступки. Дикая лоза заплетет храм, в котором люди поклонялись своему божеству, и чем скорее переселятся они в другое место, тем будет для них лучше.

Но трудно вырвать жителей из той области, к которой они привыкли. Люди оставались в своих домах, пока у них еще были летние запасы. Несколько раз они также пробовали собирать в джунглях орехи; но за ними наблюдали тени с пылающими глазами и даже в полдень мелькали перед ними, когда, полные ужаса, люди возвращались бегом, чтобы укрыться в своих жилищах; с тех деревьев, мимо которых они только что пробежали, падала кора, вся разорванная, как бы срезанная ударом огромной когтистой лапы.

Чем дольше оставались люди в своих домах, тем смелее становились дикие звери, с ревом носившиеся по пастбищам. Жители не имели времени заделать и покрыть штукатуркой стены опустевших хлевов: кабаны топтали их, лианы с узловатыми корнями спешили по их следам, захватывая вновь завоеванную почву; за лианами поднималась, как щетина, жесткая трава, ее былинки походили на копья армии кобольдов. Прежде всех обратились в бегство холостые люди, разнося повсюду весть, что их деревня обречена. «Кто может бороться, — говорили они, — с джунглями или с богами джунглей, когда даже деревенская кобра уползла из своей норы в платформе под развесистым деревом?» Пробитые тропинки зарастали, их делалось меньше, и связи жителей с окружающим миром уменьшались. Наконец ночные крики Хати и его трех сыновей перестали волновать людей: они знали, что слоны не могут похитить ничего больше. Урожай на полях, семенное зерно, — все взято. Отдаленные поля уже утрачивали вид обработанной земли, и земледельцы чувствовали, что им пора обратиться к милосердию англичан в Кханиваре.

По обычаю туземцев, они все откладывали свое переселение, и наконец их застали первые

дожди; через полуразрушенные крыши вода потоком вливалась в их дома; на пастбищах образовались озера глубиною до щиколотки ноги человека, и после летнего зноя повсюду забушевала жизнь. Наконец поселяне вышли из деревни, ступая по воде; мужчины, женщины и дети брели под ослепляющим теплым, утренним ливнем и, понятно, обернулись, чтобы в последний раз взглянуть на свои дома. Как раз в то время, когда последнее нагруженное вещами семейство вереницей проходило через ворота, послышался треск ломающихся стропил и крыш. Поселяне увидели, как на мгновение поднялся блестящий, извивающийся, как змея, черный хобот, который разбрасывал промокшую настилку крыши. Он исчез; пронесся новый грохот; вслед за тем — вопль. Хати срывал крыши с домов, как вы собираете водяные лилии, и отскочившее бревно его ударило. Нужна была только эта боль, чтобы в нем проявилась вся сила: в джунглях нет ни одного такого безумного разрушителя, как взбешенный слон. Задними ногами он ударил в глиняную стену, она рассыпалась и под дождем превратилась в желтую грязь. С визгом повернулся Хати на одном месте, помчался по узким улицам, прислонялся то к одной, то к другой

хижине, справа и слева, потрясая старые двери, обращая в щепки стропила крыш, а позади него три молодые слона свирепствовали, как тогда, при разграблении полей Буртпора.

— Джунгли поглотят остатки, — произнес спокойный голос среди обломков. — Нужно разрушить внешнюю ограду.

И Маугли, весь блестящий от дождя, струившегося по его обнаженным плечам и рукам, отскочил от стены, которая начала оседать на землю, точно утомленный буйвол.

— Все в свое время, — задыхаясь, крикнул Хати. — Ах, в Буртпоре мои бивни покраснели! Ну, на внешнюю стену, дети! Головой! Все сразу! Ну!

Четыре слона, стоя рядом, наклонили головы; внешняя ограда выгнулась, треснула и упала, и люди, онемевшие от ужаса, увидели дикие, забрызганные глиной головы разрушителей, которые выглянули из зияющего пролома. Тогда люди бросились бежать по долине; у них не было ни домов, ни пищи, а их дома, разрушенные, разбросанные, истоптанные, таяли позади них.

Через месяц там, где стояла деревня, возвышался покрытый углублениями холм; мягкая молодая зеленая растительность уже одела его; когда же дожди окончились, ревущие джунгли

завладели огромным пространством земли, на котором менее чем полгода назад расстилались вспаханные поля.

Могильщики

— Уважайте старых! — прозвучал из тины низкий голос, который заставил бы вас вздрогнуть, голос, напоминавший что-то мягкое, распадающееся на части. В нем были дрожь, хрип и визг.

— Почтение к старшим! О речные товарищи, почитайте старших!

На всем широком пространстве реки не виднелось ничего, кроме небольшой флотилии барж, сколоченных деревянными гвоздями, с квадратными парусами и нагруженных строительным камнем. Они только что вышли из-под железнодорожного моста и плыли вниз по течению. Люди подняли неуклюжие деревянные рули, чтобы не засесть на песчаных мелях, образовавшихся около опор моста. Когда флотилия прошла, по три баржи рядом, снова зазвучал страшный голос:

— О речные брамины, уважайте старого и больного!

Один из сидевших на барже обернулся, поднял руку, произнес что-то, только не благословение, и баржи заскрипели дальше, уходя в туманный сумрак. Широкая река, скорее походившая на

цепь небольших озер, нежели на поток, была неподвижна, точно зеркало; в ее главном русле отражалось красное, как песок, небо; близ низких берегов и под ними виднелись желтые и мутно-лиловые пятна. В период дождей небольшие ручьи вливались в эту реку; теперь же их высохшие устья висели выше линии воды. На левом берегу, почти под самым железнодорожным мостом, приютилась деревня, вся состоявшая из глины, кирпичей и плетенок; ее главная улица, по которой домашний скот возвращался теперь в свои хлева, бежала к реке и заканчивалась кирпичной платформой, куда приходили люди, которым надо было стирать и мыться. Селение называлось Меггер Гаут.

Ночь быстро опускалась на поля, засеянные чечевицей, рисом и хлопком, расстилавшиеся в низине, ежегодно заливаемой рекой, на камыши, окаймлявшие окраину излучины, на пастбища, примыкавшие к тихим камышам. Еще недавно попугаи и вороны цокали и кричали, прилетев на вечерний водопой, но в этот час они уже удалились от реки на ночлег и встречали целые батальоны летучих мышей, которые называются летучими лисицами; одна туча за другой водяных птиц со свистом и гоготаньем стремились под

прикрытие бамбуков. Тут были гуси с вытянутыми, как бочонки, головами и черными спинами, чайки; там и сям мелькали фламинго.

Неуклюжий Адъютант (марабу) держался в тылу стаи и летел так лениво, точно каждый взмах его крыльев был последним.

— Уважайте старших! Брамины реки, уважайте старших!

Марабу слегка повернул голову, несколько раз ударил крыльями, пролетел в сторону голоса и тяжело опустился на песчаную мель ниже моста. Глядя на него, можно было понять, что это за мошенник. Со спины он казался неописуемо почтенным существом; он имел почти шесть футов в вышину и походил на приличную лысую особу. Спереди же оказывалось другое. На его голове и шее не сидело ни одного перышка, а ниже клюва висел безобразный мешок из красноватой кожи — хранилище всего, что он мог схватить своим острым клювом. Птица стояла на очень длинных, тонких, морщинистых ногах, но аккуратно переступала ими и с гордостью посматривала на них через плечо, когда чистила свои пепельно-серые хвостовые перья; потом Адъютант замирал, вытягиваясь, как солдат на карауле.

Маленький худой шакал, лаявший от голода,

стоя на пригорке, внезапно навострил уши, поднял хвост и пустился рысью к Адъютанту.

Это был самый ничтожный из шакалов (нельзя сказать, что и лучшие-то его родичи хороши, но этот был особенно ничтожен, так как занимал среднее место между нищим и преступником). Он очищал мусорные кучи; то бывал до отчаяния пуглив, то свирепо отважен; вечно испытывал голод и вечно же хитрил, хотя все его уловки не приносили ему никакой пользы.

— Ух, — уныло отряхиваясь, сказал он. — Пусть красная парша уничтожит всех деревенских собак. Каждая укусила меня три раза, а за что? За то, что я посмотрел — заметьте, посмотрел — на старый башмак в коровьем хлеву. Разве я могу есть грязь? — И он почесал у себя за левым ухом.

— Я слышал, — заметил Адъютант голосом, напоминавшим звук тупой пилы по толстой доске, — я слышал, что в этом самом башмаке лежал новорожденный щенок.

— Одно дело слышать, другое знать, — заметил шакал, отлично знавший пословицы, благодаря вечному подслушиванью разговоров людей.

— Правда. Поэтому я, для верности, позаботился о щенке, пока собаки были заняты в другом месте.

— Да, они были очень заняты, — сказал шакал. — Теперь я некоторое время не буду забегать в деревню за объедками. Значит, в этом башмаке действительно был слепой щенок?

— Он здесь, — ответил Адъютант, косясь через свой клюв на собственный полный зоб. — Это пустяк, но, когда милосердие умерло в мире, такими вещами не следует пренебрегать.

— Ай, ай! Да, в наши дни мир — сущее железо, — провизжал шакал. В ту же минуту его беспокойные глаза уловили крошечную рябь на поверхности воды, и он торопливо продолжал: — Тяжела жизнь для всех нас, и я не сомневаюсь, что даже наш высокий господин, гордость Гаута и зависть реки…

— Лгун, льстец и шакал вывелись из одного яйца, — сказал марабу, не обращаясь ни к кому в особенности; дело в том, что он тоже, в случае нужды, умел отлично солгать.

— Да-да, зависть реки… Даже он, — громче прежнего повторил шакал, — даже он не может не находить, что со времени постройки моста пищи стало меньше. С другой стороны, он одарен такой мудростью и такими добродетелями (которых я, к несчастью, совершенно лишен), что…

— Уж если шакал называет себя серым, он,

должно быть, невыразимо черен, — пробормотал Адъютант. Птица не видала приближавшегося к берегу существа.

— .. что у него, конечно, никогда не бывает недостатка в пище и, следовательно…

Песок слегка скрипнул, точно дно лодки дотронулось до мели. Шакал быстро повернулся и обратился мордой (это всегда благоразумнее) к тому, о ком он только что говорил. Подплыл двадцатичетырехфутовый крокодил. Все его тело одевали как бы пласты котельного чугуна, а на спине стоял гребень; желтоватые кончики его верхних зубов висели над великолепно вытянутой нижней челюстью. Это был тупоносый Меггер из Меггера Гаута; он прожил дольше той деревни, которую назвали по его имени. До постройки железнодорожного моста крокодила считали демоном речного брода; он убивал входивших в воду людей; вместе с тем он же был и фетишем селения. Теперь Меггер лежал неподвижно, опустив подбородок в мелкую воду, и чуть-чуть шевелил хвостом, чтобы удержаться на месте, но шакал отлично помнил, что один удар этого могучего хвоста может перенести чудовище на берег со скоростью парохода.

— Счастливая встреча! Покровитель бедных! —

льстиво приветствовал его шакал, в то же время отступая при каждом слове. — В воздухе звучал восхитительный голос, и мы… мы пришли, надеясь насладиться приятным разговором. Я ждал тебя и осмелился рассуждать о тебе. Надеюсь, ты ничего не слышал?

Между тем шакал, конечно, говорил в надежде, что крокодил услышит его слова; он знал, что лесть — лучшее средство получить от него кусок съестного. В то же время и Меггер понимал, что шакал говорил с известной целью; шакалу же было ясно, что Меггер понимает все и знает, что он, шакал, знает, что Меггер знает; таким образом, оба были довольны друг другом.

Задыхаясь и ворча, чудовище двигалось вдоль берега; оно бормотало:

— Уважайте старых и недужных.

Его маленькие глаза, сидевшие под тяжелыми роговыми веками на верхушке плоской треугольной головы, горели, как угли, пока из воды выходило его бочонкообразное тело, висевшее между искривленными ногами. Наконец крокодил залег близ отмели, и, как ни были знакомы шакалу его обычаи, трусливый зверь невольно вздрогнул, увидев, до чего Меггер сделался похож на прибитое к песку бревно. Крокодил

даже постарался поместиться под тем углом, под которым лежал бы естественно остановившийся обрубок. Понятно, все это было сделано по привычке, потому что Меггер вышел на мель не ради охоты, а для удовольствия; но крокодил никогда не бывает вполне сыт, и, если бы сходство с бревном обмануло шакала, трус не мог бы рассуждать об этом, так как не остался бы в живых.

— Дитя мое, я ничего не слышал, — закрывая один глаз, сказал Меггер. — Вода попала мне в уши; кроме того, я совсем ослабел от голода. Со времени постройки железнодорожного моста народ, населяющий мою деревню, разлюбил меня, и сердце мое разбивается от этого.

— Какой позор, — произнес шакал. — Такое благородное сердце! Но люди все одинаковы.

— Нет, между ними существует различие, — мягко сказал Меггер. — Одни худы и сухи, как барочные шесты. Другие жирны, как молодые шак… собаки. Я никогда не соглашусь беспричинно унижать людей. Они разнообразны, и многолетний опыт доказывает, что все они, мужчины, женщины и дети, достаточно хороши; я не вижу в них ничего дурного. Помни же, дитя, тот, кто осуждает, бывает осужден.

— Конечно, лесть хуже попавшей в желудок

пустой жестянки, но мы сейчас слышали поистине мудрые слова, — заметил Адъютант, опуская свою поджатую ногу.

— Но подумай о людской неблагодарности относительно такого высокого существа! — слащаво начал шакал.

— Нет-нет, это не неблагодарность, — возразил Меггер. — Они просто не думают о других, вот и все. Лежа на моем всегдашнем месте около брода, я раздумывал, как для стариков и для детей неудобны лестницы на новый мост. О стариках, понятно, нечего особенно много думать, но меня поистине печалят толстые, жирные дети. Тем не менее я полагаю, что мост скоро потеряет для них прелесть новизны, что коричневые ноги моего народа станут снова храбро переходить реку вброд, как в былое время, и старый Меггер будет получать свое.

— Но сегодня по реке плыли гирлянды ноготков, — заметил Адъютант.

В Индии гирлянды ноготков — символ почтения.

— Ошибка, большая ошибка. Это жена продавца сладкого мяса… Год от году ее зрение ослабевает, и она не в силах отличить бревна от меня, Меггера Гаута; сделай она еще шаг, я показал бы ей

некоторое различие между мной и чурбаном. Все же у нее были хорошие намерения, а нам следует обращать внимание на духовную сторону приношений.

— Какой толк в гирляндах ноготков для того, кто лежит на куче мусора? — спросил шакал.

Он усердно ловил блох, в то же время поглядывая на своего «покровителя бедных».

— Правда! Но люди еще не начали устраивать мусорной ямы, в которую попаду я. На моих глазах река пять раз отступала от селения, прибавляя земли к концу улицы. Пять раз видел я, как жители возводили новые строения на берегах, и еще пять раз увижу повторение этого. Я — не потерявший веру, охотящийся за рыбами Гавиаль (порода крокодилов); я не бываю то в Кази, то в Прейаге, как говорит поговорка, я верный и постоянный страж этого брода. Недаром, дитя мое, селение носит мое имя. А как говорит пословица: «Тот, кто долго сторожит, наконец получает награду».

— Я ждал долго, очень долго, чуть не всю жизнь, а в награду меня только кусали или били, — заметил шакал.

— Ха-ха-ха! — захохотал Адъютант и затем пропел: — В августе был рожден шакал, дожди

выпали в сентябре. «Никогда еще не видывал я подобных ливней», — сказал этот шакал.

У Адъютанта есть одна очень неприятная особенность. Через неопределенные промежутки времени у него начинаются острые припадки судорог, и, хотя с виду Адъютант гораздо добродетельнее остальных своих родичей, которые все необыкновенно почтенны, во время приступов этого недуга он принимается дико выплясывать какой-то странный военный танец и, слегка распуская крылья, то поднимает, то наклоняет свою лысую голову; по причинам, хорошо известным ему самому, самые худшие припадки странной болезни всегда совпадают с его злыми замечаниями. При последнем слове пропетой песенки он снова замер, как бы вытянувшись на часах, и сделался в десять раз более похож на адъютанта, нежели прежде.

Шакал не прореагировал; ему уже минуло три года, но нельзя же сердиться на оскорбление, нанесенное особой с клювом в ярд длины и сильным, как дротик. Адъютант славился своей трусостью; шакал же был еще трусливее.

— Нужно прожить долго, чтобы получить запас знаний, — заметил Меггер. — И следует заметить: маленькие шакалы — явление обычное, дитя

мое, но такой Меггер, как я, встречается нечасто. При всем том я не возгордился, потому что гордец скоро погибает; однако заметь: все дело в судьбе, и свою судьбу не может изменить никто, плавающий ли, ходящий ли, бегающий ли на четырех ногах. Я лично доволен своей судьбой. При удаче, обладая острым зрением и привычкой замечать, есть ли выход из ручья или заводи, можно сделать многое.

— А мне рассказывали, что даже «покровитель бедных» однажды поступил неосмотрительно, — язвительно заметил шакал.

— Правда; но в этом случае мне помогла судьба. Происшествие, о котором ты говоришь, случилось, когда я еще не достиг полного роста. Клянусь правым и левым берегом Ганга, чем-чем только не кишели потоки в те времена!.. Да, я был молод и неосмотрителен. Вот началось наводнение, кто же радовался тогда больше меня? В дни молодости всякий пустяк веселил мое сердце.

Наводнение залило деревню. Я проплыл далеко, до самых рисовых полей; их покрывал густой слой ила. Помню я также пару браслетов (их украшало стекло, и они сильно смутили меня), которые я нашел в этот вечер. Да, браслеты, и, если память мне не изменяет, там также был

башмак. Мне следовало снять оба башмака, но я был голоден. Позже я научился поступать иначе. Да. Итак, я после прилег отдохнуть; когда же собрался снова вернуться в реку, вода сошла, и я двинулся по илу главной улицы. Кто решился бы на это, кроме меня? Из домов высыпал весь мой народ: жрецы, женщины, дети, и я милостиво посматривал на них. В иле биться неудобно. Вот один лодочник закричал:

«Несите топоры, убьем его; ведь это Меггер брода!» — «Нет, — ответил брамин. — Смотрите, он гонит перед собой воду. Он божество нашего селения».

Тогда мой народ засыпал меня цветами, и у кого-то из них явилась счастливая мысль положить на дорогу козу.

— Как вкусна, как вкусна коза! — сказал шакал.

— На ней шерсть, слишком много шерсти; когда же ее найдешь в воде, в ней почти наверняка скрывается крестообразный крюк. Но ту козу я принял и с почестью вернулся в реку. Позже судьба послала мне лодочника, желавшего разрубить топором мой хвост. Его лодка села на старинную мель, которой вы, конечно, не помните.

— Не все мы здесь шакалы, — заметил Адъ-

ютант. — Не говоришь ли ты о той мели, которая образовалась, когда в реке потонули барки с каменьями в год великой засухи? Про ту продолговатую мель, которая уцелела в течение трех разливов?

— Их было две, — ответил Меггер, — верхняя и нижняя.

— Да, я забыл. Мели разделял проток; позже он высох, — сказал Адъютант, гордившийся своей хорошей памятью.

— Вот на нижней-то и засела лодка моего доброжелателя. Он спал, в полусне перескочил через борт и вошел в воду по пояс, — нет, только по колено, — чтобы столкнуть ее с мели. Пустая лодка двинулась, но снова села на следующий перекат. Я крался за человеком, зная, что скоро придут другие люди, чтобы вытащить лодку на берег.

— И они действительно пришли? — с оттенком страха спросил шакал. Такая охота внушала ему уважение.

— Пришли и в это место и ниже по течению. Я получил троих в один день, всех хорошо откормленных менджисов (лодочников), и ни один из них не закричал, кроме последнего. (В этом случае я действовал небрежно!)

— Ах, что за благородная охота! Но какой ловко-

сти, какого ума требует она! — произнес шакал.

— Требуется не ум, дитя, а только умение мыслить. Обдуманность в жизни то же, что соль, положенная в рис, как говорят лодочники, а я всегда много думал. Мой родственник, Гавиаль, поедатель рыбы, рассказывал мне, до чего ему трудно охотиться; как сильно один род его добычи отличается от другого; вследствие этого он должен узнавать обычаи каждой рыбы. Вот это мудрость. С другой стороны, Гавиаль живет среди своей дичи. Моя добыча не плавает стаями, выставляя пасти из воды, как делает его рева, не всплывает на поверхность воды и не поворачивается боком, как моху или маленькая чапта, не толпится подле мелей, как батчуа или чильва.

— Все эти рыбы очень хороши на вкус, — заметил Адъютант, шелкая клювом.

— То же говорит и мой двоюродный брат, Гавиаль; он постоянно охотится за ними; но ему хорошо: они не выходят на берег, чтобы спастись от его острого носа. Моя дичь совсем другое дело. Люди живут на земле, в домах, среди скота. Мне всегда нужно узнавать, что они делают, что собираются сделать, и, как говорится, «прибавляя хвост к хоботу, я составляю целого слона». Я все наблюдаю, все примечаю. Если над дверью пове-

сили зеленую ветвь и железное кольцо, старый Меггер понимает, что в этом доме родился мальчик и что, со временем, он прибежит играть на помост. Выходит замуж девушка, старый Меггер узнает и это, видя, как мужчины расхаживают по деревне с подарками в руках. Перед свадьбой невеста приходит купаться, и старый Меггер тут как тут. Изменила ли река свое русло, обнажив землю там, где раньше была только вода, Меггеру это тоже известно.

— Но к чему ведут такие знания? — спросил шакал. — Даже в течение моей короткой жизни река уже несколько раз изменяла русло. Реки Индии почти постоянно передвигаются в своих ложах, иногда в течение четверти года они отходят от прежнего русла на две или три мили, заливая поля на одном берегу, на другом же открывая большое пространство суши!

— Это самые полезные знания, — возразил Меггер шакалу, — появление новой земли ведет за собой ссоры. Это Меггер знает; ого, хорошо знает! Едва вода сойдет, он крадется вдоль одного из маленьких ручьев, в которых, по мнению людей, не могла бы скрыться и собака, и ждет там. Вот приходит фермер и говорит, что в этом месте он посадит огурцы, а в том — дыни, и всё — на

участке земли, только что подаренном ему рекой. Пальцами своих обнаженных ног он пробует ил. Приходит другой земледелец и объявляет, что посадит лук, морковь и сахарный тростник в этом месте. Они встречаются, как лодки, которые несет течение, и оба принимаются вращать глазами, сверкающими из-под их больших синих тюрбанов. А старый Меггер смотрит и слушает. Люди говорят друг другу «брат мой» и начинают делить новую землю. Меггер передвигается вместе с ними с места на место и крадется, совсем прижимаясь к илу и тине. Разгорается ссора. Слышатся запальчивые слова. Они сбрасывают со своих голов тюрбаны, поднимают лати (палки), наконец один падает в ил, другой убегает. Когда он возвращается, дело сделано, ему об этом говорит окованный железом ствол бамбука. Все устроил Меггер, но никто ему не благодарен. Нет, люди кричат: «Убийца Меггер». Потом семьи двоих крестьян принимаются драться между собой; двадцать человек с одной стороны, двадцать с другой. Мой народ, живущий на взгорьях, народ хороший. Они дерутся не для забавы, а старый Меггер ждет ниже по течению реки, там, где его не могут видеть за кустами кикара. Загорается заря; мои широкоплечие джетсы (всего человек

восемь — десять) на носилках несут мертвого; звезды светят. Идут все старики, с длинными бородами, и кричат не хуже меня. Люди разводят небольшой костер (ах, как хорошо я знаю этот костер), курят табак, покачивают головами или указывают макушками в сторону мертвого, который лежит на берегу. Они говорят, что из-за этого к ним явится английский суд и что семья такого-то человека будет опозорена, потому что его повесят на большой тюремной площади. Друзья убитого замечают: «Пусть его повесят!» Разговор начинается сызнова. Это повторяется дважды, трижды, двадцать раз в течение долгой ночи. Наконец кто-нибудь произносит: «Этот бой был бой честный. Возьмем плату за кровь, немного больше, чем предлагает убивший, и перестанем толковать». Начинается спор из-за цены крови, потому что убитый был сильный человек и оставил после себя много сыновей. А все-таки еще до амратвелы (восхода солнца) они слегка обжигают мертвого, как того требует обычай, и он поступает в мое распоряжение. Он молчит… Ага, дети, Меггер знает! Меггер все хорошо знает, и мои джетсы — славный народ.

— Они слишком жадны, слишком скупы, — произнес Адъютант. — Они не бросают даже

верхние пленки с коровьего рога, как говорится; кто же может что-нибудь подобрать после этого племени?

— О, я подбираю… их самих, — заметил Меггер.

— Вот в старые времена на юге, в Калькутте, — продолжал Адъютант, — все выбрасывалось на улицу; мы выбирали, что подобрать. Славные были дни! Теперь же их улицы чисты, как внешняя сторона яичной скорлупы, и мои родичи улетают. Быть опрятным — одно; но вытирать пыль, мести, чистить по семи раз в день утомительно; это надоело бы самим богам.

— Один шакал с низин слышал от своего брата и сказал мне, что на юге, в Калькутте, шакалы так же толсты, как выдры во время дождей, — заметил шакал, у которого потекли слюнки при одной мысли об этом.

— Да, но там живут белолицые англичане, они приводят с собою собак, больших, толстых собак, чтобы эти самые шакалы не толстели, — возразил Адъютант.

— Значит, они такие же жестокие люди, как здешние жители? Так и следовало думать. Ни земля, ни небо, ни вода не оказывают милости шакалу. После дождей я видел палатки белолицых, утащил из них новую желтую узду и съел ее.

Белолицые плохо выделывают кожу: я заболел.

— То ли еще было со мной! — заметил Адъютант. — Когда мне шел третий год, я, в те времена молодая и отважная птица, отправился вниз по реке, в то место, куда приходят большие лодки. Лодки англичан втрое больше селения Меггер Гаут.

— Он уверяет, будто был в Дели и будто там все ходят на головах, — пробормотал шакал.

Меггер открыл левый глаз и пристально взглянул на Адъютанта.

— Это правда, — убедительно произнесла большая птица. — Лгун лжет только в надежде, что ему поверят. Не видавший этих лодок не в силах поверить мне.

— Вот это вероятнее, — заметил Меггер. — Ну, а дальше?

— Из этих лодок они вынимали какие-то большие белые куски, которые скоро превращались в воду. Некоторые раскололись и упали на берег; всё остальное люди спрятали в дом с очень толстыми стенами. Один лодочник засмеялся, взял белый кусок величиной с небольшую собаку и бросил его в меня. Я… все мое племя — глотаем без размышлений; по нашему обыкновению, я проглотил этот кусок и ощутил страшный холод.

Он начался с желудка, проник во все мое тело до кончиков пальцев, и я даже потерял голос; а лодочники хохотали надо мной. Никогда в жизни не испытывал я такого холода и от изумления и печали заметался и запрыгал. Наконец мне стало легче; я перевел дух, заплясал снова, жалуясь на коварство мира; лодочники же так хохотали, что попадали на землю. Не говоря уже об этом странном холоде, удивительней всего было то, что, когда я успокоился, мой желудок оказался совершенно пуст.

Адъютант постарался как можно лучше описать, что он испытал, проглотив семифунтовый кусок льда из Венгемского озера, с американского корабля; это было в те дни, когда Калькутта еще не изготовляла лед искусственным образом, но марабу не знал, что такое лед, Меггер и шакал знали и того меньше, а потому его рассказ произвел мало впечатления.

— Все возможно, — заметил Меггер, снова прищурив левый глаз. — Все возможно, когда приходит лодка, которая втрое больше моего селения! Ведь Меггер Гаут — деревня не маленькая.

Послышался свист; по мосту пронесся почтовый поезд в Дели; его вагоны ярко светились; их

тени бежали по реке. Поезд со звоном исчез в темноте. Меггер и шакал так привыкли к железной дороге, что даже не повернули голов.

— А разве это не так же удивительно, как лодка, которая втрое больше деревни Меггер Гаут? — спросил марабу, глядя вверх.

— Дитя мое, я видел, как строили мост. Я видел, как камень ложился на камень и как мало-помалу воздвигались опоры. Иногда в воду падали люди (они необыкновенно твердо стояли на ногах, но все-таки падали); и я всегда был тут как тут. Пока строили первую опору, рабочим не приходилось смотреть вниз по течению, отыскивая для сожжения тело упавшего. Опять-таки я избавлял их от лишних хлопот. Уверяю тебя, в постройке моста не было ничего странного, — заметил Меггер.

— Но то, что бежит по этому мосту и везет за собой телеги с крышами, — странно, — повторил Адъютант.

— Без всякого сомнения, телеги возят быки новой породы. Когда-нибудь бык не удержится там, наверху и упадет, как, бывало, падали люди. И старый Меггер опять будет тут как тут.

Шакал посмотрел на Адъютанта, Адъютант посмотрел на шакала. Эти двое были вполне уверены, что паровоз мог быть чем угодно, только

не быком. Из-за рядов алоэ, окаймлявших железнодорожную линию, шакал часто наблюдал за проходящими поездами. Адъютант же познакомился с машинами, когда по Индии побежал первый паровоз. Но Меггер смотрел на поезда только снизу, и ему казалось, что медный купол на машине похож на горб быка (зебу).

— Н-да, это бык новой породы, — громко повторил Меггер, желая убедить самого себя, что он не ошибается.

— Конечно, — заметил шакал.

— С другой стороны, может быть… — раздражительно начал крокодил.

— Конечно, конечно, — забормотал шакал, не дожидаясь окончания фразы.

— Что? — сердито спросил Меггер, чувствуя, что его собеседники знают что-то, не известное ему. — Чем же это может быть? Ведь я же не договорил. Ты сказал, что это бык…

— Это существо окажется тем, чем пожелает «покровитель бедных». Я его раб… Пойми, не раб той вещи, которая перебегает по мосту через реку, а твой…

— Что бы это ни было, «оно» — дело рук белолицых, — заметил Адъютант. — И что касается меня, я не стал бы проводить все свое время на

близкой к мосту мели.

— Вы не так хорошо знаете англичан, как я, — заметил Меггер. — Когда мост строили, здесь был белолицый; по вечерам он брал лодку, шаркал ногами по ее дну и шептал: «Здесь он? Здесь он? Дайте мне мое ружье». Я услышал голос англичанина раньше, чем увидел его. До меня доносились все звуки; скрипело ружье; он его продувал и стучал им, двигаясь вверх и вниз по реке. Я подхватил одного из его рабочих и, таким образом, избавил людей от покупки дров для сожжения тела; а он прибежал на помост и громко закричал, что отыщет меня и освободит от меня реку. Это от меня-то, Меггера — Меггера Гаута! От меня! Дети, я час за часом, бывало, плыл под его лодкой, слышал, как он стреляет в бревна; раз, узнав, что он утомился, я поднялся рядом с ним и лязгнул челюстями ему в лицо. Мост построили, он уехал. Поверьте — все англичане охотятся таким образом, за исключением тех раз, когда они сами превращаются в дичь.

— Кто же охотится на белолицых? — с волнением провизжал шакал.

— Теперь никто, но в свое время я поохотился за ними.

— Я смутно помню об этой охоте; но в те време-

на я был еще молод, — многозначительно стуча клювом, заметил Адъютант.

— Я отлично устроился здесь. В то время мою деревню только что отстроили в третий раз. Вдруг является мой двоюродный брат, Гавиаль, и начинает рассказывать о богатых водах выше Бенареса. Сначала я не хотел двигаться с места, так как мой двоюродный брат питается рыбой и не всегда может правильно сказать, что хорошо, что дурно; однако я также услышал, как мои поселяне разговаривали между собой, и их толки заставили меня решиться.

— А что они говорили? — спросил шакал.

— Их толки заставили меня, Меггера из Меггера Гаута, выйти из воды и пустить в дело свои ноги. Я двигался по ночам и пользовался маленькими ручьями, которые могли служить мне; однако начиналось жаркое время года, и потоки обмелели. Я пересекал пыльные дороги; я полз среди высокой травы; при лунном свете я поднимался на горы. Заметьте, дети, я взбирался даже на скалы! Я перешел через окраину безводного Сиргинда раньше, чем мне удалось натолкнуться на сеть речек, которые текут по направлению к Гангу. В то время я отошел на месяц пути от моих поселян и от хорошо знакомой мне реки. Это было

удивительно!

— А чем же ты питался? — спросил шакал, который думал только о желудке, не интересуясь рассказом Меггера о его сухопутных странствиях.

— Всем, что находил на пути, кузен, — медленно растягивая слова, выговорил Меггер.

В Индии вы не можете никого назвать своим двоюродным братом, если не умеете ясно доказать вашего кровного родства с ним, а так как только в старинных сказках крокодилы женятся на шакалах, наш шакал понял, почему Меггер включил его в круг своих родственников. Будь они вдвоем, это не смутило бы его, но Адъютант услышал жестокую шутку, и в глазах хитрой птицы замерцал насмешливый огонек.

— Конечно, отец мой, я должен был сам понять это, — заметил шакал.

Крупный крокодил не любит, чтобы его называли отцом шакалов, и Меггер из Меггера Гаута высказал свое недовольство, прибавив кое-что, чего не стоит повторять.

— «Покровитель бедных» первый упомянул о своем родстве со мной. Мог ли я помнить точную степень этого родства? Кроме того, мы питаемся одинаковой пищей. Он сам сказал это, — послы-

шался ответ шакала.

Его замечание еще ухудшило положение вещей; ведь шакал намекнул, что во время сухопутных странствий Меггеру приходилось ежедневно есть свежую, совершенно свежую пищу, вместо того чтобы держать ее несколько времени, пока она не станет годной для еды, как это делает каждый уважающий себя крокодил и большинство диких зверей. Сказав кому-нибудь из обитателей реки: «Ты ешь свежее мясо», вы нанесете ему оскорбление. Это почти все равно, что назвать человека людоедом.

— Пища, о которой идет речь, была съедена тридцать лет тому назад, — спокойно заметил Адъютант, — и если мы будем говорить о ней еще тридцать лет, она все-таки не вернется. Расскажи же, Меггер, что случилось, когда после твоего изумительного сухопутного путешествия ты достиг хороших вод. Если мы будем слушать вой всякого шакала, то все дела в городе остановятся, как говорят люди.

Вероятно, это замечание понравилось Меггеру: он поспешно продолжал:

— Клянусь правым и левым берегом Ганга, когда я дошел до места, передо мной открылись такие воды, каких я никогда не видывал.

— Неужели они были лучше большого наводнения в прошлом году? — спросил шакал.

— Лучше? Такие наводнения, какое случилось в прошлом году, повторяются через каждые пять лет: несколько утонувших чужестранцев, несколько цыплят да мертвый вол, принесенный водой! Но в том году, о котором я говорю, вода стояла в реке низко; она была вся гладкая, ровная, и, как рассказывал мне Гавиаль, по течению плыло столько мертвых англичан, что они касались друг друга. От Агры до Этаваха и до широких вод близ Аллахабада…

— О, я знаю водоворот под стенами этой крепости! — произнес Адъютант.

— Они неслись туда, как утки к тростникам, и кружились и вертелись вот так.

И он снова пустился в свою ужасную пляску, а шакал с завистью смотрел на него. Понятно, трусливый зверь не помнил года восстания, о котором шла речь. Меггер же продолжал:

— Да, близ Аллахабада приходилось лежать в воде тихо; и я, бывало, пропускал двадцать трупов раньше, чем выбирал то, что было по моему вкусу; главное, мне нравилось, что на англичанах не было напутано драгоценностей, браслетов на руках и щиколотках и колец, как у женщин, живущих в моем селении. Тот, кто любит драгоценности, нередко в конце концов получает вместо ожерелья веревку. В то время все крокодилы окрестных рек растолстели, но судьба пожелала, чтобы я разжирел сильнее всех остальных. До нас дошли слухи, что англичан загнали в реки, и, клянусь правым и левым берегом Ганга, мы поверили этому. Я шел на юг и думал, что это правдивые вести. Двигался я вниз по течению через Монгир, где над рекой стоят гробницы…

— Знаю, — сказал Адъютант. — Только теперь Монгир — брошенный город. В нем мало жителей…

— Позже я двинулся вверх по течению, медленно, лениво, и немного выше Монгира натолкнулся на лодку, полную белолицыми… живыми. Это были женщины, они лежали под натянутой на четырех шестах тканью и вдруг громко закричали. В те дни никто не стрелял в нас, стражей бродов. Все ружья были заняты в другом месте.

День и ночь издали доносился их грохот; он то утихал, то усиливался вместе с порывами ветра. Я высоко высунулся из воды, так как раньше никогда не видывал живых белолицых, хотя отлично знал их в другом виде. Обнаженный белый ребенок стоял на коленях на краю лодки; наклоняясь, он проводил ручками по воде и смотрел на появлявшиеся струйки; прелестно видеть, как ребенок любуется бегущей водой. В этот день я уже хорошо поел, а все-таки в моем желудке оставалась небольшая пустота. И я кинулся на эти детские руки, скорее ради забавы, чем из-за голода. Они были так близко, что я даже не взглянул, хватая их. Челюсти мои закрылись над ними; я вполне уверен в этом; ребенок же быстро, без вреда для себя, вытащил их из моей пасти. Они, эти белые ручки, вероятно, проскользнули между зубами Меггера… Мне следовало схватить его за плечо, вкось, однако, повторяю, я только из удовольствия и любопытства вынырнул из воды. Женщины закричали; я снова поднялся, чтобы наблюдать за ними. Тяжелая лодка не могла идти быстро. В ней были только женщины, но доверять женщине — все равно что ступать на водоросли, закрывающие поверхность пруда, как говорит пословица, и, клянусь правым и левым

берегом Ганга, эта поговорка справедлива!

— Раз одна женщина дала мне сухую рыбью чешую, — вставил шакал. — Я надеялся украсть ее грудного малютку, но, как говорится: лошадиный корм лучше удара ноги лошади. А что сделала «твоя» женщина?

— Она выстрелила в меня из короткого оружия, какого я никогда не видал ни раньше, ни позже. Сделала пять выстрелов, один за другим. — Вероятно, Меггер говорил о револьвере старого образца. — Я остался с открытым ртом, а мою голову окружал дым. Никогда не видывал я ничего подобного! Пять выстрелов и так быстро, один за другим, как я махаю хвостом, вот так.

Шакал, который все больше и больше увлекался рассказом крокодила, едва успел отскочить, когда огромный хвост чудовища, точно исполинский серп, пролетел мимо него.

— До пятого выстрела, — продолжал Меггер, точно он и не помышлял оглушить одного из своих слушателей, — до пятого выстрела я не погружался в воду, когда же поднялся снова, то услышал, как один из лодочников говорил белым женщинам, что я убит. Одна пуля попала под роговую пластинку на моей шее. Сидит ли она еще там, я не знаю, так как не могу повернуть головы.

Подойди сюда, дитя, и взгляни. Это докажет тебе, что я говорил правду.

— Докажет мне? — произнес шакал. — Что ты говоришь! Разве бедное существо, которое поедает старую обувь да сухие кости, смеет усомниться в словах «зависти реки»? Пусть слепые щенки обкусают мой хвост, если тень такой мысли мелькнула в моем почтительном уме! «Покровитель бедных» снизошел до того, что сообщил мне, своему рабу, что раз в жизни женщина ранила его! Этого достаточно; я расскажу о случившемся всем моим детям, не требуя ни малейших доказательств.

— Чрезмерная любезность порой не лучше грубости, потому что, как говорится, гостя можно задушить угощением. Я совсем не желаю, чтобы кто-либо из твоих детей знал, как единственная рана Меггера была нанесена ему женщиной. Твоим детенышам и без того будет о чем подумать, если и им придется добывать себе пропитание таким же жутким способом, как это теперь делает их отец.

— Все давно забыто! Ничего не было сказано, не было белой женщины! Не было лодки! Ничего никогда не случалось.

Шакал махнул своим пушистым хвостом, по-

казывая этим, до чего слова Меггера всецело исчезли из его памяти, потом сел с гордым видом.

— Напротив, случилось многое, — ответил Меггер, снова побежденный при второй попытке победить своего друга. (Тем не менее ни в одном из них не осталось злопамятства. Есть и служить пищей — речной закон, и, когда Меггер заканчивал обед, шакал являлся, чтобы подобрать остатки его еды.) — Я бросил лодку и двинулся вверх по течению; подле Арраха и выше этого места я уже не находил мертвых англичан. В реке не было ничего. Потом появилось двое-трое мертвых в красных куртках, но это были не англичане, а индусы; скоро они поплыли по пяти и шести рядом; от Арраха же и Агры, казалось, в реке собрались целые селения. Мертвые выплывали из маленьких ручьев, как чурбаны во время дождей. Когда вода в реке начала подниматься, груды молчаливых тел сдвигались с мелей, на которых они лежали. Наводнение уносило их с собой через поля и через джунгли, вода тащила их за длинные волосы. Двигаясь к северу, я ночью слышал выстрелы, днем — стук обутых ног, переходивших реку вброд, а также шум, который производят колеса нагруженных телег по песку под водой. И

каждая струя приносила новых мертвых. Наконец мне самому стало страшно. Я сказал: «Если это происходит с людьми, как спасется Меггер из Меггера Гаута?» За мной шли лодки без парусов; они постоянно горели, как иногда горят лодки с хлопчатником, но не тонули.

— А, — сказал Адъютант, — такие лодки приходят в Калькутту; большие, черные, позади них бежит вода, и они…

— Втрое больше моего селения? Нет, мои лодки были больше, чем лодки, о которых рассказывает «правдивый». Я их боялся, я вышел из воды и направился обратно к моей реке; днем прятался, по ночам шел по земле, если не находил маленьких ручьев, по которым мог плыть. Я вернулся к моему селению, не питая надежды увидать мой народ. Между тем крестьяне по-прежнему пахали землю, сеяли, жали, расхаживали по своим полям так же спокойно, как пасется их скот.

— А в реке была в это время хорошая еда? — спросил шакал.

— Больше пищи, чем я мог желать. Даже я, а ведь я не ем грязи, даже я утомился и, помнится, пугался при виде постоянного появления «молчаливых». Я слышал, как мой народ говорил, что все англичане умерли; тем не менее по течению

плыли не англичане, и мой народ это видел. Тогда жители решили, что лучше ничего не говорить, а платить подати и обрабатывать землю. Вскоре река очистилась; мертвые исчезли. Стало не так легко получать еду, но я искренне радовался. Маленькое убийство там и сям — невредная штука, но иногда даже Меггер чувствует пресыщение.

— Изумительно! Поистине изумительно! — заметил шакал. — Я уже потолстел, только слыша о такой прекрасной еде. А можно ли спросить, что делал после этого «покровитель бедных»?

— Я сказал себе и, клянусь правым и левым берегом Ганга, крепко сомкнул челюсти при этом обете, я сказал себе, что никогда больше не отправлюсь странствовать. С тех пор я зажил близ моего народа и год от года наблюдал за ним. Крестьяне так сильно любили меня, что, едва я поднимал из воды голову, бросали мне венки ноготков. Да, судьба была ко мне милостива, река тоже добра и с уважением относится к моей бедности и слабости, только…

— В мире нет ни одного существа, счастливого от кончика своего клюва до конца хвостового пера, — сочувственно произнес Адъютант. — Но чего не достает Меггеру из Меггера Гаута?

— Маленького белого ребеночка, который от

меня ускользнул, — с глубоким вздохом сказал крокодил. — Он был мал, но я не забыл его. Старость пришла ко мне, а все же перед смертью я желаю попробовать новой пищи. Правда, они народ с тяжелыми ногами; люди шумные, глупые, и это была бы невеселая охота; тем не менее я помню случай выше Бенареса, и, если ребенок жив, он тоже помнит все. Может быть, он разгуливает по берегу неизвестной мне реки и рассказывает, как однажды его руки проскользнули между зубами Меггера из Меггера Гаута. Судьба была всегда милостива ко мне, но во сне меня иногда мучат воспоминания о белом ребенке в лодке. — Крокодил зевнул и сомкнул челюсти. — Теперь я немного отдохну и подумаю. Тише, дети. Уважайте старших.

Он тяжело повернулся и потащился на середину песчаной мели, а шакал и Адъютант отошли под дерево, которое росло подле железнодорожного моста.

— Он прожил приятную и поучительную жизнь, — сказал шакал, оскалил зубы и вопросительно посмотрел на птицу, возвышавшуюся над ним. — И заметь: Меггер даже не подумал сказать мне, в каком месте на берегу он бросил кусок съестного. Между тем я раз сто указывал

ему на вкусную дичь, которая купалась в реке. Правду говорят: «Весь мир забывает о шакале и цирюльнике, как только узнает от них все вести». А теперь он заснет. Аррх!

— Как шакал может охотиться с крокодилом? — спокойно спросил Адъютант. — Когда вместе идут вор крупный и вор мелкий, легко предсказать, кому достанется вся добыча.

С нетерпеливым повизгиванием шакал повертелся на одном месте, собираясь свернуться под деревом, как вдруг присел на задние лапы и через низкие ветви посмотрел на мост, бывший почти над его головой.

— Что там еще? — спросил Адъютант и тревожно распустил крылья.

— Погоди, посмотрим. Ветер дует с нашей стороны к ним, но они ищут не нас… Я говорю вон о тех двоих людях.

— Ах, это люди? Меня охраняет моя должность. Вся Индия знает, что я святой. Адъютант первостатейный мусорщик, и птицам его породы позволяется расхаживать где им угодно.

Итак, наш Адъютант даже не вздрогнул.

— Яне стою удара; меня бьют только старыми башмаками, — сказал шакал и снова прислушался. — Слышишь шаги? — продолжал он, — дви-

гаются ноги, не босые ноги, это тяжелые шаги белолицых. Слушай еще. Железо! Ружье! Слушай, это тяжелоногие глупые англичане идут, чтобы побеседовать с Меггером.

— Так предупреди же его. Совсем недавно кто-то, вроде умирающего от голода шакала, называл его «покровителем бедных».

— Пусть мой двоюродный брат сам покровительствует своей коже. Он постоянно твердит мне, что белолицых нечего бояться. А это, конечно, белолицые. Ни один житель из Меггера Гаута не осмелился бы охотиться на него. Смотри, я говорил, что это ружье! Теперь, при удаче, мы с тобой скоро попируем. Вне воды он слышит плохо, и на этот раз выстрелит не женщина.

Ружейное дуло блеснуло в лунном свете. Меггер лежал спокойно, точно своя собственная тень; его передние лапы были расставлены, голова лежала между ними, и он храпел… как храпят крокодилы его породы.

Голос на мосту прошептал:

— Странный выстрел, почти по прямой линии вниз. Но выстрел верный. Лучше всего целиться пониже шеи. Боже, что за чудовище, а между тем, если мы его застрелим, крестьяне будут вне себя. Он божок здешних мест.

— Ничего, — ответил другой голос, — когда строился мост, он унес человек пятнадцать моих лучших рабочих, и пора положить этому конец. Я несколько недель ездил в лодке, чтобы убить его. Приготовьте «мартини» (ружье системы «мартини») и, как только я выпущу в него два выстрела из обоих стволов, стреляйте.

— Так будьте же осторожнее. Два выстрела — не шутка.

— Будь что будет! Стреляю.

Послышался звук, походивший на грохот маленькой пушки.

Крупный тип слоновых ружей мало отличается от некоторых артиллерийских орудий: вырвались две полосы пламени; вслед за тем прозвучал резкий треск «мартини», для длинной пули которого броня крокодила непроницаема. Разрывные же пули сделали свое дело. Одна из них ударила Меггера как раз ниже шеи, влево от хребта, — другая разорвалась подле основания его хвоста. В девяносто девяти случаях из ста смертельно раненный крокодил все же уходит в глубину воды, но Меггер был буквально разбит на три части. Он едва двинул головой, как жизнь уже оставила его. Он замер, как и лежащий на песке шакал.

— Гром и молния! Молния и гром! — сказал

жалкий маленький зверь. — Не упала ли наконец та вещь, которая тянет за собой закрытые телеги?

— Это только ружье, — ответил Адъютант, хотя даже его хвостовые перья дрожали. — Это только ружье! Он, конечно, умер. Вот идут бледнолицые.

Англичане быстро сбежали с моста и, подойдя к крокодилу, остановились, разглядывая его. Скоро подошел и туземец, топором отрубил громадную голову Меггера, и четверо индусов потащили его по отмели.

— Однажды моя рука была в пасти вот такого крокодила, — заметил один из англичан, тот самый, который строил мост, — тогда я, еще ребенок лет пяти, плыл в лодке к Монгиру. Я был, что называется, «ребенок возмущения»... В лодке сидела и моя бедная матушка; позже она часто рассказывала мне, как выстрелила из старого пистолета моего отца в голову чудовища.

— Ну, теперь вы отомстили главе клана, даже в том случае, если от толчка ружейного приклада у вас из носу пошла кровь. Эй вы, лодочники! Вытащите голову на берег, мы сварим ее, чтобы получить хороший череп. Кожу не стоит сохранять, она слишком испорчена. Теперь пойдемте

спать. Не правда ли, ради этого стоило сторожить всю ночь?

Странная вещь: спустя три минуты после ухода людей шакал и Адъютант повторили это замечание.

Королевский анкас

Большой скалистый питон Каа переменил свою кожу в двухсотый раз, и Маугли, не забывавший, что он был обязан ему жизнью во время ночного дела там, в Холодных Логовищах (как вы, может быть, помните), пришел его поздравить. После перемены кожи змея всегда бывает не в духе и чувствует уныние, пока ее новая одежда не станет блестящей и такой же красивой, как старая. Каа уже больше не смеялся над Маугли; он, как и все остальное население лесов, считал его господином джунглей и сообщал ему все известия. А понятно, питон такой величины слышал многое; Каа не знал только происходящего в Средних Джунглях, как выражаются звери, то есть жизни близ земли или под землей, жизни среди булыжников, в норках и в стволах деревьев — но это были такие незначительные события, что письменный рассказ о них уместился бы на самой крошечной из его чешуек.

В этот день Маугли сидел, окруженный огромными кольцами питона, и перебирал пальцами его пятнистую и прорванную старую кожу, ко-

торая лежала между камнями, образуя петли и извиваясь, словом, в таком виде, в котором питон сбросил ее. Каа очень любезно поддерживал широкие обнаженные плечи Маугли, и таким образом юноша отдыхал в удобном живом кресле.

— Она совершенна, вполне совершенна; совершенны даже чешуйки, покрывающие глаза, — тихо произнес Маугли, играя старой кожей змеи. — Как странно, думается мне, видеть у своих ног покров со своей головы.

— Да, но у меня нет ног, — заметил Каа. — И так как сбрасывание кожи в обычаях всего моего племени, я не нахожу это странным. А разве твоя кожа никогда не делается старой и жесткой?

— В таких случаях я иду и купаюсь, Плоскоголовый; впрочем, в сильную жару я несколько раз желал без боли содрать с себя кожу и бегать по лесу без нее.

— Я и купаюсь и снимаю кожу. Ну, какой вид у моей новой одежды?

Маугли провел рукой по коричневым ромбам на спине огромной змеи.

— У черепахи спина тверже, но не такая яркая, — произнес он тоном судьи. — Лягушка, моя тезка, ярче, но не такая твердая. Твоя кожа прекрасна на взгляд; пятна на ней напоминают

пятнышки на лепестках лилии.

— Ей нужна вода. Новая кожа принимает настоящие оттенки только после первого купания. Выкупаемся!

— Я отнесу тебя, — сказал Маугли, со смехом наклонился, чтобы поднять среднюю часть огромного тела Каа, и обнял питона в том месте, где он был особенно толст. С таким же успехом человек мог стараться поднять двухфутовую водопроводную магистраль. Каа лежал неподвижно, спокойно отдуваясь и забавляясь при виде усилий Маугли. И началась их обычная вечерняя игра: юноша в полном расцвете молодости, питон в своем богатом новом наряде стали друг против друга для борьбы, для испытания верности глаза и силы. Понятно, если бы Каа не сдерживался, он мог бы раздавить дюжину Маугли, но он играл осторожно, не затрачивая и десятой доли своей мощи. С тех пор как Маугли достаточно окреп, чтобы выносить неосторожное обращение, Каа научил его этой игре, которая придавала телу юноши больше гибкости, чем что-либо другое. Иногда кольца Каа обвивали Маугли почти до самой шеи, и юноша силился высвободить одну свою руку, чтобы схватить огромную змею за горло; когда Каа ослаблял свое пожатие, Маугли

старался своими быстрыми ногами сдавить его огромный хвост, который откидывался, чтобы нащупать скалу или пень. Они покачивались взад и вперед, голова к голове, каждый ожидая подходящего мгновения, потом красивая, точно иссеченная резцом скульптора группа таяла, исчезала в вихре черно-желтых колец, взметавшихся ног и рук и снова поднималась.

— Вот-вот-вот, — говорил Каа, нанося «фальшивые удары» головой с такой скоростью, что даже быстрая рука Маугли не могла их отбивать. — Смотри! Я попадаю сюда. Маленький Брат! Сюда и сюда! Разве твои руки онемели? Опять сюда!

Игра всегда заканчивалась одним и тем же образом: прямым сильным ударом головы питона, от которого юноша, переворачиваясь, далеко отлетал. Маугли никак не мог научиться спасаться от молниеносного нападения змеи, и, по словам Каа, ему не стоило даже стараться.

— Хорошей охоты, — по обыкновению коротко прошипел Каа.

Маугли, задыхаясь и смеясь, упал ярдах в двадцати от питона. Он поднялся с полными горстями травы и пошел к любимому месту купанья старой мудрой змеи. Это был глубокий, черный как смола, естественный пруд, окружен-

ный камнями и очень живописно украшенный утонувшими в нем древесными стволами. Маугли, по обычаям джунглей, бесшумно кинулся в воду, нырнул, вынырнул; опять-таки без звука повернулся на спину, положив руки под голову; стал наблюдать, как над скалами поднималась луна, и разбивать ее отражение пальцами ног. Ромбическая голова Каа разрезала водную поверхность, как бритва, вынырнула и опустилась на плечо юноши. Они оба лежали неподвижно, с наслаждением упиваясь прохладой воды.

— Это очень приятно, — наконец сонным голосом сказал Маугли. — Как я помню, в этот час люди ложатся на жесткие штуки из дерева в своих глиняных ловушках, закрываются от чистого ветра, натягивают грязные ткани на свои отяжелевшие головы и неприятно поют носами. Нет, в джунглях гораздо лучше.

С большого камня быстро сползла кобра, напилась, прошипела «Хорошей охоты» и уползла.

— Сеш! — сказал Каа, по-видимому внезапно вспомнив о чем-то. — Итак, в джунглях есть все, что тебе нужно, Маленький Брат?

— Не все, — со смехом сказал Маугли, — в противном случае в зарослях постоянно появлялся бы Шер Хан, которого я убивал бы раз в каждую

луну. Теперь я мог бы убить его собственными руками, без помощи буйволов. Кроме того, в середине дождей я иногда желал видеть солнце, а в разгар лета хотел… чтобы солнце застилалось дождями. Когда я бывал голоден, мне хотелось убить козла; иногда, убив козла, я жалел, что это не олень, а убив оленя, мне хотелось, чтобы он превратился в нильгау. Но ведь то же чувствуем все мы.

— А других желаний у тебя нет? — спросил огромный питон.

— Чего же еще я могу желать? У меня есть джунгли, и все меня любят. Что же еще может скрываться между восходом и закатом?

— А ведь кобра сказала… — начал Каа.

— Какая кобра? Та, которая пила здесь, ничего не сказала. Она охотилась.

— Нет, другая.

— А разве у тебя много дел с Ядовитым Народом? Я всегда сторонюсь их. В своих передних зубах они несут смерть, и это нехорошо, потому что змеи так малы. Но с какой же широкой шеей разговаривал ты?

Каа медленно повернулся в воде, как пароход в море.

— Три или четыре луны тому назад, — сказал

он, — я охотился на Холодных Логовищах, — вероятно, ты не забыл это место? Существо, которое я преследовал, с визгом пронеслось мимо бассейнов к дому, стену которого я однажды разбил ради тебя, и убежало в подземелье.

— Да ведь население Холодных Логовищ не живет в норах, — заметил Маугли, знавший, что Каа говорит о Народе Обезьян.

— Это существо не жило под землей; оно просто хотело сохранить жизнь, — ответил Каа, высовывая свой дрожащий язык. — Оно побежало по очень длинному подземному ходу. Я пустился за ним, убил его, потом заснул. Когда же проснулся, пополз дальше.

— Под землей?

— Именно, и наконец натолкнулся на Белый Капюшон — белую кобру; он тотчас заговорил о вещах, которых я не знал, и показал мне многое, никогда не виданное мною.

— Новую дичь? Было ли тебе приятно охотиться? — сказав это, Маугли быстро повернулся на бок.

— Я увидел совсем не дичь и переломал бы все свои зубы. Белая кобра сказала мне, что человек (по-видимому, она знает это племя), что человек отдал бы свое дыхание за то, чтобы только раз

взглянуть на вещи, скрытые под землей?

— Посмотрим, — заметил Маугли, — теперь я вспоминаю, что и я когда-то был человеком.

— Не спеши, не спеши. Поспешность погубила Желтую Змею, которая поглотила солнце. Мы говорили с белой коброй, и я упомянул о тебе, назвав тебя человеком. Тогда Белый Капюшон (он так же стар, как джунгли) сказал: «Давно я не видывал людей. Пусть он придет и посмотрит на все эти вещи; ведь за каждую из них многие люди готовы были бы умереть».

— Нет, это, наверно, какая-нибудь дичь. Ядовитый Народ никогда не говорит нам, когда узнает о дичи. Их племя не любезно.

— Это не дичь, это… это… я не умею объяснить тебе, что это такое.

— Так пойдем. Я никогда не видал белой кобры; мне хочется также посмотреть на все остальное. Белый Капюшон убил их?

— Все это не живые вещи, и он говорит, что охраняет их.

— Ага! Как волк стоит над мясом, которое он унес в свое логово. Идем же.

Маугли поплыл к берегу, повалялся в траве, чтобы высушиться, потом оба пустились к Холодным Логовищам, к покинутому городу, о котором вы,

может быть, слышали. Маугли не боялся больше Обезьяньего Народа; зато обезьяны приходили в ужас при одном взгляде на Маугли. Но в это время все их племена странствовали по джунглям, и лунный свет заливал пустые и молчаливые Холодные Логовища. Каа прополз к развалинам беседки, которая стояла на террасе, скользнул по обломкам и спустился по сильно разрушенной лестнице, которая из середины маленького строения вела в подземелье. Маугли произнес Змеиные Слова: «Мы одной крови, вы и я», опустился на четвереньки и двинулся за питоном. Долго ползли они по слегка покатому туннелю, который несколько раз поворачивал и изгибался, наконец достигли места, где корень какого-то большого дерева, вздымавшегося на тридцать футов над землей, выдавил в стене громадный камень. Питон и Маугли пробрались через этот пролом и очутились в обширном подземелье. В него сочился слабый свет через отверстия, проломленные в крыше тоже корнями.

— Славная берлога, — сказал Маугли, поднимаясь на ноги. — Но она так далеко, что в нее нельзя приходить каждый день. Ну, чем тут любоваться?

— Разве я ничто? — прозвучал голос в середине

подземелья, и Маугли увидел, что там зашевелилось что-то белое.

Мало-помалу перед ним поднялась такая огромная кобра, каких он еще никогда не видал. Это была змея почти в восемь футов длины, которая от постоянного пребывания в темноте побелела, как слоновая кость. Даже очковый знак на ее раздутой шее стал бледно-желтым. Глаза белой кобры были красны, как рубины, и вся она казалась странной и удивительной.

— Хорошей охоты, — сказал Маугли. Он говорил вежливо, но держал под рукой нож, с которым никогда не расставался.

— Что скажете о городе? — спросила белая кобра, не отвечая на приветствие. — Что делается в большом, обнесенном стенами городе, в городе с сотней слонов, с двадцатью тысячами лошадей и с бесчисленным количеством скота, в городе короля двадцати королей? Здесь, под землей, я начинаю глохнуть и уже давно не слышала звуков их военных гонгов.

— Над нашими головами джунгли, — ответил Маугли. — Из слонов я знаком только с Хати и его сыновьями, а Багира убила всех лошадей в одной деревне и… что такое король?

— Я уже говорил тебе, — мягко сказал кобре

Каа, — я четыре луны тому назад говорил тебе, что города больше не существует.

— Город, великий город в лесу, город, ворота которого охраняют королевские башни, никогда не исчезнет. Люди выстроили его раньше, чем лопнуло то яйцо, из которого вылупился отец моего отца, и он будет стоять, когда сыновья моего сына сделаются такими же белыми, как я. Саломдхи, сын Чандрабижды, сына Виейджи, сына Иегасури, выстроил его во времена Баппа Раваля. А вы чьи?

— Напрасно шли мы по этому следу, — заметил Маугли, обращаясь к Каа. — Я не понимаю, что она говорит.

— Я тоже. Белый Капюшон очень стара. Мать Кобр, кругом только джунгли, как это было в самом начале.

— Так кто же он? — сказала белая змея. — Он сидит передо мной, не боится, не знает, что такое король, и человечьими губами говорит на нашем наречии. Кто он, создание с ножом и с языком змеи?

— Меня зовут Маугли, — был ответ. — Я из джунглей. Волки — мое племя, а питон Каа — мой брат. Мать Кобр, кто ты?

— Я — страж королевского сокровища. Куррун

Раджа выстроил надо мною каменный свод в те дни, когда кожа моя была темна, и я могла приносить смерть приходившим сюда для кражи. Сквозь камни опустили сокровище, и я слышала пение браминов, моих повелителей.

«Гм, — пробормотал про себя Маугли. — Там, среди людей, я имел дело с одним брамином и знаю то, что знаю. Раз в дело замешан брамин, быть беде».

— С тех пор, как я вползла сюда, пять раз отодвигали этот камень, и сокровище все возрастало; из него не брали ничего. Нигде в мире нет таких богатств! Это сокровища ста королей. Но прошло много-много времени с тех пор, как в последний раз подняли камень, и, я думаю, мой город забыл о богатствах.

— Города больше нет. Посмотри вверх. Там только корни больших деревьев. Они раздвигают камни. А ты знаешь, деревья и люди не уживаются вместе, — настойчиво повторил Каа.

— Раза два-три люди приходили сюда, — свирепо ответила белая кобра, — но они молчали, пока я не подкрадывалась к ним в темноте; тогда они начинали кричать; впрочем, кричали недолго. А вы, человек и змея, пришли ко мне, лжете и хотите уверить меня, будто города больше нет,

будто мне незачем охранять сокровище. Люди мало изменяются с годами. Я же не изменяюсь никогда. Пока камень не будет поднят, пока в подземелье не спустятся брамины с хорошо знакомой мне песней, пока они не напоят меня теплым молоком и не выведут снова на свет, я, я, я, только я — страж королевского сокровища! По вашим словам, город умер и сюда проникли корни деревьев? Наклонитесь же и возьмите все, что вам угодно. На земле нет сокровищ, равных этим. Человек со змеиным языком, если ты выйдешь из подземелья живым той дорогой, по которой вошел сюда, короли будут твоими слугами.

— Опять все передо мной запуталось, — холодно сказал Маугли. — Неужели какой-нибудь взбесившийся шакал проник так глубоко под землю и укусил белую кобру? Она, конечно, сошла с ума. Белый Капюшон, Мать Кобр, я не вижу здесь ничего, что стоило бы унести.

— Клянусь богами Солнца и Луны, у него смертельное безумие, — прошипела кобра. — Прежде чем твои глаза сомкнутся, я окажу тебе милость; посмотри сюда, созерцай то, чего не видывал ни один человек.

— Тот, кто в джунглях говорит с Маугли о покровительстве или милости, — сквозь зубы сказал

юноша, — поступает неумно; но мне известно, что в темноте все меняется. Если тебе угодно, я посмотрю.

Широко раскрыв глаза, он обвел взглядом подземелье, нагнулся и поднял с пола пригоршню чего-то блестящего.

— Ого, — сказал Маугли. — Это походит на те штуки, которыми люди, бывало, играли в людской стае; только эти желтые, а те были коричневые.

Он бросил деньги и сделал шаг вперед. Золотые и серебряные монеты покрывали весь пол подземелья слоем в пять-шесть футов. Первоначально деньги принесли в мешках, но с течением времени они высыпались через истлевший холст и раскатились по всей подземной комнате, как рассыпается прибрежный песок. На монетах, среди монет, выдаваясь из-под них, как корабельные обломки из-под песка, виднелись осыпанные драгоценными камнями серебряные слоновые королевские башни, покрытые пластинками кованого золота, изукрашенные рубинами и бирюзой. Там и сям стояли и лежали отделанные серебром и эмалью паланкины с яшмовыми столбиками и янтарными кольцами для занавесей; золотые подсвечники, увешанные просвер-

ленными изумрудами, которые дрожали на их разветвлениях; изображения забытых божеств, отлитые из серебра и с глазами из драгоценных камней; инкрустированные золотом стальные кольчуги, окаймленные бахромой из истлевшего, почерневшего жемчуга, — шлемы с наконечниками и украшениями из рубинов, красных как кровь; лакированные щиты из панциря черепахи и кожи носорога, инкрустированные и окованные чистым золотом с изумрудами по краям. Груды мечей с осыпанными бриллиантами эфесами; драгоценные кинжалы и охотничьи ножи; золотые жертвенные чаши и ковши; переносные жертвенники устаревшей формы; яшмовые кубки и браслеты; курильницы для ароматов; гребни; сосуды для духов, красной краски для волос и для глазной пудры — все из чеканного золота; кольца для продевания в ноздри; браслеты, которые носят выше локтей; головные обручи, кольца для пальцев и пояса — все в бесчисленном количестве; кушаки в семь пальцев ширины, покрытые четырехугольными гранеными бриллиантами и рубинами; деревянные лари с тройной железной обшивкой, в которых дерево истлело, обнажив груды нешлифованных сапфиров, опалов, кошачьего глаза, рубинов,

алмазов, изумрудов и гранатов.

Белая кобра сказала правду. Невозможно было оценить сокровища, которые собирались в течение многих веков, благодаря войне, грабежу, торговле и налогам. Одним монетам цены не было, не принимая в расчет драгоценных камней, общий же вес золота и серебра, вероятно, достигал двухсот-трехсот тонн. Каждый туземный правитель наших дней, как бы ни был он беден, всегда имеет сокровища и постоянно увеличивает их. Правда, иногда через большие промежутки времени тот или другой образованный принц отправляет в Калькутту сорок или пятьдесят фургонов серебра с тем, чтобы оно было обменено на правительственные бумаги; чаще же магараджи хранят свои богатства и никому не заикаются о них. Маугли, естественно, не понимал значения всех этих вещей. Его немного заинтересовали ножи, но, так как все они оказались легче его собственного, он побросал их. Наконец юноша нашел нечто истинно привлекательное для себя, лежавшее перед слоновой палаткой и полузакрытое монетами. Это был трехфутовый анкас (палка карнака), который походил на маленький лодочный багор. Его верхушка состояла из одного круглого блестящего рубина; ниже набалдашник

был сплошь усеян необработанной бирюзой, и руке было удобно сжимать его. Еще ниже виднелся яшмовый обод, по которому бежал рисунок: гирлянда с изумрудными листиками и рубиновыми цветами; те и другие были вкраплены в зеленый камень. Остальная часть рукоятки состояла из куска чистой слоновой кости; конец же анкаса, острие и крюк, были сделаны из стали с золотой инкрустацией, изображавшей охоту на слонов. Вот именно эти-то рисунки и привлекли Маугли, так как он увидел, что они имеют какое-то отношение к его другу Хати Молчаливому.

Белая кобра все время следила за ним.

— Разве из-за этого не стоит умереть? — спросила змея. — Разве это не милость, оказанная тебе?

— Не понимаю, — сказал Маугли. — Все эти вещи, твердые, холодные, не пригодны для еды. А вот это, — он поднял анкас, — я хотел бы унести с собой, чтобы посмотреть на солнце. По твоим словам, это все твое. Дай мне эту вещь, а я принесу тебе лягушек.

Белая кобра вздрогнула от злобного восхищения.

— Конечно, я дам тебе анкас, — сказала она. — Все это твое… твое, пока ты здесь.

— Да я сейчас ухожу. Здесь темно и холодно, и я хочу унести в джунгли вещь с шипом терновника на конце.

— Посмотри под ноги! Что это?

Маугли поднял что-то белое и гладкое.

— Это кость человеческого черепа, — спокойно заметил он. — А вот и еще две.

— Много лет тому назад они пришли сюда за сокровищем. Я поговорила с ними в темноте, и они безмолвно легли на землю.

— Но зачем мне то, что ты называешь сокровищем? Если ты дашь мне анкас, это будет хорошей охотой. Не дашь — охота все равно будет хороша.

Я не дерусь с Ядовитым Народом, и меня научили Великим Словам твоего племени.

— Здесь только одно великое слово — мое!

Каа кинулся вперед; его глаза горели.

— Кто просил меня привести человека, — прошипел он.

— Конечно, я, — сказала старая кобра. — Давно мои глаза не видали человека, а этот человек говорит по-нашему.

— Но об убийстве не было речи. Могу ли я вернуться в джунгли и рассказать, что я повел его на смерть? — спросил Каа.

— Я не говорю о смерти раньше времени. Что же касается до того, уйдешь ты или не уйдешь, видишь, в стене есть отверстие? Тише ты, толстый поедатель обезьян! Стоит мне коснуться твоей шеи, и джунгли не увидят тебя. Сюда никогда не приходил человек, который уходил бы, продолжая дышать. Я страж сокровища короля города.

— Ах ты, белый червь, живущий в темноте! Повторяю: на свете нет больше ни города, ни его короля! Над нами джунгли! — закричал Каа.

— Но сокровище все еще здесь. Однако вот что можно сделать. Погоди немного, Каа, питон скал, пусть мальчишка порезвится. Здесь достаточно места. Жизнь хороша. Побегай немного взад и

вперед, мальчик.

Маугли спокойно положил руку на голову Каа.

— Это белое существо всегда имело дело с людьми из людской стаи и не знает меня, — прошептал он. — Оно само просило «этого». Доставим ему удовольствие.

Маугли стоял, опустив острие анкаса, внезапно бросил его, палка упала ниже капюшона большой змеи и пригвоздила ее к полу. Каа с быстротой вспышки кинулся на извивающееся тело кобры и прижал к полу ее всю, начиная от капюшона шеи до хвоста. Красные глаза горели, и шесть свободных дюймов головы яростно двигались вправо и влево.

— Убей, — сказал Каа, когда рука Маугли взялась за нож.

— Нет, — сказал юноша, обнажая лезвие, — я буду убивать только ради еды. Но смотри, Каа.

Он сжал пальцами змею ниже капюшона, лезвием ножа открыл ее рот и показал питону, что ужасные ядовитые клыки верхней челюсти кобры, совсем черные и истлевшие, торчали в десне. Белая кобра от старости потеряла ядовитые железы, как это всегда бывает с дряхлыми змеями.

— Туу! Истлевший Пень, — назвал кобру Маугли. Движением руки он посоветовал Каа

отползти, поднял анкас и освободил белую змею.

— Для королевского сокровища нужен новый страж, — торжественным тоном сказал Маугли. — Ты, Иссохший Пень, поступил нехорошо. Побегай взад и вперед, Сухой Пень!

— О, как мне стыдно. Убей меня! — прошипела белая кобра.

— Здесь слишком много говорилось о смерти. Теперь мы уйдем. Я возьму с собой острую вещь, Туу, потому что я боролся и победил тебя.

— Так смотри же, чтобы эта вещь не убила тебя в конце концов. Это смерть! Помни, это смерть! Эта вещь может убить всех людей моего города. Недолго пробудет она у тебя, человек джунглей; не пробудет она долго также у того, кто ее возьмет позже. Люди будут убивать, убивать, убивать из-за нее. Моя сила иссякла, но анкас исполнит мое дело. Это смерть! Это смерть! Это смерть!

Маугли прополз в туннель через отверстие, в последний раз оглянулся и увидел белую кобру; она с бешенством кусала своими безвредными зубами застывшие золотые лица божеств, которые лежали на полу, и ожесточенно шипела: «это — смерть!»

Питон и Маугли с удовольствием выбрались на свет; когда они вернулись в свои джунгли,

Маугли покачал анкасом в вечернем свете и при виде его блеска остался почти так же доволен, как, бывало, находя новые цветы, которые мог вплести в свои волосы.

— Это блестит ярче глаз Багиры, — с восторгом заметил он, вращая рубином, — я покажу ей странную вещь. Но что хотел сказать Туу, Сухой Пень, говоря о смерти?

— Не знаю. Ах, до самого кончика хвоста я переполнен сожалением о том, что белая кобра не почувствовала твоего ножа. В этих Холодных Логовищах всегда случается что-нибудь дурное, все равно — на земле или под землей! Но теперь я проголодался. Идешь ты со мной на охоту? — спросил Каа.

— Нет, Багира должна посмотреть на эту добычу удачной охоты!

И Маугли запрыгал прочь, размахивая большим анкасом и время от времени останавливаясь, чтобы полюбоваться им. Наконец он пришел в ту часть джунглей, где обыкновенно охотилась Багира, и застал ее подле воды; черная пантера пила после еды. Маугли рассказывал ей о всех своих приключениях; Багира внимательно слушала и временами нюхала анкас. Когда Маугли повторил ей последние слова Белого Капюшона,

пантера одобрительно замурлыкала.

— Что же, в сущности, хотела сказать белая кобра? — поспешно спросил ее Маугли.

— Я родилась в клетке королевского зверинца в Удейпуре, я долго жила среди людей, и, конечно, мне известно кое-что о человеке. Очень многие люди охотно убили бы трижды в одну ночь, чтобы получить вот этот красный камень.

— Но ведь от этого камня палка гораздо тяжелее. Мой маленький блестящий нож лучше, и посмотри: красный камень не годится для еды. Почему же они стали бы убивать друг друга из-за него?

— Маугли, иди и ложись спать. Ты жил между людьми, а между тем…

— Вспоминаю! Люди убивают потому, что они не охотятся; убивают для развлечения и ради удовольствия. Не засыпай, Багира. Скажи, для чего была сделана эта вещь с острым шипом на конце?

Багира приподняла веки (ей очень хотелось спать), и ее глаза насмешливо заблистали.

— Палку сделали люди, чтобы бить ею головы сыновей Хати; эта штучка колола их до крови. Я видывала, как это случалось на улицах Удейпура перед нашими клетками. Красноглазая колючка

попробовала крови многих слонов, подобных Хати.

— Зачем же люди вонзают такие шипы в головы слонов?

— Это делается, когда их учат Закону Человека. У людей нет ни когтей, ни зубов, вот они и делают такие вещи… и еще худшие.

— Как только подойдешь к людям или хотя бы к вещам, сделанным людьми, — непременно слышишь о крови, — с отвращением заметил Маугли. Тяжелый анкас немного надоел ему. — Знай я все, что ты мне сказала, я не взял бы этой колючки. Сперва я видел кровь Мессуа на веревках, а здесь кровь Хати. Мне больше этого не нужно. Смотри!

Анкас, сверкая, отлетел, описал в воздухе дугу и на расстоянии тридцати ярдов от Маугли исчез между деревьями.

— Итак, мои руки чисты от смерти, — проговорил Маугли, вытирая ладони о свежую влажную землю. — Старый Пень сказала, что смерть пойдет за мною. Она белая, старая, сумасшедшая, Истлевший Пень!

— Белая она или черная, жизнь здесь или смерть, а я засну, Маленький Брат. Я не могу всю ночь охотиться и целый день выть, как делают некоторые.

Багира ушла в известное ей логовище, которое скрывалось на расстоянии миль двух от того места, где она разговаривала с Маугли. Маугли же устроил себе удобное ложе; он связал между собою несколько лиан и раньше, чем можно описать это, уже покачивался в гамаке на высоте пятидесяти футов от земли. Хотя юноша не испытывал стойкой нелюбви к сильному дневному свету, он, подражая обычаям своих друзей, пользовался им как можно меньше. Маугли проснулся, окруженный громогласным Народом Птиц, когда уже снова наступили сумерки, потянулся и окончательно очнулся от сновидения, во время которого ему виделись красные камешки, брошенные им.

— А все-таки я посмотрю снова на эту вещь, — сказал Маугли и по лиане соскользнул на землю; Багира опередила его, и он услышал, как в полусвете пантера обнюхивала что-то.

— Где же вещь с шипом на конце? — крикнул Маугли.

— Ее унес человек. Вот его след.

— Теперь увидим, правду ли говорил Туу. Если остроконечная вещь — смерть, этот человек умрет. Пойдем по его следу.

— Прежде поохоться, — сказала Багира. —

Пустой желудок лишает глаза остроты. Люди двигаются медленно, и в джунглях достаточно сыро, чтобы сохранялись малейшие следы.

Они поохотились, как можно поспешнее убили дичь, но прошло почти три часа, прежде чем Маугли и Багира поели, напились и снова двинулись по следу. Население джунглей знает, что торопливость при еде не ведет ни к чему хорошему.

— Как ты думаешь, острая вещь повернется в руке человека и убьет его? — спросил Маугли. — Сухой Пень сказал, что она — смерть.

— Найдем ее, тогда увидим, — ответила Багира, которая бежала мелкой рысью, низко опустив голову. — Вот одна нога. — Пантера хотела сказать, что шел один человек. — И тяжесть остроконечной вещи заставила его пятки глубоко уходить в почву.

— Да, это ясно, как летняя молния, — ответил Маугли.

И они пустились быстрой рысью (так звери всегда бегут по следу), пересекая пятна лунного света и наблюдая за отпечатками двух босых ног.

— Тут он побежал быстро, — сказал Маугли. — Посмотри: пальцы сильно раздвинулись. — Они шли по влажной земле. — Почему же здесь он повернул?

— Погоди, — сказала Багира и сделала огромный великолепный прыжок.

Когда след становится непонятным, прежде всего нужно прыгнуть вперед, не оставляя отпечатков своих собственных ног. Багира повернулась к Маугли со словами:

— Другой след идет навстречу первому. Эти ноги меньше, их пальцы обращены внутрь.

Маугли побежал вперед и посмотрел.

— Это нога охотника-гонда, — сказал он. — Смотри! Здесь он тащил по траве свой лук. Вот почему первый след повернул так быстро. Большая Нога скрывалась от Маленькой Ноги.

— Правда, — сказала Багира. — Теперь пойдем каждый по одному следу, чтобы не запутать их. Я буду Большая Нога, Маленький Брат; ты же будь гондом.

Багира прыгнула на первый след, предоставив Маугли наклоняться над узкой тропинкой, оставленной маленьким диким лесным человеком.

— Теперь, — сказала Багира, передвигаясь шаг за шагом по цепи отпечатков ступней, — я, Большая Нога, поворачиваю; прячусь за скалой; стою неподвижно, не решаясь двигаться. Объясни твой след, Маленький Брат.

— Вот я, Маленькая Нога, подхожу к скале, —

сказал Маугли, — вот я сажусь под скалой; опираюсь на мою правую руку; лук ставлю между пальцами ступней. Я долго жду здесь; это видно, так как отпечатки ног очень глубоки.

— Я тоже, — ответила Багира, скрывавшаяся за скалой. — Я жду, опираясь концом остроконечной вещи о камень. Ее шип скользнул, на камне царапина. Объясняй твой след, Маленький Брат.

— Одна-две ветки и большой сук сломаны, — понизив голос, ответил Маугли. — Ну, как объяснить это? Ага, ясно! Я, Маленькая Нога, отхожу с шумом, я топаю ногами, я хочу, чтобы Большая Нога слышала меня. — Маугли отходил от скалы и, по мере приближения к небольшому водопаду, повышал голос. — Я иду далеко, туда, где шум падающей воды покрывает все остальные звуки, здесь я жду. Объясни твой след, Багира, Большая Нога.

Пантера металась в разные стороны, чтобы разобрать след, удалявшийся от скалы. Наконец она заговорила:

— Я отползаю из-под скалы на руках и коленях и тащу с собой остроконечную вещь. Я никого не вижу и бегу. Я, Большая Нога, бегу быстро. След вполне понятен. Пойдем: ты по своим отпечаткам, я по своим. Я бегу.

Багира понеслась по четкому следу. Маугли пошел там, где шел гонд. В джунглях все затихло.

— Где ты, Маленькая Нога? — крикнула наконец Багира.

Голос Маугли прозвучал всего в каких-нибудь пятидесяти ярдах справа от нее.

— Гм, — сказала пантера и глубоко кашлянула. — Оба бегут рядом, сближаются.

Они пробежали еще около полумили; их все еще разделяло приблизительно прежнее расстояние. Наконец Маугли, голова которого не так низко склонялась к земле, закричал:

— Они встретились, смотри! Здесь стоял гонд, опираясь коленом о камень; а вон и сам Большая Нога.

Всего в десяти ярдах перед Маугли и Багирой виднелось тело одного из местных жителей; мертвый лежал на груде каменных осколков, длинная, слегка опушенная перьями гондская стрела пронизывала его труп.

— Скажи-ка, действительно ли так стара и так безумна Сухой Пень? — нежно спросила Багира. — Мы видим одну смерть.

— Пойдем дальше. Но где же красноглазый шип, который пил кровь слонов?

— Может быть, его унес Маленькая Нога? Перед

нами маленький след.

След легкого человека, который быстро бежал, унося на левом плече тяжесть, остался на сухой траве, и для острого зрения лесных разведчиков отпечатки его подошв были как бы выжжены каленым железом.

Ни Багира, ни Маугли не говорили, пока след не подвел их к золе костра во рву.

— Опять, — сказала Багира и остановилась неподвижно, точно превращенная в камень.

Тело маленького гонда лежало на земле; его ноги касались пепла, и Багира вопросительно взглянула на Маугли.

— Это было сделано бамбуковой тростью, — бросив взгляд на мертвого, ответил юноша. — Когда я служил в человеческой стае, я брал такие палки, пася буйволов. Мать Кобр (мне жаль, что я над ней насмехался) хорошо знала племя людей. Разве я не говорил, что они убивают просто так, от безделья?

— Нет, они убивали друг друга ради красного камня и других, голубых, — ответила Багира. — Помни, я жила в королевских клетках Удейпура.

— Один, два, три, четыре следа, — сказал Маугли, наклоняясь над золой, — четыре следа людей с обутыми ногами. Они идут медленнее гонда. Ну,

какое зло причинил им маленький лесной человек? Вернемся, Багира. У меня тяжесть в желудке, а между тем он вздымается и опускается, точно гнездо иволги на конце ветки.

— Нехорошо бросать начатую охоту. Дальше! — сказала пантера. — Эти восемь обутых ног уйдут недалеко.

Целый час не было сказано ни слова. Багира и Маугли молча бежали по широкому следу, проложенному четырьмя людьми.

Уже наступил ясный жаркий день, когда Багира сказала:

— Я чувствую запах дыма.

— Люди всегда охотнее едят, чем двигаются, — ответил Маугли, бежавший, то скрываясь в низких кустах молодой поросли, которую они пересекали, то показываясь из них.

Вдруг в горле Багиры послышался странный, неописуемый звук.

— Вот этот никогда больше не будет есть, — сказала она.

Под кустом виднелись какие-то пестрые лохмотья, а кругом них рассыпанная мука.

— Это сделано опять бамбуковой палкой, — осматривая труп, сказал Маугли. — Видишь белую пыль? Люди едят ее. Он нес им пищу; у него

отняли колючую палку, а самого его отдали ястребу Чилю.

— Третий, — заметила Багира.

— Я наловлю крупных лягушек и досыта накормлю ими Мать Кобр, — пробормотал Маугли. — Этот любитель крови слонов — сама смерть, а я все-таки не понимаю…

— Идем, — сказала Багира.

Не прошли они и полумили, как до них долетела погребальная песня ворона Ко: он сидел на вершине тамариндового дерева, в тени которого лежало трое людей. Костер дымился, потухая; над ним было привешено железное блюдо с куском почерневшего, обуглившегося пресного хлеба. Близ пламени, сверкая в лучах солнца, красовался анкас с большим рубином и голубой бирюзой.

— Эта вещь работает быстро; наше дело окончено здесь, — сказала Багира. — Отчего умерли эти, Маугли? Ни на одном из них нет никаких следов убийства.

Каждый живущий в джунглях по опыту знает ядовитые растения и ягоды, не хуже докторов. Маугли понюхал дым костра, отломил кусочек от почерневшего хлеба, попробовал его и тотчас же выплюнул.

— Яблоко Смерти [1] , — сказал он и закашлял-

ся. — Первый, убивший гонда, подмешал его к пище для этих; они же убили его.

— Хорошая охота! Одно убийство идет за другим, — сказала Багира.

— Ну, а что теперь? — спросила пантера. — Будем мы тоже стараться убить друг друга из-за этого красноглазого убийцы?

— А как тебе кажется, он может говорить? — шепотом спросил Маугли. — Может быть, мне не следовало его бросать? Нас он не может поссорить, потому что нам никогда не хочется того, чего желают люди. Но если мы оставим его здесь, он, конечно, будет продолжать убивать людей так же быстро, как падают орехи при сильном ветре. Я не люблю этого племени, но даже мне не хотелось бы, чтобы они умирали по шести в одну ночь.

— Что за беда? Ведь это только люди! Они убивали друг друга и радовались, — сказала Багира. — Вот первый, маленький лесной человек, хорошо охотился.

— Как бы то ни было, я считаю их просто щенятами, детенышами, а каждый наш детеныш готов утонуть, стараясь укусить лунный свет в воде. Во всем виноват я, — сказал Маугли, говоривший таким тоном, точно он знал все в мире. — Никогда

больше не буду я приносить в джунгли непонятных мне вещей, хотя бы они были красивы, как цветы. Вот это, — он осторожно поднял анкас, — вернется к Матери Кобр. Но прежде нам нужно выспаться, только, конечно, не подле спящих непробудным сном. И мы закопаем «его»; не то этот красноглазый убежит и убьет еще шестерых. Вырой яму вот под тем деревом.

— Говорю тебе, Маленький Брат, — сказала Багира, направляясь к указанному месту. — Говорю, что вещь, которая пьет кровь слонов, не виновата. Все дело в людях.

— Все равно, — ответил Маугли. — Выкопай глубокую яму. Когда мы проснемся, я выну колючую палку и отнесу ее обратно.

Спустя две ночи Белая Кобра оплакивала в темноте потерю анкаса и свой позор. Вдруг бирюзовый жезл, вращаясь, пролетел через отверстие в стене и со звоном упал на рассыпанные золотые монеты.

— Мать Кобр, — сказал Маугли (он остался по другую сторону стены), — заведи молодого и сильного помощника из твоих же родичей; пусть он помогает тебе охранять сокровища короля, чтобы ни один человек не вышел отсюда живым.

— Ага! Он вернулся! Я говорила, что это смерть.

Но как же ты-то все еще жив? — проворчала старая кобра, любовно окружая своими кольцами рукоятку анкаса.

— Клянусь выкупившим меня быком, не знаю. Эта вещь убила шестерых в одну ночь. Не выпускай же ее отсюда.

Квикверн

— Он открыл глаза, смотри.

— Положи его обратно в мех. Это будет сильная собака. Когда ему пойдет четвертый месяц, мы его назовем.

— В чью же честь? — спросила Аморак.

Кадлу окинул взглядом завешанную кожами комнату снежного дома, потом его глаза остановились на лице четырнадцатилетнего Котуко, который, сидя на своей скамье-кровати, вырезал из моржового бивня что-то вроде пуговицы.

— Назови его в мою честь, — сказал Котуко и улыбнулся. — Он когда-нибудь понадобится мне.

Кадлу ответил сыну усмешкой, да такой широкой, что его глаза почти совершенно скрылись за поднявшимися толстыми плоскими щеками, и он кивнул головой Аморак.

Между тем ожесточенная мать щенка с визгом старалась подняться и взглянуть на своего детеныша, а он, недоступный для нее, барахтался в сумочке из тюленьей кожи, которую подогревала стоявшая под нею лампа.

Котуко продолжал заниматься резьбой; Кадлу

бросил свернутую кожаную собачью сбрую во вторую крошечную комнату, устроенную рядом с первой; спустил с себя тяжелое платье из оленьей кожи; положил его в сеть из китового уса, которая висела над другой лампой; сел на скамью, взяв для утоления первого голода кусок мороженого тюленьего сала в ожидании, чтобы Аморак, его жена, принесла ему настоящий обед, то есть вареное мясо и кровяной суп. На заре этого дня он вышел из дому, отправился за восемь миль к тюленьим отдушинам и вернулся с тремя убитыми крупными тюленями. На половине длинного, прорытого в снегу хода или туннеля, тянувшегося ко входу в дом, вы могли бы услышать лязг зубов и лай упряжных собак, которые после дневной работы ссорились из-за местечка потеплее.

Когда лай звучал слишком громко, Котуко лениво поднимался со скамьи, брал бич с восемнадцатидюймовой ручкой из упругого китового уса и с двадцатипятифутовым толстым плетеным ремнем. Он нырял в туннель, и оттуда доносился такой звук, точно все собаки съедали его заживо; в действительности же это был их обычный гимн перед едой. Когда мальчик выползал из другого конца туннеля, шесть пушистых голов следили, как он подходил к чему-то вроде висе-

лиц, устроенных из китовых челюстей, с которых свешивалось мясо для собак; Котуко широким наконечником копья разделял замерзшее мясо на большие куски, потом останавливался, держа в одной руке кнут, а в другой собачий корм. Он звал каждую собаку по имени, сперва самых слабых, и горе той, которая выходила вперед раньше очереди: точно ременная молния несся кнут и, падая на животное, вырывал из его тела шерсть и кусок кожи. Получив свою долю, каждый пес, ворча и скаля зубы, убегал в туннель, а мальчик, стоя на снегу, облитый ослепительным светом северного сияния, продолжал раздачу корма. Большой черный вожак упряжных собак, который держал в повиновении стаю, получал свою долю позже всех. Ему Котуко давал двойную порцию мяса и лишний раз щелкал бичом над его головой.

— А, — сказал Котуко, свертывая кнут. — Там, над лампой у меня есть маленький, который будет сильно выть. Сарпок, назад!

Он вернулся в дом; палочкой из китового уса, которую Аморак всегда вешала подле двери, стряхнув со своей меховой одежды сухой снег, поколотил рукой по крыше дома, обитой по краям кожей, чтобы сбить с нее ледяные сосульки, вероятно свалившиеся со снежного купола вверху, и

снова улегся на скамье, заменявшей ему кровать. Собаки в проходе то храпели, то визжали во сне; маленький щенок в глубоком меховом капюшоне Аморак шевелился, вздыхал и ворчал, его мать лежала подле Котуко, не отводя глаз от кулька из тюленьей кожи, висевшего в тепле и безопасности, над широким желтым пламенем лампы.

Все это происходило далеко на севере, за Лабрадором, за Гудзоновым проливом, в который огромные волны приносят груды льда, севернее полуострова Мельвиль, даже севернее узких проливов Фурия и Гекла, на северной окраине Баффиновой земли, там где остров Байлот громоздится надо льдами Ланкастерского пролива, напоминая своей формой опрокинутую чашку для пудинга. Об области севернее Ланкастерского пролива мы знаем немногое; нам известны только: Северный Девон и Эльсмирская земля; тем не менее даже на этом Крайнем Севере, так сказать, рядом с полюсом обитают люди.

Кадлу был инуит (как вы называете — эскимос), и всё его племя, всего около тридцати человек, было из Тунунирмиута — «страны, лежащей позади всего». И эта суровая область действительно лежит дальше всего в мире. В течение девяти месяцев там только лед и снег; буря налетает за

бурей с морозом, невообразимым для того, кто никогда не видывал, как термометр (Фаренгейта) опускается хотя бы до нуля. Шесть месяцев из этих девяти стои́т темнота, и в этом заключается самый ужас. В течение трех месяцев лета морозы бывают только через день и каждую ночь, на южных откосах снег начинает таять, а редкие приземистые ивы одеваются пушистыми почками; крошечные поросли на камнях зацветают; берега, покрытые прекрасным гравием и круглыми камешками, выбегают в открытое море, а отполированные валуны и изборожденные скалы поднимаются над рыхлым снегом. Но через несколько недель это заканчивается; суровая зима снова сковывает землю. Весной лед разрывается, сталкивается, сжимается, трескается, разлетается, льдина надвигается на льдину; одна разламывает другую, наконец все смерзается вместе слоем в десять футов толщины и тянется от земли туда, к глубоким водам.

Зимой Кадлу преследовал тюленей до окраины прибрежного льда и убивал их копьем, когда они поднимались, чтобы подышать через свои отдушины во льду. Тюленю необходимо жить в открытой воде, где он ловит рыбу, а суровой зимой лед иногда тянется на восемьдесят миль

от берега без единой полыньи. Весной Кадлу и его семья отходили от воды на скалистую сушу, ставили там палатки из кож, ловили в силки морских птиц и копьями убивали молодых тюленей, гревшихся на отмелях. Позже они отправлялись южнее, на Баффинову землю за дикими северными оленями, а также чтобы заготовить ежегодный запас лососей, пойманных в сотнях рек и протоков в глубине страны; в сентябре или октябре они возвращались обратно, на север, ради охоты на мускусного быка и настоящей охоты на тюленей. Это путешествие совершалось на санях, запряженных собаками, причем делалось по двадцати или тридцати миль в день. Иногда передвигались вдоль берега в больших кожаных «женских лодках»; в таких случаях собаки и дети лежали в ногах у гребцов, и пока эти странные суда скользили от мыса до мыса по стеклянистым, холодным водам, женщины пели свои песни. Все предметы роскоши приходили с юга: сухой лес для санных полозьев, железные крюки для гарпунов, стальные ножи, жестяные котелки, в которых готовить пищу удобнее, чем в старинной каменной посуде, кремни и огнива и даже спички, цветные ленты для украшения женских волос, маленькие дешевые зеркала и красное

сукно, которым обшивались нарядные шубки из оленьих шкур. Кадлу продавал южным инуитам спиральные нарваловые рога оттенка сливок и зубы мускусного быка (они так же ценились, как жемчуг); южные же племена в свою очередь предлагали эти предметы китоловам и миссионерам с берегов проливов Эксетерт и Кумбурленд. Таким образом тянулась цепь: котелок, купленный корабельным поваром на базаре в Бхенди, мог окончить свои дни где-нибудь за Полярным кругом, над лампой с тюленьим жиром.

Хороший охотник, Кадлу всегда держал про запас много железных гарпунов, острог, ножей, птичьих стрел и тому подобных охотничьих принадлежностей, которые помогают жить в стране великого холода. Он был глава своего племени, или, как говорилось, «человек, по опыту знавший все». Такое положение не давало ему власти; он имел только одно право: время от времени советовать своим друзьям менять охотничьи области; Котуко же старался пользоваться преимуществами отца и, до известной степени, по-инуитски, лениво распоряжался остальными мальчиками, когда они выходили по вечерам поиграть в мяч при свете месяца или петь северному сиянию «Песню ребенка».

Но в четырнадцать лет инуит считает себя взрослым, и Котуко надоело делать силки для диких птиц, главное же — помогать женщинам жевать шкуры тюленей и оленей (ничто иное не придает кожам такой гибкости), занимаясь этим в течение долгого дня, пока мужчины охотились. Ему хотелось вместе с остальными охотниками сидеть в квагги, или «доме песен» (молельне), куда взрослые собирались для совершения таинственных обрядов, где волшебник ангекок пугал их, доводя до восторженного ужаса, где в темноте, когда гасли лампы, на крыше слышался топот ног духа северного оленя, а копье, погруженное в ночную тьму, позже оказывалось окровавленным. Ему хотелось сбрасывать свои тяжелые сапоги в сетку с утомленным видом главы семьи и вместе с зашедшими гостями-охотниками играть по вечерам во что-то вроде рулетки, сделанной из круглой жестянки и гвоздя. Множество желаний было у него, но взрослые смеялись над ним и говорили:

— Погоди, Котуко, тебе надо подготовиться да поучиться. Охота еще далеко не все.

Впрочем, теперь, когда отец подарил ему щенка, жизнь показалась Котуко веселее. Инуит никогда не отдает собаки сыну, если тот вовсе не

умеет управлять ездовыми псами; Котуко же был более чем уверен, что в этом смысле он знал все, что надо знать.

Если бы щенок не обладал железным здоровьем, он, конечно, погиб бы от излишнего количества еды и от бесконечного ученья. Котуко сделал для него маленькую сбрую с постромками и гонял его по полу, крича: «Ауа! Иа! Иа ауа! (Направо!) Чойачой! Иа чойачой! (Иди направо!) Охаха! (Стой!)» Все это совсем не нравилось щенку, но такие упражнения показались ему чистой радостью в сравнении с тем, что он испытал, когда его впервые впрягли в настоящие сани. Он сел на снег и стал играть с постромкой из тюленьей кожи, которая бежала от его сбруи к питу, то есть к одной из огромных ременных петель по обеим сторонам санок. Собаки двинулись; тяжелые десятифутовые сани накатились на спину щенка и потащили его по снегу. Котуко-мальчик смеялся так, что слезы побежали по его лицу. Потом начался ряд ужасных дней: жестокий кнут, шипящий, как ветер надо льдом, падал на щенка; товарищи кусали его за то, что он не знал своей обязанности, а сбруя ему мешала. Кроме того, ему больше не позволялось спать вместе с Котуко, и бедняге пришлось довольствоваться самым

холодным местом в снежном коридоре. Грустное время наступило для Котуко-пса.

Мальчик учился так же быстро, как собака; однако управлять собачьей упряжкой — такое дело, от которого можно потерять терпение. Самых слабых псов помещают как можно ближе к погонщику; от сбруи каждой собаки идет отдельная постромка, протянутая под ее левой передней ногой; она прикрепляется к главной постромке с помощью чего-то вроде пуговицы и петли; одним движением руки ее можно пристегнуть или отстегнуть, и таким образом освободить на время одну собаку. Это действительно необходимо, потому что очень часто постромка попадает между задними ногами молодой собаки и может разрезать ее тело до самой кости. Кроме того, на бегу псы стараются «повидаться» со своими друзьями и прыгают между постромками, дерутся, и в результате ремни запутываются хуже мокрой лесы, оставленной с вечера до утра. Всех этих неприятностей можно избежать, умело действуя кнутом. Каждый мальчик-инуит считает, что он отлично владеет длинным кнутом. Нелегко попадать плетеным ремнем в намеченную точку на земле, еще труднее на полном ходу наклониться и попасть взбунтовавшейся собаке по

спине. Если вы позовете одну собаку по имени, когда она «беседует» с другой, и случайно ударите другую, они непременно подерутся между собой и остановят всю упряжку. Опять же: если вы путешествуете с товарищем и приметесь разговаривать с ним или наедине с собой запоете песню, собаки остановятся, повернутся и сядут, чтобы послушать, что вы хотите сказать. Несколько раз Котуко, забывший хорошенько закрепить сани при остановке, бывал сброшен в снег и погубил несколько ремней раньше, чем ему доверили полную упряжку из восьми собак и легкие сани. Получив все это, мальчик почувствовал себя важной персоной и стал отважно носиться по черному льду с быстротой стаи гончих собак. Проехав десять миль до тюленьих отдушин, он отстегивал одну постромку от питу и освобождал большого черного вожака, самого умного пса из всех. Едва собака чуяла отдушину и давала об этом знать, Котуко переворачивал сани и погружал в снег пару подпиленных оленьих рогов, которые, точно рукоятки детской колясочки, торчали сзади. Это делалось, чтобы собаки не могли уйти. Потом мальчик, дюйм за дюймом, осторожно крался вперед, выжидая, чтобы тюлень поднялся к отдушине подышать.

Как только показывалась голова зверя, Котуко быстро кидал в него свое копье на привязи и притягивал его к кромке льда; черный вожак подбегал к нему и помогал протащить убитого зверя к саням. Упряжные собаки выли, и их пасти покрывались от возбуждения пеной; Котуко хлестал их по мордам, как раскаленной сталью, пока убитый тюлень не замерзал так, что становился крепким. Возвращение представляло трудную работу. Приходилось следить за санками, пересекавшими неровный лед; собаки садились и, вместо того чтобы тащить их, жадно посматривали на добычу. Наконец выезжали на санную дорогу к деревне и двигались по звонкому льду; собаки опускали головы, поднимали хвосты, а Котуко начинал петь песню «Возвращающегося охотника», и под сумрачным, усеянным звездами небом из каждого дома до него долетали голоса.

Когда Котуко-пес вполне вырос, он стал тоже наслаждаться. Он медленно завоевывал себе почетное место среди остальных собак, подвигаясь вперед после каждого боя. И вот в один прекрасный вечер он во время еды оттрепал черного большого вожака (Котуко-мальчик видел, что это был честный бой) и после этого сделался, как называют инуиты, помощником. Наконец он занял место вожака и стал бегать на пять футов впереди всех остальных собак, получив обязанность прекращать все драки, были ли собаки в сбруе или на свободе, и стал носить очень тяжелый и толстый ошейник из медных проволок. В особых случаях его кормили в доме вареной пищей; иногда ему позволялось спать на скамье рядом с Котуко. Он был хорошей тюленьей собакой и умел останавливать мускусного быка, прыгая вокруг него и хватая его за ноги. Он даже (а для упряжной собаки это высочайшее доказательство мужества) шел один на один против тощего полярного волка, которого все северные собаки боятся больше, чем всех остальных зверей, бродящих по снегу Он и его хозяин (они не считали своими товарищами обыкновенных упряжных собак) охотились каждый день и каждую ночь: мальчик, закутанный в мех, и лютая длинношерстая желтая собака с

узкими глазами и с белыми клыками. У инуита есть только одно дело: добывать пищу и теплые шкуры для себя и своей семьи. Женщины делают из шкур платье, иногда помогают ловить в силки мелкую дичь; главный же запас еды (а едят они чудовищно много) должны добывать мужчины. Если запас пищи истощится, не у кого купить, попросить или занять съестных припасов, приходится умирать.

Инуит не думает о бедах, пока они не вырастают перед ним. Кадлу, Котуко, Аморак и новорожденный мальчик, который шевелился в меховой сумке Аморак да целый день жевал тюленье сало, составляли самую счастливую семью в мире. Они принадлежали к очень кроткой расе (инуит редко выходит из себя и почти никогда не бьет ребенка), к расе, не знавшей, что значит солгать по-настоящему, а еще меньше умевшей красть. Они довольствовались пропитанием, которое доставали среди лютого, безнадежного холода; улыбались масляными губами; по вечерам рассказывали странные истории о привидениях или сказки; ели до пресыщения и пели бесконечные «женские» песни «Амна айя, айя амна ах! Ах!» в течение целых дней при свете ламп и под эти звуки чинили свое платье и охотничьи принад-

лежности.

Но в одну страшную зиму все изменилось. Тунунирмиуты вернулись со своей ежегодной ловли лососей и построили жилища на раннем льду, к северу от острова Байлот, чтобы, едва море замерзнет, отправиться за тюленями. Но стояла ранняя и лютая осень. Весь сентябрь непрерывные бури ломали гладкий лед, когда он еще лежал слоем всего в четыре или пять футов толщины, выжимали его на сушу и наконец образовывали огромную преграду, миль в двадцать шириной, состоявшую из исковерканных, покрытых зазубринами льдин, и по этой поверхности не было возможности протащить собачьи сани. Окраина ледяного поля, на которой обыкновенно ловили тюленей, лежала приблизительно милях в двадцати от этой преграды, и тунунирмиуты не могли добраться до нее. Конечно, они все-таки прожили бы зиму, питаясь запасом мороженых лососей, тюленьего жира и дичью, попадавшейся в силки, но в декабре один из их охотников натолкнулся на «тупик» (палатку из звериных кож); в ней были три женщины и девушка-подросток, все слабые, почти умирающие. Мужчины из этой семьи пришли с севера и были раздавлены льдами, когда они в своих легких кожаных лодках

преследовали нарвалов. Понятно, Кадлу осталось только разместить этих женщин по зимним хижинам своей деревни: инуит никогда не решается отказать чужестранцу в пище. Он не знает, когда настанет его очередь просить! Аморак взяла девушку, которой было лет четырнадцать, в свой дом и превратила ее в нечто вроде служанки. Судя по ее остроконечной шапке и по узору в виде ромбов на ее высоких сапогах из кожи белого оленя, предполагалось, что она уроженка Эльсмирской земли. Девушка с севера никогда раньше не видывала жестяных котелков и саней с деревянными полозьями, но Котуко-мальчик и Котуко-собака очень полюбили ее.

Скоро все лисицы ушли на юг, и даже росомаха, этот ворчащий, тупоносый вор, не соблаговолила пройти вдоль ряда пустых силков Котуко. Племя потеряло двух своих лучших охотников, жестоко изуродованных во время боя с мускусным быком, и на плечи остальных легла лишняя работа. Котуко каждый день выходил на охоту с легкими охотничьими санками и с шестью или семью самыми сильными собаками; он смотрел до боли в глазах, отыскивая кусочек чистого льда, где тюлень мог прокопать для себя отдушину. Котукопес бегал взад и вперед, и среди мертвой тишины

этих снежных полей Котуко-мальчик слышал его полузаглушенное повизгивание; на расстоянии трех-четырех миль оно слышалось так ясно, точно раздавалось рядом. Когда собака находила отдушину, мальчик выстраивал маленькую низкую снежную стену для защиты от невыносимого ледяного полярного ветра, садился и ждал десять, двенадцать, иногда двадцать часов, чтобы тюлень подплыл подышать; глаза охотника не отрывались от маленькой метки над полыньей, которая должна была руководить ударом его гарпуна. Он сидел на коврике из тюленьей кожи, стянув ноги тутаренгом, ремнем, о котором ему раньше толковали старые охотники. Тутаренг удерживает от дрожи ноги человека, когда он все ждет, ждет и ждет, чтобы к поверхности воды подплыл тюлень, обладающий тонким слухом. Это не волнующая охота, и вы легко поверите, что такое неподвижное ожидание со связанными ногами, в то время как термометр показывает приблизительно сорок градусов ниже нуля, самая тяжелая работа. Когда тюлень бывал убит, Котуко-пес делал прыжок вперед, волоча за собою ремень, и помогал своему хозяину тащить зверя к саням, где под защитой громад льда лежали утомленные, голодные, мрачные собаки.

Тюленьего мяса хватало ненадолго; в маленькой деревне каждый рот имел право на еду, и ни одна кость, ни один кусок кожи или сухожилья не пропадали даром. Собачий корм теперь служил пищей для людей, и Аморак кормила упряжных псов кусками старой кожи летних палаток, вытащенных из-под скамеек для спанья. Бедные животные выли без конца; даже по ночам просыпались и выли от голода. Судя по каменным лампам в хижинах, становилось понятно, что голод подходит. В хорошие года, при изобилии тюленьего жира, пламя в этих лодкообразных плошках поднималось на высоту двух футов, было весело, желто, маслянисто. Теперь оно едва достигало шести дюймов. Когда пламя разгоралось сильнее, Аморак заботливо придавливала светильню из моха, и глаза всей семьи следили за ее рукой. Голод при страшном морозе не так смертельно ужасен, как страх умереть без света. Инуит боится темноты, которая без перерыва гнетет его шесть месяцев в году, и когда лампы горят тускло, мысли этих северян мешаются, делаются печальны. Но надвигалось еще худшее. Ненакормленные собаки лязгали зубами, ворчали в туннель, пылающими глазами смотрели на холодные звезды и по ночам нюхали свирепый

ветер. Когда их вой прекращался, наступала полная тишина, такая же тяжелая, как сугробы подле дверей; люди слышали биение крови в своих ушах и удары собственных сердец, громкие, как бой барабанов колдунов.

Раз ночью Котуко-пес, который был необыкновенно мрачен в этот день, вскочил, толкнул головой колено Котуко. Котуко погладил его, но собака снова, ласкаясь, толкнула его колено. Тогда проснулся Кадлу, схватил большую волчью голову пса и заглянул в его стеклянистые глаза. Собака задрожала и жалобно взвизгнула, зажатая коленями Кадлу. На ее шее поднялась шерсть; она заворчала, точно подле дверей был кто-то чужой, и вдруг весело залаяла, стала валяться по полу, как щенок, покусывая сапог Котуко.

— Что это? — спросил Котуко. Ему стало страшно.

— Это болезнь, — ответил Кадлу. — Собачья болезнь.

Котуко-собака подняла голову, завыла, замолчала и снова начала выть.

— Я прежде не видал этого. Что же с ним будет? — спросил Котуко.

Кадлу пожал одним плечом и перешел через хижину за своим коротким гарпуном. Большой пес

посмотрел на него, снова завыл и, скорчившись, пошел по туннелю, другие собаки расступались перед ним, давая ему дорогу. Выбежав наружу, на снег, он ожесточенно залаял, точно напав на след мускусного быка, и с лаем, прыгая и играя, исчез из вида. Это была не водобоязнь, а простое, настоящее сумасшествие. Холод, голод, главное же, темнота подействовали на его голову. Раз одну собаку охватывает эта страшная собачья болезнь, она распространяется и на других собак с быстротой лесного пожара. Во время следующей охоты днем заболела еще собака, и Котуко убил ее, когда она кусалась и билась среди постромок. Потом черный пес, помощник, бывший вожак, внезапно кинулся по воображаемому следу северного оленя и, когда его спустили, бросился на груду льда, наконец убежал, как это сделал Котуко-пес, унося с собой и свою сбрую. Теперь никто не стал выводить собак на охоту. Они могли пригодиться для других целей, и собаки знали это, и, хотя их привязали и кормили из рук, глаза бедных животных горели отчаянием и страхом. Точно для того, чтобы еще ухудшить дело, старые женщины принялись рассказывать истории о привидениях; говорить, что они видели духов охотников, погибших в эту осень, и что эти при-

зраки предсказывали всевозможные страшные бедствия.

Котуко больше жалел о пропаже своей собаки, чем о чем-либо другом, потому что, хотя инуит ест чудовищно много, он также умеет голодать. Тем не менее голод, темнота, мороз и вечное пребывание на морозе подействовали на мозг мальчика: ему стали слышаться голоса; он начал видеть людей, которых не было поблизости. Раз после десятичасового ожидания подле «слепой» тюленьей отдушины Котуко снял со своих ног ремень и побрел к деревне, слабый, чувствуя головокружение; вот он остановился и прислонился спиной к каменной глыбе, которая держалась на одном выступе льда. Вес мальчика нарушил равновесие камня; он покатился. Котуко прыгнул в сторону, чтобы увернуться от него, скользнул и с шипением полетел за ним по ледяному откосу. Этого было достаточно для Котуко. Его давно убедили, что в каждом утесе, в каждом камне есть жилец (его инуа). Обычно этот инуа — одноглазая женщина по имени Торнак; когда такая Торнак желает помочь человеку, она катится за ним в своем каменном доме и спрашивает его, желает ли он, чтобы она сделалась его духом-покровителем. Летом ледяные опоры скал тают, и

каменные глыбы катятся на каждом шагу; таким образом, вы легко поймете, почему родилась мысль о живых камнях. Целый день Котуко слышал в своих ушах шум крови и думал, что это его Торнак говорит с ним. К тому времени, как он вернулся домой, мальчик вполне убедился, что он вел длинный разговор с ней, и, так как Кадлу и все остальные считали это вещью возможной, никто не стал ему перечить.

— Она мне сказала: «Я качусь вниз, качусь вниз, с моего места на снегу», — говорил Котуко, с горящими глазами, наклоняясь вперед. — Она сказала: «Я буду проводницей». Она сказала: «Я буду водить тебя к хорошим тюленьим отдушинам». Завтра я пойду поохотиться, и Торнак пойдет со мной.

Пришел ангекок, местный колдун, и Котуко повторил ему то же самое. При повторении рассказ не стал хуже.

— Иди за торнайтами (духами камней), и они доставят нам еду, — произнес ангекок.

В течение нескольких последних дней девушка с севера лежала подле лампы, ела мало, говорила еще меньше; но когда на следующее утро Аморак и Кадлу приготовили маленькие ручные санки и нагрузили на них все охотничьи при-

надлежности и то количество тюленьего жира и мороженого мяса, которое могли выделить сыну, она взялась за постромку и зашагала рядом с Котуко.

— Твой дом — мой дом, — сказала она, когда санки с костяными полозьями, скрипя и громыхая, покатились среди ужасной полярной ночи.

— Мой дом — твой дом, — ответил Котуко. — Но мне кажется, что мы с тобой оба уйдем к Седне.

Седна — властительница подземного мира, и инуит верит, что каждый умерший должен целый год пробыть в ее ужасной стране и только после этого может попасть в квадлипармиут, счастливое место, где никогда не бывает мороза и толстые северные олени прибегают на зов людей.

Жители кричали: «Торнайты говорили с Котуко. Они покажут ему чистый лед. Он опять принесет нам тюленя!» Но холод скоро поглотил их голоса; сомкнулась густая тьма, Котуко и девушка шли рядом, натягивая постромки и направляясь к полярному морю. Котуко настойчиво повторял, что Торнак камня велела ему идти на север, и на север они шли под Туктукджунгом-Оленем, то есть под теми звездами, которые мы называем Большой Медведицей.

Ни один европеец не мог бы пройти и пяти миль в день по ледяным торосам и обледенелым высоким сугробам; но Котуко и его спутница умели так поворачивать кисти рук, чтобы заставить сани объезжать бугор, или так дернуть постромки, чтобы провести сани над трещиной; знали они также, сколько надо затратить сил, чтобы несколько раз спокойно ударить по льду наконечником копья и сделать тропинку проходимой.

Северная девушка не говорила, она только наклоняла голову, и длинная бахрома из меха росомахи, окаймлявшая ее горностаевый капюшон, падала на ее широкое темное лицо. Над ними распростерлось бездонное черное бархатное небо, на горизонте сменявшееся полосой оттенка индийской красной краски; большие звезды горели там, как уличные фонари. Время от времени зеленоватая волна северного сияния прокатывалась по высокому небу, мерцала, как флаг, потом исчезала; по временам метеор с треском пролетал из темноты в темноту, оставляя за собой целый поток искр. Тогда они видели изрезанную гребнями и рвами поверхность ледяного поля, на которой играли странные оттенки: красный, медный, синеватый; когда же светили одни

звезды, все делалось одинаковым, серым, безжизненным, скованным морозом. Как вы помните, осенние бури терзали и волновали море так, что оно превратилось в какое-то замерзшее землетрясение. Виднелись рвы, ущелья и впадины, похожие на песочные ямы, — все прорезанное во льду; ледяные глыбы и отколовшиеся куски лежали, примерзшие к первоначальной ледяной поверхности; валялись обломки старого черного льда, загнанные напором ветра под ледяной пласт и снова поднявшиеся вверх; рядом были округлые ледяные валуны, зубчатые гребни, образованные снегом, который летит, гонимый ветром, наконец глубокие ложбины площадью в тридцать-сорок акров, расположенные ниже уровня основного ледяного поля. На некотором расстоянии вы могли бы принять ледяные глыбы одну за тюленя, другую за моржа или же за опрокинутые санки, или за людей-охотников, или же за самого огромного десятиногого белого медведя-призрака; однако, несмотря на такие фантастические формы, как бы готовые ожить, не слышалось ни звука, ни даже малейшего слабого шума. И среди этой тишины, по этой пустыне, в которой внезапный свет вспыхивал и гас, санки и две фигуры, тащившие их, двигались, как фанта-

стические образы в кошмаре светопреставления на самой окраине мира.

Когда они уставали, Котуко строил то, что охотники называют «полудомом», — очень маленькую снежную хижину; в ней они отдыхали, взяв с собою походную лампу, и старались оттаять кусок мороженого тюленьего мяса. Выспавшись, они снова пускались в путь и проходили тридцать миль в день, чтобы подвинуться на десять миль к северу. Девушка почти все время молчала; Котуко же бормотал что-то про себя или время от времени пел песни, которым научился в «доме песен», молельне: летние песни, оленьи, песни лосося, — все очень неуместные в это время года. Иногда он объявлял своей спутнице, что с ним говорит Торнак, и быстро поднимался на пригорок, вскидывая руки с громким угрожающим криком. Говоря правду, в то время Котуко был близок к помешательству, но его молчаливая спутница верила, что дух-хранитель направляет его и что все окончится хорошо. Поэтому она не удивилась, когда в конце четвертого перехода Котуко, глаза которого горели, как огненные шарики, сказал ей, что его Торнак идет за ними по снегу в форме двухголовой собаки. Девушка посмотрела в ту сторону, куда показывал Котуко: что-то дей-

ствительно скользнуло в ложбину. Конечно, не человек; но ведь всякий же знает, что торнайты предпочитают являться в образе медведя, тюленя или другого зверя.

Может быть, это был сам десятиногий белый призрак-медведь или еще что-нибудь другое? Котуко и его спутница до того изголодались, что не могли полагаться на свои глаза. С того времени, как они вышли из деревни, им не удалось поймать в силки никакого зверя; они даже не видали следов дичи; запаса пищи могло им хватить только еще на одну неделю; вдобавок подходила буря. Полярная буря может бушевать десять дней без всякого перерыва, и все это время путнику грозит смерть. Котуко выстроил снежный дом, настолько просторный, чтобы в нем поместились санки (он хотел иметь под рукой запас пищи), и когда укреплял в снегу последний кусок льда, неправильной формы, который служит замковым камнем крыши, увидал, что на небольшом ледяном утесе, на расстоянии мили от новой постройки, стои́т какое-то существо и смотрит на него. В туманном, неясном воздухе существо это, казалось, имело сорок футов в длину и десять в высоту, с двадцатифутовым хвостом; все его контуры колебались и дрожали. Девушка с

севера тоже увидала существо, но не закричала от ужаса, а спокойно заметила:

— Это Квикверн. Что будет дальше?

— Он заговорит со мной, — ответил Котуко, но нож для снега дрогнул в его руке: как бы ни был человек уверен в том, что он в дружбе со страшными и безобразными духами, он все же не любит быть пойманным на слове.

Квикверн — призрак исполинской беззубой и безволосой собаки; предполагается, что она живет на далеком севере и разгуливает повсюду, предвещая этим начало великих событий. Они могут быть приятны или неприятны; во всяком случае, даже колдуны не любят говорить о Квикверне. Именно он сводит собак с ума. Как и у призрачного медведя, у этого исполинского пса несколько лишних пар ног — шесть или восемь. Чудище, которое видели Котуко и его спутница, прыгало в дымке тумана, и у него оказывалось больше ног, чем нужно обыкновенной собаке. Котуко и северная девушка быстро юркнули в свою хижину. Конечно, если бы Квикверн пожелал добраться до них, он мог бы разметать крышу над их головами, тем не менее сознание, что пятифутовая снежная стена отделяла их от страшной темноты, служило для них успокоением. Ветер

визгнул, напоминая крик поезда; началась буря; она продолжалась трое суток без малейшей передышки, и ветер бушевал, не утихая ни на минуту. Котуко и его спутница поочередно держали между коленями каменную лампу, подбавляя в нее тюлений жир, ели полутеплое тюленье мясо и смотрели, как черная сажа собиралась на крыше; все это в течение семидесяти двух долгих часов. Девушка измерила количество мяса в санях; его осталось всего дня на два; Котуко осмотрел железные наконечники и привязи из оленьих жил на своем гарпуне, на тюленьем копье и на птичьей стреле. Больше нечего было делать.

— Скоро мы уйдем к Седне, очень скоро, — прошептала девушка с севера. — Через три дня мы ляжем и уйдем. Неужели твоя Торнак не поможет нам? Спой ей песню ангекока, чтобы призвать ее.

Котуко запел высоким, завывающим тоном волшебных песен, и буря медленно утихла. В середине его песни северянка вздрогнула и опустила на ледяной пол хижины сначала свою руку в рукавице, а потом и голову. Котуко последовал ее примеру; скоро оба стали на колени, глядя друг другу в глаза, и, напрягая все свои нервы, слушали. Юноша оторвал тонкую серебристую

пластинку китового уса от края птичьего силка, который лежал на санях, распрямил ее и рукавицей укрепил в маленьком углублении во льду. Эта пластинка была почти так же нежна, как игла компаса, и теперь, перестав слушать, они наблюдали. Тонкий прутик слегка задрожал; это было самое незаметное колебание в мире; потом несколько секунд он вибрировал, успокоился, снова задрожал, на этот раз указывая совсем в другую сторону.

— Слишком рано, — сказал Котуко. — Где-то далеко, далеко отсюда взломалось ледяное поле.

Девушка указала на прутик и покачала головой.

— Сильные толчки, — сказала она. — Ломается большое пространство. Послушай нижний лед. Он вздрагивает.

Когда они снова опустились на колени, на этот раз до их слуха донеслось странное заглушенное ворчание как будто из-под ног; почувствовали они также удары. Иногда казалось, будто над лампой взвизгивал слепой щенок, потом точно кто-то ворочал большой камень по льду, потом раздавались как бы удары барабана, но все звучало глухо, точно доносилось откуда-то издалека сквозь маленький рупор.

— Мы не пойдем к Седне, — сказал Котуко. — Лед ломается. Торнак нас обманула: мы умрем.

Все это может казаться нелепостью, но перед ними стояла настоящая опасность. Трехдневная буря погнала воду Баффинова залива на юг, и она залила окраину далеко выходящего материкового льда, который простирался от острова Байлот к западу. Кроме того, сильное течение, которое бежит к востоку от Ланкастерского пролива, несло с собой миля за милей то, что местные жители называют «плавучим льдом» — ледяную шугу; эти куски бомбардировали ледяную поверхность; в то же время возмущенное бурей море разрушало и взламывало ее. Котуко и его спутница слышали только отзвуки борьбы, происходившей за тридцать-сорок миль от них. А маленький, так много говорящий прутик дрожал от этих ударов.

Инуиты говорят, что раз лед становится некрепким после долгого зимнего сна, трудно предвидеть, что случится дальше, потому что твердое ледяное поле изменяет свой абрис, чуть ли не с такою же скоростью, как облако. Налетевшая буря, очевидно, была преждевременной, весенней, и было возможно решительно все.

Тем не менее Котуко и северянка чувствовали себя счастливее прежнего. Если лед сломается,

им не придется больше выжидать и страдать. Духи, привидения и волшебные существа двигались по качающемуся льду, значит, девушка и ее спутник могли вступить в область Седны вместе с этими удивительными существами, продолжая чувствовать волнение и восторг. Буря улеглась, они вышли из хижины; шум на горизонте постепенно возрастал, и крепкий лед стонал и трещал вокруг них.

— Он все еще ждет, — заметил Котуко.

На вершине снежного холма, не то сидя, не то скорчившись, ждало восьминогое чудовище, которое они видели три дня тому назад, и выло страшным голосом.

— Пойдем за ним, — сказала девушка. — Может быть, Квикверн знает дорогу, которая ведет не к Седне. — Она взялась за постромку, но зашаталась от слабости. Чудовище неуклюже и медленно двинулось по снежным гребням, постоянно держась направления к земле; они пошли за ним, а ворчащий гром на окраине ледяного поля раскатывался и становился ближе. Поверхность льда, треща, раскалывалась по всем направлениям; огромные ледяные пласты, толщиной футов в десять и от нескольких ярдов до двадцати акров в квадрате, ныряли, прыгали, находили один на

другой или на еще невзломанную поверхность ледяного поля, повинуясь сильным волнам, которые сотрясали их и с пеной прокатывались между ними. Этот лед, похожий на таран, составлял, так сказать, первую армию, высланную морем против ледяных полей. Непрерывный грохот и удары огромных пластов почти поглощали треск и звон тех партий отдельных ледяных глыб, которые ветер загонял под крепкий лед, как мы прячем карты под салфетку на столе. В мелкой воде ледяные пласты громоздились друг на друга; нижние врезались в ил на глубине пятидесяти футов; а бушующее море так сильно напирало на илистый лед, что, наконец, давление воды снова двигало вперед все эти груды. Вдобавок буря и течения принесли с собой настоящие айсберги, плавающие ледяные горы, оторванные от берега Гренландии или от северного берега полуострова Мельвиля. Они торжественно ударились о лед; белые волны разбивались о них, и они шли к ледяному полю, точно древний флот на всех парусах. Гора, казалось, готовая унести весь мир раньше, чем беспомощно сесть на мель, переворачивалась, валялась среди пены, грязи и разбрасывала замерзшие брызги, тогда как гораздо меньший и не такой высокий обломок

льда врезался в плоский край ледяного поля, раскидывая во все стороны целые тонны льда раньше, чем останавливался. Некоторые глыбы, точно мечи, прорубали каналы с неровными краями; некоторые рассыпались градом осколков, из которых каждый весил несколько десятков тонн, и все катились и вращались среди ледяных торосов. Иногда льдины, сев на мель, дыбом поднимались над водой, кривились, точно от боли, и тяжело падали набок, а волны их захлестывали.

По всей северной окраине ледяного поля, насколько хватало глаз, происходила сумятица: лед ломался, толкался, принимал всевозможные формы. С того места, где были Котуко и северная девушка, все это смятение, вся эта борьба казались какой-то беспокойной рябью, каким-то незначительным движением на горизонте; но оно с каждым мгновением приближалось к ним; издали, со стороны земли они слышали тяжелые удары, похожие на грохот артиллерийских выстрелов, доносящихся сквозь туман. Это значило, что ледяное поле было зажато железными утесами острова и отодвинуто к земле на юг.

— Ничего подобного никогда не бывало прежде, — тупо глядя вперед, заметил Котуко. — Еще рано. Как может теперь ломаться лед?

— Пойдем за «этим», — сказала северянка, показывая на существо, которое, хромая, бежало перед ними.

Они двинулись за ним и повезли свои ручные санки; а громовое шествие льда становилось все ближе. Наконец ледяное поле звездообразно треснуло около них, и трещины разбежались во все стороны, а потом разверзлись и лязгнули, как волчьи зубы. Но там, где остановилось существо, на холме из старых, отдельных ледяных глыб, поднимавшемся футов на пятьдесят, не было движения. Котуко опрометчиво кинулся вперед, таща за собою свою спутницу, и так добрался до подножия холма. Голос льда делался громче, но пригорок стоял неподвижно, и когда девушка посмотрела на Котуко, он двинул своим правым локтем от себя и поднял его вверх, таким знаком инуит обозначает землю, вернее, остров. И действительно, восьминогое, хромающее создание привело их к земле, к гранитному островку с песчаной отмелью; этот лежавший недалеко от берега остров был так одет, окутан и замаскирован льдом, что ни один человек в мире не мог бы отличить его от ледяной глыбы, тем не менее в его сердцевине была твердая земля, а совсем не хрупкий лед. Ледяное поле рушилось; куски

льда отскакивали, разламывались, дробились, обозначая его границы; вот из-подо льда показалась мель; она тянулась к северу и отражала натиск самых огромных и тяжелых льдин, опрокидывая их совершенно так, как лемех плуга переворачивает землю. Конечно, опасность еще не миновала; какая-нибудь сдавленная, огромная льдина могла надвинуться на берег и смести весь островок, но это не пугало Котуко и девушку с севера; они устроили снежный дом и стали есть, слушая, как лед шипел вдоль отмели. Существо исчезло. Теперь Котуко, сжимая коленями лампу, с волнением говорил о своей власти над духами. Но в середине его сбивчивой речи девушка засмеялась, раскачиваясь вперед и назад.

Из-за ее плеча осторожно выглянули две головы, одна желтая, другая черная; это были головы двух самых опечаленных и пристыженных собак, которых вы когда-либо видели. Одна была Котуко-пес, другая — черный вожак. Обе жирные, красивые, и обе совершенно здоровые; но они оказались связаны между собой. Вспомните: черный вожак убежал со своей сбруей. Он, вероятно, встретил Котуко-пса, стал играть с ним, или они подрались; во всяком случае, его наплечная петля зацепилась за ошейник из медной прово-

локи, обвивавший шею Котуко, и затянулась; таким образом, ни один из бедных псов не мог дотянуться до постромки, чтобы перегрызть ее, их соединяла как бы смычка; каждый пес был прижат к плечу своего соседа. Это обстоятельство вместе с возможностью охотиться только для себя, вероятно, излечило их от безумия. Теперь обе собаки совершенно выздоровели.

Северная девушка толкнула двух пристыженных псов к Котуко и, задыхаясь от смеха, сказала:

— Вот этот Квикверн отвел нас в безопасное место… Посмотри-ка, у него восемь ног и две головы!

Котуко перерезал ремень, и обе собаки, черная и желтая, кинулись к нему в объятия, стараясь по-своему объяснить, как они отделались от безумия. Котуко провел рукой по их бокам, круглым и полным.

— Собаки нашли пищу, — с усмешкой сказал он. — Вряд ли мы так скоро пойдем в область Седны. Моя Торнак прислала их. Они отделались от болезни.

Покончив с приветствиями, собаки, которые несколько недель волей-неволей вместе спали, ели и охотились, бросились друг на друга, и в

снежном доме произошел великолепный бой.

— Голодные собаки никогда не дерутся, — заметил Котуко. — Они отыскали тюленя. Давай заснем, у нас скоро будет пища.

Когда Котуко и девушка проснулись, с северной стороны островка появилась открытая вода, отдельные льдины были отогнаны в сторону земли. Первый звук прибоя — самая восхитительная музыка для инуита: он обозначает приближение весны. Котуко и девушка с севера взяли друг друга за руки и улыбнулись; ясный, мощный грохот прибоя среди льда напомнил им о наступлении времени ловли лососей и охоты на оленей и воскресил в их памяти запах цветущих низкорослых ив. На их глазах вода между плавающими льдинами начала затягиваться корками; так силен был холод; зато на горизонте разливалось широкое красное сияние — свет утонувшего солнца. Казалось, это больше походило на зевок светила во время его глубокого сна, чем на первые лучи восхода; блеск солнца продержался всего несколько минут, однако он обозначал поворот года. Котуко и девушка чувствовали, что ничто в мире не могло изменить этого.

Котуко застал собак во время драки над только что убитым ими тюленем, который приплыл за

встревоженной бурей рыбой. Этот тюлень был первый из двадцати или тридцати, в течение дня проплывших к островку; пока море не замерзло совершенно, несколько сотен черных голов виднелось в мелкой воде или плавало посреди отдельных льдин.

До чего было приятно снова поесть тюленьей печенки, не скупясь наполнить лампы тюленьим жиром и смотреть, как в воздухе пылает пламя, поднимаясь на три фута! Однако, едва окреп новый лед, Котуко и его спутница нагрузили санки и впрягли в них двух собак, и все они тянули так, как еще никогда прежде. Котуко и девушка боялись за оставшихся в деревне. Стояла такая же безжалостная погода, как всегда; тем не менее легче везти санки, нагруженные съестными припасами, чем охотиться, умирая от голоду. Они зарыли в лед на отмели двадцать пять убитых и разделанных тюленей и поспешили домой. Котуко сказал собакам, чего он от них ждет, и псы показывали ему дорогу; таким образом, хотя нигде не было ни признака зарубок или вех, через два дня псы стояли подле дома Кадлу и лаяли. Им ответили только три собаки; остальных съели; во всех домах было темно. Но когда Котуко закричал: «Ойо!» — вареное мясо, послышались слабые

голоса, когда же он сделал перекличку жителей деревни — откликнулись решительно все.

Через час в доме Кадлу запылали лампы; снежная вода согревалась; котлы начали петь, и с крыши закапала вода. Аморак приготовила обед для своей деревни; ее малютка в меховой сетке жевал кусок жирного, маслянистого тюленьего сала; охотники же медленно и методично досыта наедались тюленьим мясом. Котуко и северная девушка рассказывали о том, что случилось. Между ними сидели две собаки; слыша свое имя, каждая из них поднимала одно ухо с крайне пристыженным видом. По словам инуитов, та собака, которая раз сходила с ума, навсегда избавлена от опасности повторения подобных припадков.

— Видите, Торнак нас не забыла, — сказал Котуко. — Налетела буря, лед сломался, тюлени поплыли за рыбой, испуганной порывами ветра. Теперь новые тюленьи отдушины всего в двух днях пути от нас, даже меньше. Пусть хорошие охотники отправятся завтра и притащат сюда тюленей, которых я убил копьем, — двадцать пять тюленей я зарыл во льду! Когда мы съедим их, мы все снова пойдем на охоту.

— Что ты делаешь? — спросил колдун тем тоном, каким он обыкновенно разговаривал с Кадлу, самым богатым человеком в Тунунирмиуте.

Кадлу посмотрел на девушку с севера и спокойно ответил:

— Мы строим дом. — И он указал к северо-западу от своего жилища, потому что именно с этой стороны дома родителей всегда селится их женатый сын или замужняя дочь.

Северная девушка подняла свои руки ладонями вверх и немного уныло покачала головкой. Она чужестранка. Ее подобрали полумертвую от голода, и она ничего не могла принести в хозяйство.

Аморак быстро поднялась со скамьи и принялась бросать на колени девушки разные разности: каменные лампы, железные скребки для кожи, жестяные котлы, оленьи шкуры, вышитые зубами мускусного быка, и настоящие парусные иглы, употребляемые моряками. Это было самое лучшее приданое, когда-либо виданное на дальней окраине Полярного круга, и девушка с севера склонила голову до самого пола.

— И вот эти, — смеясь и напевая на ухо собакам, сказал Котуко, и псы коснулись своими холодными носами лица девушки.

— Ах! — проговорил ангекок и кашлянул с важным видом, точно глубоко обдумывая что-то. — Как только Котуко ушел, я прошел в молельню и запел волшебные песни. В течение

долгих-долгих ночей я все пел и взывал к духу оленя. Это от моих песен началась буря, которая сломала лед и пригнала двух собак на Котуко, как раз в ту минуту, когда лед мог изломать его кости. Это мои песни заставили тюленей плыть вслед за разбитым льдом. Мое тело лежало неподвижно, но дух носился по льду и направлял Котуко и собак, заставляя их делать все, что они сделали. Все совершил я.

Все уже наелись, всем хотелось спать, а потому никто не стал спорить. Тогда ангекок, в силу своего положения, взял себе еще кусок вареного мяса, съел его и лег вместе с остальными посреди этого теплого, ярко освещенного, пахнущего жиром дома.

Котуко, который, с точки зрения инуита, рисовал очень хорошо, выцарапал рисунки всех своих приключений на длинной костяной пластинке с отверстием с одного ее края. Когда он и северная девушка ушли на север в Эльсмирскую землю, в год чудесной зимы безо льда, он оставил этот рассказ в картинах Кадлу, а тот потерял пластинку, когда его санки сломались летом на берегу озера Нетилинга, в Никозиринге. Один приозерный инуит нашел ее следующей весной и продал в Имигене человеку, который был

переводчиком на китоловной лодке в Кумберлендском проливе. Тот, в свою очередь, продал ее Гансу Ольсону, впоследствии занявшему место квартирмейстера на большом пароходе, который возил путешественников к Нордкапу в Норвегии. Когда закончился сезон путешествий, пароход этот стал курсировать между Лондоном и Австралией, с остановками на Цейлоне. Там Ольсон продал пластину сингельскому ювелиру за два поддельных сапфира. Я нашел ее среди разного хлама в одном доме в Коломбо и перевел всю историю от начала до конца.

Рыжие собаки

Именно после того, как джунгли вошли в деревню, для Маугли началась самая приятная часть его жизни. Он наслаждался спокойной совестью, как человек, только что уплативший долг; все в джунглях обращались с ним дружески и чуть-чуть боялись его. То, что он делал, то, что он видел и слышал во время своих блужданий от одного племени к другому со своими ли четырьмя товарищами или совсем один, составило бы множество рассказов, таких же длинных, как вот этот. Итак, вам никогда не скажут, как Маугли повстречался с безумным слоном из Мандлы, который, напав на обоз фур, запряженных двадцатью двумя быками и нагруженных серебряными монетами для правительственного казначейства, убил быков и разбросал в пыли блестящие рупии; как он целую ночь бился с Джекалом, крокодилом, в северных болотах и сломал свой нож о роговые пластинки на спине этого чудовища; как нашел новый и более длинный нож, который висел на шее человека, убитого диким кабаном; как выследил этого самого каба-

на и, в свою очередь, убил его, в уплату за нож; как однажды он чуть не погиб от голода из-за передвижения оленей, которые едва не раздавили его, бросаясь из стороны в сторону; как он уберег Хати Молчаливого от опасности провалиться в яму с колом и как на следующий день сам попал в очень хитрую леопардовую ловушку, и Хати разломал на куски толстые деревянные перекладины над его головой; как он доил диких буйволиц в болоте и как…

Но нам следует рассказывать по порядку, по одной истории. Родители Волки умерли, и Маугли загородил большим камнем вход в родную пещеру и пропел погребальную песню; Балу сильно состарился, сделался неповоротлив, и даже Багира, нервы которой были тверды как сталь, а мускулы крепки как железо, стала охотиться чуть-чуть медленнее прежнего. Акела уже был не серый волк; он сделался молочно-белым от старости; его ребра выдавались, и он двигался точно деревянный; Маугли убивал для него дичь. Но молодые волки, дети рассеянной стаи, процветали и множились, и, когда их набралось около сорока, всех безначальных, громкоголосых пятигодовиков, Акела посоветовал им собраться вместе, начать следовать Закону и бегать под

предводительством одного вожака, как это подобало Свободному Народу.

Этот вопрос совершенно на касался Маугли, потому что, как он говорил, ему однажды пришлось отведать горького плода, и он знал дерево, на котором этот плод вырастает, но когда Фао, сын Фаона, главного разведчика во дни главенства Акелы, добился согласно Закону Джунглей места вожака стаи и под звездным небом снова зазвучали старинные призывы и старинные песни, Маугли ради прошлого согласился приходить к Скале Совета. Когда он говорил, стая ждала, выслушивая его до конца, и он сидел рядом с Акелой на скале немного ниже утеса Фао. Это были дни, в которые стая хорошо охотилась и крепко спала. Никто чужой не решался врываться в джунгли, принадлежавшие племени Маугли, как стая называла себя, и молодые волки толстели, набирались сил. Для осмотра приводили множество волчат. Маугли всегда присутствовал при осмотре и вспоминал ту ночь, в которую черная пантера купила бесшерстого коричневого ребенка, и протяжный возглас «Смотрите, смотрите хорошенько, о волки» заставлял трепетать его сердце. В другое же время Маугли и его четыре брата уходили далеко в джунгли, пробовали,

ощупывали новые вещи, разглядывали и обнюхивали их.

Раз в сумерки он бежал легким шагом, чтобы отдать Акеле половину убитого им оленя, а четыре волка трусили за ним, боролись между собой, опрокидывали друг друга, полные радости жизни. Вдруг Маугли услышал крик, не слыханный с недоброго времени Шер Хана. Такой крик в джунглях зовется «фиал». Это неприятный визг шакала, который охотится позади тигра, его вопль перед началом огромной грызни. Если вы способны представить себе выражение ненависти, торжества, страха, отчаяния вместе с оттенком чего-то вроде насмешки, все слившееся в одном возгласе, вы получите некоторое представление о том фиале, который то усиливался, то затихал, колебался, вздрагивая далеко за рекой. Четыре волка сразу остановились, ощетинились и заворчали. Рука Маугли взялась за нож; он тоже замер, кровь бросилась ему в лицо; он нахмурился.

— Ни один полосатый не смеет убивать здесь, — сказал он.

— Это не крик «предшественников», — ответил Серый Брат. — Идет большая охота. Слушай.

Снова зазвучал вопль, не то рыдание, не то

смех; казалось, будто у шакала были мягкие человеческие губы. Переведя дух, Маугли побежал к Скале Совета и по дороге обогнал волков из сионийской стаи. Фао и Акела, оба, сидели на скале; ниже помещались остальные, насторожившиеся, внимательные. Матери с волчатами убежали к своим логовищам; когда раздается фиал, слабым существам не время быть на открытом месте.

Ничего не было слышно, только Венгунга журчала и плескалась в темноте, да легкий вечерний ветер шелестел в вершинах деревьев; вдруг из-за реки раздался призыв волка.

Он не принадлежал к стае, потому что все сионийские волки были около Скалы Совета. Вой превратился в продолжительный отчаянный лай; он говорил: «Долы! Долы! Долы, долы!» По скалам зацарапали усталые лапы, и очень худой волк с окровавленными боками, со сломанной передней лапой и с пеной у рта бросился в круг и, задыхаясь, лег в ногах у Маугли.

— Хорошей охоты! Под чьим предводительством? — серьезно спросил его Фао.

— Хорошей охоты! Я — Вон-толла, — послышался ответ.

Это значило, что израненный пришелец — одинокий волк, что он сам заботится о себе, что его

подруга и детеныши скрываются в уединенной пещере, по обычаю многих волков юга. Вон-толла значит отщепенец, волк, отделившийся ото всех стай. Раненый задыхался, и все видели, как от ударов сердца он качался то вперед, то назад.

— Кто идет? — спросил Фао (в джунглях всегда задают этот вопрос после того, как раздался фиал).

— Долы, долы, деканские долы! Рыжие собаки-убийцы! Они пришли с юга, говоря, что в Декане нет дичи, и по дороге убивают всё и всех. Когда эта луна была молода, я имел четверых близких — подругу и трех волчат. Она хотела научить их охотиться на травянистой низине, прятаться, чтобы выгонять оленя, как делаем всегда мы, жители открытых равнин. В полночь я услышал, как все они вместе воют по следу. Когда же подул ветер рассвета, я нашел их окоченевшие трупы… Четверо! Свободный Народ, четверо было их при начале этой луны! Тогда я решил воспользоваться своим правом крови и отыскал долов.

— Сколько их? — быстро спросил Маугли. И волки стаи заворчали глубоким горловым звуком.

— Я не знаю. Три дола никогда больше не будут убивать дичи; остальные же гнали меня, как оленя; они гнали меня, а я убегал от них на трех

ногах. Смотри, Свободный Народ!

Он вытянул свою переднюю изуродованную лапу, потемневшую от запекшейся крови. Его бока были жестоко искусаны; горло разорвано.

— Поешь, — сказал Акела, отстраняясь от мяса, которое ему принес Маугли, и пришелец накинулся на остатки оленя.

— Ваше дело не пропадет, — скромно сказал он, утолив свой первый голод. — Дайте мне набраться сил, и я тоже буду убивать. Ведь опустело мое логовище, которое было полно, когда с неба смотрела новая луна, и долг крови уплачен не вполне.

Фао услышал, как под зубами Вон-толлы хрустнула толстая кость оленьего бедра, и одобрительно проворчал:

— Нам понадобятся эти челюсти. С долами идут детеныши?

— Нет, нет! Одни рыжие охотники, взрослые, сильные, хотя они и едят ящериц.

Вон-толла хотел сказать, что долы, рыжие собаки Декана, двигались ради охоты и убийства, а стая знала, что даже тигр уступает долам свою добычу.

Рыжие собаки несутся через джунгли, убивают всё на своем пути, разрывают зверей в клочья.

Хотя долы не так крупны и далеко не так хитры, как волки, они очень сильны и многочисленны. Долы, например, называют себя стаей, только когда их наберется не менее сотни; между тем сорок волков образуют уже настоящую стаю. Во время своих блужданий Маугли доходил до края высокого травянистого плоскогорья Декана: он видел, как бесстрашные долы спали, играли между собой или почесывались в маленьких впадинах, которые они считают своими логовищами. Он презирал и ненавидел их за то, что они пахли иначе, чем Свободный Народ, не жили в пещерах, главное же, за то, что между их пальцами росла шерсть, тогда как у него и у его друзей были чистые подошвы. Однако, со слов Хати, Маугли знал, как ужасна стая долов. Даже Хати сторонится их, и пока долы не бывают все перебиты или дичи не становится мало, они — идут вперед.

Вероятно, Акела тоже кое-что знал о долах, потому что, обращаясь к Маугли, спокойно сказал:

— Лучше умереть среди стаи, нежели в одиночестве, без вожака. Предстоит хорошая охота и… последняя для меня. Однако ты проживешь еще много ночей и дней, Маленький Брат; люди живут долго. Иди на север, ложись, и если после ухода долов кто-нибудь из нашей стаи останется

в живых, он расскажет тебе о битве.

— А, — очень серьезно ответил Маугли, — я должен уйти в болото, ловить мелких рыбок и спать на дереве? Или не лучше ли мне попросить помощи у Бандар-лога и, сидя в ветвях, щелкать орехи, пока стая будет биться внизу?

— Придется бороться насмерть, — произнес Акела. — Ты никогда не встречался с долами, красными убийцами. Даже полосатый…

— Ой-ой! — запальчиво ответил Маугли. — Я убил одну полосатую обезьяну и нутром чувствую, что Шер Хан отдал бы на съедение долам свою собственную тигрицу, если бы он почуял их стаю вблизи. Слушай: на свете жил Волк, мой отец, и Волчица, моя мать. Жил также старый серый Волк (не слишком-то умный; он теперь белый), который был для меня и отцом и матерью. Поэтому я, — он возвысил голос, — я говорю, что, когда долы придут (если придут), Маугли и Свободный Народ будут сражаться вместе. И клянусь выкупившим меня быком, отданным в виде платы, внесенной Багирой в старое время, которого не помните вы, волки нынешней стаи (прошу деревья и реку услышать и запомнить все), в случае, если я забуду, да, клянусь, что вот этот мой нож послужит зубом стаи, и он не кажет-

ся мне слишком тупым! Вот какое слово сказал я, это мое слово.

— Ты не знаешь долов, человек с волчьим языком, — заметил Вон-толла. — Я хочу заплатить им мой долг крови раньше, чем они разорвут меня на многие части. Они двигаются медленно, убивая все по дороге; через два дня ко мне вернется немного прежней силы, и я пойду на них ради долга крови. Но тебе, Свободный Народ, я советую уйти на север и жить впроголодь, пока долы не вернутся в Декан. Эта охота не дает пищи.

— Послушай, Вон-толла, — со смехом сказал ему Маугли. — Значит мы, Свободный Народ, должны убежать на север, вырывать из-под речных берегов ящериц и крыс, чтобы как-нибудь случайно не встретить долов? Они опустошат места нашей охоты, мы же будем прятаться на севере до тех пор, пока они не соблаговолят отдать нам наши же джунгли. Долы — собаки, щенки собак, рыжие, желтобрюхие, бездомные псы с шерстью между пальцами! Дол рождает по шести и по восьми детенышей, как Чикаи, маленькая прыгающая крыса (кабарганчик). Конечно, мы должны бежать, Свободный Народ, и просить у северных племен позволения подбирать объедки и падаль. Вы знаете поговорку: на севере — черви;

на юге — слизни. Мы — джунгли. Сделайте выбор, о, сделайте! Это хорошая охота! Во имя стаи, во имя полной стаи, во имя логовищ и детенышей; ради охоты дома и охоты вне дома, ради подруги, которая гонит лань, и ради маленького волчонка в пещере — вперед! Вперед! Вперед!

Стая ответила одним глубоким громовым лаем, который прозвучал в ночи, точно грохот большого упавшего дерева.

— Идем! — крикнули волки.

— Останьтесь с ними, — сказал Маугли своим Четверым. — Нам понадобится каждый зуб. Фао и Акела подготовят все к бою. Я же иду сосчитать собак.

— Но это смерть! — приподнимаясь, закричал пришелец. — Что может сделать бесшерстый один с рыжими собаками? Даже полосатый, вспомните…

— Поистине ты — Вон-толла, — бросил ему Маугли через плечо, — но мы поговорим, когда долы будут убиты. Хорошей охоты вам всем.

Маугли ушел в темноту; он был охвачен сильным волнением, и он плохо смотрел себе под ноги, а потому совсем неудивительно, что юноша натолкнулся на питона Каа, который лежал на оленьей тропинке близ реки; Маугли упал и

растянулся во всю свою длину.

— Кшша, — сердито сказал Каа. — Так водится в джунглях — идут, шагают и уничтожают всю ночную охоту, главное, когда дичь подходила так хорошо…

— Я виноват, — поднимаясь, сказал Маугли. — Ведь я искал тебя, Плоскоголовый, но при каждой нашей встрече ты делаешься все длиннее и толще. В джунглях нет никого, подобного тебе, Каа, мудрый, старый, сильный и прекрасный Каа.

— Куда же ведет эта тропа? — голос Каа звучал мягче. — Всего месяц тому назад человечек с ножом бросал мне в голову камни и называл меня такими дурными именами, какими можно осыпать только маленькую дикую кошку, за то, что я заснул на открытой поляне.

— Да, и разогнал оленей во все четыре ветра, а в то время Маугли охотился. Плоскоголовый был так глух, что не услышал свистка и не пожелал сойти с оленьей тропинки, — спокойно ответил Маугли и уселся между пятнистыми кольцами.

— А теперь этот самый человечек приходит к тому же самому Плоскоголовому с нежными, льстивыми словами; называет его мудрым, сильным и красивым, и старый Плоскоголовый верит ему и устраивает вот такое удобное местечко

для бьющего его камнями человечка и… Тебе так удобно? Скажи, разве Багира может предоставить тебе такое удобное ложе для отдыха?

Каа, по обыкновению, сделал из себя нечто вроде мягкого гамака для Маугли. Юноша в темноте съежился на упругой, похожей на канат, шее Каа; голова же огромного питона легла на его плечо. Наконец Маугли рассказал змее обо всем, что произошло в джунглях в эту ночь.

— Может быть, я умен, — заметил Каа, — а глух наверняка; в противном случае я, конечно, услышал бы фиал. Неудивительно же, что травоядные беспокоятся. Сколько долов?

— Я еще не видал их. Я прямо пришел к тебе. Ты старше Хати. Но, о Каа, — тут Маугли завозился от радостного чувства, — будет славная охота! Немногие из нас увидят новую луну!

— Разве ты тоже хочешь биться? Помни, ты человек, помни также, что стая выгнала тебя. Пусть волки встретятся с собаками. Ведь ты-то человек.

— Прошлогодние орехи теперь черная земля, — сказал Маугли. — Правда, я человек, но сегодня ночью я назвал себя волком и попросил реку и деревья помнить об этом. Пока долы не уйдут, я один из Свободного Народа.

— Свободный Народ, — проворчал Каа. — Сво-

бодные воры! И ты запутал себя в смертельный узел, в память мертвых волков? Это нехорошая охота.

— Я дал слово. Деревья знают это; река знает. Пока долы не уйдут, я не возьму назад своего слова.

— Нгшш! Ну, это тропинки другого рода! Я хотел было увести тебя с собой к северным болотам; но слово — хотя бы слово маленького обнаженного, бесшерстого человечка — всегда слово. Теперь я, Каа, скажу…

— Подумай хорошенько, Плоскоголовый, чтобы тоже не запутаться в смертельный узел. От тебя мне не нужно слова; я хорошо знаю…

— Пусть так и будет, — сказал Каа. — Я не дам слова. Но что ты будешь делать, когда придут долы?

— Они должны переплыть через реку. Я думал вместе со стаей встретить их моим ножом в мелкой воде. Ударяя лезвием и раскидывая этих собак, мы могли бы повернуть их вниз по течению или охладить их пасти.

— Долы не отступят, и пасти им не охладить, — ответил Каа. — По окончании боя не останется ни человека, ни детеныша волка, а будут валяться только голые кости.

— Алала! Если мы умрем, так умрем. Это будет отличная охота. Но мой желудок молод, и я видел немного дождей. Я не мудр и не силен. Придумал ты что-нибудь лучше, Каа?

— Я видел сотню и еще сотню дождей. Раньше, чем Хати сбросил свои молочные бивни, от меня в пыли оставался большой след. Клянусь первым яйцом, я старше многих деревьев и видел все, что делали джунгли.

— Но это новая охота, — заметил Маугли. — До сих пор долы никогда не пересекали нашего пути.

— Все, что есть — бывало и прежде. То, что будет — только новое рождение ушедших лет. Помолчи, пока я сочту мои года.

Долгий час Маугли лежал среди колец питона, а Каа, опустив голову на землю, думал обо всем, что он видел, о чем слышал с того дня, как вылупился из кожуры яйца. Свет в его глазах померк; они теперь походили на мутные опалы; время от времени питон делал легкие, резкие движения головой то вправо, то влево, точно охотясь во время сна. Маугли спокойно дремал; он знал, что выспаться перед охотой очень хорошо, и привык засыпать в любой час дня или ночи.

Вдруг Маугли почувствовал, что спина Каа, на

которой он лежал, стала больше, шире; питон надулся и зашипел со звуком меча, который вынимают из стальных ножен.

— Я видел все умершие года, — наконец сказал Каа, — и большие деревья, и старых слонов, и скалы, которые были обнажены и остры, прежде чем поросли мхом. Ты еще жив, человечек?

— Луна недавно села, — ответил Маугли. — Я не понимаю…

— Хшш! Я опять Каа. Я знал, что прошло немного времени. Теперь пойдем к реке, и я покажу тебе, как защититься от долов.

Он повернулся, прямой как стрела, двинулся к главному руслу Венгунги и погрузился в нее немного выше той заводи, которая скрывала Скалу Мира. Маугли был рядом с ним.

— Нет, не плыви. Я двигаюсь быстро. Ко мне на спину, Маленький Брат.

Маугли обнял левой рукой шею Каа, прижал правую к своему телу и вытянул ноги. Каа поплыл навстречу течению, как мог плыть только он один; рябь разрезанной воды окружила бахромой шею Маугли, а его ноги раскачивались в разные стороны под хлещущим телом питона. Мили на две выше Скалы Мира река сужается в ущелье между мраморными стенами, высотой от вось-

мидесяти до сотни футов. Там она несется, точно из мельничной плотины, между уродливыми камнями, иногда прыгает и переливается через них. Но перекаты и пороги не смущали Маугли; в мире было мало воды, которая могла хоть на одно мгновение испугать его. Он смотрел то на одну, то на другую стену ущелья и беспокойно нюхал воздух; ощущал кисло-сладкий запах, очень напоминавший испарение от муравейника в жаркий день. Юноша инстинктивно опустился в воду, и только время от времени поднимал голову, чтобы подышать. Вот Каа два раза захлестнул хвостом затонувшую скалу, обвив Маугли одним кольцом. А вода неслась мимо них.

— Это место смерти, — сказал Маугли. — Зачем ты принес меня сюда?

— Они спят, — ответил Каа. — Хати не уступает дороги полосатому. Между тем Хати и полосатый сторонятся долов, а, по их словам, долы не поворачивают ни перед чем. От кого поворачивает вспять Маленький Народ скал? Скажи мне, господин джунглей, кто господин джунглей?

— Вот эти, — прошептал Маугли. — Это место смерти. Уйдем.

— Нет, смотри хорошенько; они спят. Здесь все осталось в том виде, как в те времена, когда я был

не длиннее твоей руки.

Расщепленные и выветрившиеся скалы ущелья с самого начала джунглей служили приютом для Маленького Народа скал — хлопотливых, свирепых, черных диких пчел Индии, и, как Маугли отлично знал, все звериные тропинки поворачивали в сторону за милю от этого ущелья. В течение многих столетий Маленький Народ устраивал здесь свои соты, перелетал роями из одной расщелины в другую, опять выпускал рои, оставляя на белом мраморе пятна застарелого меда; строил свои большие и толстые соты в темноте глубоких пещер, где ни человек, ни зверь, ни огонь, ни вода никогда не касались их. Всё протяжение ущелья с обеих сторон было увешено как бы черными, мерцающими бархатными занавесами, и глядя на них, Маугли нырял в воду, потому что занавесы эти состояли из миллионов сцепившихся между собой спящих пчел. Виднелись также какие-то обломки, фестоны; древесные стволы, державшиеся корнями за стены скал; старые соты прежних лет или новые пчелиные города, выстроенные в тени безветренного ущелья; огромные скопления губчатого, истлевшего мусора, который свалился сверху и застрял между деревьями и лианами, прижимавшимися к

отвесным скалам. Прислушиваясь, Маугли не раз улавливал, как отягченные медом соты шелестели и скользили, переворачиваясь и падая, где-то в темных галереях; потом раздавалось сердитое жужжание крыльев и мрачное «кап, кап, кап» погибшего меда, который сочился по камням, пока не останавливался на каком-нибудь выступе на открытом воздухе и стекал медленными струйками по ветвям. С одной стороны реки была маленькая отмель шириной всего в пять футов, и на ней лежала высокая груда хлама, скопившегося за неисчислимое количество лет. Он состоял из мертвых пчел, трутней, пыли, старых сотов и крыльев ночных бабочек-грабителей, которые залетели в это место за медом; и все это превратилось в холмы из мельчайшей черной пыли. Уже один острый запах, который поднимался от этого хлама, мог испугать всякое бескрылое существо, знавшее, что такое Маленький Народ.

Каа снова поплыл против течения и наконец достиг песчаной мели в начале ущелья.

— Вот охота этого года, — сказал он. — Смотри!

На берегу лежали скелеты двух молодых оленей и буйвола, и Маугли сразу увидел, что ни волк, ни шакал не трогали этих костей, которые лежали в самом естественном положении.

— Они перешли через границу; они не знали Закона, — прошептал Маугли, — и Маленький Народ убил их. Уйдем, пока это племя не проснулось.

— Оно не проснется до зари, — сказал Каа. — Теперь слушай, я расскажу тебе одну вещь. Много-много дождей тому назад сюда с юга прибежал спасавшийся от преследования олень; он не знал джунглей, и за ним гналась волчья стая. С помутившимися от страха глазами он соскочил с утеса, так как волки уже догоняли его; разгоряченные преследованием, они ничего не замечали. Солнце стояло высоко, и многочисленный Маленький Народ чувствовал сильный гнев. Некоторые волки кинулись в реку, но умерли, еще не достигнув воды. Не соскочившие со скал тоже умерли там, вверху. Олень же остался жив.

— Почему?

— Потому что он прибежал первый, спасаясь от смерти, потому что он прыгнул раньше, чем Маленький Народ заметил его и собрался для убийства. А вся преследовавшая оленя стая совершенно исчезла под тяжестью Маленького Народа.

— Олень остался жив, — медленно повторил Маугли.

— По крайней мере, он не умер в то время; однако никто не явился, чтобы поддержать его в реке, как один старый, толстый, глухой, желтый Плоскоголовый явился бы, чтобы спасти своего человечка… Да, да, хотя бы по следу этого человечка бежали все долы из Декана. Что ты думаешь? — Голова Каа прижалась к уху Маугли, и юноша ответил:

— Смело задумано; это все равно, что дернуть смерть за усы; но, Каа, ты действительно мудрее всех в джунглях.

— Многие говорят это. Теперь подумай: если долы побегут за тобой…

— Конечно побегут, ха-ха! У меня под языком много маленьких колючек, которые я хотел бы вколоть в их головы.

— Если они побегут за тобой, разгоряченные и ослепленные злобой, глядя только на твои плечи, те из них, которые не умрут вверху, кинутся в воду, или здесь, или ниже, потому что Маленький Народ поднимется и покроет их. А ты знаешь, эта река — река жадная, и у них не будет Каа, который бы поддержал их; значит, оставшиеся в живых помчатся вниз по течению, к мелям подле ваших логовищ, а там твоя стая может встретить их и схватить за горло.

— Ахай! Лучше ничего не придумаешь, хоть ломай голову до той поры, когда в сухое время года польются дожди. Все дело только в том, чтобы вовремя добежать до скал и спрыгнуть. Я покажу себя долам; пусть они гонятся за мной по пятам.

— А ты осмотрел скалы? Со стороны земли?

— Нет-нет; вот это-то я и забыл.

— Поди и посмотри; там мягкий грунт, весь изрытый, в ямах. Если твоя неуклюжая нога ступит неосмотрительно — конец охоте! Я оставлю тебя здесь и, только ради тебя, отнесу известие стае, чтобы твой народ знал, где ожидать долов. Но лично я не вожусь ни с одним волком.

Когда питону Каа не нравился кто-нибудь из его знакомых, он бывал неприятнее всех остальных жителей джунглей, за исключением, впрочем, одной Багиры. Он поплыл по течению и против Скалы Совета натолкнулся на Фао и Акелу; они сидели, прислушиваясь к ночным шумам.

— Кшш! Слушайте, собаки, — весело сказал им Каа. — Долы появятся по течению. Если вы не струсите, вам представится случай перебить их среди мелей.

— Когда они явятся? — спросил Фао.

— А где мой детеныш человека? — спросил Акела.

— Явятся, когда явятся, — ответил Каа. — Смотри и жди. Что же касается твоего человеческого детеныша, с которого ты взял слово и таким образом обрек его на смерть, твой детеныш со мною, и если он еще не умер, то совсем не по твоей вине, выгоревшая собака! Жди здесь долов и радуйся, что человеческий детеныш и я на твоей стороне.

Каа понесся против течения и зацепился хвостом за камень посреди ущелья, поглядывая вверх на утесы. Вот он увидел, как на фоне звезд двигалась голова Маугли, потом что-то просвистело в воздухе и раздался резкий, ясный звук тела, падающего ногами вперед в воду. В следующую минуту юноша уже безмятежно отдыхал, обвитый петлей гибкого тела Каа.

— Клянусь ночью, что это за прыжок? — спокойно заметил Маугли. — Я, ради забавы, соскакивал с гораздо более высоких скал. Но там, вверху, скверное место — низкие кусты, очень глубокие рытвины, переполненные Маленьким Народом. Я положил друг на друга большие камни подле трех рвов и на бегу сброшу их ногами; Маленький Народ поднимется позади меня, раздраженный, гневный…

— Это человечья речь и хитрость, — сказал Каа. — Ты умен, но ведь Маленький Народ посто-

янно сердится.

— Нет, в сумерках все крылатые отдыхают. Я заведу мою игру с долами как раз в сумерки; тем более что красные собаки лучше всего охотятся днем. Они теперь идут по кровавому следу Вон-толлы.

— Ястреб Чиль не оставляет мертвого быка, а долы не бросят кровавого следа, — заметил Каа.

— В таком случае, я постараюсь сделать для них новый кровавый след из их же собственной крови и накормить их грязью. Ты останешься здесь, Каа, и дождешься, чтобы я вернулся сюда с моими долами? Да?

— Да, но что если они убьют тебя в джунглях или если Маленький Народ покончит с тобой раньше, чем ты успеешь прыгнуть в реку?

— Когда наступит завтра, мы будем охотиться для завтрашнего дня, — ответил Маугли поговоркой джунглей и прибавил: — Когда я умру, придет время спеть погребальную песню. Хорошей охоты, Каа.

Маугли выпустил из рук шею питона и поплыл вдоль ущелья, точно чурбан в ручье, направляя руками свое тело к отдаленной мели; там он увидел стоячую воду и засмеялся от счастья. Больше всего в мире Маугли любил, как он выражался,

«дергать смерть за усы» и показывать зверям джунглей, что он их главный повелитель. Юноша часто, с помощью Балу, обкрадывал пчелиные рои в отдельных деревьях и отлично знал, что Маленький Народ ненавидит запах дикого чеснока. Итак, Маугли собрал маленький пучок этих растений, связал их полоской коры и пошел по следу Вон-толлы, который бежал к югу от сионийских логовищ; так Маугли прошел пять миль; он постоянно склонял голову набок, поглядывал на деревья и посмеивался.

— Я был прежде Маугли-лягушка, — говорил он себе, — Маугли-волком назвал я себя. Теперь я должен побыть Маугли-обезьяной, прежде чем сделаюсь Маугли-оленем. В конце концов я стану Маугли-человеком. Хо! — И он провел большим пальцем вдоль восемнадцатидюймового лезвия своего ножа.

След пришельца, весь усеянный темными кровавыми пятнами, бежал через лес из могучих деревьев, которые росли близко друг от друга; он направлялся к северо-востоку и, по мере приближения к Пчелиным Скалам, постепенно сужался. От последнего дерева леса до низких кустарников Пчелиных Скал тянулась открытая местность, где с трудом мог бы укрыться хотя бы один волк. Маугли бежал мелкой рысью; измерял на глаз расстояния между различными ветвями, время от времени поднимался на дерево, для пробы перепрыгивал с одного ствола на другой, наконец вышел на открытую местность и целый час внимательно изучал ее. Потом он вернулся к исходной точке следа Вон-толлы, поднялся на дерево и сел на его большой боковой сук, на высоте восьми футов от земли. Юноша сидел тихо, точил нож о подошву своей ноги и тихо пел про себя.

Незадолго до полудня, когда солнце особенно

припекало, он услышал топот ног и почувствовал отвратительный запах стаи долов; рыжие собаки безжалостно бежали по следу Вон-толлы. Если смотреть на дола со спины, он кажется в половину меньше волка, но Маугли знал, как сильны ноги и челюсти этих животных. Юноша посмотрел на серую голову вожака, который обнюхивал след, и крикнул ему «хорошей охоты».

Зверь поднял голову; его товарищи остановились позади него; стаю составляли несколько десятков рыжих собак с поджатыми хвостами, широкими плечами, слабыми задними ногами и окровавленными пастями. В общем, долы очень молчаливое племя и даже в собственных джунглях не отличаются вежливостью. Ниже Маугли, вероятно, собралось двести долов, и он видел, что вожаки жадно обнюхивали след Вон-толлы, стараясь увлечь вперед стаю. До этого не следовало допускать, потому что тогда долы могли бы пробежать к логовищам при ярком свете дня, а Маугли хотел задержать их под своим деревом до сумерек.

— Кто позволил вам прийти сюда? — спросил Маугли.

— Все джунгли — наши джунгли, — был ответ, и дол, который сказал это, оскалил свои белые

зубы.

Маугли посмотрел вниз, улыбнулся и зацокал, как Чикаи, прыгающая деканская крыса; этим он хотел показать долам, что считает их не лучше крыс. Стая рыжих собак сгрудилась около дерева, и вожак с ожесточением залаял, называя Маугли древесной обезьяной. В ответ Маугли вытянул одну из своих обнаженных ног и стал крутить ею как раз над головой вожака. Этого было достаточно, больше чем достаточно, чтобы пробудить в стае бессмысленную ярость. Звери с шерстью между пальцами ненавидят, чтобы им напоминали об этом. Маугли поджал ногу в ту минуту, когда вожак подскочил. Юноша нежно сказал ему:

— Собака, рыжая собака! Вернись, вернись в Декан и кушай ящериц. Иди к Чикаи, твоему брату. Собака, собака! Рыжая, рыжая собака! Между твоими пальцами шерсть! — И он еще раз повертел ногой.

— Спускайся, безволосая обезьяна, не то мы заморим тебя голодом, — провыла стая, а этого-то именно и хотел Маугли.

Он прополз по ветке, прижимаясь щекой к коре, и освободил свою правую руку, потом сказал долам все, что он знал, главное же, все, что он ду-

мал о них, об их обычаях, нравах, об их подругах и детенышах. В мире нет более едких и колких слов, как те выражения, которые употребляют жители джунглей, чтобы показать свое презрение и пренебрежение. Подумав, вы сами увидите, что иначе и быть не может. Как Маугли сказал Каа, у него под языком было множество мелких колючек, и он постепенно и умышленно вывел долов из молчания, заставил их ворчать, потом превратил это ворчание в вой, а вой в хриплый, рабский, бешеный рев. Они пытались было отвечать насмешками на насмешки, но с таким же успехом маленький детеныш мог бы стараться парировать оскорбления раздраженного Каа. Все это время правая рука Маугли прижималась к его боку, готовая начать действовать; ногами же он обвивал большой сук. Крупный коричневый вожак несколько раз подскакивал в воздух, но Маугли не решался ударить его, боясь промахнуться. Наконец гнев прибавил дополнительную силу долу, и он подскочил на семь или восемь футов от земли. Мгновенно рука Маугли опустилась, точно голова древесной змеи, схватила вожака за шиворот, и большой сук дрогнул от лишней тяжести; от этого толчка Маугли чуть было не свалился на землю. Но он не разжал руки и дюйм

за дюймом стал поднимать зверя, который висел, точно удавленный шакал. Левой рукой Маугли достал нож, отрезал рыжий пушистый хвост дола и кинул дикую собаку на землю.

Только этого он и хотел. Теперь стая ни за что бы не пошла по следу Вон-толлы, пока не убила бы Маугли или пока Маугли не убил бы всех долов. Вот они уселись в кружок, их задние лапы вздрагивали, и Маугли понял, что они собираются остаться на этом месте. Итак, юноша взобрался повыше, прислонился спиной к стволу дерева и заснул.

Часа через три или четыре он проснулся и сосчитал стаю. Все долы были налицо, молчаливые, шершавые, с сухими пастями и с глазами жесткими, как сталь. Солнце садилось. Через полчаса Маленький Народ скал должен был окончить свои работы, а как вам известно, в сумерки долы дерутся не так-то хорошо.

— Мне не нужно было таких верных караульщиков, — вежливо сказал Маугли, становясь на ветке, — но я запомню это. Вы истинные долы, хотя на мой вкус — слишком однообразны. А потому я не отдам хвоста крупному поедателю ящериц. Разве ты не доволен, рыжий пес?

— Я сам распорю тебе живот! — проревел во-

жак, царапая лапами ствол дерева.

— Подумай-ка, мудрая деканская крыса. Появится много маленьких бесхвостых рыжих щенят; да, щенят с красными обрубками, которые будут зудеть, когда накалится песок. Ступай домой, красный пес, и расскажи, что с тобой сделала обезьяна. Не желаете уходить? Ну, так пожалуйте со мной, и я научу вас мудрости.

Маугли с ловкостью одного из племени Бандарлога перепрыгнул на соседнее дерево, потом на следующее, и так далее; а стая долов бежала за ним; рыжие собаки поднимали свои голодные морды. Время от времени Маугли делал вид, будто он падает, тогда долы прыгали друг через друга, торопясь покончить с ним. Это была любопытная картина: юноша с ножом, блестевшим в косых солнечных лучах, скользил между верхними ветвями, молчаливая стая взволнованных рыжих зверей, толпясь, бежала позади него. На последнем дереве Маугли взял чеснок, старательно натер им все свое тело, и долы завыли с презрением.

— Не хочешь ли ты, обезьяна с волчьим языком, скрыть свой след? — спросили они. — Мы будем гнать тебя до смерти.

— Вот твое имущество, бери! — крикнул Мауг-

ли и швырнул отрезанный хвост назад в лес. Стая инстинктивно кинулась за хвостом. — А теперь гони меня до смерти, — прибавил юноша.

Маугли скользнул по стволу, спустился на землю, и босые ноги юноши с быстротой ветра понесли его к Пчелиным Скалам раньше, чем долы сообразили, что он собирается делать.

Стая разразилась одним коротким глухим воем, и в то же время рыжие собаки понеслись качающимися прыжками, не особенно быстрыми, но которыми долы могут в конце концов загнать до смерти любое существо. Маугли знал, что они бегают значительно медленнее волков, не то он не решился бы бежать две мили на виду у них. Долы считали, что юноша в их власти; он же был уверен, что может распоряжаться ими, как ему вздумается. Вся его забота заключалась в том, чтобы поддерживать в долах достаточное раздражение, которое не позволило бы им повернуть слишком рано. Он бежал спокойно, ровно, упруго; бесхвостый вожак был всего в пяти ярдах от него, а стая растянулась приблизительно на четверть мили. Звери были ослеплены злобой и жаждой убийства. Маугли прислушивался и старался сохранять прежнее расстояние от вожака, приберегая свои последние усилия для окончательного

бега через Пчелиные Скалы.

Маленький Народ заснул среди ранних сумерек; в это время года не цвели поздние цветы; однако, когда первые шаги Маугли глухо застучали, он услышал странный звук; казалось, зажужжала вся земля. Юноша побежал так, как он еще никогда не бегал в жизни, и столкнул одну, другую, третью груду камней в темные, сладко пахнущие расщелины; послышался рев, похожий на рев моря в пещере. Мельком Маугли увидел, как позади него потемнел воздух; внизу же, далеко перед ним, блеснула река, и он разглядел в воде плоскую, ромбическую голову Бесхвостый дол изо всех сил прыгнул вперед, и его зубы лязгнули подле самого плеча Маугли, но он упал в реку ногами вперед; он задыхался и торжествовал. В нем не засело ни одного жала; чесночный запах отогнал Маленький Народ на те несколько секунд, в течение которых он был среди тучи пчел. Когда Маугли поднялся, кольца Каа обвивали его. Что-то падало через края утесов; казалось, это были огромные груды сцепившихся между собой пчел, груды, летевшие вниз, подобно султанам из перьев; тем не менее, раньше чем такой клубок касался воды, пчелы снова поднимались, а тело дола, вертясь, уплывало по течению. Маугли и

Каа слышали бешеный короткий вой, который тонул в реве, похожем на грохот прибоя — в звуке крыльев Маленького Народа скал.

Некоторые из долов также упали в расщелины, сообщавшиеся подземными пещерами, задыхаясь там, бились, лязгали зубами, срывая с места соты, и умирали под миллионами пчел; некоторые выскакивали из какого-нибудь отверстия в скале, выходившего на реку, и падали на черный мусор; некоторые, сделав короткие прыжки, попадали в ветви деревьев, росших на стенах скал, и их тела исчезали под массами пчел; самое же большее число рыжих собак, обезумев от укусов, бросались в реку, а, как говорил Каа, Венгунга была жадная вода.

Каа держал Маугли, пока юноша не отдышался.

— Нам нельзя оставаться здесь, — сказал питон. — Маленький Народ совсем развоевался. Плывем.

Маугли плыл почти под водой, постоянно нырял, держа в руках нож.

— Спокойнее, спокойнее, — сказал Каа. — Один зуб не может убить сотни, если только это не зуб кобры; а ведь завидев, что Маленький Народ просыпается, многие живые и здоровые долы

бросились в воду.

— Тем больше поработает мой нож. Фу! Как Маленький Народ мчится за нами! — Маугли снова нырнул.

Над поверхностью воды расстилалась пелена из диких пчел, которые мрачно жужжали и жалили всех и всё, что встречалось им.

— Молчание никогда никому не приносило вреда, — заметил Каа (ни одно жало не могло проникнуть через его чешую), — и для охоты у тебя есть целая ночь. Слышишь, как они воют?

Очень многие долы видели, в какую ловушку попали их товарищи и, сделав поворот, кинулись в воду там, где ущелье окаймляли крутые берега. Их раздраженный рев, их угрозы «древесной обезьяне», которая навлекла на них позор, смешивались с воплями и ворчанием их израненных Маленьким Народом товарищей. Оставшимся на берегу грозила смерть, и каждый дол знал это. Течение влекло многих рыжих собак к Заводи Мира, но и там злобный Маленький Народ преследовал их и загонял обратно в воду. Маугли слышал голос бесхвостого вожака, который приказывал своим подчиненным убить всех волков сионийской стаи. Но юноша не терял времени на подслушивание.

— В темноте позади нас убивают! — прокричал один дол. — Здесь окровавленная вода.

Маугли несколько мгновений плыл под водой, как выдра, схватил одного дола, увлек его в глубину и ударил ножом раньше, чем тот успел открыть пасть; темные кольца поднялись на поверхность, когда всплыло тело убитого рыжего зверя. Долы попробовали было повернуть, но течение помешало им сделать это, а Маленький Народ жалил их в головы и уши, и в сгущавшейся темноте они слышали звучавший все громче вызов сионийской стаи. Маугли опять нырнул; еще один дол ушел под воду, поднялся мертвый, и снова в задних рядах стаи рыжих собак раздались взволнованные крики; одни долы выли, что лучше выйти на берег; другие просили своего вожака увести их обратно в Декан; некоторые кричали Маугли, чтоб он показался и они могли убить его.

— Они приходят драться с двумя желудками и несколькими голосами, — заметил Каа. — Передовые псы — с твоими братьями, Маленький Народ улетает спать. Он долго преследовал нас. Теперь я тоже вернусь; ведь у меня нет общей кожи ни с одним волком. Хорошей охоты, Маленький Брат, и помни, что долы кусают сильно.

Вдоль по берегу бежал трехногий волк, который сновал то туда, то сюда, прижимаясь одной стороной головы к земле, выгибал спину и время от времени высоко подпрыгивал, точно играя с маленькими волчатами. Это был Вон-толла, пришелец; он молчал, но продолжал свою странную игру, напрягая все силы, чтобы не отставать от плывших долов. Рыжие собаки долго пробыли в воде и теперь плыли с трудом; их шерсть намокла. Тяжелые пушистые хвосты долов, как губки, тянули их вниз; звери до того устали, до того были потрясены, что не издавали ни звука и только внимательно вглядывались в два пылающие глаза, которые блестели на берегу.

— Плохая охота, — задыхаясь, сказал один из них.

— Нет, отличная, — возразил Маугли, поднимаясь на поверхность подле рыжего пса. Его нож взвился, вонзился позади плеча дола, а сам он откинулся в сторону, спасаясь от зубов умирающего врага.

— Это ты, человеческий детеныш? — крикнул с берега Вон-толла.

— Спроси об этом убитых, пришелец, — ответил Маугли. — Разве река не принесла ни одного дола? Я заткнул грязью пасти этих собак; при

ярком дневном свете я обманул их; их вожак лишился хвоста, но на твою долю все-таки осталось несколько штук. Куда подогнать их?

— Я подожду, — сказал Вон-толла. — У меня целая ночь.

Вой и лай сионийской стаи приближались.

— За стаю, за всю стаю! — раздавались возгласы волков.

И вот, проплыв по излучине реки, долы очутились среди песчаных отмелей и мелкой воды против сионийских логовищ.

В эту минуту рыжие собаки поняли свою ошибку. Им следовало выйти на берег еще за милю до этого места и напасть на волков с суши. Но теперь было поздно. Берег усеивали горящие глаза; в джунглях стояла мертвая тишина; раздавался только ужасный фиал, не смолкавший со времени заката. Казалось, будто Вон-толла старался выманить долов на берег.

— Повернитесь и держитесь крепко! — сказал вожак рыжих псов.

Долы кинулись к берегу и рассеялись по мелкой воде; поверхность реки вспенилась, заволновалась, и от одного берега к другому побежала крупная рябь, похожая на след, остающийся после большой лодки. Маугли кинулся за своими вра-

гами, он колол и резал сбившихся в кучку долов, которые одной волной неслись по отмели реки.

Начался продолжительный бой. Раздавался рев; битва то разгоралась, то ослабевала; борьба происходила повсюду, на влажном красном песке, в кустах и на травянистых полянах. На одного волка приходилось по два дола. Зато дрались все волки, составлявшие стаю; не только короткие, высокие, широкогрудые охотники с белыми клыками, но и волчицы с тревожными глазами, которые сражались ради своих детенышей; попадались и годовалые волчата, еще не сбросившие с себя первого пушка, которые бились рядом со своими матерями. Вам надо знать, что волк всегда хватает за горло или кусает за бок, дол же, по большей части, бросается на живот; поэтому, когда рыжие собаки выходили из воды, поднимая головы, преимущество было на стороне волков. На суше же волки страдали. Но и в воде и на берегу нож Маугли мелькал без остановки. Его Четверо пробились к нему. Серый Брат сжался между коленями юноши, защищая его живот; остальные трое охраняли его спину и бока. Когда удар воющего дола сбивал с ног Маугли, его братья становились над ним. Все остальное смешалось в кучу; это была сомкнутая, метавшаяся

толпа, которая двигалась вдоль берега, справа налево и слева направо, а также постоянно медленно вращалась вокруг собственной оси. То вздымался холм, точно водяной пузырь в водовороте, и рассыпался тоже, как водяной пузырь, выбрасывая четверых-пятерых искалеченных рыжих собак, которые старались снова попасть в центр; то волк вытаскивал из толпы вцепившегося в него дола; то два дола вытягивали волка и загрызали его; тут годовалый мертвый волк, сжатый со всех сторон, поднимался над толпой, а его обезумевшая от немой ярости мать, лязгая зубами, каталась и рвала врагов; там, в середине самой гущи сражающихся волк и дол, забыв обо всем остальном, старались схватить друг друга за горло, но толчки других свирепых бойцов отбрасывали их в разные стороны. Раз Маугли встретил Акелу; два дола нападали на него, а далеко не беззубые челюсти Одинокого Волка сжимали ляжку третьего; потом юноша увидел Фао, который запустил свои зубы в шею дола и тащил сопротивлявшегося зверя, чтобы предоставить однолеткам покончить с ним. Главная часть битвы представляла из себя какой-то невероятный хаос, смешение во мраке; все сливалось воедино: удары, прыжки, стоны, короткий лай, суета; все

кружилось вокруг Маугли, позади него, впереди, над ним, повсюду. Ночь проходила; быстрое головокружительное движение усиливалось; долы боялись нападать на самых сильных волков, однако не решались и обратиться в бегство. Маугли чувствовал, что подходит конец, и бил долов так, чтобы только калечить их. Годовалые волки становились смелее; время от времени можно было перевести дыхание, перекинуться словом с другими, и порой одного блеска ножа бывало достаточно, чтобы дол отскочил.

— Скоро из-под мяса покажется кость! — провыл Серый Брат.

Он был весь покрыт кровью, лившейся из множества неглубоких ран.

— А все-таки еще остается разгрызть кость, — ответил ему Маугли. — Эовава! Вот как действуем мы в джунглях.

И красное лезвие, точно пламя, скользнуло вдоль дола, задние ноги которого скрывались под телом большого волка.

— Это моя добыча, — сморщив ноздри, фыркнул этот волк. — Предоставь его мне.

— Разве у тебя в желудке все еще пусто, пришелец? — спросил Маугли.

Вон-толла был страшно изранен, тем не менее

его зубы парализовали дола, который не мог повернуться и дотянуться до него.

— Клянусь быком, который купил меня, — с недобрым смехом сказал Маугли, — это бесхвостый!

И действительно, Вон-толла держал крупного темного вожака.

— Неблагоразумно убивать детенышей и волчиц, — продолжал Маугли, отирая рукой кровь со своих глаз, — в таком случае следовало убить также и пришельца, и, мне кажется, Вон-толла тебя убивает.

Один дол кинулся на помощь к своему вожаку, но раньше, чем его зубы схватили Вон-толлу за бок, нож Маугли полоснул его по горлу, а Серый Брат докончил дело.

— Вот как делается у нас в джунглях, — сказал Маугли.

Вон-толла не ответил; челюсти пришельца все сильнее сжимали спинной хребет вожака, но его собственная жизнь убывала. Дол вздрогнул; его голова опустилась; он перестал двигаться; Вон-толла упал на него.

— Хо! Долг крови уплачен, — сказал Маугли. — Спой песню, Вон-толла.

— Он перестал охотиться, — ответил Серый

Брат. — Да и Акела что-то уж долго молчит.

— Кость перегрызена! — прогремел Фао, сын Фаона. — Они убегают, кончайте, кончайте с ними, охотники Свободного Народа!

Один за другим долы уходили с этих темных и окровавленных песков в реку, в чащи джунглей, вверх или вниз по течению, спеша туда, где был свободен путь.

— Долг! Долг! — закричал Маугли. — Уплатите долг! Они убили Одинокого Волка! Не позволяйте ускользнуть ни одной собаке.

С ножом в руке юноша мчался к окраине берега, чтобы остановить всякого дола, который решится войти в воду; в это время из-под груды девяти убитых рыжих собак показалась голова Акелы и его передние лапы. Маугли опустился на колени подле Одинокого Волка.

— Ведь я же говорил, что это будет мой последний бой, — задыхаясь, прошептал Акела. — Это отличная охота. А ты, Маленький Брат?

— Я жив и убил многих.

— Да. Я умираю, и мне хотелось бы… хотелось бы умереть подле тебя, Маленький Брат.

Маугли положил страшно израненную голову Акелы к себе на колени и обвил руками его разорванную шею.

— Давно прошли старые дни Шер Хана, когда человеческий детеныш валялся в пыли.

— Нет, нет, я волк. У меня одна кожа со Свободным Народом! — с жаром произнес Маугли. — Я не хочу быть человеком.

— Ты человек, Маленький Брат, — сказал Акела. — Ты человек, в противном случае стая разбежалась бы перед нападением долов. Я обязан тебе жизнью, а сегодня ты спас и стаю, как я однажды спас тебя. Разве ты забыл? Теперь все долги заплачены. Иди к своему племени. Повторяю тебе, глаз моего глаза, эта охота окончена. Иди к своему племени.

— Никогда не уйду; я буду охотиться в джунглях. Ведь я же говорил это.

— После лета наступают дожди, после дождей приходит весна. Вернись к своим раньше, чем тебя прогонят.

— Кто прогонит меня?

— Маугли прогонит Маугли. Вернись к своим! Иди к людям.

— Когда Маугли прогонит Маугли, я уйду, — ответил юноша.

— Теперь все сказано, — произнес Акела. — Можешь ли ты, Маленький Брат, поднять меня на ноги? Ведь я тоже был вожаком Свободного

Народа.

Очень осторожно Маугли снял с Акелы трупы и, нежно обняв обеими руками умирающего, поставил его на ноги. Одинокий Волк глубоко вздохнул и начал Песню Смерти, которую вожак стаи должен петь, умирая. Его голос крепчал, возвышался, звенел, пролетая через реку. Наконец Акела дошел до последнего возгласа: «Хорошей охоты!» Он освободился из объятий Маугли, высоко подпрыгнул и упал на свою последнюю и страшную добычу, на убитых им долов.

Последние из обратившихся в бегство долов были настигнуты и перебиты безжалостными волчицами; но Маугли ничего не замечал, ни на что не обращал внимания; он сидел, опустив голову на колени. Мало-помалу шум и вой затихли; волки, хромая, с запекшимися ранами вернулись назад, чтобы сосчитать потери. Пятнадцать охотников и шесть волчиц лежали мертвые подле реки; остальные же, все без исключения, были ранены. Маугли все сидел неподвижно, сидел до самого холодного рассвета. Вот влажная окровавленная морда Фао опустилась на его руку; Маугли отодвинулся, чтобы показать ему худое тело Акелы.

— Хорошей охоты, — сказал Фао, обращаясь к

Одинокому Волку, точно тот все еще был жив, потом, взглянув через свое искусанное плечо, крикнул: — Войте, собаки, в эту ночь умер Волк!

Но изо всей стаи в двести долов-бойцов, которые хвастались, что все джунгли — их джунгли, что ни одно живое существо не может противиться им, ни один не вернулся в Декан, чтобы повторить эти слова.

Весна

На второй год после великого боя с деканскими рыжими собаками и смерти Акелы Маугли, вероятно, минуло семнадцать лет. Но он казался старше, так как делал много физических упражнений, хорошо ел и, едва почувствовав себя разгоряченным или запыленным, тотчас же купался; благодаря всему этому он стал сильнее и выше, чем обыкновенные юноши его лет. Во время осмотра древесных дорог он мог полчаса висеть на высокой ветке, держась за нее одной рукой; мог на скаку остановить молодого оленя и, схватив его за голову, откинуть прочь; мог даже сбить с ног крупного синеватого кабана из северных болот. Население джунглей, прежде боявшееся его ума, теперь боялось его силы, и когда он спокойно направлялся куда-нибудь по своим делам, шепот о том, что он приближается, очищал перед ним все лесные дороги. Между тем в его глазах всегда светился кроткий взгляд. Даже во время драк они никогда не горели огнем глаз Багиры. В них только появлялось любопытство и волнение, и это составляло одну из странных для

зверей сторон его характера, непонятных даже для Багиры.

Однажды пантера задала Маугли вопрос по этому поводу, и юноша со смехом сказал:

— Когда я упущу добычу, я сержусь. Когда в течение двух дней у меня в желудке пусто, я очень сержусь. Разве мои глаза не говорят этого?

— Твой рот голоден, — ответила Багира, — но твои глаза ничего не говорят. Охотишься ли ты, ешь ли ты, плаваешь ли, им все равно; они как камни в мокрую или в сухую погоду.

Маугли лениво посмотрел на Багиру из-под своих длинных ресниц, и ее голова, по обыкновению, опустилась. Черная пантера знала, что он ее господин.

Они лежали на склоне горы, против реки, и ниже их висел зеленовато-белый дымок утреннего тумана. Солнце поднималось; этот легкий покров превратился в волнующееся море красного золота, и низкие лучи испещрили сухую траву, на которой отдыхали Маугли и Багира. Наступил конец холодной погоды; листья и деревья стояли измятые, поблекшие; когда поднимался ветер, повсюду слышался сухой шелест и потрескивание. Маленький лист с ожесточением забарабанил по ветке, как всегда барабанит отдельный лист,

подхваченный струей воздуха. Этот звук разбудил Багиру; с глухим, глубоким звуком, похожим на кашель, пантера понюхала утренний воздух, опрокинулась на спину и стала бить передними лапами, стараясь схватить качающийся листок.

— Год поворачивается, — сказала Багира. — Джунгли всколыхнулись. Приближается время новых песен. Этот лист знает, что происходит. Хорошо!

— Трава еще совсем мертвая, — ответил Маугли, выдергивая маленький пучок сухих былинок. — Даже весенний глазок (красивый воскообразный красный цветок в форме трубочки, который пробивается в траве и поднимается над нею), даже весенний глазок еще не раскрылся и… Багира, хорошо ли черной пантере валяться на спине и бить лапами воздух, точно какая-нибудь дикая кошка?

— Оух! — произнесла Багира, которая, казалось, думала о посторонних вещах.

— Я говорю: прилично ли черной пантере кричать, кашлять, выть и валяться? Помни, ведь мы с тобой господа джунглей.

— Да, правда; я слушаю тебя, человеческий детеныш. — Багира быстро перевернулась и села, вся пыльная, с лохматыми боками. Она сбрасы-

вала с себя зимнюю шерсть. — Конечно, мы с тобой властители джунглей! Кто силен, как не Маугли? Кто так мудр, как он? — Пантера странно растягивала слова, и Маугли повернулся, чтобы посмотреть, не смеется ли она над ним; ведь в джунглях часто звучат слова, имеющие один смысл, хотя под ними подразумевается нечто совсем другое. — Я сказала, что мы бесспорно господа джунглей, — повторила Багира. — Разве я сделала дурно, сказав это? Я не знала, что человеческий детеныш больше не лежит на земле. Что ж? Он, значит, летает?

Маугли сидел, положив локти на колени, и смотрел через долину, освещенную дневным светом. Где-то внизу, среди деревьев, птица веселым голосом выводила первые ноты своей весенней песни. Звуки эти казались только тенью тех льющихся быстрых призывов, которым суждено позже политься из ее горлышка. Багира услышала.

— Я сказала, что приближается время новых песен, — проворчала пантера, извивая свой хвост.

— Слышу, — ответил Маугли. — Багира, почему ты дрожишь? Лучи солнца жарки.

— Это поет Ферао, красный дятел, — продолжала Багира. — Он-то не позабыл! Но я тоже

вспомню мою песню, — и она принялась мурлыкать и нежно ворчать про себя, но, недовольная, умолкла и начала песню сызнова.

— Дичи не предвидится, — заметил Маугли.

— Маленький Брат, разве оба твои уха закупорены? Ведь это же не охотничья песнь. Я готовлюсь петь для весны.

— Ах, я забыл. Как только приходит время новых песен, ты и все остальные уходите и бросаете меня.

— Право же, Маленький Брат, — начала Багира, — мы не всегда…

— Я говорю, что вы убегаете, — сказал Маугли, сердито поднимая указательный палец, — вы убегаете, а я, господин джунглей, должен бродить один. Что было прошлой весной, когда я собирал сахарный тростник среди полей человеческой стаи? Я послал гонца — тебя — к Хати, приказывая ему прийти в такую-то ночь и набрать мне хоботом сладкой травы.

— Да ведь он опоздал только на две ночи, — слегка прижимаясь к земле, ответила Багира, — и он набрал этой сладкой травы, которая тебе нравится, больше чем мог бы съесть любой человеческий детеныш за все ночи во время дождей. Я не была виновата.

— Он не пришел в ту ночь, когда я звал его. Нет, он трубил в свой хобот, бегал при свете месяца по долинам и ревел. После него оставался такой след, точно пробежали три слона, потому что он не скрывался между деревьями. Он плясал в свете месяца перед домами людей. Я его видел, между тем он не приходил ко мне, а ведь я — господин джунглей.

— Это было время новых песен, — по-прежнему очень смиренно повторила пантера. — Может быть, Маленький Брат, на этот раз ты не призвал его Великими Словами? Прислушайся к Ферао и развеселись.

Казалось, дурное расположение духа Маугли выкипело. Он лег, положив голову на закинутые руки, и закрыл глаза.

— Я ничего не знаю, да и не хочу знать, — сонливо произнес он. — Заснем, Багира. У меня в желудке тяжесть. Дай мне положить на тебя мою голову.

Пантера легла и вздохнула, потому что она слышала, как Ферао пробовал свою песню и переделывал ее для весны, времени новых песен, как выражаются в джунглях.

В джунглях Индии времена года скользят почти без перерыва. С первого взгляда их только

два: дождливое и сухое, но если вы вглядитесь внимательно, то под потоками ливня и облаками пыли различите настоящее обычное правильное кольцо. Самое чудесное время в Индии — весна, потому что ей не приходится покрывать новыми листьями и цветами обнаженное поле; напротив: она должна прогнать и вытеснить еще висящие, полуживые покровы из полузеленой растительности, уцелевшей во время мягкой зимы, и сделать полуодетую, старую землю опять новой и молодой. И она делает это с таким совершенством, что ни одна весна в мире не сравнится с весной в джунглях.

Приходит день, когда все в джунглях истощается, даже запахи, проплывающие в тяжелом воздухе, кажутся устарелыми, изношенными. Этого невозможно объяснить, между тем это чувствуется. Но наступает другой день; на взгляд ничто не изменилось, между тем все ароматы делаются новыми; они восхитительны; усы жителей джунглей вздрагивают до самых корней, и старая шерсть сваливается с боков зверей длинными, лохматыми кусками. В это время иногда выпадает легкий дождь, и деревья, кусты, бамбуки, мхи и растения с сочными листьями просыпаются, вырастают с почти слышным для

вас звуком, а под ними день и ночь стоит густое жужжание. Это шум весны, вибрирующий звук, который производят не пчелы, не падающая вода, не ветер в листве деревьев, — это мурлыкание согретого счастливого мира.

До последнего года Маугли всегда наслаждался такими переменами. Обычно именно он замечал первый весенний глазок, там, глубоко посреди травы, и первую гряду весенних облаков, с которыми в джунглях не сравнится ничто. Его голос раздавался всюду во влажных, освещенных звездами, цветущих уголках джунглей; он присоединялся к хору крупных лягушек или передразнивал маленьких сов, висящих вниз головой, которые ухают во влажные ночи. Как и все в джунглях, Маугли именно весной бросался с дерева на дерево, просто ради удовольствия полетать в теплом воздухе, и проносился так тридцать, сорок или пятьдесят миль между сумерками и восходом утренней звезды. И возвращался обратно, задыхающийся, смеющийся, весь увитый странными цветами.

Четыре брата не бывали с Маугли во время его диких блужданий по зарослям; они пели песни с другими волками. У населения джунглей много дела весной, и Маугли слышал, как жители заро-

слей хрюкали или ворковали, повизгивали или свистели, в зависимости от их породы. Голоса диких созданий весной звучат иначе, чем в другие времена года, и это одна из причин, вследствие которых они называют весну временем новых песен.

Но, как сказал Маугли Багире, в эту весну он чувствовал тяжесть в желудке. С тех самых пор как бамбуковые побеги сделались пятнисто-коричневыми, юноша поджидал утра, которое принесет новые ароматы. Наконец такое утро наступило, и Мао, павлин, сияя бронзой, лазурью и золотом, возвестил о наступившей перемене по всему окутанному дымкой лесу. Маугли тоже хотел было закричать, но слова застряли у него между зубами и по всему его телу пробежало странное ощущение, начавшееся с концов пальцев ног и достигшее корней волос, ощущение полного уныния; ему даже пришлось осмотреть все свое тело, чтобы удостовериться, не вонзился ли в него шип терновника. Мао кричал о новых благоуханиях, другие птицы подхватили эту весть, тотчас же из-за приречных скал до Маугли донесся хриплый крик Багиры, что-то среднее между клекотом орла и ржанием лошади. Вверху, во вновь покрывшихся почками ветвях, раздался

вой Бандар-лога и почувствовались обезьяньи прыжки, а Маугли стоял неподвижно; его грудь, наполненная дыханием для ответа Мао, мало-помалу опускалась под давлением сознания, что он несчастлив.

Маугли смотрел кругом, но видел только насмешливых обезьян, которые сновали по деревьям, и Мао. Распустив свой хвост в полном его великолепии, павлин танцевал под откосом горы.

— Благоухания изменились! — крикнул Мао. — Хорошей охоты, Маленький Брат. Что же ты не отвечаешь?

— Маленький Брат, хорошей охоты, — просвистели Чиль-ястреб и его подруга, вместе спускаясь к земле. Они пронеслись под носом Маугли, так близко, что щепотка их мягких белых перышек отлетела в сторону.

Легкий весенний дождь (как говорят, «дождь слоновый») пронесся через джунгли, и молодые влажные листья закивали с ветвей. Дождь этот умер в двойной радуге при легком раскате грома. Около минуты простоял весенний гул и замолк; но все жители джунглей сразу заговорили и запели. Все, кроме Маугли.

«Я ел хорошую пищу, — сказал он себе. — Я

пил отличную воду. У меня не горит горло, и оно не стало узким, как в тот день, когда я укусил корень с синими пятнами, который по словам У, черепахи, был съедобен. А между тем у меня в желудке тяжело, и я так дурно говорил с Багирой, с другими, с племенем джунглей и, значит, с моим собственным народом! Кроме того, мне то жарко, то холодно; потом не жарко и не холодно, но я сержусь на что-то, чего не вижу. Ого! Буду бегать. Сегодня ночью я убегу далеко, убегу в северные болота и вернусь обратно. Слишком долго я охотился без всякого труда. И Четверо должны бежать со мной, они растолстели и разжирели».

Он стал звать Четверых, но его братья не отвечали. Они убежали далеко и не могли слышать его зова, тем более что пели весенние песни: песню луны и песню самбхура, и все остальные волки стаи подтягивали им; весной для Народа Джунглей мало разницы между днем и ночью. Из горла Маугли вырвался резкий лающий звук, но в ответ юноша услышал только насмешливое «мяу» дикой пятнистой древесной кошки, которая кружилась среди ветвей, отыскивая ранние птичьи гнезда. Маугли задрожал от бешенства, наполовину вытащил свой нож из ножен, а через несколько секунд принял очень высокомерный

вид; хотя никто не наблюдал за ним, сердитыми шагами пошел с горы, вскинув подбородок и сжав брови. Но никто из его племени не задал ему ни одного вопроса; все были слишком заняты собой.

— Да, — сказал Маугли, чувствуя, что он говорит бессознательно, — когда приходят рыжие долы из Декана или Красный Цветок начинает плясать между бамбуками — джунгли с визгом прибегают к Маугли и придумывают для него великие слоновые названия. Теперь же, только потому, что весенний глазок зарделся и Мао показывает свои обнаженные ноги в весенней пляске, джунгли обезумели, как Табаки… Во имя быка, который меня выкупил, — господин ли я джунглей или нет! Молчать! Что вы тут делаете?

Двое молодых волков из стаи бежали по тропе, отыскивая открытую поляну, на которой им было бы удобно подраться (вспомните: Закон Джунглей запрещает бои на глазах стаи). Щетина на их шеях стояла, как проволока; они яростно лаяли, готовые к схватке. Маугли бросился вперед, каждой рукой схватил по вытянутой шее, готовясь отбросить обоих животных назад, как он часто делал это во время игры или охоты. Однако до сих пор юноша никогда не останавливал весенних драк. Волки прыгнули, оттолкнули его и, не

тратя лишних слов, схватили зубами друг друга и покатились вместе.

Маугли поднялся на ноги чуть ли не раньше, чем коснулся земли. Его зубы и его нож обнажились; в эту минуту он был готов убить обоих зверей только за то, что они дрались, когда ему хотелось, чтобы они были спокойны, хотя Закон Джунглей позволяет волкам драться между собой. Маугли, сжав плечи, прыгнул, собираясь дрожащей рукой нанести двойной удар, когда минует первое ожесточение драки. Он ждал и вдруг почувствовал, что его тело ослабевает; нож опустился, и он спрятал его в ножны.

— Я, вероятно, проглотил яд, — сказал Маугли, — с тех пор как я разогнал Совет Красным Цветком, с тех пор как я убил Шер Хана, никто из них не мог стряхнуть меня с себя, а ведь эти только последние из стаи, плохие охотники. Моя сила покинула меня, и я умру. О Маугли, зачем ты не убил их обоих?

Драка продолжалась, пока один из волков не убежал. Маугли остался один; под его ногами была взрытая, окровавленная земля, и он стоял, то глядя на свой нож, то на свои ноги и руки, и чувствовал себя невыразимо несчастным. Это никогда не испытанное им ощущение покрывало

его, как вода покрывает обрубок дерева.

В этот вечер Маугли поохотился рано, ел мало, чтобы сохранить способность бегать; он также ел в одиночестве, так как все население джунглей или пело, или дралось. Стояла, как называют в Индии, совершенно белая ночь. Казалось, будто вся зелень с утра выросла не меньше, чем она обыкновенно поднимается за месяц. Из сломанной Маугли ветки закапал сок, хотя накануне она была покрыта желтыми листьями. Под его ногами вился глубокий, теплый мох; края молодой травы не резали кожи, и все голоса джунглей гудели, как низкая струна арфы, задетая лунным лучом — лучом луны новых песен, которая изливала потоки своего света на камни, болота, бросала его между стволами и лианами; сеяла сквозь миллионы листьев. Маугли забыл о своем несчастье и, пускаясь в путь, громко запел от безотчетного восхищения. Он скорее летел, чем бежал или шел, потому что избрал отлогий откос, ведущий к северным болотам через самую середину джунглей, где упругий грунт заглушал шум его шагов. При обманчивом лунном свете обычный человек постоянно спотыкался бы, но прокаленные джунглями мышцы Маугли несли его, как перо. Когда под ногой юноши переворачи-

вался скрытый камень или ломался истлевший сук, он спасал себя от падения, не замедляя шагов, без малейшего усилия, даже не замечая этого. Когда ему надоедало идти по земле, он по-обезьяньи вскидывал руки, хватался за ближайшую лиану и, казалось, скорее взлетал, чем вскарабкивался до тонких ветвей. После этого Маугли двигался по древесной дороге; когда же и это ему надоедало, он несся вниз, описывая большую дугу. Он попадал в жаркие ложбины, окруженные влажными камнями, и с трудом дышал в них воздухом, напоенным благоуханием ночных цветов и лиан; встречал он также темные аллеи, пересеченные полосами лунного света с такой правильностью, как шахматные плиты в церковном притворе; чащи, где молодые влажные поросли доходили до его груди и обнимали побегами его стан; горные вершины, увенчанные разбитыми глыбами, где ему приходилось перескакивать с камня на камень над норами испуганных маленьких лисиц. Иногда до Маугли издалека и слабо доносился «стук-стук» кабана, точившего свои клыки о пень; иногда он встречал большого серого одинокого зверя, соскребавшего кору с высокого дерева и разрывавшего ее; изо рта животного капала пена; его глаза горели, как огонь. Порой, слыша звя-

канье задевавших за деревья рогов и шипящие звуки, Маугли поворачивал в сторону и быстро миновал пару ожесточенных оленей, которые в драке колебались из одной стороны в другую, испятнанные кровью, черной при лунном свете! Переходя через броды, он слышал, как крокодил Джакала ревел, точно бык; порой Маугли тревожил клубок Ядовитого Народа, но раньше, чем змеи успевали укусить его, он убегал по блестящему гравию и скрывался в глубине джунглей.

Так он бежал, иногда кричал, иногда пел и чувствовал себя самым счастливым существом в целых джунглях. Но вот запах цветов сказал ему, что болота севера близки, между тем они лежали гораздо дальше его самых отдаленных охотничьих областей.

Здесь опять-таки человек, воспитанный людьми, через три шага ушел бы в топь выше головы, но у ног Маугли были глаза: они переносили его с кочки на кочку, с одного чмокающего пригорка на другой, не требуя помощи глаз на его голове. Он бежал до половины болота, распугивая диких уток, наконец сел на одетое мхом бревно, прикрытое черной водой. Все болото ожило; весной птицы спят очень легким сном, и их стаи всю ночь прилетали или улетали. Но никто не обра-

щал внимания на Маугли, который сидел между высокими камышами и, напевая песни без слов, посматривал на подошвы своих жестких коричневых ног, чтобы увидеть, не засело ли в них заноз. Казалось, юноша оставил свое несчастье в собственных джунглях, и он уже начал было громкую песню, как вдруг уныние вернулось к нему, и в десять раз хуже прежнего. Теперь Маугли испугался.

— Это и здесь также? — почти вслух сказал он. — «Оно» пришло за мной, — и он посмотрел через плечо, чтобы увидеть, не стойт ли «оно» позади него. — Здесь нет никого.

Ночные шумы болота не прекращались, но ни птицы, ни звери, никто не заговорил с Маугли, и новое ощущение печали еще усилилось в нем.

— Без сомнения, я проглотил яд, — сказал он испуганным голосом. — Конечно, я нечаянно проглотил яд и теперь теряю силу. Я боялся, а между тем боялся не я… Маугли испугался, когда два волка подрались. Конечно, Акела, или даже Фао, усмирил бы их, а Маугли боялся. Это ясный признак, что я съел яд… Но разве живущим в джунглях есть до этого дело? Они поют, воют, дерутся, бегают стаями под лунным светом, а я… Хан-маи! — умираю среди болот от яда, который

проглотил. — Маугли так жалел себя, что чуть не плакал. — Позже, — продолжал он, — меня найдут в черной воде. Нет, я вернусь в мои джунгли, умру на Скале Совета, и Багира, которую я люблю, когда она не кричит в долине, может быть, Багира будет охранять то, что от меня останется, чтобы Чиль не уничтожил меня, как он уничтожил Акелу.

Крупная теплая слеза упала на колено юноши, и, как ни был Маугли несчастен, он почувствовал удовольствие от сознания собственного несчастия; не знаю, можете ли вы понять такой род странного извращенного счастья.

— Как Чиль, ястреб, уничтожил Акелу, — повторил он, — в ту ночь, когда я спас стаю от рыжих собак. — На некоторое время юноша успокоился, вспоминая последние слова Одинокого Волка, которых, вероятно, не забыли и вы. — Ну, Акела перед смертью наговорил много глупостей, потому что перед смертью наш желудок изменяется. Он сказал… Тем не менее я принадлежу джунглям.

При воспоминании о бое на речном берегу Маугли с волнением выкрикнул последние слова, и дикая буйволица в соседних камышах поднялась на колени, фыркнула и произнесла:

— Человек!

— О, — сказал Майза, дикий буйвол.

Маугли слышал, как он повернулся в своей илистой луже.

— Это не человек. Это только бесшерстый волк из сионийской стаи. В такие ночи он бегает взад и вперед.

— Ох, — ответила буйволица, опуская голову, чтобы снова начать щипать траву. — Я думала, что он человек.

— Повторяю, нет. О Маугли, нет ли опасности? — проревел Майза.

— О Маугли, нет ли опасности? — насмешливо повторил юноша. — Майза только и думает об этом: нет ли опасности? Кто из вас заботится о Маугли, который расхаживает ночью по джунглям?

— Как он громко кричит, — заметила буйволица.

— Они всегда так кричат, — презрительно ответил Майза, — всегда кричат громко те, кто, вырвав траву с корнем, не знает, как ее надо есть.

— За гораздо меньшую обиду, — проворчал про себя Маугли, — я однажды выгнал Майзу из его лужи и проскакал на нем через болото. — Он протянул руку, чтобы сорвать один из перистых

тростников, но со вздохом опустил ее.

Майза продолжал спокойно пережевывать свою жвачку; там, где лежала его корова, волновалась густая трава.

— Я не хочу умереть здесь, — сердито сказал Маугли. — Майза, у которого одна кровь с Джакалой и с кабаном, увидит меня. Уйдем из болота и посмотрим, что будет дальше. Никогда еще не бегал я так весной; никогда не чувствовал, что мне в одно и то же время холодно и жарко. Поднимайся, Маугли!

Он не мог противиться искушению прокрасться через тростники и камыши к Майзе и уколоть его острием ножа. Большой, весь мокрый буйвол выскочил из ила с шумом разорвавшегося снаряда, а Маугли сел и захохотал.

— Теперь скажи, что безволосый волк пас тебя, Майза! — крикнул он.

— Волк! Ты? — фыркнул буйвол, топая ногами по грязи. — Все джунгли знают, что ты был пастухом ручного скота. Ты такое же человечье отродье, как кричащие в пыли, там, подле полей. Ты — из джунглей? Какой охотник вздумал бы ползти, как змея, в траве для грязной шутки… Для шутки-шакала, чтобы осрамить меня перед моей коровой? Выходи-ка на твердую землю! Тогда я…

я… — Весь рот буйвола был в пене — у Майзы чуть ли не самый дурной характер во всех джунглях.

Маугли спокойно смотрел, как буйвол дышал и отдувался. Когда юноша понял, что его голос все-таки будет слышен, несмотря на плеск илистой воды, он спросил:

— Какая людская стая гнездится подле здешних болот, Майза? Для меня это новые джунгли.

— Так иди же на север! — проревел сердитый буйвол; Маугли довольно сильно уколол его. — Это была шутка безволосой коровы. Иди в деревню на окраину болота и расскажи им о твоей проделке.

— Человеческая стая не любит рассказов о джунглях, и я не думаю, Майза, чтобы лишняя царапина на твоей коже стоила такого раздражения! Тем не менее я пойду взглянуть на деревню. Да, пойду. Тише! Не каждую ночь господин джунглей приходит разговаривать с тобой.

И Маугли пошел по качающейся трясине на окраину болота, отлично зная, что Майза не решится в этом месте кинуться на него. Скоро он побежал, со смехом вспоминая гнев буйвола.

— Моя сила не вполне исчезла, — сказал себе юноша. — Может быть, яд не проник до самых моих костей? Как низко стойт одна звезда. — При-

крыв глаза рукой, он посмотрел на небо. — Клянусь быком, который меня купил, это Красный Цветок, Красный Цветок, подле которого я лежал раньше… еще раньше, чем в первый раз пришел в сионийскую стаю. Я видел его и теперь добегу до конца.

Болото окончилось широкой низменностью; на ней мерцал свет. Маугли давно не имел никакого дела с людьми, но в эту ночь блеск Красного Цветка привлекал его.

— Я только посмотрю, — сказал он, — посмотрю, как в старые дни, и увижу, насколько изменилась человеческая стая.

Забывая о том, что он уже не в своих собственных джунглях, где ему позволялось делать все что угодно, Маугли беспечно шел по травянистому лугу, наконец остановился подле хижины, в которой виднелся свет. Три-четыре собаки залаяли; он был на окраине деревни.

Маугли заворчал по-волчьи, и собаки умолкли.

— Хо, — сказал он, бесшумно садясь на землю. — Будь что будет! Маугли, какое тебе дело до людских логовищ? — И он потер себе губы, вспоминая, как много лет тому назад его рот ушиб камень, брошенный в него другой людской стаей.

Дверь хижины отворилась; женщина выглянула в темноту. В комнате закричал ребенок, и женщина через плечо крикнула ему:

— Спи. Это шакал разбудил собак. Скоро наступит утро.

Сидевший в траве Маугли задрожал, как в лихорадке.

Он узнал этот голос; тем не менее, чтобы вполне удостовериться, тихо позвал, удивляясь, что человеческая речь сразу вернулась к нему:

— Мессуа! О Мессуа!

— Кто зовет? — спросила женщина, и ее голос дрогнул.

— Разве ты забыла? — спросил Маугли, чувствуя, что у него пересохло во рту.

— Если это «ты», как назвать тебя? Скажи. — Она прикрыла дверь и прижала руку к своей груди.

— Нату! Охо, Нату! — ответил Маугли, потому что, как вы помните, так звала его Мессуа, когда он впервые пришел в селение.

— Войди, мой сын! — позвала она Маугли.

Он вошел в круг света и взглянул в лицо Мессуа, женщины, которая была с ним добра и жизнь которой он спас. Она стала гораздо старше; ее волосы поседели, но ни ее глаза, ни голос не из-

менились. По обычаям женщин, она думала, что увидит Маугли таким же, каким он был в день разлуки с ней, и ее глаза с изумлением окинули его грудь и голову, касавшуюся верхнего косяка двери.

— Сын мой, — прошептала она и бросилась к его ногам. — Но нет, ты больше не мой сын, ты бог лесов. Ай!

Он стоял в красном свете масляной лампы, сильный, рослый, красивый, с черными волосами, рассыпавшимися по его плечам, с ножом, висевшим на шее, с головой, украшенной венком из белого жасмина, и его действительно легко было принять за дикое божество лесной легенды. Дремавший в люльке ребенок проснулся и громко закричал от ужаса. Мессуа повернулась, чтобы успокоить мальчика; Маугли же стоял неподвижно, оглядывая кувшины для воды, котлы для похлебки, мешок, мельницу для зерен и другие принадлежности человеческого жилища, которые были ему памятны.

— Что хочешь ты: поесть или напиться? — прошептала Мессуа. — Здесь все твое. Мы обязаны тебе жизнью. Но скажи: тот ли ты, кого я звала Нату, или действительно ты божество?

— Я — Нату, — ответил Маугли, — и забрел да-

леко от своих мест. Увидев огонь, я пришел сюда. Но я не знал, что ты здесь…

— Мы побывали в Кханиваре, — робко сказала Мессуа, — и англичане хотели защитить нас от тех людей, которые собирались нас сжечь. Помнишь?

— Я не забыл.

— Когда английский закон сказал свое слово, мы вернулись в поселение злых людей, но не могли найти его.

— Это я также помню, — заметил Маугли, ноздри которого подергивались.

— Мой муж поступил полевым работником и, как очень сильный человек, скоро приобрел небольшую землю здесь. Мы не так богаты, как прежде, но нам не нужно много.

— Где он, человек, который копался в грязи, когда им овладел страх?

— Он умер год тому назад.

— А этот? — Маугли показал на ребенка.

— Это мой сын, родившийся во время предпоследних дождей. Если ты божество, дай ему милость джунглей, чтобы он был в безопасности посреди… посреди твоего племени, как мы в ту ночь.

Она подняла ребенка, который, забыв свой

страх, потянулся ручками к висевшему на шее Маугли ножу, чтобы поиграть им; юноша осторожно отвел в сторону маленькие пальчики.

— Если ты Нату, унесенный тигром, — задыхаясь, продолжала Мессуа, — это твой младший брат. Благослови же его.

— О! Что я знаю о вещи, которая называется благословением? Я не лесной бог, я не его брат и… О матушка, матушка, у меня так тяжело на сердце! — Опуская на землю ребенка, он задрожал.

— Немудрено, — ответила Мессуа, хлопоча над котелками, — вот что значит бегать ночью по болотам. Без сомнения, лихорадка забралась в твое тело до самого мозга костей. — Маугли слегка улыбнулся, не веря, будто что-нибудь в джунглях могло ему повредить. — Я разведу огонь, а ты напейся горячего молока. И брось этот жасминовый венок; от него в нашем маленьком доме делается трудно дышать.

Маугли сел и, закрыв лицо руками, забормотал что-то. Разнородные, новые для него ощущения охватили его, точно он действительно был отравлен. Голова у него кружилась, и он чувствовал себя нехорошо. Большими глотками юноша выпил молоко. Время от времени Мессуа поглаживала его по плечу, не зная, правда ли он ее сын,

Нату, или перед ней какое-то чудесное создание из джунглей, во всяком случае довольная, что он, по крайней мере, существо из плоти и крови.

— Сынок, — сказала она наконец, и ее глаза загорелись гордостью, — говорил ли тебе кто-нибудь, что ты красивее всех людей?

— А? — протянул Маугли. Он, конечно, никогда не слыхивал ничего подобного.

Мессуа засмеялась мягким, счастливым смехом. Выражение его лица послужило для нее ответом.

— Значит, я первая? Это хорошо, хотя мать редко говорит своему сыну такие хорошие вещи. Ты очень красив. Я никогда не видала другого такого человека.

Маугли повернул голову, стараясь посмотреть на себя через свое жесткое плечо, и Мессуа опять расхохоталась и смеялась так долго, что юноша, не зная причины ее смеха, вторил ей; ребенок, тоже смеясь, бегал от одного к другой.

— Нет, ты не должен смеяться над своим братом, — сказала Мессуа, прижимая ребенка к своей груди. — Если ты сделаешься наполовину так же хорош, мы женим тебя на младшей дочери короля и ты будешь ездить на огромных слонах.

Маугли не понимал и одного слова из трех

во всей этой речи. Кроме того, горячее молоко, выпитое после долгих блужданий, начало действовать на него; он свернулся и через минуту крепко заснул. Мессуа отбросила волосы с его глаз, прикрыла его и почувствовала себя счастливой. По обычаю Народа Джунглей Маугли проспал весь конец этой ночи и весь следующий день; инстинкт, который никогда не засыпает совсем, подсказал ему, что бояться нечего. Наконец юноша проснулся и вскочил так порывисто, что вся хижина содрогнулась. Дело в том, что покрывавшее лицо одеяло заставило его грезить ловушками. Теперь он стоял, положив руку на нож, с глазами, отяжелевшими от сна, и готовый вступить в бой.

Смеясь, Мессуа поставила перед ним ужин. Она подала только несколько грубых лепешек, испеченных на дымном костре, немного рису и кусок кислого, давно сохранявшегося тамаранда; но этого было достаточно, чтобы поддержать его силы до вечерней охоты. Запах росы в болотах пробудил в нем голод и беспокойство. Маугли захотелось продолжать свои весенние блуждания, но маленький мальчик требовал, чтобы он взял его на руки, а Мессуа просила позволения причесать его длинные синевато-черные волосы.

И причесывая их, она пела, пела глупые детские песенки, то называя Маугли своим сыном, то прося его подарить часть своей лесной силы ребенку. Дверь хижины была закрыта, но Маугли услышал хорошо знакомый звук, а рот Мессуа открылся от ужаса, когда большая серая лапа продвинулась в отверстие под дверью, и Серый Брат слегка завыл глухим голосом, полным раскаяния, тревоги и страха.

— Уйди и жди! Вы не пришли, когда я звал, — не оборачиваясь, сказал ему Маугли на языке джунглей, и большая серая лапа исчезла.

— Не приводи, не приводи сюда твоих… твоих слуг, — попросила Мессуа, — я… мы всегда жили в мире с джунглями.

— Да и теперь мир, — поднимаясь, сказал Маугли. — Вспомни ту ночь, когда вы шли в Кханивару. Этот народ окружал тебя со всех сторон. Однако я вижу, что Народ Джунглей не теряет памяти даже весной. Матушка, я ухожу.

Мессуа покорно отошла от двери. «Он действительно лесной бог», — подумала она, но, когда рука юноши легла на дверь, чувство матери заставило ее обнять шею Маугли, отпустить его и снова обнять.

— Вернись! — прошептала она. — Сын ли ты мой, или нет, вернись, потому что я люблю тебя. Посмотри, он тоже печалится.

Мальчик плакал, видя, что человек с блестящим ножом уходит.

— Вернись, — повторила Мессуа. — Ни ночью, ни днем эта дверь не будет заперта для тебя.

Горло Маугли подергивалось, точно на веревках, и, казалось, он с трудом извлек из него голос, когда ответил:

— Конечно, я вернусь. А теперь, — сказал Маугли, становясь на пороге подле ласково прижимавшейся к нему головы волка, — у меня есть на тебя жалоба, Серый Брат. Почему не пришли вы, Четверо, когда я долго звал вас? Это было так давно…

— Так давно? Это было всего в прошедшую ночь… Я… мы пели в джунглях новые песни, так как теперь время новых песен. Ты помнишь?

— Да, да.

— А когда мы спели все песни, — убедительно продолжал Серый Брат, — я побежал по твоему следу. Убежал ото всех, и как же я торопился! Но, о Маленький Брат, зачем ты ел, пил и спал среди людской стаи?

— Если бы вы пришли, когда я звал, этого не случилось бы, — сказал Маугли, ускоряя шаги.

— А что же будет теперь? — спросил Серый Брат.

Маугли хотел ответить, но в эту минуту девушка в белой одежде сошла с тропинки, которая бежала от окраины деревни. Серый Брат мгновенно скрылся, а Маугли бесшумно отступил в поле высокого хлеба. Он почти мог дотронуться до нее рукой, но теплые зеленые стебли сомкнулись перед ним, и он исчез, как призрак. Девушка

вскрикнула, думая, что видела духа, потом глубоко вздохнула. Маугли раздвинул стебли руками и следил за ней взглядом, пока она не скрылась из виду.

— А теперь не знаю, — в свою очередь, вздыхая, сказал он, — зачем вы не пришли, когда я вас звал?

— Мы бежим за тобой, мы бежим за тобой, — пробормотал Серый Брат и лизнул ноги Маугли, — мы бегаем за тобой всегда, исключая время новых песен.

— А вы пошли бы за мной в людскую стаю? — прошептал Маугли.

— Разве я бросил тебя в ту ночь, когда ты был изгнан из нашей прежней стаи? Кто разбудил тебя, когда ты лежал среди полей?

— Да, но потом?

— Разве я не пришел за тобой сегодня?

— Да, но придешь ли ты снова, еще снова и, может быть, еще раз, Серый Брат?

Серый Брат молчал; наконец проворчал про себя:

— Черная была права.

— А что она сказала?

— В конце концов человек возвращается к человеку. И наша мать, Ракша, говорила…

— То же сказал и Акела в ночь рыжих собак, — пробормотал Маугли.

— То же говорит и Каа, который умнее всех нас.

— А что скажешь ты, Серый Брат?

— Люди выгнали тебя грубыми словами. Их камни изрезали твои губы. Они поручили Бульдео убить тебя. Они хотели бросить тебя в Красный Цветок. Ведь ты сам, а не я, говорил, что они злы и бессмысленны. Ты, а не я, двинул джунгли на них. Ты, а не я, сочинил про них песню, которая была злее нашей песни про рыжих собак.

— Я спрашиваю, что ты скажешь?

Разговаривая, они бежали. Серый Брат не отвечал, потом между двумя прыжками произнес:

— Человеческий детеныш, господин джунглей, сын Ракши, мой брат по логовищу! Правда, на некоторое время, весной, я забыл о тебе, но твой след — мой след, твое логовище — мое логовище, твоя добыча — моя добыча и твой бой насмерть будет моим смертельным боем. Я говорю за всех Четверых. Но что скажешь ты джунглям?

— Хорошо, что ты подумал об этом. Между взглядом и нападением не следует ждать. Беги и созови всех к Скале Совета; я приду позже и скажу им, что у меня в мыслях. Но может быть,

они не придут? Может быть, они забудут обо мне; ведь теперь время новых песен.

— А ты-то сам никогда ничего не забывал? — резко бросил ему через плечо Серый Брат, пускаясь волчьим галопом.

Маугли задумчиво бежал позади него.

Во всякое другое время года странные вести собрали бы все джунгли; звери сбежались бы к Скале Совета, подняв щетины, но теперь они были очень заняты; одни охотились, другие дрались, третьи пели. Серый Брат бегал повсюду и кричал:

— Господин джунглей возвращается к людям! Идите к Скале Совета!

Но счастливое, оживленное население отвечало только:

— Он вернется к нам во время летнего зноя. Дожди загонят его в логовище! Беги сюда, пой с нами, Серый Брат.

— Но господин джунглей возвращается к людям, — повторял Серый Брат.

— Иии — йоауа! Разве из-за этого время новых песен сделается менее сладким? — слышался ответ.

Поэтому, когда Маугли с тяжелым сердцем поднялся между памятными скалами в то место, куда

его некогда привели для осмотра, он встретил там только Четверых, полуслепого от старости Балу и тяжелого, холодного Каа, который обвивал кольцами пустое место Акелы.

— Итак, человечек, твой путь оканчивается здесь? — сказал Каа, когда Маугли, закрыв лицо руками, бросился на землю. — Скажи, что с тобой! Мы с тобой одной крови, человек и змея.

— Зачем я не умер посреди рыжих собак? — простонал юноша. — Я потерял свою силу, и это не от яда. День и ночь я слышу двойные шаги. Поверну ли я голову, мне кажется, кто-то только что спрятался от меня. Я иду смотреть за деревьями — никого. Я зову, никто не отвечает, а между тем мне кажется, что кто-то меня слушал, но не закричал мне. Я ложусь и не отдыхаю. Я бегаю и не могу остановиться. Я купаюсь, но не ощущаю прохлады. Охота мне противна. Мне противно убивать, но не хочется драться без того, чтобы убить. В моем теле Красный Цветок; мои кости превратились в воду и… я не знаю, что я знаю.

— Зачем говорить, — медленно сказал Балу, поворачивая голову в сторону Маугли. — Подле реки Акела сказал, что Маугли прогонит Маугли обратно к людской стае. Я тоже говорил это. Но кто теперь слушает Балу? Багира… где теперь

Багира? Она знает. Таков Закон.

— Когда мы встретились в Холодных Логовищах, человечек, я уже знал это, — произнес Каа, слегка поворачивая свои могучие кольца. — В конце концов человек идет к человеку, хотя бы джунгли не выгоняли его.

Четыре брата переглянулись, потом посмотрели на Маугли; происходящее удивляло их, но они были готовы повиноваться.

— Значит, джунгли меня не изгоняют? — с трудом пробормотал Маугли.

Серый Брат и остальные трое яростно заворчали и начали:

— Пока мы живы, никто не посмеет…

Но Балу остановил их.

— Я учил тебя Закону Джунглей. Мне и следует говорить, — сказал он, — и, хотя я не различаю перед собою скал, я вижу далекое будущее. Лягушечка, иди по собственной тропе; устрой себе логовище со стаей твоей собственной крови, с твоим племенем; но когда тебе понадобится зуб, глаз, лапа или быстрое слово, переносящееся ночью из места в место, вспомни, господин джунглей, что джунгли твои; только позови нас!

— Средние джунгли тоже твои, — заметил Каа, — конечно, я не могу ручаться за Маленький

Народ.

— О мои братья, — произнес Маугли и, зарыдав, всплеснул руками. — Я сам не знаю, что я знаю! Мне не хочется уходить, но ноги увлекают меня. Могу ли я жить без таких ночей?

— Полно, поднимись, Маленький Брат, — продолжал Балу. — Нечего стыдиться. Когда мед съеден, мы бросаем опустошенный улей.

— Скинув кожу, — сказал Каа, — мы не можем снова заползти в нее. Таков Закон.

— Слушай же, самое дорогое для меня существо, — произнес Балу. — Тебя нельзя удержать ни словом, ни силой. Подними голову. Кто посмеет задавать вопросы господину джунглей? Я видел, как ты играл белыми камешками вон там, когда ты был крошечной лягушкой; Багира, которая заплатила за тебя только что убитым молодым быком, тоже видела тебя. Из тех, кто был при этом осмотре, остались только мы двое; потому что Ракша, твоя мать по логовищу, умерла, как умер и твой названый отец; все волки старой стаи давно умерли; ты знаешь, куда ушел Шер Хан; Акела пал среди долов, и если бы не твоя сила и мудрость, там погибла бы и вторая сионийская стая. Остались только старые кости. Теперь уже не человеческий детеныш просит позволения у

своей стаи, а господин джунглей становится на новый путь. Кто может допрашивать человека?

— Но Багира и бык, которым я был куплен, — сказал Маугли, — мне не хотелось бы…

Он не договорил; внизу послышалось раскатистое ворчание, треск ветвей, и через мгновение Багира, легкая, сильная и ужасная, как всегда, остановилась перед юношей.

— Потому-то, — сказала пантера, вытягивая свою влажную правую лапу, — я не пришла раньше. Я долго охотилась, но теперь в кустарниках он лежит мертвый, — лежит бык по второму году, бык, который дает тебе свободу, Маленький Брат. Теперь все долги уплачены. Что же касается остального, моя речь — речь Балу. — Пантера полизала ногу Маугли. — Помни же, Багира тебя любила! — вскрикнула она и сделала прыжок со скалы. От подножия холма снова донесся ее громкий длительный крик: — Хорошей охоты на новом пути, господин джунглей! Помни же, Багира тебя любила.

— Ты слышал, — сказал Балу, — теперь все закончено; ступай, но прежде подойди ко мне. О мудрая лягушечка, подойди ко мне.

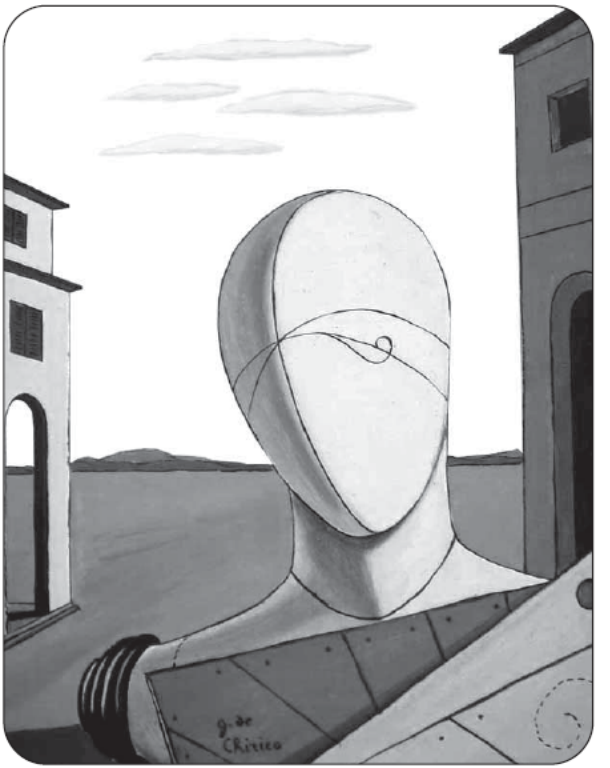
— Трудно сбрасывать с себя кожу, — заметил Каа, когда Маугли, прижимаясь головой к сле-

пому медведю, долго рыдал, обнимая его шею, а Балу слабо старался лизнуть его ноги.

— Звезды побледнели, — сказал Серый Брат, нюхая предрассветный ветер. — Где мы сегодня устроим логовище? Ведь теперь мы побежим по новому следу.

И это последний из рассказов о Маугли.

Стихотворения



Пыль

День – ночь – день – ночь – мы идем по Африке,
День – ночь – день – ночь – всё по той же Африке.
(Пыль – пыль – пыль – пыль – от шагающих сапог.)
Нет сражений на войне.
Восемь – шесть – двенадцать – пять – двадцать миль на этот раз,
Три – двенадцать – двадцать две – восемьдесят миль вчера.
(Пыль – пыль – пыль – пыль – от шагающих сапог.)
Нет сражений на войне.
Брось – брось – брось – брось – видеть то, что впереди.
Пыль – пыль – пыль – пыль – от шагающих сапог.
Все – все – все – все – от нее сойдут с ума.
И нет сражений на войне.

Ты – ты – ты – ты – пробуй думать о другом,
Бог – мой – дай сил – обезуметь не совсем.
(Пыль – пыль – пыль – пыль – от шагающих сапог.)
Нет сражений на войне.
Счет – счет – счет – счет – пулям в кушаке веди.
Чуть – сон – взял – верх – задние тебя сомнут.
(Пыль – пыль – пыль – пыль – от шагающих сапог.)
Нет сражений на войне.
Для – нас – всё – вздор – голод, жажда, длинный путь,
Но – нет – нет – нет – хуже, чем всегда одно —
Пыль – пыль – пыль – пыль – от шагающих сапог.
И нет сражений на войне.
Днем – все – мы – тут – и не так уж тяжело,
Но – чуть – лег – мрак – снова только каблуки.
(Пыль – пыль – пыль – пыль – от шагаю-

щих сапог.)
Нет сражений на войне.
Я – шел – сквозь – Ад – шесть недель, и я клянусь,
Там – нет – ни – тьмы – ни жаровен, ни чертей,
Но – пыль – пыль – пыль – пыль – от шагающих сапог,
И нет сражений на войне.

Томлинсон

На Берклей-Сквере Томлинсон скончался в два часа.
Явился Призрак и схватил его за волоса.
Схватил его за волоса, чтоб далеко нести,
И он услышал шум воды, шум Млечного Пути,
Шум Млечного Пути затих, рассеялся в ночи,
Они стояли у Ворот, где Петр хранит ключи.
«Восстань, восстань же, Томлинсон, и говори скорей,
Какие добрые дела ты сделал для людей.
Творил ли добрые дела для ближних ты иль нет?»
И стала голая душа белее, чем скелет.
«О, – так сказал он, – у меня был друг любимый там,
И если б был он здесь сейчас, он отвечал бы вам».

«Что ты любил своих друзей – прекрасная черта,
Но только здесь не Берклей-Сквер, а Райские Врата.
Хоть с ложа вызван твой друг сюда – не скажет он ничего,
Ведь каждый на скачках бежит за себя, а не двое за одного».
И Томлинсон взглянул вокруг, но выигрыш был небольшой,
Смеялись звезды в высоте над голой его душой.
А буря мировых пространств его бичами жгла,
И начал Томлинсон рассказ про добрые дела.
«О, это читал я, – он сказал, – а это был голос молвы,
А это я думал, что думал другой про князя из Москвы».
Столпились стаи добрых душ, как будто голубки,
И загремел ключами Петр от гнева и

тоски.
«Ты читал, ты слыхал, ты думал, – он
рек, – но такой
рассказ мне не мил.
Во имя плоти, что ты имел, отвечай
мне, что совершил!»
И Томлинсон взглянул вперед, потом
взглянул назад,
Был за его плечами мрак, и он стоял
у Врат.
«Я так ощущал, я так заключил, а так
говорили мне,
А так писали, что кто-то писал про
кого-то в чужой
стране».
«Ты читал, заключал, ощущал – добро!
Но в райской
тишине,
Среди высоких, ясных звезд, не место
болтовне.
О, не тому, кто у друзей взял речи на-
прокат
И в долг у ближних все дела, от Бога
ждать наград.
Ступай, ступай к Владыке Зла, ты мра-
ку обречен,

Да будет вера в Берклей-Сквер с тобою, Томлинсон!»

. . . . . .

Его от солнца к солнцу вниз та же рука несла
До пояса Печальных Звезд, близ Адского жерла.
Одни, как молоко, белы, одни красны, как кровь,
Иным от черного греха не загореться вновь.
Держат ли путь, изменяют ли путь, никто не отметит никак
Горящих во тьме и замерзших давно, поглотил их
Великий Мрак.
А буря мировых пространств язвила его, как врага,
И он стремился на Адский огонь, как на свет своего очага.
Черт восседал среди толпы погибших темных сил,
И Томлинсона он поймал и дальше не пустил.

«Не знаешь, видно, ты, – он рек, – цены
на уголь, брат,
Что, пропуск у меня не взяв, ты лезешь
прямо в Ад.
Внуков Адама я – лучший друг, не презирай меня,
Я дрался с Богом из-за него с первого
же дня.
Садись, садись сюда на шлак и расскажи
скорей
Всё злое, что за много лет ты сделал
для людей».
И Томлинсон взглянул наверх и увидал
в ночи
Замученной в Аду звезды кровавые лучи.
И Томлинсон взглянул к ногам, и там,
как страшный бред,
Горел замученной звезды молочно-белый свет.
«Я любил одну женщину, – он сказал, –
от нее пошла
вся беда.
Она бы вам рассказала всё, если вызвать
ее сюда». —
«Что ты вкушал запретный плод – пре-

красная черта,
Но только здесь не Берклей-Сквер, но
Адские Врата.
Хоть мы и свистнули ее, и она пришла,
любя,
Но каждый за грех, совершенный вдво-
ем, отвечает сам
за себя».
А буря мировых пространств его бича-
ми жгла,
И начал Томлинсон рассказ про сквер-
ные дела:
«Раз я смеялся над силой любви, дважды
над страшным
концом,
Трижды давал я Богу пинков, чтобы
прослыть
храбрецом».
На кипящую душу Черт подул и поста-
вил остыть слегка:
«Неужели свой уголь потрачу я на это-
го дурака?
Гроша не стоит шутка твоя, и нелепы
твои дела!
Я не стану своих джентльменов бу-
дить, охраняющих

вертела».
И Томлинсон взглянул вперед, потом
взглянул назад,
Легион бездомных душ в тоске толпил-
ся близ Адских
Врат.
«Это я слышал, – сказал Томлинсон, – за
границею
прошлый год,
А это в бельгийской книге прочел, что
мне дал
французский лорд».
«Ты читал, ты слышал, ты знал – доб-
ро! Но не кончен
еще рассказ,
Из гордыни очей, из желаний плотских
согрешил ли ты
хоть раз?»
За решетку схватился Томлинсон и за-
вопил: «Пусти!
Мне кажется, я чужую жену сбил с пра-
ведного пути!»
Черт за решеткой захохотал, и огонь
раздулся тогда:
«Ты в книге прочел этот грех?» – он
спросил,

и Томлинсон вскрикнул: «Да!»
А Черт на ногти себе подул, и явился взвод чертенят:
«Пускай замолчит этот ноющий вор, что украл
человечий наряд.
Просейте его между звезд, чтоб узнать, что сто́ит этот урод,
Если он вправду отродье земли – то в упадке Адамов род».
И шайка тех, кого их грех не допускал к огню,
Подняла там и шум, и гам, и дикую возню,
По угольям гнали Душу они и рылись в ней без конца,
Так дети шарят в вороньем гнезде или в шкатулке отца.
В лохмотьях привели его, как после игр и драк,
Крича: «Он душу потерял, не знаем где и как!
Мы просеяли много шрифтов, и книг, и ураган речей,
В нем много краденных им душ, но нет души своей.

Мы качали его, мы терзали его, мы прожгли его
насквозь,
И, если зубы и ногти не врут, души у
него не нашлось».
Черт голову склонил на грудь и начал
воркотню:
«Внуков Адама я – лучший друг, я ли его
прогоню?
Мы лежим глубоко, мы лежим далеко,
но когда он
останется тут,
Мои джентльмены, что так горды,
совсем меня засмеют.
Скажут, что я – хозяин плохой, что
мой дом – общежитье
старух.
И, уж конечно, не стоит того какой-то
никчемный дух».
И Черт глядел, как отрепья души пы-
тались в огонь
пролезть:
О милосердьи думал он, но берег свое
имя и честь.
«Я, пожалуй, могу не жалеть углей и
жарить тебя всегда,

Если сам до кражи додумался ты». И Томлинсон
вскрикнул: «Да!»
И Черт тогда облегченно вздохнул, и мысль его стала
светла:
«У него душа блохи, – он сказал, – но я вижу в ней
корни зла.
Будь я один здесь властелин, я бы впустил его,
Но у Гордыни свой закон – и он сильней моего.
Где сидят проклятые Разум и Честь – при каждом
Блудница и Жрец.
Туда я сам не смею входить, тебе же там – конец.
Ты не дух, – он сказал, – и ты не гном, ты не книга и ты
не зверь,
Не позорь же доброй славы людей, воплотись еще раз
теперь.
Внуков Адама я – лучший друг, не стал бы тебя я гнать,

Но припаси получше грехов, когда придешь опять.
Ступай отсюда! Черный конь заждался твоей души.
Сегодня они закопают твой гроб. Не опоздай! Спеши!
Живи на земле и уст не смыкай, не закрывай очей
И отнеси Сынам Земли мудрость моих речей:
Что каждый грех, совершенный двумя, и тому и другому вменен.
И… Бог, что ты вычитал из книг, да будет с тобой, Томлинсон!»

...

Примечания

1

Яблоком Смерти в джунглях называют датуру (дурман, datura stramonium), самый распространенный яд в Индии.